

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И КАТАСТРОФ

ЭПК

КАТАСТРОФЫ СОЗНАНИЯ

Самоубийства религиозные,
ритуальные, бытовые,
способы самоубийств.

ЛИТЕРАТУРА, 1996

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И КАТАСТРОФ

ЭПК

КАТАСТРОФЫ СОЗНАНИЯ

**Самоубийства религиозные,
ритуальные, бытовые,
способы самоубийств.**

МИНСК • ЛИТЕРАТУРА • 1996

ББК 56.14
К 29
УДК 616.89

Серия основана в 1996 году

Подготовка текста
Ревяко Т. И., Трус Н. В.

Охраняется законом об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части, а также реализация тиража запрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

К 29 Катастрофы сознания. Самоубийства религиозные, ритуальные, бытовые, способы самоубийств / Подгот. текста Ревяко Т. И., Трус Н. В. — Мн.: Литература, 1996. — 576 с. — (Энциклопедия преступлений и катастроф).

ISBN 985-6274-67-2.

Новая книга серии «Энциклопедия преступлений и катастроф» «Катастрофы сознания» освещает вопросы религиозных, ритуальных, бытовых самоубийств. Книга насыщена многочисленными примерами гибели величайших людей, а также массовыми катастрофами человеческого сознания.

К 6160890000

ББК 56.14

ISBN 985-6274-67-2

© Литература, 1996

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
РЕЛИГИИ О САМОУБИЙСТВАХ	21
ОТНОШЕНИЕ ВЛАСТЕЙ К СУИЦИДУ	23
СЕНЕКА О САМОУБИЙСТВЕ	25
ДОСТОЕВСКИЙ О САМОУБИЙСТВЕ	32
АЛЬБЕРТ КАМЮ О САМОУБИЙСТВЕ	40
НАИБОЛЕЕ РАСПРОСТРАНЕННЫЕ ПРИЧИНЫ САМОУБИЙСТВ	41
ОДИНОЧЕСТВО	41
НЕРАЗДЕЛЕННЫЕ ЧУВСТВА	44
КОНФЛИКТ В СЕМЬЕ	49
РАЗРУШЕНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ	50
САМОУБИЙСТВА ИЗ ЧУВСТВА ДОЛГА	52
ВОЗДЕЙСТВИЕ ИСКУССТВА	57
КАТЕГОРИИ ЛЮДЕЙ, НАИБОЛЕЕ ПОДВЕРЖЕННЫХ САМОУБИЙСТВАМ	58
АКТЕРЫ	58
ПОЛИТИКИ	60
ПОЭТЫ И ПИСАТЕЛИ	60
ЧАСТЬ I. РИТУАЛЬНЫЕ САМОУБИЙСТВА	69
СУТТИ — ОБРЯД САМОСОЖЖЕНИЯ ВДОВЫ НА ПОГРЕБАЛЬНОМ КОСТРЕ МУЖА В ИНДИИ ..	69
ДИКША — РЕЛИГИОЗНОЕ САМОУБИЙСТВО В ИНДИИ	73

ХАРАКИРИ.	75
СУЩНОСТЬ ОБРЯДА.	75
ПРОИСХОЖДЕНИЕ ОБРЯДА	78
РАЗВИТИЕ ОБРЯДА И ЕГО РИТУАЛ У ЯПОНЦЕВ	90
ОБРЯД САМОУБИЙСТВА В ДРЕВНЕМ РИМЕ.	109
КЛЕОМЕН III	109
ГАЙ ГРАКХ	113
БРУТ.	117
САМОСОЖЖЕНИЯ СТАРООБРЯДЦЕВ	125
САМОУБИЙСТВА ХРИСТОФОРОВЦЕВ	137
САМОУБИЙСТВА СЕКТАНТОВ	
«НАРОДНОГО ХРАМА»	142
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЕКТЫ «АНАНДЫ МАРГА»	143
САМОУБИЙСТВО ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ	
СЕКТЫ «ВЕТВЬ ДАВИДОВА»	149
САМОУБИЙСТВА В СЕКТЕ	
«ОБЪЕДИНЕННОЙ ЦЕРКВИ»	150
ЧАСТЬ II. СПОСОБЫ САМОУБИЙСТВ	156
УМОРЕНИЕ ГОЛОДОМ	156
ОТРАВЛЕНИЕ ЯДОМ.	157
ВСКРЫТИЕ ВЕН	162
СПОСОБЫ САМОУБИЙСТВ В ТЮРЬМАХ	163
САМОСОЖЖЕНИЕ	171
ПЕРЕДОЗИРОВКА НАРКОТИКОВ	175
ЭВТАНАЗИЯ	177
ВЗРЫВ ШАРИКА, НАПОЛНЕННОГО ГАЗОМ	182

«КАМИКАДЗЕ»	187
ЧЕЛОВЕКО-ТОРПЕДЫ	189
ПЛОВЦЫ-СМЕРТНИКИ	191
ЧАСТЬ III. САМОУБИЙСТВА	
ЗНАМЕНИТЫХ ЛЮДЕЙ	193
АКУТАГАВА РЮНОСКЭ	193
АЛЛИЛУЕВА НАДЕЖДА СЕРГЕЕВНА	211
АХРОМЕЕВ СЕРГЕЙ ФЕДОРОВИЧ	219
ВАН ГОГ ВИНСЕНТ	226
ВЕННЕМА АДРИАН	240
ГАМАРНИК ЯН	242
ГЕББЕЛЬС ЙОЗЕФ	253
ГЕРИНГ ГЕРМАН	256
ГЕСС РУДОЛЬФ	261
ГИММЛЕР ГЕНРИХ	286
ГИТЛЕР АДЛЬФ	297
ГОДУНОВ БОРИС	311
ДЕМОСФЕН	315
ДЖОПЛИН ДЖЕНИС	317
ЕСЕНИН СЕРГЕЙ	323
КАВАБАТА ЯСУНАРИ	336
КЛЕОПАТРА VII ЕГИПЕТСКАЯ	344
КОХ ИЛЬЗА	348
КРОУХЕРСТ ДОНАЛЬД	355
ЛЕЙ РОБЕРТ	357
ЛИКУРГ	359

ЛОНДОН ДЖЕК.	362
МАЯКОВСКИЙ ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ . .	377
МИСИМА ЮКИО	393
ЮКИО МИСИМА «ПАТРИОТИЗМ»	406
МОНРО МЕРИЛИН	422
НЕРОН	427
ОРДЖОНИКИДЗЕ СЕРГО	444
ОТОН	446
ПИФАГОР САМОССКИЙ	452
ПОЛУЯН СЕРГЕЙ	465
ПОПА ДЖОРДЖИЦА.	474
ПРЕСЛИ ЭЛВИС	477
ПУГО БОРИС КАРЛОВИЧ	482
РАДИЩЕВ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ.	494
РАЙТОН ТАДЕУШ.	504
РУДОЛЬФ.	512
СЕНЕКА ЛЮЦИЙ АННЕЙ	517
СОКРАТ	526
ФАДЕЕВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ	533
ФИДИЙ.	537
ХЕМИНГУЭЙ ЭРНЕСТ.	542
ЦВЕТАЕВА МАРИНА.	558
ЧАЙКОВСКИЙ ПЕТР ИЛЬИЧ	571

ВВЕДЕНИЕ

Человек решил умереть. «Возмутительно», — вопиет общество. «Сумасшедший», — говорят психиатры. «Дегенерат. Виной всему неровности черепа», — считают представители антропологической школы. «Это самонаказание за желание убить кого-нибудь», — извращаются психоаналитики. «Нищета и социальные проблемы доконали его», — констатируют социологи. Мнений много, но тайна по-прежнему прячется за семью замками.

Самоубийство известно с древнейших времен, но на разных этапах развития общества люди относились к такому явлению по-разному. На этапе первобытнообщинного строя ради сохранения рода в голодные годы добровольно умерщвляли себя старики. В японском фильме «Легенда о Нарайяме» показаны отголоски этого обычая — дети относят стариков на вершину священной горы, где те добровольно принимают смерть от голода.

В древности практически у всех народов существовало добровольное принесение себя в жертву богам во имя общественных интересов. Самоубийства вдов во многих странах являлись доказательством верности мужу. В римской истории известен случай, когда Порция, жена Брута, узнав о смерти супруга, немедленно проглотила горсть горящих углей. Н. М. Карамзин (1766—1826) в своей «Истории государства Российского» свидетелст-

вует: «Славянки не хотели переживать мужей и добровольно сжигались на костре с их трупами. Вдова живая бесчестила семейство». Об этом же обычае самосожжения вдов у славян говорят описания арабского купца Ибн Фадлана о похоронах богатого руса.

Обычай жертвоприношения жен умерших мужей был широко распространен у индоарийцев. Это ритуальное самосожжение вдов («сати») в Индии приобрело традиционно массовый характер и сохранялось до недавнего времени.

У мужчин сложился свой кодекс чести: самоубийство как искупление позора военных поражений. Подобные образцы поведения описаны даже в Ветхом Завете, в целом осуждающем идею самоуничтожения. В частности, религия иудеев упоминает Саула, заколовшего себя после поражения на поле битвы. Римский император Нерон (37-68 гг. н. э.), потерпев поражение в борьбе за власть, также покончил счеты с жизнью.

В античную эпоху самоубийство было обычным явлением. Заточенная властителем Фив Креонтом в каменном склепе Антигона лишила себя жизни, так как предпочла добровольную смерть несправедливой казни. Древнегреческий философ-киник Диоген Синопский (ок. 412 — 323 до н. э.), согласно легенде, покончил жизнь самоубийством, задержав и остановив дыхание. Приговоренный императором Нероном к совершению самоубийства, вскрыл себе вены на голенях и под коленями древнеримский философ-эпикурец Луций Анней Сенека (4 до н. э. — 65 гг. н. э.), будучи семидеся-

тилетним старцем. Пока струилась кровь, он успел продиктовать писцам многое из того, что не написал сам. Его современник, эпикуреец Петроний (ум. 66 г. н. э.), автор знаменитого «Сатирикона», также вскрыл себе вены на прощальном пиру с друзьями. Слабая от потери крови, он попросил временно перевязать себе вскрытые вены, чтобы в последний раз насладиться еще одним удовольствием — сном. Проснувшись, он вновь сорвал повязки, чтобы умереть. Эта сцена смерти Петрония описана в романе Генрика Сенкевича (1846—1916) «Камо грядеши».

Во все времена кривая самоубийств напрямую связана с общественными подъемами и спадами в политике, экономике и культуре. Массовые религиозные самоубийства характерны для России XVII столетия. Самоожжения («гари») следовали одно за другим; за двадцать лет, с 1675 по 1695 г., их было около сорока; в огне погибли до двадцати тысяч старообрядцев.

Еще Дюркгейм в своей знаменитой монографии «Самоубийство» поставил количество суицидов в прямую зависимость от социальной жизни. Действительно, спады в мировой экономике 1908, 1923, 1933 г. сопровождались эпидемией самоубийств, а в США периода депрессии их число возросло в два раза. В России обнищание сочетается с катастрофическим повсеместным обесцениванием человеческой жизни. По сводкам ГУВД, больше всего самоубийц среди безработных и пенсионеров. Стариков предали трижды — их кумиры, общество и собственные дети. Брошенная всеми парализованная женщина из Перми, обложив кровать газетами, сожгла себя.

До революции самоубийцы рекрутировались в основном из больших городов. Теперь «местом риска» становится провинция, в особенности Восточная Сибирь, Север, Урал, Дальний Восток.

А как красноречивы всплески самоубийств в шахтерских поселках! Сложно обвинять в этом власть — ей и от других грехов не отмыться. Но именно нынешняя власть создала ту обстановку, при которой человек живет в состоянии хронического стресса. «Последней каплей» становятся все более ничтожные причины — будь то ссора с начальником или потеря кошелька.

И все же суицид — это всегда крик о помощи, сигнал бедствия и протест против общества, неспособного поддержать веру в бесценный, единственный шанс.

Нередко даже сами самоубийцы не осознают, что именно влияет на них, подталкивая к последней черте. Их предсмертные записки напоминают клише: «Никого не винить», «Ухожу из жизни от неразделенной любви», «Во всем виноваты жена и соседка»; они нередко констатируют: «Жить не имеет смысла»; или в них просто содержится самооценка: «Простите, родные, я — ничтожество».

А факт остается — количество самоубийств в мире постоянно возрастает. И богачи, и счастливые люди, и психически здоровые находят причины для сведения счетов с самим собой. Суицид — горький спутник цивилизации. Век скоростей приучает видеть не личнос-

ти, а поток лиц. Результат — одиночество и потеряность. Как писал Франкл в «Смысле жизни», «в отличие от животных, инстинкты не диктуют человеку, что ему нужно, и в отличие от человека вчерашнего дня, традиции не указывают ему, что должно. Не зная и того, что ему нужно, ни того, что он должен, человек утратил ясное представление о том, что он хочет. В итоге он либо хочет того же, что и другие (конформизм), либо делает то, что от него хотят (тоталитаризм)». Это приводит к масштабному обмельчанию наших целей. Рано или поздно многие обнаруживают, что жизнь ушла на домик с садом, должность или повышение зарплаты.

Не все могут жить, разочаровавшись в себе. Меняются и идеологические ценности — на смену доблести и милосердию пришли материальный достаток, здоровье и полнота ощущений. Давление это сегодня так велико, что, не обладая даже одним из этих компонентов, человек чувствует себя ущербным. Очень красивая девочка случайно обварила себя кипятком: из-за обезображенной внешности и насмешек над ней подруг бросилась в реку. Мальчик утопился, потеряв во время игры в мяч три зуба. Известно множество случаев самоубийств из-за потери волос, косоглазия, излишней худобы или полноты, не мучительной, но неизлечимой болезни. Вполне здоровая женщина повесилась, написав на прощание: «Не хочу быть идиоткой» — психиатр поставил ей диагноз шизофрении, но не потрудился объяснить условности названия этого недуга, к тому же не учел отношения к нему большинства.

Если в Европе процент самоубийств стабилен в течение последних тридцати лет, то в России он неуклонно возрастает. «Раньше я, конечно, был винтиком, но это нужная вещь в машине. А теперь я придаток, лишний» — такую записку оставил сорокалетний рабочий перед тем, как выброситься из окна. Ему год не платили зарплату, он жил в коммуналке с двумя детьми, потеряв надежду на получение квартиры, из уважаемого пролетария превратился в банального маргинала.

За последние семьдесят лет число самоубийств в нашей стране возросло в семь раз.

Ольга Калашникова, психолог стационара для суицидентов: «Мы все впадаем в кризисное состояние, но некоторые оказываются более уязвимыми. Как правило, это люди наименее гибкие, прямолинейные, нередко просто «упертые», попавшие в плен ненужных, ограниченных убеждений. Порой, чтобы человек передумал умирать, достаточно просто изменить его отношение ко многим вещам. Самоубийство — это все-таки слабость, капитуляция, оно почти никогда не бывает оправдано, даже если человек теряет все — любовь, здоровье, близких, веру в себя, смысл жизни.

Конечно, не все хотят помощи. У одних воля к смерти изначально сильнее воли к жизни. Другие, чаще пожилые, выбирают смерть осознанно, взвесив все «за» и «против». Их приговор себе бесповоротен. Но не зря существуют «телефоны доверия», кабинеты социально-психологической помощи. Всегда есть кто-то, готовый остановить человека на краю пропасти».

Теперь посмотрим, как обстоит дело с суицидом (научное название самоубийства) в разных странах. В первой половине XX в. в США кончали самоубийством преимущественно престарелые люди. Но с 60-х гг. американские самоубийцы начали резко молодеть. С 1972 по 1987 г. число самоубийств среди подростков увеличилось на 53 процента. В 1984 г. добровольно ушли из жизни почти 2 тысячи американских подростков. В значительной мере им помогает в этом доступность оружия, наличие заряженного пистолета в ящике письменного стола родителей — это, безусловно, огромное искушение для тех, кого одолели проблемы и сомнения. Но, разумеется, не только дети и подростки используют оружие для сведения счетов с жизнью. В одном только 1986 г. пистолеты, автоматы и т. п. «помогли» перейти из США в мир иной 18153 американцам.

Если в 1959 г. среди подростков было зафиксировано около 40 суицидов, то в 1985 — уже около трехсот. В США самоубийства молодежи, начиная с 1960 г. и до сегодняшнего дня, возросли в два раза. Сейчас ежегодно более тысячи американских детей попадают в больницы вследствие неудавшихся суицидальных попыток. В Венгрии на сто тысяч жителей регистрируется 144 самоубийства, в Дании и Австрии — 128, а в Финляндии — 125. Статистика такого рода — вещь весьма относительная: часто суицид нельзя отличить от несчастного случая или убийства. Никем не фиксируются и попытки к самоубийству, которые, по данным 1988 г., не менее чем в семь раз превышают завершенные суициды.

Во Франции число подростков, кончающих жизнь самоубийством, намного выше, чем в США, и в абсолютных и в относительных цифрах. Из 15 тысяч самоубийств во Франции больше половины приходится на долю подростков. Уйти из жизни пытается каждый двадцатый французский тинэйджер. По мнению специалистов, попытки покончить с собой вызваны самыми разнообразными причинами — неудачами в учебе, неприятием мира родителей и отсутствием взаимопонимания, страхом перед будущим. Психиатры с сожалением констатируют, что современная психиатрия пока не в состоянии дать обществу удовлетворительный ответ на вопрос, как предотвратить дальнейший рост самоубийства среди детей.

Первое место в мире по числу самоубийств в начале 1990-х гг. принадлежало Венгрии — 40 самоубийц на 100 тысяч населения в год. Низкий коэффициент самоубийств в Средней Азии мог бы быть еще ниже, если бы не постоянные самосожжения замужних женщин, протестующих против своего забитого и униженного положения в семье. Ежегодно в республиках Средней Азии обливают себя керосином и чиркают спичками несколько сот таких несчастных.

Статистика свидетельствует, что между низким уровнем жизни и числом самоубийств нет прямой взаимосвязи. Так, одним из лидеров по числу самоубийств на душу населения является, как ни странно, богатейшая страна Европы и мира Швеция, благополучно решающая свои социальные проблемы. Причем лидерство это продолжается уже многие годы, даже десятилетия. В

целом же, по данным ООН, в развитых странах мира ежегодно происходит 130 тысяч самоубийств.

Бездомные, безработные, униженные и оскорбленные — самые многочисленные подданные государства Самоубийц. Счет им во всем мире идет на десятки, если не на сотни тысяч ежегодно. Но самоубийства происходят и в среде весьма богатых людей. Счастье, как говорит трюизм, не всегда купишь за деньги. И вот стреляется русский миллионер начала века Савва Морозов, гибнет при обстоятельствах, сильно смахивающих на самоубийство, 38-летняя Кристина Онассис, дочь миллиардера Аристотеля Онассиса. Ну, а если учесть, что деньги имеют свойство исчезать, то бывает, что и миллионеры стреляются из-за долгов. Разорившись, погасил пламя своей судьбы шведский спичечный король Ивар Крегер.

Особой жестокостью и изощренностью отличаются самоубийства психически больных людей. В клинику была доставлена больная шизофренией девушка, проглотившая бритву, предварительно свернув ее в хлебном мякише. В пищеводе бритва расправилась и оставила глубокие раны слизистой. Вследствие попадания инфекции из пищевода началось массивное нагноение тканей, и девушку спасти не удалось.

Каждый больной, совершающий попытку самоубийства, передается под наблюдение психиатра. Но не всегда самоубийства совершаются людьми в состоянии острого или хронического психического расстройства. Решаются на роковой шаг и неизлечимо больные оди-

нокие люди, престарелые, инвалиды. Пожалуй, нигде больше в мире, кроме нашей безграмотной в этом вопросе страны, в целях самоубийства не используют уксусную эссенцию и карбофос. Последствия от приема этих веществ ужасны и чаще всего вызывают лишь дополнительные страдания, не достигая поставленной цели.

В книге «Зачарованные смертью» Светлана Алексиевич описывает судьбу молодого человека, который несколько раз пытался покончить жизнь самоубийством. Александр Ласкович, 21 год: «Первый раз я хотел повеситься в семь лет. Из-за китайского тазика... Мама сварила варенье в китайском тазике и поставила на табуретку, а мы с братом ловили нашу кошку Муську... Мама молодая, папа на военных учениях... На полу лужа варенья... Мама проклинает судьбу офицерской жены, которой надо жить у черта на куличках, на Сахалине, где зимой снега насыпает до двенадцати метров, а летом — лопухи одного роста с ней. Она хватается отцовский ремень и выгоняет нас на улицу.

Вечером брат побежал к соседям, а я совершенно серьезно решил повеситься. Залез в сарай, нашарил в корзине веревку... Придут утром — а я вишу... Вот, суки, вам! И тут в дверь втискивается Муська, ее зеленые глаза вспыхнули в темноте, как бенгальские огни... Мяу-мяу... Милая Муська! Ты пришла меня пожалеть... Я обнял ее, и так мы с ней просидели до утра...

Папа был замполитом авиаполка. Мы перемещались из одного военного городка в другой, все они пахли гута-

лином и дешевым одеколоном «Шипр». Так всегда пахло и от моего папы.

Мне — восемь лет, брату — девять, папа возвращается со службы. Скрипит португепя, скрипят хромовые сапоги. В эту минуту нам с братом превратиться бы в невидимок, исчезнуть с его глаз! Папа берет с этажерки «Повесть о настоящем человеке» Бориса Полевого, в нашем доме — это «Отче наш».

— Что было дальше? — начинает он с брата.

— Ну, он пополз. Съел ежа... Завалился в канаву...

— Какую еще канаву?

— В воронку от пятитонной бомбы, — подсказываю я.

— Что? Это было вчера, — вздрагиваем мы оба от командирского голоса папы. — Сегодня, значит, не читали?

Вращаемся вокруг стола, как три Чаплина — один большой, два маленьких: мы со спущенными штанами, папа — с ремнем. Все-таки у нас у всех киношное воспитание, да? Не из книг, а из фильмов мы выросли... Книжки, которые приносил в дом папа, у меня до сих пор вызывают аллергию. У меня температура поднимается, когда я вижу у кого-нибудь на полке «Повесть о настоящем человеке». О, папа мечтал бросить нас под танк... Он хотел, чтобы я попросился в Афганистан... А если бы мне там отсекали ноги, тогда его жизнь — не зря. Он был бы счастлив! Он мог бы меня расстрелять, случись война и нарушь я присягу. Комплекс Тараса

Бульбы... Папа принадлежал идее, он — не человек. Но меня никак не удавалось запрограммировать на войну... Или на щенячью готовность заткнуть собой дырку в плотине, лечь пузом на мину... Я давил божьих коровок, на Сахалине их летом как песка. Давил их, как все, пока однажды не испугался: чего это я столько маленьких красных трупиков наделал? Муська родила недоношенных котят... Я их поил, выхаживал, появилась мама: «Они что, умерли?» И они умерли после ее слов. Папа дарил мне военные фуражки... Но я никогда не хотел быть мальчиком... Детский страх: мальчики все становятся военными, и их убивают... О! Как я хотел молочными зубами вгрызться в папины хромовые сапоги, биться и кусаться. За что он меня — по голлой заднице перед соседским Витькой?!

На Сахалине мы жили возле кладбища. Почти каждый день я слышал похоронную музыку: желтый деревянный гроб — умер кто-то в поселке, обитый красным кумачом — летчик погиб. Красных гробов было больше. После каждого красного гроба папа приносил в дом магнитофонную кассету... Приходили летчики... На столе дымились пожеванные папиросные «бычки», блестящие запотевшие стаканы с водкой... Крутилась кассета:

- Я - борт такой-то... Движок стал...
- Идите на втором.
- И этот отказал...
- Попробуйте запустить левый двигатель.
- Не запускается...
- Правый...
- Молчит...

— Катапультируйтесь!

— Фонарь кабины не срабатывает!.. Э-э-э... Ы-ы-ы...

Я долго представлял смерть как падение... С невысказанной высотой... Без слов... Э-э-э... Ы-ы-ы... На языке ветра... Стихии... Материи...

...Восемнадцать лет. Всего хочется: женщин, вина, путешествий... Загадок, тайн... Я придумывал себе разную жизнь, представлял. И в этот момент тебя подлавливают... Мне до сих пор хочется раствориться, исчезнуть, чтобы ничего обо мне не знали, не оставить никаких следов. Уйти лесником, беспаспортным бомжем... Постоянно наваливается один и тот же сон: меня опять забирают в армию... Перепутали документы, и снова надо идти служить. Кричу, отбиваюсь:
— Я уже служил, скоты! Отпустите меня!!

Схожу с ума! Это такой же жуткий сон, как моему другу, он воевал в Афганистане, снится, что автомат не стреляет...

Я не хотел быть мальчиком... Я не хотел быть военным... Папа сказал:

— Ты должен стать мужчиной. А то девочки подумают, что ты импотент.

В армии меня будут убивать... Это я знал... Или меня убьют, или я убью. Брат вернулся после службы сломленным человеком. Каждое утро его били ногой в лицо... Он лежал на нижних нарах, старослужащий — наверху... Когда тебя целый год пяткой в морду! Попробуй остаться тем, кем ты был. Есть тип людей, которые не могут быть только мясом, и есть другой тип, готовый быть только мясом. Человеческие лепешки... Я учился бить... В лицо, между ног... Как позвоночник переломить...

Человека можно запрограммировать... Он этого хочет... Ать-два! Ать-два! В ногу!! Сотня молодых мужчин вместе — зверье! В тюрьме и армии живут по одним законам... Беспредел...

Покончить с собой я хотел раз пять. На пятый... решился... Повесился... Командир просил: «Только не стреляйтесь. Людей списать легче, чем патроны».

А повод? Повод мог быть ерундой... Сержант сказал, что ты — мешок с гавном, или колбасы в обед не досталось... Чай без сахара... Столкнуть могла чепуха...

...Смерть похожа на любовь. В последнее мгновение — страшные и некрасивые судороги. Вы тонули когда-нибудь? Я тонул... Чем больше сопротивляешься, тем меньше сил. Смирись — и дойди до дна. Я дошел и понял: хочу жить! Просто жить! Я никого не убил, единственный человек, в которого я стрелял, — я сам...

Только ранил... Там? Там никакого света в конце туннеля... И ангелов я не видел...»

В одной из повестей Роберта Л. Стивенсона описывается «Клуб самоубийц». Это не фантазия писателя. В начале XX в. в ряде стран Европы действительно существовали такие клубы. Иногда они организовывались мошенниками, стремившимися прибрать к рукам деньги разочаровавшихся в жизни людей, иногда «игра» была честной. Одна из причин создания таких клубов — стремление помочь (прежде всего психологически) человеку, который хотел бы уйти из жизни, но ощущает недостаток воли для исполнения своего намерения. Обстановка, ритуал и тому подобные факторы придавали потенциальным самоубийцам решимости. Разумеется, подобные клубы создавали люди отнюдь не из низших слоев общества, и способы самоубийства нередко изыскивали весьма экзотические, вплоть до подражания Клеопатре, покончившей жизнь с помощью ядовитой змеи. Люмпены же решали вопрос без всяких обществ и «технологически» просто: брали веревку и мыло или затыкали поплотнее окна и отворачивали краник газового рожка...

РЕЛИГИИ О САМОУБИЙСТВАХ

По-разному относятся к самоубийствам различные мировые религии. Попытка избежать страданий, ниспосланных Всевышним, объявлялась религиозными теоретиками христианства грехом, лишаящим удавленника или утопленника прощения и спасения души.

Им отказывалось в погребении на кладбище, их позорно хоронили на перекрестках дорог. Страдала и семья грешника, лишаясь законного наследства. А чудом оставшийся в живых приговаривался к заключению и каторжным работам как за убийство. В Военном и Морском артикуле Петра I имелась довольно суровая запись: «Ежели кто себя убьет, то мертвое тело, привязав к лошади, волочить по улицам, за ноги повесить, дабы смотря на то, другие такого беззакония над собой чинить не отваживались».

Добровольный уход из жизни и сегодня преследуется в странах католицизма. Например, в Польше с 1970 по 1986 г. зарегистрировано в среднем всего 12 самоубийств на 100 тысяч человек.

Ислам строго осуждает самовольное лишение себя жизни. Поэтому в странах, исповедующих мусульманскую религию, это явление встречается крайне редко. Иудейская вера тоже стоит на страже самоценности жизни и запрещает самоубийства.

По китайским поверьям, души самоубийц становятся голодными бесприютными духами — «гуй», и все боятся их мести.

По установлениям древних текстов, самоубийство правоверных индуистов строго осуждается как великий грех. Однако религиозное самоубийство не только не осуждалось, но и возводилось в подвиг как самопожертвование богу или очищение от грехов.

ОТНОШЕНИЕ ВЛАСТЕЙ К СУИЦИДУ

Самосожжения вдов (сати) в Индии, харакири и массовые зрелищные самоутопления в Японии, привычка мстить обидчику собственной смертью в Древнем Китае... Восток всегда был почитителен к суициду. Да и как же иначе, если сам Будда расквитался с собственным телом, чтобы предоставить голодным дополнительный паек?

Другое дело — Запад. Еще в древнем Карфагене самоубийства женщин пресекали, угрожая выставить на всеобщее обозрение их мертвые обнаженные тела.

В Древнем Риме при императоре Тарквинии Приске трупы несчастных распинали и отдавали на съедение диким зверям. При Адриане суицид приравнивался к преступлению, за которым следовала конфискация имущества, запрет на траур и захоронение.

Впрочем, древний мир еще отдавал себе отчет, что самоубийство по некоторым причинам — страдание, болезнь, честь — имеет право на существование. Власти Рима и Греции пытались даже законодательно утрясти этот вопрос. Во многих городах хранили запас сильнодействующего яда цикуты, заготовленный за государственный счет и доступный всем желающим. Правда, давали его при одном условии — причину самоубийства должен был одобрить сенат, совет старейшин или другая верховная инстанция.

А в XIV в. Триединский собор, следуя заповеди «не убий», официально признал суицид убийством. Трупы несчастных стали подвергаться самым изощренным надругательствам. Тела вешали за ноги на центральных улицах, закапывали на перекрестках с вбитым в сердце колом, с позором хоронили вместе с падалью и даже дошли до того, что стали выкапывать из могил трупы людей, всего лишь заподозренных в «преступлении».

По уголовному Положению при Людовике XIV тела самоубийц таскали на плетенках по улицам лицом вниз, затем вешали, после чего бросали на живодерню. Позже, вплоть до конца XIX в., европейцы, ставшие более уважаемыми, стали считать самоубийц обычными психами.

Англия, как всегда, превзошла всех в своей нежности к традициям: самоубийство перестало официально считаться преступлением только в 1961 г. В 1955 г. один незадачливый самоубийца, который остался в живых, был осужден на два года тюрьмы.

В России военные и морские артикулы Петра I настойчиво рекомендовали мертвое тело добровольного смертника привязать к лошади и волочить по улицам, а потом «за ноги повесить дабы смотря на то, другие такого беззакония чинить не отважились».

Уголовное Уложение 1754 г. за попытку к суициду грозило плетью и каторгой.

СЕНЕКА О САМОУБИЙСТВЕ

Знаменитый римский философ рассуждает о самоубийстве в «Избранных письмах к Люцилию».

«Спустя значительный промежуток времени, я посетил твою Помпею. Я воротился мысленно к годам моей юности. Мне казалось, будто я только что оставил занятия, за которыми я провел свою молодость, но тотчас снова могу приняться за них. Так проживаем мы нашу жизнь, о Люцилий, и подобно тому, как в морском плавании, по выражению Virгилия: «Скрываются земли и грады», так, с течением мимолетного времени мы минуем сперва наше детство, затем юность, далее зрелый возраст, и, наконец, первые и лучшие годы старости. Тут уже чувствуется приближение общего конца всех людей. В безумии нашем мы считаем его подводной скалой; но это гавань, в которую мы стремимся и от которой не следует отказываться. Если кто-либо достигнул ее в ранние годы своей жизни, тот не больше имеет права на жалобы, чем тот, кто скоро совершил свое плавание. Иных ведь мореходов задерживают в пути слабые ветры и порою томит скука полного затишья; других свежее дыхание ветра доносит до места назначения очень скоро. То же бывает и с нами: одних из нас жизнь очень скоро доставляет туда, куда мы все равно прибудем, как бы ни медлили; других долго томит и мутит. А между тем, как ты знаешь, не всегда приятно оттягивать конец. Ибо не сама жизнь есть благо, но хорошая жизнь. Мудрец должен жить столько, сколько следует, а не столько, сколько может. Он ясно видит, когда будет побежден, с кем, как и что должно ему делать. Он всегда имеет в виду не то, как

продолжительна жизнь, но какова она. И как только наступают тяжелые обстоятельства, нарушающие его спокойствие, он перестает жить. Он делает это не только в крайней необходимости; но лишь судьба обратится против него, он уже обсуждает вопрос, не пора ли кончить. Для него не важно, умрет он естественною или насильственной смертью, несколько позже, или несколько раньше. Он не думает, что это составляет особую разницу: нельзя много потерять жидкости, если она вытекает по каплям.

По существу, безразлично умереть раньше или позже; важно только, как умереть: хорошо, или дурно. Умереть хорошо — значит избежать опасности дурной жизни. Поэтому, я считаю малодушным изречение того родосца, который заключенный в темницу, где его кормили, как дикого зверя, на чей-то совет — не есть вовсе — ответил: «Пока человек жив, он может надеяться». Пусть даже это верно, но нельзя же покупать себе жизнь по любой цене. Пусть она великое и несомненное благо, я не куплю его сознание собственной, гнусной слабости. Сверх того, я думаю, что тот, кто живет, — во власти судьбы; тот же, кто не боится смерти, избежал ее власти.

Однако, хотя смерть когда-нибудь неизбежно наступит, но если мудрец знает, что он обречен на казнь, он не поможет ей совершиться своей рукой. Ибо глупо умереть от страха смерти. Убийца придет сам. Жди его. Зачем спешить? Зачем принимать на себя выполнение чужой жестокости? Ты завидуешь что ли палачу, или, может быть, жалеешь его? Сократ мог кончить свою жизнь добровольно, голодной смертью и, таким

образом, избежать смерти от яда. Однако он провел в темнице, ожидая смерти, целых тридцать дней не потому, чтобы он рассчитывал на то, что в такой промежуток времени многое может перемениться, могут осуществиться многие надежды, но только для того, чтобы высказать свою покорность перед законом и чтобы дать своим друзьям воспользоваться последними днями Сократа. В самом деле, было бы глупо, презирая смерть, бояться яда.

У Друза Либона, юноши знатного происхождения, но ограниченного ума, имевшего притом притязания гораздо большие тех, какие можно было вообще иметь в то время, а тем более ему, была тетка Скрибония — замечательная женщина. Когда Друз, больной, был отнесен из сената на носилках, без обычной для него свиты, так как все приверженцы бесчестно покинули его, не только как обвиненного, но как осужденного на смерть, он стал спрашивать совета, что лучше — немедленно покончить с собою, или ждать? Тут его тетка Скрибония и сказала ему: «Что тебе за радость брать на себя чужое дело?» Однако он не послушал ее и наложил на себя руки, впрочем, не без причины. Ибо, если бы он остался жить, то все равно через три или четыре дня уже по воле своих врагов должен был бы принять на себя «чужое дело» и умереть.

Впрочем, нельзя сказать вообще, как лучше поступить в том случае, если посторонняя сила угрожает нашей жизни: предупредить ее или ждать. Побочные обстоятельства могут заставить решить этот вопрос и в ту, и в другую сторону. Если одна из ожидаемых смертей сопряжена с мучениями, другая же может совершить-

ся легко и просто, почему бы не выбрать этой последней. Как мы выбираем корабль для плавания, дом для житья в нем, так, собираясь кончить жизнь, можем выбрать себе и род смерти. При этом следует иметь в виду, что, как не та жизнь лучше, которая дольше, так та смерть хуже, которая дольше. Ни в какой другой вещи мы не должны более сообразоваться с нашими личными вкусами, как в смерти. Пусть душа покидает тело тем путем, какой ей придется по вкусу; прибегнет ли она к мечу, или к петле, или к какому-нибудь яду, заражающему кровь — все равно, лишь бы она разорвала цепи своего рабства. В жизни мы должны сообразоваться с мнениями других людей; в смерти — только со своим собственным. Та смерть лучше, которая больше нравится. Глупо думать: пожалуй, кто-нибудь найдет, что я поступил недостаточно мужественно, или слишком дерзко, или что другой род смерти был бы прекраснее. Неужели ты думаешь, что возможен какой-либо поступок, о котором бы не судили вкривь и вкось? Заботясь только о том, как бы скорее вырваться из-под власти судьбы. А затем, конечно, найдутся люди, которые и вообще осудят твой поступок. Даже между философами найдутся отрицающие право самовольно кончать свою жизнь и считающие самоубийство преступлением: по их мнению, следует ждать конца, который определен самую природой. Но кто так говорит, не видит, что этим отрезается путь к свободе. Помоему же прекрасен тот закон природы, который определил нам только закон природы, который определил нам только один вход в жизнь и оставил множество выходов из нее. Неужели же мне ждать мучений от болезни или от людей, когда в моей власти избежать страданий и ненависти врагов? Единственно, за что мы не можем пожаловаться на жизнь — она никого не держит. Все счастье человечества в том, что если кто не-

счастлив, то только по своей вине. Ибо если ему приятна жизнь — пусть живет; если неприятна — он может снова вернуться туда, откуда пришел.

От головной боли часто пускают кровь. От излишней тучности тоже вскрывают жилы. Итак, не надо глубоко пронзать грудь; простым ланцетом можно открыть путь к вечной свободе и в одном уколе заключается полное спасение. И если мы медлим и тянем, то лишь потому, что никто из нас не помышляет, что со временем его душе придется покинуть свое бренное жилище. Так старожилы из привязанности и привычки к своему дому живут в нем даже тогда, когда он становится неудобным. Если ты хочешь быть свободным по отношению к своему телу, живи так, как будто ты скоро оставишь его. Помни, что наступит время, когда ты лишишься этого убежища, и ты будешь решительнее перед необходимостью покинуть его. Но трудно помнить о своем конце тем, у кого без конца желаний!

Готовиться к смерти необходимее, чем к чему либо. Ибо подготовка ко всему прочему может оказаться излишней. Можно приготовить к бедности — и остаться богатым, закалить себя в перенесении боли, — а полное здоровье и бодрость не доставят случая выказывать эту добродетель; можно, наконец, убедить себя мужественно сносить утраты друзей, а судьба даст всем, кого мы любим, пережить нас. Но неизбежно наступит день, в который придется употребить в дело подготовку к смерти.

Не думай, что только у великих людей хватало мужества разорвать цепи рабства. Не думай, что на это способен только Катон, руками исторгший из своей груди жизнь, которую не мог исторгнуть меч. Люди самого низкого класса энергично искали спасения в смерти, и если им не удавалось умереть удобно, и нельзя было по своему желанию выбрать орудие смерти, они хватались за первое попавшееся и обращали в оружие предметы, сами по себе совершенно безвредные. Недавно один из германцев, которого готовили к утреннему спектаклю на гладиаторских боях, отпросился для отправления известных потребностей; ибо иначе его никуда не пускали без стражи. Там он взял губку, привязанную к палке и предназначенную для вытирания нечистот, и засунул ее себе в рот и, заткнув таким образом горло, задушил себя. Это был дерзкий вызов смерти. Поистине, неопрятный и неприличный род самоубийства; но, с другой стороны, не нелепо ли быть разборчивым в смерти. О храбрый германец! Он был достоин того, чтобы судьба дала ему выбор смерти. Как мужественно пустил бы он в дело меч! Как прекрасно бросился бы он в морскую пучину или с вершины скалы! В самом безвыходном положении нашел он смерть, которую искал, и оружие. Знай же, о Люцилий, что для того, чтобы умереть, не надо ничего, кроме желания. Пусть думают о смерти этого храброго человека кто как хочет, но несомненно, что самая неопрятная смерть предпочтительнее грязной жизни.

Раз я начал с грязного примера, буду продолжать. Ибо большие требования будут предъявлять себе люди, если увидят, что смерть может быть презренна презреннейшими. Мы считаем вне подражания Катонов, Сципионов и других, имена которых мы привыкли слы-

шать с благоговением. Так я приведу из гладиаторского быта столько же доблестных примеров добровольной смерти, сколько их было между вождями междоусобной войны. Недавно везли под стражей к утреннему спектаклю одного гладиатора. Как будто отягощенный сном, он качался, сидя в повозке, и наконец спустил голову до того низко, что она попала между колесных спиц, и держал ее там до тех пор, пока поворотом колеса ему не свернуло шею. Таким образом он избежал казни на той самой повозке, в которой его везли; вообще, при желании ничто не мешает разорвать и уйти из жизни. Жизнь плохо сторожит нас. Кому позволяют обстоятельства, тот может избрать себе приятный род смерти. У кого под руками есть выбор, тот может решить, что ему более по вкусу. Если же обстоятельства неблагоприятны, то следует считать первый представившийся случай за лучший, как бы он ни был оригинален и беспримечен. У кого достаточно мужества, у того не будет недостатка в изобретательности при выборе рода смерти. Ты видишь, что даже последние рабы, когда скорбь даст им к тому повод, настолько стремятся к смерти, что умеют обмануть даже самую бдительную стражу. Велик тот, кто не только решил покончить с собой, но сумел и найти смерть.

Я обещал тебе еще несколько примеров того же рода. Во время второго представления морской битвы один из пленников всадил себе в горло копье, которое ему дали для сражения. «Почему бы сказал он, — не избежать сразу всех унижений и страданий. Зачем буду я ждать смерти, когда оружие в моих руках?» Это зрелище было настолько славное, настолько лучшее, по мнению людей, умирать, чем убивать. И что же? Неужели того, что присуще самым последним людям и

даже преступникам, не будет у того, кто готовился к смерти долгими размышлениями, и у кого был наставником учитель всякой мудрости — разум? Ведь разум учит нас, что хотя смерть начинается различно, но всегда приходит к одному концу. Итак, не все ли равно, с чего она начинается. Тот же разум учит, что, если можно, следует умирать без страданий, если же нельзя, то следует умереть так, как представится возможность, и ухватиться за первый случай, какой представится для самоубийства. Нечестно жить насилием, но умереть насилием — прекрасно».

ДОСТОЕВСКИЙ О САМОУБИЙСТВЕ

В «Дневнике писателя» (октябрь 1876 г.) есть глава под названием «Два самоубийства». В ней Ф. М. Достоевский, пишет: «Для иного наблюдателя все явления жизни проходят в самой трогательной простоте и до того понятны, что и думать не о чем, смотреть даже не на что и не стоит. Другого же наблюдателя те же самые явления до того иной раз озаботят, что (случается, даже и нередко) — не в силах, наконец, их обобщить и упростить, вытянуть в прямую линию и на том успокоиться, — он прибегает к другого рода прощению и просто-запросто сажает себе пулю в лоб, чтоб погасить свой измученный ум вместе со всеми вопросами разом. Это только две противоположности, но между ними помещается весь наличный смысл человеческий».

Теорию писатель тут же иллюстрирует примером из жизни: «Кстати, один из уважаемых моих корреспон-

дентов сообщил мне еще летом об одном странном и неразгаданном самоубийстве, и я все хотел говорить о нем. В этом самоубийстве все, и снаружи и внутри, — загадка. Эту загадку я, по свойству человеческой природы, конечно, постарался как-нибудь разгадать, чтобы на чем-нибудь «остановиться и успокоиться». Самоубийца — молодая девушка лет двадцати трех или четырех, не больше, дочь одного слишком известного русского эмигранта и родившаяся за границей, русская по крови, но почти совсем не русская по воспитанию (речь идет о 17-летней Елизавете Герцен, дочери А. И. Герцена и Н. А. Тучковой-Огаревой, покончившей жизнь самоубийством из-за неразделенной любви к 44-летнему французу во Флоренции в декабре 1875 г.). В газетах, смутно упоминалось о ней в свое время, но очень любопытны подробности: «Она намочила вату хлороформом, обвязала себе этим лицо и легла на кровать... так и умерла. Перед смертью написала следующую записку:

«Предпринимаю длинное путешествие. Если самоубийство не удастся, то пусть соберутся все отпраздновать мое воскресение из мертвых с бокалами Клико. А если удастся, то я прошу только, чтоб схоронили меня, вполне убедясь, что я мертвая, потому что совсем неприятно проснуться в гробу под землю. Очень даже не шикарно выйдет!»

Достоевский не знал подлинного текста предсмертной записки Елизаветы Герцен, приведенного им в пересказе; подлинник же (в переводе с французского) таков:

«Как видите, друзья, я попыталась совершить переезд раньше, чем следовало бы. Может быть, мне не удастся совершить его, — тогда тем лучше! Мы будем пить шампанское по случаю моего воскресения. Я не буду жалеть об этом — напротив. Я пишу эти строки, чтобы просить вас: постарайтесь, чтобы те же лица, которые провожали нас на вокзал при нашем отъезде в Париж, присутствовали на моем погребении, если оно состоится. Если меня будут хоронить, пусть сначала хорошенько удостоверятся, что я мертва, потому что, если я проснусь в гробу, это будет очень неприятно...»

Комментируя предсмертную записку несчастной девушки, Достоевский, не ведая об истинных причинах самоубийства, пишет: «В этом гадком, грубом шике, по-моему, слышится вызов, может быть, негодование, злоба, — но на что же? Просто грубые натуры истребляют себя самоубийством лишь от материальной, видимой, внешней причины, а по тону записки видно, что у нее не могло быть такой причины. На что же могло быть негодование?.. На простоту представляющегося, на бессодержательность жизни? Это те, слишком известные, судьи и отрицатели жизни, негодующие на «глупость» появления человека на земле, на бестолковую случайность этого появления, на тиранию косной причины, с которой именно возмущившаяся против «прямолинейности» явлений, не вынесшая этой прямолинейности, сообщившейся ей в доме отца еще с детства. И безобразнее всего то, что ведь она, конечно, умерла без всякого отчетливого сомнения. Сознательного сомнения, так называемых вопросов, вероятнее всего, не было в душе ее; всему она чему научена была с детства, верила прямо, на слово, и это вернее всего. Значит, просто умерла от «холодного мрака и ску-

ки», с страданием, так сказать, животным и безотчетным, просто стало душно жить, вроде того, как бы воздуху не достало. Душа не вынесла прямолинейности безотчетно и безотчетно потребовала чего-нибудь более сложного...»

«Аристократически-развратному» уходу из жизни Достоевский противопоставляет самоубийство «нравственно-простонародное». Тут же он рассказывает следующую историю: «...Во всех петербургских газетах появилось несколько коротеньких строчек мелким шрифтом об одном петербургском самоубийстве: выбросилась из окна, из четвертого этажа, одна бедная молодая девушка, швея, — «потому что никак не могла приискать себе для пропитания работы». Прибавлялось, что выбросилась она и упала на землю, держа в руках образ (то есть икону). Этот образ в руках — странная и неслыханная еще в самоубийстве черта! Это уж какое-то кроткое, смиренное самоубийство. Тут даже, видимо, не было никакого ропота или попрека: просто стало нельзя жить. «Бог не захотел» и — умерла, помолившись. Об иных вещах, как они с виду ни просты, долго не перестаете думать, как-то мерещится, и даже точно вы в них виноваты. Эта кроткая, истребившая себя душа невольно мучает мысль. Вот эта-то смерть и напомнила мне о сообщенном мне еще летом самоубийстве дочери эмигранта. Но какие, однако же, два разные создания, точно с двух разных планет! И какие две разные смерти! А которая из этих душ больше мучилась на земле, если только приличен и позволителен такой праздный вопрос?»

Ф. М. Достоевский в «Дневнике писателя» смоделировал внутренний монолог «самоубийцы от скуки», «идейного самоубийцы», разочаровавшегося в мироздании.

Итак, говорит самоубийца от скуки, «разумеется, матерьялист» (ироническая добавка Достоевского):

«...В самом деле: какое право имела эта природа производить меня на свет вследствие каких-то там своих вечных законов? Я создан с сознанием и эту природу сознал: какое право она имела производить меня, без моей воли на то, сознающего? Сознающего, стало быть, страдающего, но я не хочу страдать — ибо для чего бы я согласился страдать? Природа, чрез сознание мое, возвещает мне о какой-то гармонии в целом. Человеческое сознание наделало из этого возвещения религий. Она говорит мне, что я, — хоть и знаю вполне, что в «гармонии целого» участвовать не могу и никогда не буду, да и не пойму ее вовсе, что она такое значит, — но что я все-таки должен смириться, принять страдание в виде гармонии в целом и согласиться жить. Но если выбирать сознательно, то уж, разумеется, я скорее пожелаю быть счастливым лишь в то мгновение, пока я существую, а до целого и его гармонии мне ровно нет никакого дела после того, как я уничтожусь, — останется ли это целое с гармонией на свете после меня или уничтожится сейчас же вместе со мною. И для чего бы я должен был так заботиться о его сохранении после меня — вот вопрос? Пусть уж лучше я был бы создан как все животные, то есть живущим, но не сознающим себя разумно; сознание же мое есть именно не гармония, а напротив. Посмотрите, кто счастлив на

свете и какие люди соглашаются жить? Как раз те, которые похожи на животных и ближе подходят под их тип по малому развитию их сознания. Они соглашаются жить охотно, но именно под условием жить как животные, то есть есть, пить, спать, устраивать гнездо и выводить детей. Есть, пить, спать по-человеческому значит наживаться и грабить, а устраивать гнездо значит, по преимуществу, грабить (это метафора; речь идет не о бандитстве — здесь подразумевается капиталистический способ производства и распределения созданного продукта — А. Лаврин). Возразят мне, пожалуй, что можно устроиться и устроить гнездо на основаниях разумных на научно верных социальных началах, а не грабежом, как было доньше. Пусть, а я спрошу: для чего? Для чего устраиваться и употреблять столько стараний устроиться в обществе людей правильно, разумно и нравственно-праведно? На это уж, конечно, никто не сможет мне дать ответа. Все, что мне могли бы ответить, это: «чтоб получить наслаждение». Да, если б я был цветок или корова, я бы получил наслаждение. Но задавая, как теперь, себе беспрерывно вопросы, я не могу быть счастлив, даже и при самом высшем и непосредственном счастье любви к ближнему и любви ко мне всего человечества, ибо знаю, что завтра же все это будет уничтожено: и я, и все счастье это, и вся любовь, и все человечество — обратимся в ничто, в прежний хаос. А под таким условием я ни за что не могу принять никакого счастья, — не от нежелания согласиться принять его, не от упрямства какого из-за принципа, а просто потому, что не буду и не могу быть счастлив под условием грозящего завтра нуля. Это — чувство, это непосредственное чувство, и я не могу побороть его. Ну, пусть бы я умер, а только человечество оставалось вместо меня вечно, тогда, может быть, я все же был бы утешен. Но ведь

планета наша невечна, и человечеству срок — такой же миг, как и мне. И как бы разумно, радостно, праведно и свято ни устроилось на земле человечество, — все это тоже приравняется завтра к тому же нулю. И хоть это почему-то там и необходимо, по каким-то там всесильным, вечным и мертвым законам природы, но поверьте, что в этой мысли заключается какое-то глубочайшее неуважение к человечеству, глубоко мне оскорбительное и тем более невыносимое, что тут нет никого виноватого.

И наконец, если б даже предположить эту сказку об устроенном наконец-то на земле человеке на разумных и научных основаниях — возможно, и поверить ей, поверить грядущему наконец-то счастью людей, — то уж одна мысль о том, что природе необходимо было, по каким-то там косным законам ее, истязать человека тысячелетия, прежде чем довести его до этого счастья, одна мысль об этом уже невыносимо возмутительна. Теперь прибавьте к тому, что той же природе, допустившей наконец-то человека до счастья, почему-то необходимо обратить все это завтра в нуль, несмотря на все страдание, которым заплатило человечество за это счастье, и, главное, нисколько не скрывая этого от меня и моего сознания, как скрыла она от коровы, — то невольно приходит в голову одна чрезвычайно забавная, но невыносимо грустная мысль: «Ну что, если человек был пущен на землю в виде какой-то наглой пробы, чтоб только посмотреть: уживется ли подобное существо на земле или нет?» Грусть этой мысли, главное — в том, что опять-таки нет виноватого, никто пробы не делал, некого проклясть, а просто все произошло по мертвым законам природы, мне совсем непонятным, с

которым сознанию моему никак нельзя согласиться.
Ergo (следовательно):

Так как на вопросы мои о счастье я через мое же сознание получаю от природы лишь ответ, что могу быть счастлив не иначе, как в гармонии целого, которой я не понимаю, и очевидно для меня, и понять никогда не в силах —

Так как природа не только не признает за мной права спрашивать у нее отчета, но даже и не отвечает мне вовсе — и не потому, что не хочет, а потому, что и не может ответить —

Так как я убедился, что природа, чтоб отвечать мне на мои вопросы, предназначила мне (бессознательно) меня же самого и отвечает мне моим же сознанием (потому что я сам это все говорю себе) —

Так как, наконец, при таком порядке я принимаю на себя в одно и то же время роль истца и ответчика, подсудимого и судьи и нахожу эту комедию, со стороны природы, совершенно глупою, а переносить эту комедию, с моей стороны, считаю даже унижительным, —

То, в моем несомненном качестве истца и ответчика, судьи и подсудимого, я присуждаю эту природу, которая так бесцеремонно и нагло произвела меня на страдание, вместе со мною к уничтожению... А так как природе я истребить не могу, то истребляю себя одного,

единственно от скуки сносить тиранию, в которой нет виноватого».

АЛЬБЕРТ КАМЮ О САМОУБИЙСТВЕ

Альберт Камю в эссе «Миф о Сизифе» говорит о том, что «есть лишь одна по-настоящему серьезная проблема — проблема самоубийства. Решить, стоит или не стоит жизнь, чтобы ее прожить, — значит ответить на фундаментальный вопрос философии».

По Камю, самоубийство — один из способов борьбы с абсурдом бытия, один из методов познания мира. «Дойдя до своих пределов, ум должен вынести приговор и выбрать последствия. Таковыми могут быть самоубийство и возрождение». Но просто самоубийство так же абсурдно, как и сама жизнь, не имеющая цели (смысла). А вот смерть-самопожертвование — есть деяние с гармонизирующей основой. Самоубийство как бунт против непознаваемости мира бесплодно, ибо «самоубийство есть полная противоположность бунта, так как предполагает согласие... На свой лад самоубийство тоже разрешение абсурда, оно делает абсурдной даже саму смерть».

Завороженный самоубийственными терактами периода первой русской революции, Камю высоко ценит эсеров за готовность ценою собственной жизни воссоздать общество любви и справедливости, продолжить миссию, с которой не справилась христианская церковь. «Эта

сплоченная горстка людей, затерявшихся среди русской толпы, избрала себе ремесло палачей, к которому их ничто не предрасполагало. Они были воплощением парадокса, объединявшего в себе уважение к человеческой жизни и презрение к собственной жизни, доходившее до страсти к самопожертвованию. Дору Бриллиант вовсе не интересовали тонкости программы. В ее глазах террористическое движение оправдывалось прежде всего жертвой, которую приносят ему участники... Каляев тоже готов был в любой миг пожертвовать жизнью. «Более того, он страстно желал этой жертвы». Во время подготовки к покушению на Плеве он предлагал броситься под копыта лошадей и погибнуть вместе с министром. А у Войнаровского стремление к самопожертвованию сочеталось с тягой к смерти. После ареста он писал родителям: «Сколько раз в юности мне приходило в голову лишить себя жизни...»

НАИБОЛЕЕ РАСПРОСТРАНЕННЫЕ ПРИЧИНЫ САМОУБИЙСТВ

ОДИНОЧЕСТВО

П. Ширихев, заведующий лабораторией психологии межгрупповых отношений Института психологии АН СССР, кандидат философских наук:

«Основная причина суицида — ощущение человеком бессмысленности своего существования. Оно имеет

связь с положением, в котором находится данное общество, в частности с экономической нестабильностью, идеологической неразберихой, переоценкой общественных норм морали. Что касается больших городов, к числу которых относится Москва, то здесь существует такое явление, когда человек ощущает страшное одиночество, имея массу знакомых, коллег, приятелей. Можно выделить три формы суицида:

1. Истинный (когда человек действительно хочет убить себя).
2. Аффективный (с преобладанием эмоционального момента).
3. Демонстративный (самоубийство как способ привлечь внимание к своей личности).

Первый, в основном, характерен для мужчин, второй и третий — для женщин. Причем истинный суицид, как правило, «удаётся» самоубийцам.

Утверждать, что все самоубийцы — люди с психическими отклонениями, думаю, ошибочно. Среди них немало весьма интеллектуальных молодых людей. Но дело в том, что многие из них остро ощущают утрату перспектив профессионального роста, вызванную десятилетиями геронтократии (правления стариков), которая и в наше перестроечное время дает о себе знать, в особенности в области науки».

Американский психолог из Колумбийского университета Джеффри Янг называет одиночество младшей сестрой депрессии. Не каждый одинокий человек страдает депрессиями, но каждый, кого они мучают, — одинок. А от депрессии до самоубийства путь порой бывает короче, чем из прихожей в комнату, к телефонному аппарату. Во многих странах сегодня существуют общества, бригады, группы по предотвращению самоубийств. По их данным, у большинства их несчастных клиентов мысли о самоубийстве именно из-за одиночества. Проблемы молодых людей, как юношей, так и девушек, связаны в первую очередь с тем, что они не могут найти себе партнера или же не в состоянии наладить с ним такие отношения, которые удовлетворяли бы обоих. Среди людей старшего возраста это в основном женщины, у которых вдруг опустел дом, когда выросшие дети вылетели из гнезда, или которых оставил муж.

20 октября 1977 г. повесилась в собственном гараже Мари Терез Вальтер, бывшая возлюбленная Пабло Пикассо. Ее дочь (прижитая от художника) заявила, что мать так и не смогла преодолеть своей бурной страсти к Пикассо и, когда он умер, решила, что должна следовать за ним, чтобы продолжать заботиться о нем. Точно так же спустя 9 лет поступила и официальная вдова художника — Жаклин Пикассо.

«...Создавалось впечатление, что Пикассо остается для нее живым человеком, — вспоминает Аурелио Торренте, директор мадридского Музея современного искусства. — У входа в свой дом в Нотр-Дам-де-Ви она установила огромный портрет Пикассо, на котором осо-

бенно выделялись его глаза. Постоянно смотрела на этот портрет, советовалась с ним...»

15 октября 1986 г., беседуя с Торренте по телефону, Жаклин обронила:

— Прощайте, быть может, мы никогда больше не увидимся.

— Что за глупости! — воскликнул Торренте.

Жаклин промолчала. А на другой день выстрелила себе в висок.

НЕРАЗДЕЛЕННЫЕ ЧУВСТВА

Известный русский судебный деятель А. Ф. Кони в книге «На жизненном пути» приводит пример самоубийства молодой девушки из-за неразделенной любви и трагедии, разыгравшейся в связи с этим.

«Перейдя в Петербург из Казани, в начале семидесятых годов, я нашел в производстве у следователя одно из тех мрачных дел, про которые можно сказать словами знаменитого Tardieu: c'est ici que l'on desespera de l'humanite.

В Петербурге жило семейство чиновника К., состоявшее из родителей, двух дочерей, замечательных красавиц, и забулдыги — брата. Старшая дочь была замужем тоже за чиновником, но не жила с ним. Семейство познакомилось с богатым банкиром, который среди петербургских развратников слыл за особого любителя и ценителя молодых девушек, сохранивших внешние признаки девства, за право нарушения которых старый и безобразный торговец деньгами платил большие суммы. Почтенная семья решила представить ему старшую дочь в качестве девственницы и, по-видимому, получила кое-что авансом. Но кем-то предупрежденный о готовившемся обмане, банкир потребовал точного исполнения условленного, грозя какими-то имевшимися у него компрометирующими родителей подложной девственницы документами. Тогда вся семья; за исключением младшей дочери Надежды, решила принести ее в жертву современному Минотавру, причем старшая сестра ее играла самую активную роль и была посредницей в переговорах, выговорив себе за это часть из общего вознаграждения. Но несчастная Надежда К., которой только что минуло 19 лет, приходила в ужас от той роли, на которую ее обрекала развращенная семья. Кроме того, она была влюблена, хотя без доказательств взаимности, в красавца-офицера лейб-гвардии Казачьего полка. Понадобились просьбы, слезы, настояния и всякого рода психическое принуждение и давление, чтобы побудить ее, наконец, согласиться отдаться в опытные и жадные объятия старой обезьяны. Для этого назначен был и день, в который сестра должна была приехать с нею к банкиру и затем, после роскошного ужина, оставить их вдвоем. Но произошло нечто неожиданное.

Накануне своего жертвоприношения Надежда К. написала письмо любимому человеку в казармы, в котором просила приехать отобедать с нею в одном из загородных ресторанов. Около 5 часов дня она явилась в этот ресторан, взяла отдельный кабинет, заказала обед на двоих и приказала заморозить бутылку шампанского. Но ожидаемый сотрапезник не приехал. Прождав его до 9 часов вечера, не дотрагиваясь до обеда, но выпив несколько бокалов шампанского, Надежда К. уехала. Около 11 часов вечера она явилась в казачьи казармы, где пожелала видеть своего знакомого. Его, однако, не было дома, и она, весело поболтав с тремя его товарищами, удалилась, сказав, что отправляется домой. На этом след ее потерялся. В 6 часов утра (дело было летом) какая-то дама, растрепанная и шатавшаяся, наняла на Знаменской площади извозчика и, подъехав к дому, где жило семейство К., дала извозчику полуимпериал, а на выраженное им недоумение махнула рукой и вошла в подъезд. Это была Надежда К. Она быстро прошла через комнату спавшего брата, потревожив его своим появлением и тем, что чего-то искала в столе, ничего не ответив на его вопрос. Через несколько минут в ее комнате раздался выстрел. Пуля прошла снизу вверх, не задев сердца, но произведя жестокое повреждение спинного мозга, вызвавшееся в быстром нарастании паралича верхних конечностей и языка. Понесшая убыток благородная семья («а счастье было так возможно, так близко!») не дала, однако, знать полиции, а пригласила находившегося в близких отношениях со старшею сестрой доктора медицины, преподававшего студентам Медико-Хирургической академии и известного некоторыми научными работами. Он подавал первую помощь несчастной девушке, покуда она еще обладала речью, но когда, через несколько часов она уже не могла владеть ни руками, ни языком, было

дано знать полицейскому врачу, который нашел Надежду К. в ужасном положении. Она не могла говорить и двигать руками, лицо ее выражало жесточайшее страдание, а когда врач, осматривал рану, обратил внимание на ее половые органы то нашел, что они находятся в таком состоянии воспаления и даже омертвления, которое свидетельствует о том, что она сделалась жертвою, вероятно, нескольких человек, лишивших ее невинности, обладавших ею последовательно много раз. Никаких знаков насилия, однако, на ее теле найдено не было. Несчастная пострадала несколько дней, на расспросы полиции и следователя отвечала лишь слезами и стонами и, наконец, умерла от своей раны и от явлений острой уремии, как последствия местного повреждения.

К следствию была привлечена старшая сестра, взятая на поруки упомянутым выше профессором, но, несмотря на все усилия следователя и сыскной полиции, открыть виновников совершенного над Надеждой К. злодеяния и вообще разъяснить эту драму не удалось. Существовал ряд предположений, розыски направлялись то в ту, то в другую сторону, но это не приводило ни к чему, и все обрывалось на роковом и вынужденном молчании покойной.

В начале октября того года, когда все это случилось, ко мне в камеру пришел поручитель за старшую дочь и с большим сознанием собственного достоинства сказал, что желает отказаться от поручительства за нее, так как разошелся и не хочет более иметь с нею ничего общего. Я сказал ему, что он может подать об отказе от поручительства заявление мне или следователю, но,

воспользовавшись его пребыванием у меня, завел с ним разговор о существовании этого дела. Он согласился со мною, что оно ужасно, и когда я сказал ему, в каких направлениях шли розыски, он заявил мне, что это все ложные пути, и, если бы покойная могла теперь говорить, она бы рассказала другое, «и весьма неожиданное», прибавил он, лукаво усмехаясь. «Но ведь вы были при ней, когда она еще говорила, конечно, расспрашивали ее, и без сомнения, она вам сказала все, как другу семьи. Вы могли бы поэтому нас вывести из лабиринта, дать нам руководящую нить... ведь вы тоже возмущаетесь этим мрачным делом и не можете не жалеть несчастную девушку. — Но, само собою разумеется, — ответил он совершенно спокойно, — она мне все рассказала, и жаль мне ее и возмущаюсь я, а все-таки помогать вам не хочу, ее не воротить, а мне это невыгодно и неудобно. Впрочем, если вы дадите честное слово, — и он оглянулся на двери кабинета, — что не только не передадите никому того, что я вам скажу, но ни в коем случае и никаким способом этим не воспользуетесь, то я вам, как знакомому, для удовлетворения вашего любопытства, по дружбе, пожалуй, кое-что расскажу. — Милостивый государь — я с вами говорю, как прокурор, а не по дружбе, которой между нами существовать не может, тем более, что я не имею чести быть с вами знакомым и вижу вас в первый раз. — Ну вот, вы уже сердитесь! Если так, то я вам, господин прокурор, заявляю, что я ничего по этому делу не знаю. — Даже и того, что старшая сестра погибшей заявила, что подделка ее невинности для господина банкира должна была совершиться при вашем техническом содействии? — Нет, знаю! — Но разве это возможно?! — Почему же нет? Для этого есть разные способы, между прочим, некоторые вяжущие средства. — Я не в этом смысле говорю о невозможно-

сти. Но разве мыслимо, чтобы врач, профессор, руководитель молодежи служил своими знаниями такому презренному предприятию. Ведь это безнравственно! — Э-э-эх, господин прокурор, зачем вы такие страшные слова употребляете: нравственно, безнравственно. Нравственность-то ведь понятие гуттаперчевое, растяжимое. Есть более реальные вещи: целесообразность, — о них только и стоит говорить. Так то-с! — И он, с напускным добродушием, протянул мне руку, а когда я ее принял, то с насмешливым удивлением пожал плечами и неторопливой походкой пошел из кабинета. Дело было прекращено судебной палатой.»

КОНФЛИКТ В СЕМЬЕ

Конфликт в личной жизни — главная причина большинства суицидов. Отсутствие отца, алкоголизм, невнимание к внутреннему миру детей в так называемых благополучных семьях, авторитарность родителей — все это роняет семя смерти, способное дать всходы не только в подростковом возрасте, но и гораздо позже. Четырнадцатилетняя девочка отравилась после того, как отец, встретив ее вечером с приятелем, «толкнул» речь о вреде ночного гулянья. «Мелочь» оказалась решающей в бесконечном потоке регламентаций и давлений «заботливого» папы. Двенадцатилетний мальчик несколько раз пытался покончить с собой: бросивший семью отец-психопат взял привычку врывать в дом бывшей семьи и избивать мать и ребенка. Обращения в милицию оказались тщетными — садист вел вполне благопристойную жизнь: не пил, успешно занимался бизнесом, вовремя мог дать парочку купюр кому надо,

одним словом, оказался неуязвим. В добровольной смерти из-за несчастной любви многие видят способность к истинным чувствам, не признаваясь в эмоциональной зависимости, неумении или нежелании реализоваться в других сферах. Еще бы! Вертер, бедная Лиза, Анна Каренина — как сладко и томно опозитизировала культура инфантильность и чувство неполноценности.

РАЗРУШЕНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ

Эпидемия самоубийств прокатилась в последнее десятилетие по индейским резервациям в США и странах Латинской Америки. Здесь главными причинами выступают разрушение этнических традиций, уменьшение ареала обитания, отсутствие работы, алкоголизм. Самый характерный пример — племя гуараникайова (Бразилия). О его судьбе еженедельник «Ньюсуик» писал в ноябре 1991 г.: «Волна самоубийств началась в 1987 г. и с тех пор нарастает. Только за последние 19 месяцев 52 человека добровольно ушли из жизни. В большинстве случаев они повесились на деревьях или на стропилах своих хижин. Средний возраст самоубийц — 17 лет. В одном из племен, насчитывающем лишь 7500 членов, теперь совершается ежегодно по 4,5 самоубийства на каждую тысячу человек, что примерно в 150 раз превышает аналогичную цифру для всей Бразилии... Сложившаяся ситуация своими корнями уходит в 70-е годы, когда владельцы ранчо и фермы изгоняли индейцев гуараникайова с земель в западном штате Мату-Гросу-ду-Сулу. В результате к

настоящему времени занимающееся земледелием племя сгрудилось в основном в резервации площадью в 8 тысяч акров и не может обеспечить свое существование. Молодые мужчины отправляются на сезонные работы на плантации сахарного тростника и перегонные заводы. Возвратившись же, они узнают об отъезде своих жен и детей. Молодые женщины уезжают в города, где заработать себе на жизнь они часто могут только проституцией. Семьи разрушаются. Половина самоубийств приходится на женщин.

За время, минувшее после появления первых португальцев в Бразилии в XVI в., ее индейское население уменьшилось с пяти миллионов до 220 тысяч человек. Индейцев убивали грабители поселенцы, их косили занесенные болезни, к которым они не имели иммунитета. И тем не менее то, что происходит теперь, — это первая ставшая известной вспышка самоубийств. Ключ к пониманию — культура племени гуарани-кайова, основанная на мистической религии, неразрывно связанной с культом родной земли. Оказавшись перед лицом самоубийств, старейшины винят в них колдунов и злых духов. Они призывали на помощь знахарей и прибегли для изгнания духов к ритуальным танцам и песням. Но в наши дни осталось очень мало индейцев, все еще знающих ритуальные танцы, а в резервации больше нет знахарей».

САМОУБИЙСТВА ИЗ ЧУВСТВА ДОЛГА

Эта причина носит более массовый характер, поскольку поощряется и культивируется государством. «Умереть за Родину — это прекрасно», — внушают людям с малых лет во всех странах мира. Если ты пожертвовал собой во имя Родины, ты велик, — убеждают людей. И никто из современных идеологов не задумывается о пещерной дикости подобных лозунгов, доставшихся нам в наследство от борьбы первобытных племен за территорию, еду, женщин...

В средневековой Японии самурай, отправлявшийся в поход, давал три обета: навеки забыть свой дом, забыть о жене и детях, забыть о собственной жизни. Самоубийство вассала (вспарывание живота в форме «конверта») после гибели сюзерена стало традицией.

10 августа 1945 г. министр иностранных дел Японии Того встретился с советским послом Я. А. Маликом и заявил что Япония готова принять условия капитуляции. Но в Японии еще была сильна «партия войны». Она активно выступала против «партии мира». 14 августа в бомбоубежище императорского дворца состоялось совещание, после которого приняли решение в форме императорского раскрипта о согласии на безоговорочную капитуляцию.

Наиболее фанатичные военные во главе с майором Хатанака и с поддержкой военного министра Анама от-

вергли решение о капитуляции. Они подняли мятеж, 15 августа ворвались в императорский дворец. Мятежники пытались найти пленки с записью выступления императора, в котором он говорил о прекращении войны. Но пленки были надежно спрятаны.

Другая группа напала на дом премьер-министра Судзуки. Ему пришлось бежать. Тогда мятежники в бессильной ярости сожгли дом премьера.

Восставшие пытались отстранить от власти министров — «сторонников мира», помешать обнародовать сообщение о капитуляции Японии, поднять армию на продолжение войны.

Но к утру 15 августа мятеж был подавлен. Хатанака и Анама покончили жизнь в духе самурайского кодекса чести — сделали харакири.

Самоубийцами из чувства долга были и камикадзе (переводится как «божественный ветер») — японские летчики, направлявшие свои самолеты во время второй мировой войны на военные объекты (главным образом корабли) противника. Существовал целый ритуал отправления камикадзе на боевое задание — то есть на смерть.

Есть давняя традиция совершать самоубийство у капитанов потерпевших крушение судов. 15 апреля 1912 г. застрелился на борту «Титаника» старший по-

мощник капитана Уильям Мэрдок, который, пытаясь спасти лайнер от столкновения с айсбергом, своими ошибочными действиями сделал катастрофу неминуемой. 12 сентября 1946 г. на мелях Гудвина, в шести милях от юго-восточной оконечности Англии, застрял пароход «Гелена Моджеска» с грузом ценою в 3 миллиона долларов. Четыре дня буксиры пытались стащить корабль с мели, но так и не смогли этого сделать. А на пятый день, когда из-за подмытого волнами песка в районе носа и кормы «Гелена Моджеска» переломилась пополам, ее капитан застрелился в номере гостиницы в Диле.

В апреле 1942 г. американцы лихорадочно готовили Мидуэй к обороне. Главнокомандующий Тихоокеанским флотом США адмирал Честер У. Нимид с середины мая посылал на Мидуэй «все подкрепления, которые остров был способен разместить».

Японские корабли, идущие к атоллу Мидуэй, были обнаружены утром 3 июня. 4 июня рано утром в небе под атоллом начался воздушный бой.

Мидуэю был нанесен значительный ущерб, тем не менее атолл оказался в лучшем состоянии, чем можно было ожидать. На острове погибло только 20 человек. Гарнизон дружно начал после налета ликвидировать ущерб.

Тем временем американские бомбардировщики провели несколько атак на движущийся японский флот. Атаки эти не принесли значительных успехов.

Следующий налет на японские корабли был произведен с американских авианосцев.

Четырнадцать торпедоносцев сбросили торпеды на японские корабли, но не смогли попасть в цели, так как японцы искусно маневрировали. «Нам нечего бояться самолетов врага, сколько бы их ни было!» — ликовали японцы.

Но вот на японский флот начали атаку пикирующие бомбардировщики.

Три японских авианосца «Акаги», «Кага» и «Сорю» шли в строю, напомиравшем вытянутый треугольник, четвертый авианосец «Хорю» — находился дальше от них на севере.

«Пикирующие бомбардировщики!» — воскликнули сигнальщики на «Каге». Лейтенант-коммандор Сесу Митаоёя распластался на палубе, когда рев моторов перерос в пронзительный вой. Первые три бомбы упали рядом с кораблем. Четвертая врезалась в кормовую часть палубы среди выстроившихся для взлета самолетов. Мгновенно летняя палуба «Каги» превратилась в бушующее море огня. Разбросанные взрывом самолете-

ты, накренившиеся на нос или крыло, словно печные трубы, выбрасывали в воздух дым и пламя.

Бомбы продолжали падать, когда офицер пожарной части взбежал на мостик доложить, что все коридоры и переходы внизу охвачены огнем и большинство членов экипажа оказались изолированными внизу. Но капитан Окадад молча стоял на мостике и смотрел куда-то вдаль. Взволнованный офицер убеждал его спуститься на шлюпную палубу, чтобы спасти свою жизнь, поскольку авианосец кренится на борт. Окадад мотнул головой. «Я останусь на корабле», — меланхолично сказал он.

Из смертельно поврежденных японских авианосцев первым отправился на дно «Сорю». Тридцать коротких минут превратили этот некогда красивый гордый авианосец в сожженный крематорий, и его командир Янагимото приказал покинуть корабль. Пока эсминцы кружили вокруг, спасая оставшихся в живых, обнаружилось, что Янагимото остался на мостике. Он был одним из наиболее популярных и уважаемых капитанов японского флота, и члены команды поручили главному старшине Абэ, чемпиону японского флота по борьбе, спасти его любой ценой.

Абэ сделал все, что мог. Он вскарабкался на мостик, отдал честь и сказал: «Капитан, я пришел, чтобы спасти вас». Ответом было молчание. Абэ направился к командиру с твердым намерением силой унести его в шлюпку. Но командир взглядом остановил его. Матрос отдал честь, затем повернул назад. Покидая мостик,

Абэ слышал, как Янагимото тихо пел национальный гимн.

ВОЗДЕЙСТВИЕ ИСКУССТВА

Эпидемию самоубийств, особенно в молодежной среде, может породить талантливое произведение искусства. Доказано, что появление в 1774 г «Страданий юного Вертера» Гете (1749—1832), гениального описания жизни и смерти юноши от несчастной любви, вызвало целую волну самоубийств среди молодежи в подражание любимому герою. Примерно такой же эффект на русское общество начала XIX в. оказала «Бедная Лиза» Н. М. Карамзина. Сотни американцев в свое время последовали примеру кинозвезды Мэрилин Монро (1926—1962), версия об отравлении которой широко обсуждалась в печати.

С самоубийством двух американских юношей связано одно скандальное судебное разбирательство. В 1990 г. окружной суд города Рино (штат Невада) отклонил иск к членам популярной английской рок-группы «Джудас Прист». Семьи двух погибших юношей обвинили рок-музыкантов в подстрекательстве к самоубийству и потребовали от них и компании звукозаписи «CBS record» выплаты компенсации в размере 6,2 миллиона долларов. Обвинение строилось на том, что 23 декабря 1985 г. фанатичные поклонники английской рок-группы Рэймонд Белкнэп и Джеймс Вэнс, заключившие ранее «смертельный союз дружбы», после прослушивания песни «Над царством смерти» с альбома «Джудас

Прист» одновременно спустили курки приставленных к виску обрезов. Первый юноша умер на месте, а второй мучился три года от последствий черепно-лицевой травмы, но, в конце концов, тоже умер. По мнению обвинения, мысль свести счеты с жизнью была внушена юношам композицией рок-группы, и в частности едва слышным на обычной аппаратуре вокалом второго плана. Однако в судебном заключении указывалось, что хотя в записи песни «Над царством смерти» действительно присутствует «плохо различимый текст фатального содержания», но, скорее всего, причиной трагедии стала изрядная доза алкоголя и марихуаны, принятая в тот день друзьями. Алкоголь действительно часто подталкивает слабовольных людей к уходу из жизни. В 1970-х гг., по данным Гарвардского университета, ежегодно 15 тысяч американцев совершали самоубийство, находясь под действием спиртного.

КАТЕГОРИИ ЛЮДЕЙ, НАИБОЛЕЕ ПОДВЕРЖЕННЫХ САМОУБИЙСТВАМ

АКТЕРЫ

В актерской среде самоубийства — привычное дело. Причины большей частью сводятся к одному: потеря популярности, успеха и, как следствие, отсутствие предложений от продюсеров и режиссеров. Так, знаменитый актер немого кино Макс Левель после 1922 г. почувствовал падение популярности. Это привело к нервному заболеванию, а затем к самоубийству.

В 1993 г. мировая звезда танца Дженни Долли (она выступала вместе с сестрой Розой) попала в автомобильную аварию, после которой у нее осталось обезображенное лицо. Дженни Долли сказала, что врачи не помогли ей, сохранив жизнь. В 1941 г. она повесилась на оконной раме в номере гостиницы.

Голливудская актриса Клара Блэндик, известная по фильму «Волшебник страны Оз», ушла из жизни в 1962 г. Она надела свое самое нарядное платье, навела полный макияж, причесалась, набросила на плечи позолоченный платок, надела пластиковый пакет на голову (чтобы не испортить прическу), приняла таблетки и легла на кровать. (Стоит отметить такую деталь: Клара Блэндик покончила с собой в том же номере голливудской гостиницы самоубийств «Шелтон», где девятнадцатью годами раньше ушла из жизни Дженни Долли).

Тоже с помощью снотворного в 1958 г. в возрасте 53 лет покончил с собой Филипп ван Занд, снявшийся за свою жизнь более чем в 300 фильмах. Вообще снотворные таблетки — излюбленное средство творческой богемы. Подобным образом ушла из жизни потерявшая красоту и успех французская певица Далида. (В мемуарах Казановы (XVIII в.) есть такая фраза по поводу бывшей возлюбленной: «О ней все забыли, ибо пятидесятишестилетняя женщина в Париже все равно что мертвая». Далиде же было куда более 56-ти). К таблеткам прибегла и Мерелин Монро, почувствовав себя в какой-то момент брошенной и одинокой.

ПОЛИТИКИ

Во времена сталинских репрессий многие видные партийные, государственные и военные деятели кончали с собой, когда видели, что вот-вот будут арестованы по ложным обвинениям. Иногда чекисты, приходившие для ареста, сами подсказывали несчастным людям такой выход. Среди тех, кто в 1930-х гг. застрелился, спасаясь от репрессий, заместитель наркома обороны Ян Гамарник, Евгения Ежова (Хаятина), жена «разоблаченного» шефа НКВД. Но самоубийством кончали и те, кому не грозила опасность (по крайней мере, немедленная) ареста и тем более физического уничтожения. Безусловным вызовом были самоубийства Надежды Аллилуевой и близкого друга Сталина наркома Серго Орджоникидзе.

ПОЭТЫ И ПИСАТЕЛИ

Самоубийство пользуется популярностью среди творческой элиты во всем мире. Так, в XX в. добровольно ушли из жизни русские поэты В. Маяковский, С. Есенин, М. Цветаева, немецкий поэт и драматург Эрнст Толлер, писатель С. Цвейг (Австрия), Э. Хемингуэй (США), Ю. Мисима (Япония), А. Фадеев (СССР) и т. д.

Только за последнее время покончили жизнь самоубийством молодые поэты и писатели Нина Искренко (в Москве), Андрей Кржижановский (в Санкт-Петербурге), Марина Крашенинникова (в Перми), Александр

Бардодым (в Абхазии), Елена Нестерова (в Ростове-на-Дону), Борис Примеров (в Москве). Список не полный и не окончательный...

Один из таких писателей — В. Сарапулов.

Незадолго до своей гибели он расшвырял с балкона рукописи и деньги. Деньги, конечно же, кто-то подобрал, а вот рукописи... Рукописи упали на площадку у «Гастронома».

В один из дней он вышел на балкон покурить и выбросился с четвертого этажа. Не высоко? Есть удочки донные, а есть люди донные. Когда на душе сплошное свинцовое грузило, тогда и четвертый этаж—высота. В этот же час гриф гитары, оставленной им у друзей всхлипнув струнами, переломился надвое.

Хоронили Сарапулова два друга-литератора и два соседа. В альманахе «Апрель» за 1991 г. его имя соседствовало с Довлатовым, Ванечкой Ерофеевым и Гавелом. Накануне самоубийства Володя писал в своем дневнике: «Мне еще хочется завопить во всю глотку про степь, мороз, Стеньку Разина, еще вмазать и зареветь горячими слезами...»

Студент литинститута Владимир Сарапулов был красив той страшной, натуралистской красотой, которая встречается среди русских людей где-нибудь на провинциальном отшибе. Сарапулов имел крупный калган одинокого волка, медвежьи лапы и ранимое сердце. Ходил в трико, туго обтягивающем восемь пудов его

веснушчатой плоти. В таком виде и зарулил в литинститут на собеседование, сразив рафинированных преподавателей. Впрочем, на менее чем сам автор, поражала его проза с недвусмысленным общим названием «По жизни в натуре».

Вот что, к примеру, прочитали тонкие мастера отечественной словесности в рассказе «Алка, Бабонька и другие жильцы». «Дядька Алкин, который жену свою ломом через любовника проколол и в тюрьме долго сидел, потом вышел и еще кого-то убил, но сажать его больше не стали...

Однажды он умудрился выпить из-под замка одеколон «Красная Москва», приготовленный Галиной в подарок Бабоньке ко дню Победы, а в пузырек — нассал...»

Еще непредсказуемее по своей натуралистической изобретательности закручивалась одиссея другого сарапуловского героя из стройбатовского рассказа «Играл Чебыка на трубе». Его опубликовал Анатолий Приставкин в альманахе «Апрель». «По небу живыми волнами перекатывались разноцветные полосы северного сияния, и он стал кричать: «Люди! Помогите! Замерзаю!.. Согласен на педераста и за щеку, больше у меня ничего нет!»

Володя слагал прозу, как если бы на его месте был искрометный Иванушка-дурачок, попавший из сказки в зону.

Он и по жизни напоминал известного персонажа русских сказок. Когда у Сарапулова напечатали в Москве «Чебыку», он выдрал из альманаха листки со своим рассказам и приложил их к заявлению, на котором значилось: «Прошу принять меня в Союз писателей. Сарапулов». Сведущие люди ему объяснили, что в Союз вступают не так. «А как?» — удивился он.

На Сарапулова оглядывались женщины. Однажды Володя вытащил меня на пермский пляж. Рыжий, с розовым винным пятном на торсе бывалого грузчика, выходящий из Камы в красных, прилипших к телу семейных трусах, он производил на них неопишное впечатление. Мне сейчас жена сказала, — обратился к нам один из загорающих, — купи себе трусы, как у того мужика!»

Сарапулов был настоящим русским мужиком, если кому-то и чем-то говорит это определение. Замешанный на крутых дрожжах барачно-коммунальной жизни, он напрямик из уголовной тьмы уральского подвала шагнул в ослепительный свет московских улиц и столичного альманаха. Мэтр Приставкин, ведущий семинар в литинституте, выделял среди студентов-заочников этого бывшего вахтера мяскокомбината. Но здесь-то у Вовочки, как звали его в Перми, и стали возникать проклятые вопросы, которые могли возникнуть у настоящего русского мужика. Володины дневники это отражают четко: «Без очков глаза видели скверно, лишь одни светящиеся нерусские буквы были повсюду. И вдруг — вот счастье! — «Россия»!!! (имелся в виду кинотеатр.) От неожиданности бутылка выскользнула из моих рук и разбилась. Но я тогда не замечал, а смот-

рел на родное слово, как зачарованный, боясь потерять его из виду...»

Тут же наметилось внутреннее расхождение с мэтром. Обращаясь в письме к своему «лицейскому» корешу, Сарапулов сокрушается: «А еще я думаю, что наш любитель детишек, автор «Золотой тучки» и «Кукушат», сейчас не замечает главного: ведь из нашего будущего — детей наших — словно сняли посреди зимы с парника пленку, упорно лепят выродков в смысле физическом и духовном. А если замечает, то почему об этом не пишет?» Сарапулов писал. Он писал жесткие, беспощадные вещи, погружаясь в тайники человеческой психики и подсознательно наступая на пятки собственному исходу: «Настало время, когда Кирилка понял, что нужно: не бояться крови. Уметь играть на гитаре, как Высоцкий. Делать непроницаемое лицо, жуя жвачку. Кирилка начал ловить собак и кошек, уносил их в лес и привыкал к крови. А по ночам он плакал, вспоминая мучения животных: ведь они не виноваты, что он не умеет без их смерти привыкнуть к жизни. А вчера Кирилка повесился...» Писать-то Володя писал, но поскольку из-за принципиальных соображений не мог втесаться в блистательную обойму, его уже больше не печатали. На всех журнальных площадях царили шестидесятники.

Сарапулов «заморозил» учебу в литинституте, прибыл в Пермь и, чтобы прокормить семью, занялся спекуляцией. Он так и называл свое дело, не прячась за респектабельное слово «бизнес». По иронии судьбы, чудово curso, «классик Сарапулов» скупал и перепродавал писчую бумагу и авторучки. Он, как оспу, хотел

привить себе подлое, ненавистное ему ремесло, а потом отыграться, отомстить за то, что поступился талантом: пригвоздить ненавистное оставленной на развод авто-ручкой. Однако — оспинка по оспинке: вот уж и лица нету!

От увиденного и услышанного в отворившемся ему мире мафии Володя все чаще уходил в запой, зверел, вымещал свою боль на близких. Потом шел браться с бичами, раздувал мехи подвернувшегося баяна, а когда лицезрел приближение «красных околышей», орал: — Менты! Суки! Все скажу Боре!

Невероятно, но от него отступались, точно он называл некий пароль. Во всяком случае начальнику УВД, генералу Федорову, которому был адресован черновик письма, найденный мной в сарапуловских блокнотах, Володя пытался что-то сказать. Видевшие его в последние дни свидетельствуют, что Сарапулов задерживал в квартире шторы, не велел отпирать дверей, сидел, набычившись, на стуле, в одной руке — ломик, в другой — топор. В ясные минуты приговаривал:

— Где ж ты, моя отдушина? Где ты, чистый лист бумаги, ручка?! Талантишко, что пропил я!..

Душа его была огромной, кровоподтечной тучей, вобравшей в себя всю дурь, мрак и тлен сдвинувшегося времени. Туча тяжело поползла по небосводу и желала очиститься, разразиться мутным ливнем в заветную тетрадь. Но кому говорить? Кто услышит? Хоть закри-

чись!.. Глухонемые времена. Володя не мог больше носить такой груз... В его дневнике — размашистая, напоминающая кардиограмму запись: «Когда человеческая жизнь ничего не стоит, я не могу жить...» Ему было 37.

«На этом рубеже легли и Байрон, и Рембо, а нынешние как-то проскочили...», — до сих пор поет Высоцкий. У Сарапулова никто никогда не брал интервью. Его не показывали по телевидению. Интервью, как и тридцать лет назад, берут у других. По телевидению показывают тех же самых. Постаревших, но тех же.

— Нас побили втемную, — подводит черту друг Володи, пермский писатель Юрий Власенко. — Нас, которым сейчас от тридцати до сорока. Имен нет. Побивших нас мы не узнали. Побитых не узнали тоже. И не узнают. Наше поколение выпало. На смену пришли двадцатилетние. Нынче они с шестидесятилетними на одной сцене.

— Чем отличаемся мы от писателей-шестидесятников? — размышляет поэтесса Марина Кудимова. — Они боятся за пространство, мы — за время. У них — «новодевичий комплекс»: заполнить собою все площади, не важно, плохо это или хорошо. А посему у них есть пространство, а у нас... У нас теперь и времени нет, потому что из него исчезает поэзия. Художник погибает из-за отсутствия любви. Он не хочет общаться с миром, который его не любит...

... Раньше я и слова такого не знал: суицид. А сейчас его цепкие отростки — в каждой клеточке бытия. Не только русского, а и мирового. Но в особенности русского. Конечно, художники — нервы нации. Конечно, в силу того, что художники — нервы, они неотвратно должны проявить слабость. Слабость — с позиции обыденного сознания. К сожалению, это было всегда и во все времена. Из отечественной истории примеры можно черпать горстями. Но то, что сегодня — друг за другом, кто от рака, кто от запоя, кто посредством хрестоматийной веревки, уходят прозаики и поэты, по преимуществу, мои сверстники, — ошарашивает, подавляет, заставляет задуматься о том, о чем говорили Марина Кудимова и Юрий Власенко.

Писатель уходит еще и потому, что он не прочитан. А если он обречен быть непрочитанным, подкатывает сомнение: писать или не писать?

Ну, допустим, писать он перестанет. Кто это заметит? Неужто общество? Это к лучшему или к худшему? К худшему — для писателя, поскольку немота — форма его пожизненного самоубийства. Но есть еще зеркало национального космоса. И когда оно не отпотевает от дыханий своих художников, то вскоре становится кривым, дает трещину.

Зуб оттого и болит, что нерв чувствует кариес. Если нерв умерщвляется, зуб не болит. Он разрушается тихо. Нет сигнализатора боли. Очевидно, понимая это, примерно за месяц до своего отчаянного прыжка Володя Сарапулов написал: «А хоть что вы со мной делай-

те, хоть сразу убейте, хоть погода немного, но я все равно буду жить вас дольше: я уже создал с десятков настоящих произведений. Вот так-то, ребята! Приступайте! Мочите!»

... Поэты выбрасываются с балконов, как на берег выбрасываются киты.

Похоронили Володю у кладбищенской ограды, за которой начинается территория психушки.

(Юрий БЕЛИКОВ. Комсомольская правда. 1995 г., 25 июня)

ЧАСТЬ I

РИТУАЛЬНЫЕ САМОУБИЙСТВА

СУТТИ — ОБРЯД САМОСОЖЖЕНИЯ ВДОВЫ НА ПОГРЕБАЛЬНОМ КОСТРЕ МУЖА В ИНДИИ

В Индии широко распространено самосожжение женщин. Но виною здесь выступает религиозно-этническая традиция, которая повелевает жене после смерти мужа совершить сати (сутти), что в переводе с санскрита означает «преданная жена» — сожжение на кремационном костре мужа. Упоминание об этом обряде есть еще в священной книге жрецов арийских племен Ригведе. Это значит, что обычаю как минимум 3 тысячи лет. Традиция сохранилась в Индии и до наших дней. Лишь за февраль 1986 г. в Бомбее зарегистрировано 50 случаев сати, в Мадрасе — 147, в Индоре — 144, в Хайдарабаде — 80. Из-за этого обычая процент самоубийств женщин в Индии в несколько раз выше, чем у мужчин.

«Когда-то сати считалось своего рода привилегией избранных, — пишет И. Караванов, который подробно изучил этот вопрос. — Его совершали лишь вдовы пра-

вителей и военачальников. В гигантском погребальном костре махараджи Виджаянагара одновременно нашли смерть три тысячи его жен и наложниц. С телом последнего раджи Танджора сгорели две его жены. Их обугленные кости были измельчены в порошок, смешаны с вареным рисом и съедены 12 жрецами одного их храмов во искупление грехов умерших.

Постепенно самосожжения распространились на представителей высших каст и начали означать не только выражение преданной любви и супружеского долга, но и верность своему господину после смерти».

Русский князь А. Д. Салтыков, который путешествовал по Индии в XIX в., в одном из писем писал: «Мадрасский губернатор, лорд Элфинстон, показывал мне однажды на морском берегу место, предназначенное для сжигания трупов. На костер бедняков идет коровий помет, на костер богатых — сандаловое дерево. Говорят, когда ветер дует с моря, от погребального костра доносится запах жареных бараньих котлет, точно с кухни. Хорошо еще, если бы жгли только мертвых, а то здесь поджаривают иногда и живых. Мать моего нового знакомца — Пудукотского раджи — очень умная и очень добрая женщина, любит своих детей без памяти, а когда умер ее муж, непременно хотела взойти на костер; насилу отговорили ее от этого намерения именем детей.

Но после смерти Танджорского раджи дело обошлось не так просто: его жена сожглась с удивительным хладнокровием. Еле уговорили ее, чтобы она не всхо-

дила на костер, где лежал труп ее мужа, и предпочла смерть на большом огне. Она согласилась и бросилась в яму с пылающим хворостом, где испепелилась в одно мгновение.

Перед смертью она простилась с домашними и министрами, которым поручила своих детей».

Были случаи, когда на погребальный костер покойника всходила целая толпа живых. Так, в 1833 г. вместе с телом раджи Идара были сожжены его семь жен, две наложницы, четыре служанки и слуга.

Англичане, колонизовавшие Индию, запретили сати еще в 1829 г., однако и в наше время дань варварскому обычаю ежегодно платят несколько тысяч индийских вдов. Существует только один шанс избежать сати, не нарушая обычая, — выйти замуж за брата покойного мужа. Но это удается только единицам.

В 1987 г. в Индии установлена уголовная ответственность за подстрекательство к сати и даже за его совершение (если, конечно, женщине удастся остаться живой), но количество жертв не уменьшается.

Обряд кремации покойника и сожжения вдовы на его погребальном костре сохранился в Индии и поныне. Сожжение одновременно с мужем называется саха-марана (совместная смерть). Одиночное сожжение называется ану-марана. Если в день, когда назначена кре-

мация мужа, у вдовы месячные, то ее сати откладывается.

Совершив обряд омовения, облачившись в лучшие одежды, вдова с распущенными волосами следует на берег реки или озера — традиционное место совершения сати. При этом она окружена родственниками, которые, образовав вокруг женщины круг, идут рядом. Исследователь этого обряда И. Караванов пишет, что, «согласно традиции, каждый, кто встретит на своем пути траурную процессию, должен присоединиться к ней.

Носилки с покойным устанавливают на погребальном костре, устроенном наподобие ложа. Поверх него набрасывается покрывало, расшитое ритуальным узором.

У костра вдова снимает все украшения и раздает их близким. А те угощают ее засахаренными фруктами и передают устные сообщения для усопших родственников. Женщину трижды обводят вокруг умершего, поддерживая ее под руки. В последний момент силы часто оставляют вдову, и она беспомощно повисает на руках сопровождающих. Жрец быстро произносит траурные мантры и окропляет ее водой из Ганга (вода Ганга считается у индусов священной — авт.). Вдове помогают подняться на костер. Она садится с левой стороны от мужа и кладет его голову себе на колени.

Кто-нибудь из родственников поджигает поленья... Чтобы женщина не выбросилась из костра, ее ноги

приковывают к тяжелым плахам железными цепями. Раньше бывало, что брахман дубинкой оглушал обезумевшую от боли женщину, если она выскакивала из костра. Чтобы притупить боль, вдовы перед самосожжением часто принимают особый наркотический напиток».

Сандаловые дрова розового цвета, которые обычно используют для погребального костра, продаются на вес на городских базарах. Оставшиеся после кремации уголья и золу, порой еще дымящиеся, высыпают в реку.

То, что в глазах европейцев является дикостью, для многих индусов — духовное возвышение, подвиг, надежный способ искупить грехи или, по крайней мере, улучшить карму, чтобы меньше страдать в следующем воплощении.

ДИКША — РЕЛИГИОЗНОЕ САМОУБИЙСТВО В ИНДИИ

Религиозное самоубийство в Индии — дикша — возводилось в подвиг как самопожертвование богу или очищение от грехов. Такие самоубийства совершались путем самосожжения или самоутопления. В средние века нередко производились массовые религиозные самоубийства. Были и кровавые жертвоприношения в храмах богини Кали, когда молящиеся отрезали себе части тела или убивали себя.

Особенно массовыми были религиозные самоубийства во время паломничества к священным рекам — тиртам. Тот, кто совершает дикшу (самоубийство), якобы достигает мокши — полного освобождения от страданий земной жизни. Самым лучшим для самоубийства считается место слияния Ганга с Джамной у города Аллахабада. Существуют также указания о том, как следует совершить самоубийство, а наиболее предпочтительным считается прыгивание в реку с ветвей священного баньяна. Кто это сделает, тот, по поверью, попадает в обитель бога Шивы. В Аллахабаде по сегодняшний день существуют тысячелетние баньяны, простирающие толстые ветви над мутными водами Ганга. Как в прошлом, с этих деревьев в наши дни прыгают в воду наиболее ревностные индуисты, чтобы покончить все счеты с жизнью и тем самым обрести «спасение».

Еще одним древним обычаем религиозного самоубийства индуистов является смерть под колесами тяжелых колесниц. В связи с этим существует другой вид паломничества — к храму Джаганнатха в Ориссе. Здесь ежегодно в начале сезона дождей при огромном стечении паломников перевозятся из храма в другой конец города статуи богов. В наши дни принимаются все меры, чтобы предотвратить эти кровавые мистерии. Однако отдельные случаи «соединения с божеством», а также увечья и ранения происходят ежегодно. Колесницы тянут канатами многочисленные прислужники храма. По обеим сторонам от них шествуют слоны в ярких обрядовых одеждах. Большие наряды полиции едва справляются с тем, чтобы оттеснять толпы от огромных тяжелых колес, к которым прикованы взоры фанатиков.

ХАРАКИРИ

Харакири иначе называется сэппуку.

Слово «харакири» чаще встречалось в разговоре народных масс, в то время как «сэппуку», синоним харакири, употреблялось в более высоком стиле речи. Кроме этих двух общепринятых терминов реже применялись слова «каппуку» и «тофуку».

СУЩНОСТЬ ОБРЯДА

Неразрывно связан и тесно примыкает к бусидо (моральный кодекс самурая) как часть морали обряд харакири, появившийся в среде сословия воинов в период становления и развития феодализма в Японии. Самураи или другие представители высших слоев японского общества совершали самоубийство (методом харакири) в случае оскорбления их чести, совершения недостойного поступка (позорящего в соответствии с нормами бусидо имя воина), в случае смерти своего сюзерена или же (в более позднее время, в период Эдо, 1603—1867), когда обряд сформировался окончательно, — по приговору суда как наказание за совершенное преступление.

Харакири являлось привилегией самураев, гордившихся тем, что они могут свободно распоряжаться своей жизнью, подчеркивая совершением обряда силу духа и

самообладание, презрение к смерти. Разрезание живота требовало от воина большого мужества и выдержки, так как брюшная полость — одно из наиболее чувствительных мест тела человека, средоточие многих нервных окончаний. Именно поэтому самураи, считавшие себя самыми смелыми, хладнокровными и волевыми людьми Японии, отдавали предпочтение этому мучительному виду смерти.

В дословном переводе харакири означает «резать живот» (от «хара» — живот и «киру» — резать). Однако слово «харакири» имеет и скрытый смысл. Если рассмотреть составное бинума «харакири» — понятие «хара», то можно увидеть, что ему в японском языке соответствуют слова «живот», «душа», «намерения»; «тайные мысли» с тем же написанием иероглифа.

Согласно философии буддизма, в частности учению секты «дзэн», в качестве основного, центрального жизненного пункта человека и тем самым местопребыванием жизни рассматривается не сердце, а брюшная полость. В соответствии с этим японцы выдвинули тезис, что жизненные силы, расположенные в животе и занимающие как бы срединное положение по отношению ко всему телу, способствуют якобы более уравновешенному и гармоничному развитию азиата, нежели европейца, основным жизненным центром которого является сердце.

Несмотря на то что в некоторых работах европейских авторов приводилась мысль об отождествлении японского понимания категории «душа» с аналогичными по-

нятиями у древних греков (называвших вместилищем души — психэ — грудобрюшную преграду) и у древних иудеев (древнееврейские пророки говорили о местопребывании души в кишечнике), «хара» в японском смысле не является эквивалентом «души» в европейском понимании. Здесь можно говорить скорее о чувствах и эмоциях. И не случайно в связи с этим в японском языке имеется множество выражений и поговорок, относящихся к «хара». Например, человек, призывающий другого быть откровенным в разговоре, употребляет выражение «хара о ваттэ ханасимасе», что значит «давайте поговорим, разделяя хара», или, другими словам, «давайте поговорим, открыв наши животы». Характерны также такие изречения, как «харадацу» (подняться к животу, рассердиться), «харагитанай» (грязный живот, подлый человек, низкие стремления) и т. д.

Важное место японцы отводят также «искусству хара» (живота) — «харагэй», названному Дж. А. Кодри «высочайшей формой внутренней коммуникации». Под этим «искусством» подразумевается процесс общения людей на расстоянии в результате интуитивной связи и понимание друг друга при помощи намеков.

Таким образом, живот японцы рассматривают как внутренний источник эмоционального существования, и вскрытие его путем харакири означает как бы открытие своих сокровенных и истинных намерений, служит доказательством чистоты помыслов и устремлений. Другими словами, по понятиям самураев, «сэппуку является крайним оправданием себя перед небом и людьми».

ми». Это больше символика духовного свойства, чем простое самоубийство.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ОБРЯДА

Говоря о харакири как о явлении, развивавшемся и пришедшем к своему логическому завершению на японской почве, нельзя не учитывать, что и у некоторых других народов Восточной Азии и Сибири встречались ранее обрядовые действия, сходные и чем-то отдаленно напоминающие по сути японское сэппуку. Стадиально их можно отнести к более раннему времени, чем собственно харакири. Это позволяет предположить, что обряд разрезания живота в ранний период истории народов Дальнего Востока имел более широкое распространение и был заимствован древними японцами, которые имели этнокультурные контакты с представителями этих народов.

Прежде всего следует обратить внимание на обряд вскрытия живота у айнов. М. М. Добротворский описал один из способов самоубийства аборигенов Японских островов, заключающийся во взрезании брюшной полости (пере) и близко напоминавший японское харакири. Харакири так же, как и пере, часто имело вид пассивного протеста и совершалось не из отчаяния, оно имело скорее оттенок жертвенности. М. М. Добротворский записал у айнов слово «экоритопха», которое означает «принести в жертву инау», или в буквальном смысле «изрезать живот». Культ инау — заструганных палочек, часто антропоморфных или просто длинных дере-

вянных стружек — получил распространение на Дальнем Востоке у айнов, нивхов, орочей, а также японцев, которые преобразованные инау называют «гохэй» или «нуса». Инау, по представлениям народов Дальнего Востока, являлись посредниками между миром людей и «верховных божеств» земли и воды, у которых человек просил счастья и благополучия в жизни, спасения от стихии и всевозможных несчастий, удачи в охоте и рыбной ловле и так далее. Применение инау разнообразно. Их использовали во время культовых действий, при приношении жертв божествам и духам в качестве обмена или платы за что-либо, при похоронах и праздниках; инау держали в каждом жилище на особом месте. Как правило, перед использованием инау освящались шаманом. В этом плане заслуживают внимания факты, говорившие о человеческих жертвоприношениях в древней Японии. О них имеются упоминания в японских хрониках. Чаще всего описывались жертвоприношения божествам воды и рек. Есть сведения также о погребении людей живыми вокруг могил императоров (могил господ), в фундаментах мостов, замков, искусственных островов и так далее. Такие жертвы назывались «хито басира», то есть «человек-столб». Позднее человеческие жертвоприношения были заменены. В «Энгисики», например, описано замещение таких жертв изображениями «канэ-хито-гата» (в виде человеческой фигурки из металла) и «микимари» (предназначенных для божеств рек и воды). Это позволяет предположить, что первоначально пере являлось актом жертвоприношения добровольного, в качестве очистительной жертвы, или насильственного. Внимательное рассмотрение М. М. Добротворским морского инау (атуи-инау) — заструженной палочки, бросаемой айнами в воду во время бурь в виде жертвы божеству моря, навело его на мысль о человеческих жертвоприно-

шениях в прошлом. Гипотеза М. М. Добротворского подтверждается фактом антропоморфности некоторых инау. М. М. Добротворский различал у инау следующие части: голову [эпусись (инау-саба) с макушкой (этожко), волосами (инау-сабару) и ушными кольцами из заструженных веревочек (нинькари)]; шею (трекуф); руки (тэки); туловище, на котором отдельно различается передняя сторона (кото) с волосами (нуса которге), зарубками (тохпа) «как выражением разрезывания живота» и коротенькими застружками (кехпакехпа), «идущими от зарубок вверх и вниз выражающими отвороченные вверх и вниз мягкие части передней стенки живота (гонт акисара)»; ноги. «Судя по этим частям, — пишет М. М. Добротворский, — инау, без сомнения, суть остатки человеческих жертвоприношений».

Л. Я. Штернберг в своей работе «Айнская проблема» в основном соглашался с предположением М. М. Добротворского о пережитках человеческих жертвоприношений на примере с морским инау, говоря также при этом о каннибализме у айнов. Однако в статье «Культ инау у племени айнов» он высказывает уже сомнение относительно гипотезы человеческих жертвоприношений и замене их деревянными инау. К противоречию в исследованиях Л. Я. Штернберга привело существование ряда неантропоморфных инау и инау, не имеющих зарубок вообще. Зарубки же на антропоморфных инау Л. Я. Штернберг трактовал, ссылаясь на объяснения самихайнов, как «брови, глаза, рот, губы или только рот, пупок и половой орган». Подобная оценка этого явления Л. Я. Штернбергом могла быть обусловлена, однако, временным фактором. Л. Я. Штернберг собирал свои сведения у айнов несколькими десятками лет по-

зднее М. М. Добротворского. «К этому времени айны утеряли воспоминание о человеческих жертвоприношениях, рецидивы которых Добровольский еще застал», — отмечает С. А. Арутюнов.

Замена человека или жертвенного животного жертвенным предметом, имеющим вместо практического чисто ритуальное значение, была характерна не только для айнов. Это явление объясняется стадийностью развития культуры того или иного народа при учете экономического (материального) и духовного факторов. Так, например, эвенки часто вместо шкуры оленя, забиваемого в случае несчастья в семье, в жертву духу определенной местности вывешивали полотнище из материи (локоптин). Монголы и некоторые другие народы кладут в особом месте «в дар» духу перевала (местности) просто камень (обо). У японцев широко применяются в синтоистском культе в качестве замены реального предмета бумажные полоски (гохэй) и др.

Культ инау был распространен не только у айнов и народностей бассейна Амура. Инау или похожие на них культовые жертвенные предметы встречались и в других областях Азии, в частности, в ее южной островной части. По этому вопросу среди ученых существует ряд мнений, говорящих о связи инау айнов и аналогичных изображений с территориями Сибири, Юго-Восточной Азии и даже Северной Америки. К. Шустер считает, что это явление — общее для определенной стадии развития человеческого общества, в частности, для палеолитического человека и его духовной жизни; оно проявилось на большей территории, в том числе и в регионе континентальной и островной Азии. Как про-

тивоположное можно рассматривать мнение Тории Рюдзо, считавшего инау (нуса) японским изобретением, занесенным в древности на Японские острова из Маньчжурии и Кореи предками японцев — тунгусским племенем ямато, переселившимся на архипелаг.

В данном случае, вероятно, антропоморфные инау получили распространение у айнов вместо человеческих жертв.

Впоследствии культ инау скорее всего распространился и на домашний культ айнов и других народов Дальнего Востока, а также на ритуал медвежьего праздника и т. д.

Интересен факт применения дерева для изготовления айнами и другими народами Дальнего Востока инау, хотя нельзя отрицать возможность приготовления инау в прошлом из других материалов, в частности из глины. Л. Я. Штернберг пишет: «На дерево примитивный человек смотрит как на существо, имеющее душу. От деревьев, по поверьям многих амурских племен, ведёт свое происхождение человечество». И действительно, легенды, предания, рассказы народностей Дальнего Востока приводят повествования о происхождении этих народностей от деревьев. По одной из ламутских (эвенских) легенд, человек, у которого сгорел дом, странствуя по свету, вышел на берег моря. Там толпа людей стреляла из луков в дерево. Герой легенды тоже выстрелил в дерево, и из него вышла девушка, ставшая его женой. Их дети—ламуты. Аналогичный мотив можно усмотреть в другой эвенской легенде, в

которой говорится о голом ребенке, найденном в дупле охотниками. Легенда о девушке, жившей в стволе дерева, есть и у ульчей. Эта девушка считается родоначальницей ульчей. Подобные мотивы звучат также в рассказах нивхов. По одному из них, первые люди произошли от деревьев: нивхи ведут свое происхождение от сока, капавшего из лиственницы, поэтому их лица имеют темный цвет, как и кора лиственницы; орок — от сока березы, айны — от сока ели.

У негидальцев Л. Я. Штернберг записал предание, по которому человек (женщина) родился из вскипевшей смолы лиственницы. Сходный сюжет встречается в фольклоре японцев. Здесь старый дровосек находит в бамбуковом стволе маленькую девочку, которую затем воспитывает, как родную дочь.

Нередко с палкой или щепкой у народов Дальнего Востока ассоциировалось и понятие о душе.

Вполне возможно, что именно убеждение, что дерево — родственник человека, сыграло определенную роль в замене человеческих жертвоприношений деревянным инау. Можно предположить, что майны стали жертвовать своим божествам (касатке, дельфину и т. д.) инау вместо человека, который мог быть: пленным врагом, захваченным во время межплеменных схваток айнов или в сражениях айнов с нивхами и тунгусо-маньчжурскими племенами; больным или старым жителем айнского селения, приносимым в жертву насильственно или добровольно (в этом случае человек сам мог вспарывать себе живот).

Человека, жертвуемого духам, бросали, очевидно, в море со вспоротым животом (горлом) для того, чтобы лишить его этим самым возможности спасти свою жизнь или показать доброму божеству чистоту (отсутствии злых духов) жертвы. Живот жертвуемого человека мог вспарываться не только перед погружением в воду, но и на суше, что затем могло быть заимствовано японцами в виде самоубийства слуг на могиле господина (дзюнси). Доказательством могут являться «кладбищенские инау» айнов (тусири-инау, или синурахпаинау), которые приносились в жертву не богам, а самим мертвым.

Живот жертвы мог вскрываться и для получения крови, которая рассматривалась иногда в качестве очистительного средства. Эвенки, в частности, считали кровь жертвенных животных источником особой силы, могущей изгнать все злое. Этим, очевидно, можно объяснить наличие в древних погребениях охры, служащей заменой крови.

Возможно, что жертвы, убитые айнами на суше, затем съедались ими, подобно жертвенным оленям или другим животным народностей Сибири, при похоронах членов рода непосредственно вблизи могилы. На это указывают как рассказы самих айнов, так и многочисленные обломки человеческих костей со следами от каменных орудий на них, находимые археологами в раковинных кучах на территории Японии. Скорее всего, эти кости раскалывались предками айнов для извлечения из них костного мозга.

Большой интерес представляют и некоторые моменты похоронного обряда нивхов. Е. А. Крейнович описал обрядовое действие, называемое нивхами «н-аур-к-ранд» (буквально «долбить живот»). Обряд заключался в нанесении куском кремня царапины на животе покойника, лежащего на поленнице дров и приготовленного к сожжению. Называя этот обряд пережитком каменного века, Е. А. Крейнович отмечает, что «живого покойника действительно вскрывали кремневым ножом, чтобы в животе не скапливались газы и труп не корчился бы на огне». Нивхи вспарывали брюшную полость трупа также с целью узнать причину смерти и извлечь злого духа, убившего человека. В этом случае нивх должен был потом зашить разрезанный живот шелковой нитью, вытащенной из халата, пишет Е. А. Крейнович. В связи с этим можно предположить, что живот мог вскрываться для того, чтобы показать соплеменникам, что человек свободен от всего злого и дурного, мешающего жить индивидууму или общности.

Сходные по сути действия наблюдались в свое время также у других народностей Севера — коряков, эскимосов, алеутов и тому подобных.

Так, А. Шренк рассказывал о шаманах, методом лечения которых был поиск болезни («червя») в теле больного. После «нахождения болезни» шаман делал разрез, извлекал «червя» и съедал его. Аналогичное явление было отмечено С. Н. Стебницким у коряков. Он описал один из способов «лечения» шаманом больного: шаман «находил» в человеке нинвита (злого духа), «разрезал» тело больного, «извлекал» из него духа болезни, которого затем «съедал».

Коряки считали, что мертвый человек представлял для окружающих большую опасность, так как в нем мог жить злой дух. Отсюда идут истоки ряда обрядов, охраняющих живого человека от мертвого. По сообщению С. Н. Стебницкого, «с целью убить нинвита труп перед сожжением наносились удары ножом, иначе нинвит мог причинить вред тому потомку, в котором возрождался умерший».

У коряков существовала специальная терминология, связанная с понятием «жизненная сила», «душа». Термин «калалвын» («душа») в словаре А. Н. Жуковой имеет смысл «внутренности человека», «живот», что созвучно в смысловом отношении с японским «хара».

У чукчей в разговорном языке имеется выражение: кэлелвынчейвыткук (кыкэлелвынчейвыткугъи), что дословно может быть переведено как «пройдишь по своим внутренностям», или, в переносном смысле, «подумай про себя». Образовалось это слово от кэлелвын — внутренность, внутреннее состояние, настроение человека, и чейвыткук — расхаживать, прохаживаться.

Эвенский и эвенкийский языки дают аналогичную картину. Слово «эмугдэ» в эвенкийском языке имеет обозначение: внутренности, нутро; разум, рассудок; душа, сердце и так далее; однокоренное с ним «эмугдэдуви» переводится как «подумать про себя». То же в эвенском языке. Слово «эмдъ» означает «внутренности, нутро» — «про себя, мысленно».

В якутском языке слово «живот» обозначается тюркским «ис», «душа» — «дууһа», «ис».

То же можно сказать об индонезийском языке: «живот» — perut; «душа» (в значении «чувство», «воодушевление») — perusaan.

В качестве аналогии следует указать также, что у южных тувинцев пояс халата считался местопребыванием души владельца. Наличие или отсутствие души определялось взвешиванием пояса, которое производилось представителем ламаистского духовенства.

Часто шаманами практиковалось просто «высасывание» духа, или причины болезни, из тела заболевшего человека. Этот способ уже не требовал разрезания тела человека.

Может быть, именно стремлением изгнать из своего тела злого духа или принести себя в жертву этому духу для блага всего рода были обусловлены действия многих сибирских шаманов, наносивших себе во время камлания удары ножом в живот. Свидетельства очевидцев, наблюдавших шаманов, имели часто противоречивый характер. Одни из свидетелей не сомневались в реальности подобных действий, другие называли их обманом. Так, Н. Щукин, описывая камлание якутского шамана, характеризует его манипуляции как грубый обман зрителей, при котором шаман пользуется спрятанной под одеждой кишкой животного, наполненной кровью. Распоров ее, «шаман показывает текущую

кровь зрителям, которые верят, что она течет из шаманского брюха. Иногда он надевает на брюхо несколько рядов бересты, куда вонзив нож, ходит с ним по юрте, выдергивает его и опять вонзает его в брюхо, испуская крики». Следующим образом повествует о камлании тунгусского шамана П. Третьяков: «Режут себе ножом горло и живот протыкают палкой. Это делается для умиловивления дьяволов. В давние времена шаманы после таких фокусов показывали раны с истекающей кровью. Раны считались добрым предвестником в деле, о котором совершалось прорицание».

Возможно, что нанесение ударов ножом в живот в более раннее время носило реальный характер и было вписано шаманизмом вместе с другими элементами дошаманских культов. Позднее, вероятно, обряд был упрощен и удары в живот стали принимать вид имитации, при которой шаман уже не распарывал себе живот. И если некоторыми европейскими учеными прошлого это воспринималось как мошенничество, то для народов Сибири подобные действия продолжали оставаться свидетельством сверхъестественного, доказательством силы духа шамана, которому помогали вынести боль и не погибнуть его шаманские духи-помощники.

И действительно, травмы, которые себе наносил шаман во время камлания, являлись скорее следствием психического настроения, действиями, совершенными в момент экстаза. «Шаманов нельзя рассматривать как фокусников и плутов или как нервных людей, порождающих в болезненном состоянии свое учение», — писал С. М. Широкогоров, неоднократно наблюдавший

чрезвычайную нечувствительность шаманов во время камлания. С. М. Широкогоров эту нечувствительность объяснял «вселением» в шамана его бесплотных духов-помощников, не воспринимающих боль и передающих это качество своему хозяину.

Классифицируя мотивы разрезания живота (имитации разрезания) или ударов ножом в живот, можно выделить следующее: разрезание собственного тела (живота) шаманом для оказания «помощи» соплеменникам (себе) в случае болезни, эпидемии, стихийного бедствия, для умиловивления злых духов, показа своей чудодейственной силы и так далее;

вскрытие живота заболевшего человека (трупа) с целью извлечения причины болезни и обеспечения тем самым безопасности других членов рода в будущем, а умершего — в загробном мире. К изложенному следует добавить, что у большинства сибирских народов имеется четкое представление о важнейшей точке брюшной полости и всего человеческого тела — пуповине. Она связывает новорожденных с телом матери; человек и животное получают через нее от своего родителя жизненные силы; она определяет дальнейшее существование живых существ и после ее разрыва начинается самостоятельная жизнь родившегося. В некоторых случаях, однако, связь человека с матерью посредством пуповины подразумевалась в виде незримой нити. У кетов, например, считалось, что человек постоянно связан пуповиной с Землей-матерью (Пупком Земли), которая считалась покровительницей шаманов. Поэтому перерезание пуповины и вскрытие живота в области пупка могли истолковываться как действия,

которые были призваны прекратить человеческую жизнь, обеспечить переход в иное состояние.

Итак, можно предположить, что представления и обряды, связанные с брюшной полостью человека, были характерны для многих народов Азии и в общем схожи. Возможно, эти представления относятся к древнему пласту в мировоззрении населения континента. Трудно сказать, распространялись они с носителями определенных культур или существовали конвергентно и по какой линии шло их развитие. Однако окончательного завершения эти представления и обряды достигли только на японской почве, превратившись в торжественное действо по вскрытию живота — обряд харакири.

РАЗВИТИЕ ОБРЯДА И ЕГО РИТУАЛ У ЯПОНЦЕВ

В древний период истории Японии обряд харакири не был распространен среди японского населения архипелага. Однако, имея уже определенные представления о животе как главнейшем, по их мнению, пункте человеческого тела, древние японцы, вероятно, легко смогли заимствовать айнский обряд пере. Собственно харакири появилось относительно поздно в среде воевавших против айнов военных поселенцев северных провинций, которые превратились впоследствии в сословие японских воинов.

Вполне закономерен именно тот факт, что обряд начал развиваться у воинов — людей, находившихся в постоянной боевой готовности и всегда носивших при себе оружие — средство для ведения войны и орудие самоубийства. В. М. Мендрин находил аналогию такого же применения оружия для лишения себя жизни в Европе, в древнем Риме, где был распространен обычай бросаться на собственный меч, причем также среди той прослойки общества, которая постоянно имела при себе меч, то есть среди профессиональных воинов.

Начиная с эпохи Хэйан (IX-XII вв.), сэппуку уже становится обычаем буси, при котором они кончали жизнь самоубийством, погибая от собственного меча. Тем не менее обряд не был еще тогда массовым явлением. Самоубийства путем харакири получили широкое распространение у самураев лишь в конце XII в., во время борьбы за власть двух могущественных родов — Тайра и Минамоо. С этого времени число случаев харакири постоянно растет, самураи делали себе сэппуку, чаще всего не желая сдаваться в плен или в случае смерти своего господина.

Харакири вслед за смертью господина («самоубийство вслед») получило название «оибара», или «цуйфуку». В древности в Японии при смерти знатного человека вместе с ним погребали и его ближайших слуг, предметы роскоши и так далее, дабы обеспечить его всем необходимым в загробном мире. Этот обычай стал позднее называться «дзюнси». Впоследствии, чтобы избавить людей от мучительной смерти при захоронении заживо, им разрешалось самоубийство здесь же, на могиле их хозяина. Император Суйнин, правивший в начале на-

шей эры, согласно преданиям, вообще запретил дзюнси а слуг, хоронимых вместе с господином вокруг его могилы («хитогаки» — «ограда из людей»), приказал впредь заменять антропоморфными фигурами из глины. Однако обычай смерти вслед за сюзереном, несколько трансформировавшись, сохранился в феодальное время и принял вид уже добровольного лишения себя жизни посредством харакири на могиле феодала. В соответствии с нормами бусидо самураи ни во что не ставили свою жизнь, отдавая себя всецело служению только одному своему господину, поэтому-то смерть сюзерена и влекла за собой многочисленные случаи оибара. Обязавшись «отдать свои тела господину после его смерти», обычно 10—30 (и более) ближайших слуг феодала умерщвляли себя, сделав сэппуку после его кончины.

Добровольно уходили из жизни не только вассалы феодалов, но и сами даймы. Так, например, в день кончины сегуна Иэмицу (1651) самоубийством покончили пять знатных князей из его окружения, которые не пожелали «пережить своего господина».

В период междоусобных войн харакири приобретает в сословии самураев массовый характер. Вскрытие живота начинает доминировать над другими способами самоубийства. Как сказано выше, в основном буси прибегали к харакири для того, чтобы не попасть в руки врагов при поражении войск своего дайму. Этим же самураи одновременно заглаживали свою вину перед господином за проигрыш в битве; они уходили таким образом от позора.

Одним из наиболее известных примеров совершения харакири воином при поражении является сэппуку Масасигэ Кусуноки. Проиграв сражение, Масасигэ и 60 его преданных друзей совершили обряд харакири. Этот случай считался самураями одним из самых благородных примеров преданности долгу в японской истории.

Обыкновенно вслед за вскрытием живота японский воин этим же ножом перерезал себе горло, чтобы прекратить мучения и быстрее умереть. Бывали случаи, когда самураи или военачальники обезображивали себе перед убийством лицо холодным оружием с тем, чтобы воины противника не смогли уже после смерти использовать головы совершивших харакири в качестве доказательства своей «храбрости» и военного мастерства перед господином и снискать за эту ложь уважение и почет самураев собственного клана. Так поступил Нитта Хсисада, воевавший против Асикага. Он, чтобы не быть узанным врагом, перед харакири изувечил себе лицо.

Другим поводом для сэппуку служило стремление предупредить угрожающее со стороны феодала или правительства сегуна наказание за какой-либо недостойный чести самурая поступок, оплошность или невыполнение приказания. В этом случае харакири совершалось по собственному усмотрению или по решению родственников.

Производилось харакири также в знак пассивного протеста какой-либо вопиющей несправедливости для со-

хранения чести самурая (например, при невозможности совершения кровной мести), в виде жертвы во имя идеи или при лишении возможности применения своих профессиональных навыков воина в составе дружины феодала (скажем, при утере вассалитета). Короче говоря, харакири было универсальным выходом из любого затруднительного положения, в котором оказывался самурай.

Часто самураи совершали харакири по самым незначительным и несущественным поводам. М. Хан описал случай сэппуку двух самураев из окружения императорской семьи. Оба самурая сделали себе харакири после короткого спора из-за того, что их мечи случайно задели друг друга, когда буси проходили по дворцовой лестнице.

Подобная легкость лишения себя жизни была обусловлена полнейшим пренебрежением к ней, выработанным при помощи дзэновского учения, а также наличием в среде буси культа смерти, создававшего вокруг прибегнувшего к сэппуку ореол мужественности и делавшего его имя знаменитым не только среди оставшихся жить, но и в будущих поколениях. К тому же в феодальное время самоубийство посредством вскрытия живота стало у воинов настолько распространенным, что превратилось по существу в настоящий культ харакири, почти манию, и причиной для его совершения мог стать совершенно ничтожный повод. Харакири выполнялось разными способами и средствами, что зависело от методики, выработанной различными школами. Самурай, погружая оружие в брюшную полость, должен был разрезать ее так, чтобы окружающие могли

увидеть внутренности делающего сэппуку и тем самым «чистоту помыслов» воина. Живот разрезался дважды, сначала горизонтально от левого бока к правому, затем вертикально от диафрагмы до пупка. Таким образом, цель — самоубийство вполне оправдывалось средством — харакири; после этого страшного ранения остаться живым было уже невозможно.

Существовал также способ вскрытия живота, при котором брюшная полость прорезалась в виде буквы «х». Первым движением был прорез от левого подреберья направо — вниз. Оно проводилось самураем в сознательном состоянии, тщательно и с вниманием, когда буси имел еще много сил для этой операции. Второй разрез делался уже в условиях большой потери крови при уходящем от сильной боли сознании. Он направлялся с нижней левой части живота вверх — направо, чтобы было легче для правой руки.

Кроме крестообразного вскрытия живота, применялись также и другие способы. Самым распространенным было вспарывание живота посредством косою разреза слева направо — вверх, иногда еще с небольшим добавочным поворотом влево — вверх, или в виде двух прорезов, образующих прямой угол. В более позднее время операция харакири была упрощена: достаточно было сделать лишь небольшой разрез или просто ввести малый самурайский меч в живот, используя при этом вес собственного тела. Очевидно, под влиянием этого упрощенного способа вскрытия живота развился затем способ самоубийства посредством выстрела в живот (тэппобара).

Способ вскрытия живота зависел в основном от самого самурая, от степени его самообладания, терпеливости и выносливости. Определенную роль здесь также играла договоренность с ассистентом самоубийцы, которого иногда выбирал себе самурай для оказания «помощи» при совершении харакири.

В редких случаях харакири производилось не стальным, а бамбуковым мечом, которым было намного труднее перерезать внутренности. Это делалось для того, чтобы показать особую выдержку и мужество воина, для возвеличивания имени самурая, вследствие спора между буси или же по приказанию.

Сэппуку совершалось, как правило, в положении сидя (имеется в виду японский способ сидения, когда человек касается коленями пола, а туловище покоится на пятках ног), причем одежда, спущенная с верхней части тела, затыкалась под колени, препятствуя тем самым падению тела после произведения харакири навзничь, так как упасть на спину при столь ответственном действии считалось позором для самурая.

Иногда харакири делалось воинами в стоячем положении. Этот способ получил у японцев название «татибара» — сэппуку стоя (в естественном положении).

Живот вскрывался специальным кинжалом для харакири — кусунгобу, имевшим длину около 25 см и считавшимся фамильной ценностью, которая хранилась обычно в токонома на подставке для меча, или вакид-

заси — малым самурайским мечом. В случае отсутствия особого орудия для совершения сэппуку, что бывало у самураев крайне редко, мог использоваться и большой меч, который брался рукой за лезвие, обмотанное материей для удобства производимой операции. Иногда обворачивалось материей или бумагой и лезвие малого меча с таким расчетом, чтобы 10—12 см режущей поверхности оставались свободными. При этом кинжал брали уже не за рукоять, а за середину клинка. Подобная глубина прореза необходима была для того, чтобы не задеть позвоночник, что могло явиться препятствием для дальнейшего проведения обряда. В то же время, по правилам сэппуку, необходимо было следить за лезвием, которое могло пройти слишком поверхностно, разрезав только мышцы живота, что могло быть уже не смертельным.

Харакири (как и владению оружием) самураи начинали обучаться с детства. Опытные наставники в специальных школах объясняли юношам, как надо начать и довести до конца сэппуку, сохранив при этом собственное достоинство и проявив умение владеть собой до последнего момента жизни. Это обучение, огромная популярность, распространение и прославление харакири в феодальном обществе Японии давали свои результаты: дети самураев часто прибегали к совершению обряда вскрытия живота. А. Бельсор, например, описал случай харакири семилетнего сына самурая, совершившего самоубийство перед наемными убийцами, посланными к его отцу, но убившими по ошибке другого человека. При опознании трупа молодой самурай, желая использовать эту ошибку для спасения жизни родителя, как бы в отчаянии, выхватил меч и безмолвно распорол себе живот. Преступники, поверившие в этот сво-

еобразный обман, удалились, считая свое дело сделанным.

Для жен и дочерей воинов харакири также не являлось чем-то особенным, однако женщины в отличие от мужчин разрезали себе не живот, а только горло или нанесли смертельный удар кинжалом в сердце. Тем не менее этот процесс тоже назывался харакири. Самоубийство посредством перерезания горла (дзигай) исполнялось женами самураев специальным кинжалом (кайкэн) — свадебным подарком мужа или коротким мечом, вручаемым каждой дочери самурая во время обряда совершеннолетия. Были известны случаи применения для этой цели и большого меча. Обычай предписывал хоронить совершивших харакири с оружием, которым оно было исполнено. Возможно, именно этим можно объяснить наличие в древних женских погребениях мечей и кинжалов.

В соответствии с нормами кодекса бусидо для жены самурая считалось позором не суметь покончить с собой при необходимости, поэтому женщин также учили правильному исполнению самоубийства. Они должны были уметь перерезать артерии на шее, знать, как следует связать себе колени перед смертью, чтобы тело было найдено в целомудренной позе.

Важнейшими побуждениями к совершению самоубийства женами самураев были обычно смерть мужа, оскорбление самолюбия или нарушение данного мужем слова.

Свод церемоний и правил при совершении харакири, вырабатывавшийся на протяжении длительного времени, в общих чертах был уже оформлен при сегунате Асикага (1333—1573), когда обычай сэппуку стал приобретать силу закона. Однако сложный ритуал, сопровождавший сэппуку, окончательно сформировался лишь в эпоху Эдо, когда сэппуку стало применяться официально, как наказание по приговору суда совершивших преступление буси. Обязательным лицом при исполнении официального сэппуку стал помощник делающего харакири самурая — «секундант» (кайсяку, или кайсякунин), отрубавший ему голову.

История сэппуку имеет немало примеров, «когда после вскрытия живота герои находили в себе силы, чтобы писать духовное завещание своей собственной кровью». Однако, несмотря на воспитание в духе дзэн и умение владеть собой, самурай мог подсознательно потерять контроль над своими действиями вследствие ужасной боли и умереть «некрасиво»: с выражением страдания, упав навзничь, с криком и так далее, опозорив тем самым свое имя. В связи с этим и был введен кайсякунин — ассистент осужденного на харакири, в обязанность которого входило прекратить мучения самурая, вскрывшего живот, посредством отделения головы от туловища.

Далее токугавские власти подтвердили и четко определили, что смерть через харакири является почетной смертью привилегированных сословий, но ни коим образом не низших слоев общества Японии. Законодательство досконально определяло также строгую последовательность церемонии харакири, место ее про-

изведения, лиц, назначенных для проведения обряда сэппуку, и так далее.

В случае совершения харакири самураем, стремящимся предупредить наказание со стороны властей или главы клана, по собственному усмотрению или решению родственников, семья буси не лишалась его имущества и доходов, а самоубийца добивался оправдания перед судом потомства и заслуживал почетного погребения. Выполнение же харакири как особого вида наказания, налагаемого за преступление, влекло за собой конфискацию имущества.

Обычно в дом к провинившемуся (перед господином или властями) самураю являлся чиновник, который показывал ему табличку с приговором к харакири. После этого должностное лицо, принесшее приговор, и сопровождающие его слуги могли оставить осужденного дома или же отдать под надзор какого-либо дайме, который становился ответственным за самурая, приговоренного к сэппуку, и за то, чтобы тот не избежал наказания, обратившись в бегство.

В соответствии с кодексом харакири незадолго до церемонии самоубийства происходило назначение лиц, ответственных за проведение процедуры вскрытия живота и для присутствия при этом акте сэппуку. При этом же выбиралось место для исполнения обряда, которое определялось в зависимости от официального, должностного и социального положения приговоренного. Приближенные сегуна — дайме, хатамото и вассалы дайме, имевшие командирский жезл, производили

сэппуку во дворце, самураи низшего ранга — в саду дома князя, на попечение которого был отдан осужденный. Хакакири могло состояться и в храме. Помещение храма или часовни иногда нанимали чиновники для совершения хакакири в том случае, если приказ на сэппуку приходил во время путешествия. Этим объясняется и наличие у каждого путешествующего самурая особого платья для хакакири, которое буси всегда имели при себе.

Для обряда, совершавшегося в саду, сооружалась загородка из кольев с натянутыми на них полотнищами материи. Огороженная площадь должна была равняться примерно 12 кв. м, если сэппуку выполняло важное лицо. В загородке имелось два входа: северный (умб ммон) (перевод его названия — «дверь теплой чашки» — остается пока необъяснимым) и южная — «вечная дверь» (или сюги-емон — дверь упражнения в добродетели). В некоторых случаях загородка делалась без дверей вообще, что было более удобно для свидетелей, которые наблюдали за происходящим внутри. Пол в загороженном пространстве застилался циновками с белыми каймами, на которые укладывали полоску белого шелка или белый войлок (белый цвет считается в Японии траурным). Здесь же иногда устраивали подобие ворот, изготовленных из бамбука, обернутого белым шелком, которые походили на храмовые ворота; вешали флаги с изречениями из священных книг, ставили свечи, если обряд производился ночью, и так далее.

При подготовке церемонии хакакири в помещении стены комнаты драпировались белыми шелковыми тканями. То же делалось и с внешней стороной дома осуж-

денного — она обвешивалась белыми полотнищами, закрывавшими цветные щиты с вышитыми на них фамильными гербами.

Накануне исполнения обряда, если осужденному было разрешено делать сэппуку в собственном доме, самурай приглашал к себе близких друзей, пил с ними саке, ел пряности, шутил о непрочности земного счастья, подчеркивая тем самым, что буси не боится смерти и харакири для него — заурядное явление. Именно этого — полного самообладания и достоинства перед и во время обряда самоубийства — и ждали все окружающие от самурая.

Кайсяку выбирался представителями клана или самим осужденным. Обычно в роли кайсяку выступал лучший друг, ученик или родственник приговоренного к харакири, который в совершенстве мог владеть мечом. Первоначально, в древности, термин «кайсяку» применялся к охранителям господ или к лицам, оказывавшим какую-либо помощь другим. Как сказано выше, начиная с XVII в., точнее с периода Эмпо (сентябрь 1673 — сентябрь 1681), присутствие кайсяку при сэппуку, проводимом по приговору суда, становится уже обязательным.

«Секундант» должен был отрубить голову осужденному, который вследствие духовной слабости или боязни вспарывал живот лишь для видимости, или самураю, который просто не мог довести харакири до конца, не имея на это физических сил (так как впадал в бессознательное состояние).

Самурай, приглашенный на обряд сэппуку в качестве кайсяку, должен был выразить готовность быть полезным в этом деле, но ни в коем случае не изображать печали на лице; это было равносильно отказу, причиной которого было недостаточное искусство владения мечом, что рассматривалось как бесчестие для воина. «Секундант», выбранный осужденным, обязан был поблагодарить его за оказанное доверие и высокую честь.

Кайсяку не должен был употреблять в ходе совершения сэппуку собственного меча, а брал его у осужденного, если тот об этом просил, или у своего дайме, так как в случае неудачного удара вина за это ложилась на меч владельца.

Кроме кайсяку, осужденному, как правило, помогали еще один-два человека. Первый подавал приговоренному на белом подносе малый самурайский меч — оружие совершения сэппуку, в обязанности второго входило преподнесение свидетелям отрубленной головы для опознания.

Накануне церемонии харакири составлялся список лиц, которые, согласно правилам, должны были присутствовать на месте совершения сэппуку. Это были 1—2 главных советника дайме (каро), 2—3 второстепенных советника (енин), 2—3 моногасира — приближенных 4-й степени, заведующий дворцом (русуи, или русубан), 6 прислужников 5—6-го ранга (если осужденный вверялся надзору князя), 4 самурая низшего ранга, которые приводили в порядок место исполнения сэппуку и погребали тело (если просьба родственников

осужденного о выдаче им останков была отклонена). Число прислужников зависело от ранга приговоренного. В случае осуждения харакири в пределах клана (то есть если самурай осуждался на харакири не правительством сегуна, а собственным господином — феодалным князем) осужденному помогали 2—3 прислужника.

В качестве свидетелей выступали общественные цензоры, главный из которых объявлял осужденному приговор непосредственно перед собственно харакири и затем сразу же покидал место, на котором должно было делаться сэппуку. Второй цензор оставался, чтобы засвидетельствовать исполнение приговора. Представители власти удостоверяли не только смерть, но и строгое соблюдение всех церемоний и формальностей при харакири самурая. Важными считались мельчайшие подробности, каждый жест и движение были строго определены и регламентированы.

В соответствии с ритуалом кайсяку и его помощники одевали свои церемониальные одежды (в случае осуждения преступника правительством), при харакири самурая из их собственного клана — только кимоно и поясную одежду — хакама. Хакама перед исполнением сэппуку подворачивалась. При харакири самурая высокого ранга «секунданты» обязаны были надевать белые одежды. Прислужники надевали пеньковое платье и также подворачивали свои хакама. Перед чтением приговора осужденному приносили на большом подносе смену платья, которое надевалось после его прочтения. Во время сэппуку буси был одет в белую одежду без гербов и украшений, которая рассматривалась и

как погребальное платье. Она называлась «синисодзоку» («одеяние смерти»).

После того как подготовка и осмотр места харакири были завершены, а кайсяку и присутствующие при сэппуку проэкзаменованы на знание церемонии, наступал главный момент обряда. Обстановка проведения харакири требовала торжественности и должна была быть «красивой». От присутствующих же требовалось относиться к осужденному со вниманием и уважением.

Хозяин дворца (дома), в котором проводилась церемония, вел цензоров к месту, где зачитывался приговор, при этом этикет требовал, чтобы свидетели были одеты в церемониальное пеньковое платье и шли с двумя мечами. Затем приводили осужденного, окруженного сопровождающими его лицами: моногасира шел спереди, енин — сзади, шесть прислужников 5—6-го ранга — по бокам.

После того как все рассаживались по местам, главный цензор, не глядя в сторону преступника, начинал чтение приговора, стараясь делать это ровным голосом, дабы придать спокойствие и твердость присутствующим. Осужденному разрешено было сказать главному свидетелю то, что он хочет, однако если его речь была сбивчива и несвязна, цензор клана (главный свидетель) делал знак прислужникам, и те уводили приговоренного. В случае если осужденный просил письменные принадлежности, чтобы изложить свою последнюю волю, приближенные дайме должны были ему отказать, так как это запрещалось законом. Затем главный цензор

покидал место совершения сэппуку, и сразу же после прочтения приговора он должен был приводиться в исполнение, чтобы мужество не изменило со временем осужденному.

Прислужники во время чтения приговора сидели справа и слева от осужденного. В их обязанности входило не только всячески помогать приговоренному к харакири самураю, но и убить его (отрубить голову или заколоть) при попытке к бегству кинжалами, которые прислужники прятали у себя за пазухой. Осужденный входил в загороженное пространство (если харакири совершалось в саду) через северный вход и занимал свое место для исполнения сэппуку, садясь лицом к северу. Возможно было и обращение лицом к западу с соответствующим оформлением места исполнения сэппуку. Кайсяку со своими помощниками входил через южные ворота, становился слева сзади, спускал с правого плеча свои церемониальные одежды, обнажал меч и клал ножны от него сбоку, делая все так, чтобы этого не видел приговоренный.

Другой ассистент в это время преподносил осужденному на подносе кинжал, а прислуживающие самураи помогали сбросить одежду и обнажить верхнюю часть тела. Совершающий харакири брал предложенное ему оружие и делал один (или более, в зависимости от способа) прорез в брюшной полости, стараясь перерезать мышцы и кишки по всей ее длине. Производить эту операцию следовало без поспешности, уверенно и с достоинством.

Кайсяку внимательно должен был наблюдать за производящим сэппуку и вовремя нанести окончательный удар умирающему. В зависимости от договоренности и условий совершения харакири выделялись несколько моментов для отсечения головы: когда «секундант» отходит, поставив поднос с кинжалом перед буси; когда осужденный протянет руку для того, чтобы взять поднос (или, согласно ритуалу, поднимает поднос ко лбу); когда самурай, взяв кинжал, смотрит на левую сторону живота; когда осужденный наносит себе удар кинжалом (или делает прорез живота).

В некоторых случаях кайсяку ждал момента потери сознания и только тогда отрубал осужденному голову. Особо важно было для кайсяку не упустить нужный момент для отделения головы от туловища, так как очень трудно обезглавить человека, потерявшего способность владеть собой. В этом и заключается искусство кайсяку.

При совершении обряда харакири обращалось также внимание на «эстетическую» сторону дела. Кайсяку, например, рекомендовалось нанести умирающему такой удар, при котором отделившаяся сразу от туловища голова все-таки повисала бы на коже шеи, так как считалось некрасивым, если она покатится по полу.

В случае когда «секундант» не сумел отрубить голову одним ударом и осужденный делал попытку встать, прислужники-самураи обязаны были добить его.

Когда голова была отрублена, кайсяку отходил от трупа, держа меч острием вниз, вставал на колени и протирал лезвие белой бумагой. Если у кайсяку не было других помощников, он сам брал отрубленную голову за пучок волос (магэ) и, держа меч за лезвие, поддерживая рукояткой подбородок головы осужденного, показывал профиль свидетелю (слева и справа). В случае если голова была лысая, положено было проткнуть левое ухо кадзукой (вспомогательным ножом, имеющимся при ножнах меча) и таким образом отнести ее для освидетельствования. Для того чтобы не запачкаться кровью, «секундант» должен был иметь при себе золу.

После засвидетельствования совершения обряда свидетели поднимались и уходили в особое помещение, где хозяин дома (дворца) предлагал чай, сладости.

В это время самураи низшего ранга закрывали тело, как оно лежало, белыми ширмами и приносили курения. Место, где происходило харакири, не подлежало очищению (в редких случаях его освящали молитвой), оно должно было постоянно держаться в памяти; брезгливое же отношение к помещению, запачканному кровью осужденного, порицалось.

(А. Б. Спевиковский. Самураи — военное сословие Японии. М., 1981)

ОБРЯД САМОУБИЙСТВА В ДРЕВНЕМ РИМЕ

У мужчин сложился свой кодекс чести: самоубийство как искупление позора военных поражений. Этот ритуал подобен ритуалу харакири — побежденный бросается на воткнутый меч или слуга пронзает своего хозяина мечом. Примеры таких самоубийств мы встречаем в жизнеописании многих знаменитых римских царей, воинов и политических деятелей. Эти жизнеописания составлены по Плутарху и другим древним авторам.

КЛЕОМЕН III

Клеомен III (ок. 260 — 219 гг. до н. э.) — царь Спарты в 235—221 гг. до н. э. Провел реформы: кассация долгов, увеличение числа полноправных граждан и т. п. Преобразования его были отменены после его поражения от руководителя Ахейского союза Арата в битве при Селласии (222—221 гг. до н. э.).

«Решительное сражение произошло недалеко от Спарты, около города Селлассии. Судьба боя была решена натиском вдвое превосходящих численностью македонян. 16 000 спартанцев были изрублены на месте, не отступив ни на шаг; спаслись только сам царь Клеомен с 1000 спартанцев и 4000 наемников.

В Спарте ничего не знали об исходе битвы. Оставшиеся в городе граждане, кто чем мог, хотели помочь сражающимся: двери домов были открыты, жители оказывали помощь раненым. Вдруг с немногочисленными спутниками прискакал царь Клеомен, забрызганный кровь и грязью, и сообщил о страшном несчастье.

О дальнейшем сопротивлении нельзя было и думать. Клеомен сам советовал гражданам покориться, умоляя их «сохранить себя для лучших дней родины».

Смерти Клеомен не боялся, но робким, малодушным показалось ему предложение одного из друзей покончить самоубийством. Царь направился к берегу моря, с несколькими друзьями сел на корабль и отплыл в Египет. Он надеялся еще склонить царя Птолемея к новой войне против Македонии и решился ожидать благоприятной перемены обстоятельств.

Вскоре македоняне заняли Спарту. Против ожидания, Антигон обошелся с населением милостиво, сохранив гражданам жизнь и собственность. Все реформы Клеомена были отменены, земля и имущество снова возвращены богачам, восстановлены герусия и эфорат, царская власть отменена. Спарта должна была войти в Ахейский союз.

Когда Клеомен со спутниками прибыл в Александрию, столицу Египта, египетский царь Птоломей III, много лет воевавший с Македонией, принял Клеомена с почетом и обещал послать его в Грецию с флотом и войском

для восстановления на престоле, а пока назначил ему ежегодное содержание в 24 таланта. Привыкший жить скромно, царь Клеомен расходовал большую часть суммы на помощь спартанским изгнанникам в Египте, которых набралось до трех тысяч человек.

Вскоре, однако, царь Птоломей III Эвгерт умер. На престол вступил Птоломей IV Филопатор — ничтожный человек и пьяница. Новый царь все время находился во власти постоянных страхов и подозрений, ловко разжигаемых его любимцами. Придворные внушали, что Клеомен, этот «лев среди овец», как они говорили, представляет для него опасность, так как греческие наемники, служившие в египетской армии, и пелопоннесские изгнанники стоят на стороне Клеомена и по первому его знаку готовы взяться за оружие.

Между тем положение дел в Греции и Пелопоннесе звало Клеомена настоящим образом на родину. Антигон умер, и после его смерти в Пелопоннесе начались новые волнения и война между ахрейцами и этолийцами.

Клеомен, отчаявшись получить от египтян флот и вспомогательное войско, стал просить царя отпустить его одного с друзьями в Грецию.

Однако царь Птоломей не отпускал Клеомена. Более того, он подверг спартанского царя и его друзей домашнему аресту, не разрешая им выходить из дому. Клеомен понял, что его не выпустят из заключения, и

вместе со своими спутниками решился бежать, чтобы вернуться на родину или умереть со славой.

Когда царь Птоломей уехал из Александрии, Клеомену и его друзьям удалось напоить стражу и вырваться на свободу. С оружием в руках, с громкими криками спартанцы призывали жителей столицы к восстанию и свободе. Однако жители в страхе разбежались, прячась по домам при виде кучки храбрецов.

Попытка спартанцев завладеть городской тюрьмой и выпустить заключенных также потерпела неудачу. Теперь им оставалось отдаться в руки палачей или покончить жизнь самоубийством. Они предпочли смерть, достойную спартанцев, и перебили друг друга. Один за другим падали доблестные спартанцы от рук своих друзей. Наконец, остались в живых только двое: царь Клеомен и юный Пантей, любимец царя, некогда первым занявший Мегалополь. Пантей нанес Клеомену смертельный удар, поцеловал его и затем покончил с собой. Так умер царь Клеомен в 219 г. до н. э.

Весть о самоубийстве Клеомена и его товарищей быстро распространилась по городу. Мать Клеомена, Крас-тесиклея, обняв своих внуков горько заплакала. Неожиданно старший мальчик вырвался из ее рук и бросился с крыши вниз головой; однако он не расшибся до смерти, получив только тяжкие увечья.

Узнав о восстании, царь Птоломей велел распять на кресте труп Клеомена, детей же его вместе с бабкой

Крестесиклеей и сопровождавших их женщин — казнить.»

ГАЙ ГРАКХ

Гай Гракх (153—121 гг. до н. э.) — римский народный трибун. Пытался проведением демократических земельных реформ приостановить разорение крестьянства.

Отношения между сторонниками Гая Гракха и аристократами так обострились, что столкновение могло произойти в любой момент. Так и случилось.

Однажды во время жертвоприношения, совершавшегося консулом, один из ликторов грубо крикнул стоявшим рядом друзьям Гая: «Эй вы, негодяи! Уступите место порядочным людям!»

Это вызвало такой взрыв возмущения, что оскорбитель тут же был убит. Узнав о случившемся, Гай пришел в отчаяние: «Что вы наделали? Вы что, не понимаете, что наши враги только и ждут предлога, чтобы обнажить мечи? Сейчас они получили этот предлог»

Действительно, едва весть об убийстве ликтора облетела народ, на улицах стали собираться толпы вооружен-

ных людей. Только хлынувший ливень разогнал всех по домам.

На другой день перед зданием, где совещались сенаторы, появилась толпа, оглашавшая воздух громкими воплями и рыданиями. Сенаторы, услышав шум, вышли на площадь, и консул Опимий, делая вид, что ему непонятна причина волнения, спросил пришедших: «Граждане, что случилось? Почему на вас траурные одежды? Что означают ваши рыдания?» — «Совершилось неслыханное злодеяние. Сторонники Гракха убили вчера ликтора, служителя закона», — отвечали люди, несшие труп. Их притворные вопли и показная скорбь, так же и искусно разыгранное удивление и возмущение Опимия, — все это должно было возбудить римлян против Гая, оправдать расправу с ним и его сторонниками.

Но многие граждане по-прежнему стояли за Гракха. Они возмущались: «Сенаторы еще говорят о правосудии! А где было правосудие, когда Тиберий пал под ударами убийц? Где были сенаторы, когда труп народного трибуна волокли через весь город?»

Они понимали, что гибель ликтора только предлог, чтобы начать расправу с Гаем и его сторонниками. Сенаторы прибегали к чрезвычайным мерам. Опимий получил диктаторские полномочия. Он приказал сенаторам и всадникам явиться при оружии в сопровождении вооруженных рабов.

Потрясенный происходящим, Гай был печален. Долго стоял он на площади перед статуей своего отца. По его щекам текли слезы. Видевшие это люди были глубоко тронуты горем своего вождя. Огромная толпа провожала Гая до дома и охраняла его всю ночь.

Наутро сторонники Гая отправились на Авентийский холм, где они решили обороняться от нападения.

Когда Гай выходил из дома, его остановила жена с маленьким сыном на руках. Упав на колени перед мужем, она умоляла его не идти на Авентин. Но слезы и мольбы жены не удержали Гая. Он молча вышел из дома и в сопровождении друзей отправился к своим сторонникам. Когда все собрались, ближайший друг Гая Фульвий Флакк послал своего младшего сына на переговоры с сенаторами. Тот почтительно обратился к консулу Опимию и сенаторам и сообщил им условия, на которых еще возможно было примирение. Большинство сенаторов, стремясь избежать гражданской войны, не возражали против переговоров. Они хорошо помнили, какую ненависть заслужили в Риме убийцы Тиберия Гракха.

Но Опимий грубо ответил посланцу: «Я не намерен вести переговоры через мальчишку! Пусть Гай и Фульвий сами придут сюда и попросят пощады».

Узнав об ответе Опимия, Гай хотел сам отправиться на площадь и убедить консула и сенаторов не допускать кровопролития. Но друзья не пустили его: коварство

врагов было слишком известно. Тогда Фульвий снова послал своего сына. Опимий приказал схватить ношу, а сам во главе вооруженных воинов двинулся к Авентину. Критские лучники, наемники Опимия, еще издали стали поражать противника. Началась паника. Один за другим гибли друзья Гракха. Фульвий и его старший сын укрылись в заброшенных банях, но были обнаружены и убиты. Гай не хотел участвовать в битве, не хотел поднимать оружие на сограждан. Уйдя в храм Дианы, он намеревался покончить с собой.

«Пусть боги накажут римский народ за неблагодарность, — сказал он друзьям. — Народ, который покидает своих вождей в беде, вполне достоин вечного рабства».

Друзья все-таки уговорили Гая бежать. Горстке людей удалось незаметно покинуть храм и устремиться к воротам в стене, окружавшей Авентин. К несчастью, Гай оступись и вывихнул ногу. Враги, напавшие на след беглецов, настигли их. Друг Гая Помпоний взялся задержать преследователей. В крепостных воротах завязался рукопашный бой. Силы были неравны, и через несколько минут герой пал мертвым.

Тем временем Гай, с трудом ступая на больную ногу, спускался к Тибору, надеясь по мосту перебраться на противоположный незаселенный берег. Встречные сочувствовали Гаю и подбадривали его. Но напрасно он молил дать ему коня, чтобы спастись от преследователей. Страх перед местью аристократов пересиливал жалость. На мосту преследовавшие Гая враги вновь

были остановлены. Сподвижник Гая Лициний повторил подвиг Помпония: несколько минут отражал он удары врагов, пока не погиб.

Когда Гай в сопровождении верного раба достиг священной рощи, крики преследователей раздавались уже совсем рядом. «Друзей у меня больше нет, а врагам не хочу достаться живым», — сказал Гай своему рабу и показал на меч. Тот понял желание господина и нанес ему смертельный удар.

БРУТ

Брут Марк Юний (85 — 42 гг. до н. э.) в Древнем Риме глава заговора 44 г. до н. э. против Юлия Цезаря. Возглавил республиканцев в борьбе со вторым триумвиратом.

Брут и его друзья ничего не добились. Они устранили Цезаря, но не могли восстановить республику. У власти остались цезарианцы. Во главе их стоял Марк Антоний, близкий Цезарю военачальник — храбрый, горячий, но нерешительный. Вторым вождем цезарианцев был начальник конницы при Цезаре Марк Эмилий Лепид. Третьим был молодой внучатый племянник Цезаря Октавиан. Они составили правительство, известное как второй триумвират, и разделили между собой власть.

Брут и его друзья бежали в Грецию, готовясь к борьбе. Брут проявил замечательные качества полководца и правителя. В короткое время он собрал значительные силы. Малая Азия, Сирия, Греция были за него. К нему стеклись бывшие солдаты и офицеры Помпея. Царьки Малой Азии доставляли ему оружие и деньги.

Еще недавно Брут и Кассий покинули Италию беглецами, без денег, без оружия, не имея ни одного корабля, ни одного города на своей стороне. А через несколько месяцев у них был отлично снаряженный флот, пехота, конница, богатая казна и обширная территория на востоке Римского государства.

Несмотря на различие характеров обоих вождей-республиканцев — Брута и Кассия, они прекрасно ладили друг с другом. Кассий был суров, даже жесток к подчиненным и беспощаден к врагу. Брута даже враги уважали за прямоту, великодушие, честность и незлопамятность.

Кассий захватил остров Родос, где беспощадно расправился с теми жителями, которые противились республиканцам. Он говорил, что от того, кто не пощадил Цезаря, нельзя ждать милости.

Брут осадил город Ксанф (в Ликии), обитатели которого предпочитали капитуляции смерть в огне. Брут награждал тех воинов, которые спасали из огня горожан. После этого другой ликийский город, Патары, сдался

Бруту без сопротивления. Завоевав эти города, Брут обратился к жителям острова Самоса:

— Ксанфяне, отвергнув мои милостивые предложения, превратили свою родину в могилу, в пепелище. Патарцы, доверившись мне, сохранили и жизнь, и свободу. Выбирайте!

Самосцы, получив это письмо, достойное по краткости древних спартанцев, сдались Бруту.

Брут и Кассий сосредоточили свои силы в Македонии, у города Филлипы.

Триумвиры, готовясь к борьбе, тоже собирали армию для разгрома республиканцев. Вскоре Марк Антоний и Октавиан привели верные им легионы в Македонию. Их войска расположились лагерем неподалеку от республиканцев.

Силы противников были приблизительно равны. Только у Брута и Кассия было больше конницы.

Обе армии стояли друг против друга в бездействии. Республиканцы не хотели решительной битвы. Они рассчитывали, что, после того как отрежут противника от источников снабжения, его войска вынуждены будут сдать.

Однако Антоний и Октавиан сумели навязать республиканцам сражение.

Противников разделяло обширное болото. Антоний задумал преодолеть его и зайти в тыл врагу. Для вида Антоний ежедневно производил смотр своих солдат, а втайне часть легионеров сооружала насыпь на болоте, чтобы сделать его проходным. Через десять дней насыпь построили, и по ней, без лишнего шума, ночью двинулось войско. Силы Кассия оказались окруженными.

Кассий быстро принял ответные меры: его воины соорудили поперек болота стену. Легионы Антония бросились на штурм стены. Так завязалось сражение при Филлипах. Когда правое крыло Антония зашло в тыл, конница Кассия, не думая о сопротивлении, стала отступать. Оставшись без прикрытия, пехота также дрогнула. Все попытки Кассия остановить воинов не увенчались успехом. Пришлось отступить и ему. В лагерь ворвались враги. В это время спутники Кассия увидели быстро приближавшихся к ним всадников. Это был передовой отряд Брута, спешивший на помощь. Но Кассий решил, что это неприятельская погоня. Его уговорили послать на разведку человека. Им был некий Титиний, близкий друг Кассия. Всадники узнали его и встретили радостными криками, многие спешили, обнимали его. Но это привело к несчастью. Кассий решил, что Титиний попал в руки врагов. В отчаянии Кассий бросился на меч.

Узнав о поражении Кассия, Брут поспешил к нему, но застал своего друга уже мертвым. Оплакивая соратника, Брут сказал, что это был последний римлянин, ибо человека такой силы духа нам уже не видать. Брут ободрил солдат Кассия, обещал каждому награду и уверял, что окончательная победа близка. Ведь ему удалось одержать победу над Октавианом. Воины Брута ворвались в лагерь противника, но Октавиана там не застали, он успел выбраться за лагерные укрепления.

Роковой для республиканцев оказалась двойная ошибка полководцев: Брут был уверен, что Кассий победил и потому не сразу пришел к нему на выручку, а Кассий считал, что Брут погиб, и потому не дождался его помощи.

Брут занялся восстановлением лагеря Кассия. Республиканский полководец решил не штурмовать вражеских позиций, пока не будут собраны воедино все силы. Это решение было ошибкой. Многие командиры и воины Кассия были недовольны, что ими командует Брут. Дисциплина в войске республиканцев упала, как и вера в победу.

У триумвиров положение тоже было не лучше. Продовольствие заканчивалось. Лагери стояли в низине, в болоте. Все со страхом ожидали зимних холодов. В довершение бед пришло известие о поражении на море: корабли Брута уничтожили суда, которые везли пополнение и продовольствие.

Когда Антоний и Октавиан получили это сообщение, они решили поторопиться с битвой, стремясь завершить борьбу до того, как Брут узнает о победе его моряков.

Пасмурным ноябрьским утром войско республиканцев стало строиться в боевой порядок. Ждали приказа о начале сражения. Но Брут безмолвствовал. Его словно подменили. Он колебался, не принимал решения. Многие республиканцы перебежали к противнику. Брут перестал доверять даже друзьям. Только к вечеру он дал сигнал к битве. Войско пришло в движение. Началась вторая битва при Филлипах (ноябрь 42 г. до н. э.). Сражение первое время шло успешно для республиканцев. Во главе левого фланга Брут повел своих солдат на врага. Противник был смят и стал отступать. Но правое крыло Брута было слишком ослаблено. Оно не выдержало удара врага и отступило. Армия Брута попала в окружение и почти вся была уничтожена.

В этот грозный час Брут показал чудеса храбрости и мастерство полководца; но переломить ход битвы было уже невозможно. Его воины сражались не так, как когда-то, особенно те, которые попали к нему из отряда Кассия. Многие сдавались в плен, но лучшие соратники Брута пали, сражаясь до конца. Некоторые из них пытались спасти Брута. Так, один из друзей, Луцилий, увидев, что всадники врага мчатся к Бруту, бросился наперерез, крича, что он Брут и что он сдается на милость Антония. Обрадованные воины с торжеством отвели мнимого Брута в шатер Антония. Сохраняя спокойствие, Луцилий сказал:

— Марка Брута никто не захватил в плен и, надеюсь, никогда не захватит. Я обманул твоих солдат и за это готов претерпеть любой наказание.

Присутствующие были одновременно и растеряны и поражены смелостью и хладнокровием Луцилия. К их удивлению Антоний сказал:

— Мы овладели добычей, которая лучше той, какую искали. Искали врага, а приобрели друга. Клянусь богами, не знаю, что бы я сделал с Брутом, попадись он мне. А такие люди, как этот Луцилий, пусть всегда будут друзьями Антония, а не врагами!

С этими словами он обнял Луцилия, который на всю жизнь оставался ему преданным.

Тем временем Брут бежал. Он переправился через реку, берега которой поросли густым лесом. Уже стемнело, когда он остановился в лощине у подножия высокой скалы. Брут долго сидел в глубоком раздумье. Потом он стал громко оплакивать друзей, которые пали защищая его в бою. Каждого он называл по имени, никого не пропуская. Всем спутникам он приказал позаботиться о спасении.

Наступила самая тихая и темная пора ночи. Брут наклонился к преданному ему рабу Клиту и что-то ему шепнул. Клит ничего не ответил и заплакал. Брут поздравил своего оруженосца Дардана и довольно долго го-

ворил с ним с глаза на глаз. Дардан угрюмо молчал. Тогда Брут обратился к своему другу Волумнию, напомнил об их долгой дружбе и сказал:

— Окажи мне теперь последнюю услугу: я возьму меч, а ты положи руку поверх моей, чтобы прибавить силы удару.

Волумний наотрез отказался. Тут кто-то заметил, что враг приближается и надо бежать. Брут встал.

— Да, надо бежать, — сказал он, — но я буду действовать не ногами, а руками.

Он был совершенно спокоен. С улыбкой простился со всеми по очереди, поблагодарил друзей за верность. Напоследок он снова призвал всех позаботиться о спасении жизни и отошел в сторону. Трое двинулись за ним следом, в том числе грек по имени Старатон, давний приятель Брута. Брут велел ему стать рядом с ним, упер рукоятку меча в землю и, придерживая меч обеими руками, бросился на него. Острие пронзило его насквозь. Так окончилась жизнь Марка Юния Брута.

САМОСОЖЖЕНИЯ СТАРООБРЯДЦЕВ

Если обратиться к истории старообрядчества, то мы увидим, что, начиная с 70-х гг. XVII столетия, старообрядчество истребило десятки тысяч своих приверженцев, в том числе и детей. И подавляющее большинство предало себя самосожжению.

Во второй половине 1721 — в начале 1722 г. центральные правительственные учреждения направили новые указы и распоряжения с требованием скорее завершить запись раскольников в двойной оклад. 24 февраля 1722 г. последовала инструкция «О свидетельстве душ мужского пола», данная генерал-майору П. Г. Чернышову и определявшая порядок первой ревизии.

Одной из неожиданностей для петровских законодателей явилось упорное нежелание старообрядцев, особенно на севере и востоке страны, признать систему записи в двойной подушный оклад. Согласие уплачивать двойной оклад рассматривалось многими из них как подчинение силам антихриста и помощь им. Стойкое нежелание быть занесенными в списки «слуг сатаны» характерно было для радикальных направлений восточного старообрядчества в течение всего XVIII и XIX вв.

Непосредственное проведение переписи поручалось военным. В тарские скиты был послан отряд во главе с полковником А. И. Парфеньевым. Экспедиция полков-

ника Парфеньева в глазах многих явилась новым подтверждением конца света и привела к трагическим последствиям: она возродила в Сибири отчаянную форму старообрядческого протеста прошлого XVII в. — массовые самосожжения.

В своих донесениях правительству митрополит Антоний подчеркивал, что самосожжения явились протестом против введения двойного оклада и что старообрядцы категорически отказываются как платить этот оклад, так и присоединяться к православной церкви.

Первая после 80-х гг. XVII в. вспышка массовых самосожжений в Сибири явилась ярким показателем напряженности положения. Жертвы этих самосожжений — беглые крестьяне или крестьяне, покинувшие свои деревни непосредственно для самосожжения. В октябре 1722 г. тобольские власти были обеспокоены первыми известиями о волнениях ишимских, ялуторовских, тюменских крестьян. В этом районе осенью 1722 — весной 1724 гг. произошли следующие самосожжения:

гарь в деревне Зырянской Тюменского дистрикта (незадолго до середины октября 1722 г.), гарь в деревне Коркиной на Ишиме Ялуторовского дистрикта; крупное самосожжение на реке Пышме, в котором по слухам, распространявшимся в середине октября 1722 г., в ялуторовских деревнях погибло около 400 тюменских и ялуторовских крестьян; самосожжение крестьян 25 декабря 1722 г. в деревне Ировской Абацкой слободы на Ишиме; 21 апреля 1723 г. жители 10 дворов деревни Камышевской на Исети в количестве 78 человек собра-

лись в дом отставного солдата Максима Дернова для самосожжения, после уговоров властей 7 из них оставили свое намерение, а остальные сгорели в начале мая; между 12 и 28 марта 1724 г. в болотистых лесах за рекой Пышмой сгорело 145 человек, которые съехались сюда из различных тюменских и ишимских деревень; среди них было несколько жителей города Тюмени.

А. С. Пругавин, дореволюционный историк старообрядчества и сектантства, в одной из своих статей, напечатанных в 1885 г. в журнале «Русская мысль», попытался подсчитать число раскольников, обречших себя на смерть в огне. Только до 1772 г. сожгли себя заживо не менее десяти тысяч человек. Надо отметить, что это число самосожженцев следует считать минимальным. Сообщая о групповых и семейных самосожжениях, архивные документы весьма часто прибавляют к той или иной цифре слова «и прочих с ними». Костры самосожженцев вспыхивали и после 1772 г. По сведениям, собранным тем же историком, например, в 1860 г. сожгло себя 18 старообрядцев.

Положение старообрядцев в России особенно изменилось к худшему после воцарения на престол Екатерины. В 1764 г. царские войска разгромили раскольников поселения на Ветке. В 1765 г. было предписано вместо откупных денег брать с раскольников рекрут натурой (не стали исключением даже те, кто находился в скитах). Указом 1767 г. для купцов, записанных в расколе, вводилось взимание двойного оклада с вносимых ими податей и прочих сборов с торгов и промыслов.

В 1768 г., в противовес указу Петра III, вновь запрещалось строить раскольничьи церкви и часовни. Обосновывая это решение, владыки православной церкви из Синода писали: «Правда, что в Российской империи инославным христианским религиям кирхи, публичные, так и магометанам свои мольбища иметь дозволяется; на раскольники не в пример, ибо от тех нашим православным никакого повреждения не происходит», — иное дело от популярных в народе раскольников.

При этом брался путь на единоверие: подчинение независимого от государства старообрядчества официальной церкви.

Указом 1764 г. освобождались от двойной подати те раскольники, «кои православной церкви не чуждаются и таинства церковные от православных священников приемлют», а креститься же они могут и двумя перстами.

Иерархи официальной церкви именовали раскол «гидрой». Уподобляясь Гераклу, палачи в мундирах не только рубили, но огнем жгли протестантов на кострах и в срубках. Вместе с этим нарастал и протест среди раскольников. В ответ на разгром Ветки в 1764 г. вновь запылали срубы самосожженцев.

В Олонецком уезде группа крестьян-раскольников вместе с какими-то пришлыми заперлась в избе. К дому подошли староста и десятские, стали спрашивать о неведомых людях. Вместо ответа один из них вышел

на улицу с топором в руках, ударил десятского и отсек ему руку. Изумленная толпа не шевельнулась. Незнакомец спокойно возвратился в избу и захлопнул дверь. В окнах вспыхнуло пламя. 15 человек раскольников погибло на этот раз в огне.

В Новгородской губернии крестьяне деревни Любач были доведены до отчаяния. 35 человек собрались у крестьянина Ермолина и объявили, что сожгутся. Об их намерении сообщили властям. В деревню прибыл поручик Копылов с командой солдат, архиереем и попом. Объявили самосожженцам, что если они примут двойной оклад, то будут отпущены по домам без всякого наказания за сборище. Раскольники отвечали:

—Ваша вера неправая, а наша истинная, христианская; крест четвероконечный — прелестный (в смысле «прельщать» — авт.), почитаем осьмиконечный; да и в божественном писании у вас много неправостей, и если нас станут разорять, то мы не сдадимся и сделаем то, что господь прикажет. А ежели нас разорять не станут, то мы гореть не хотим. Пусть будет нам грамота за рукою государыни, чтоб быть нам по-прежнему, а в двойном окладе не быть, и в церковь нас принуждать не будут.

Вскоре к засевшим в избе присоединились еще 26 человек. Наступил конец августа. В огороде поспели овощи. Раскольники просили Копылова разрешить им пойти за капустой. Это им дозволили. Из избы вышли около 20 мужчин и женщин с ружьями, топорами, ду-

бинами. Они набрали полные мешки овощей и снова закрылись в избе.

Сенат обо всем этом доложил императрице. Они предложили, что если раскольники и дальше будут упорствовать, то забрать их силой и отправить в Нерчинск. Но Екатерина решила по-другому: она распорядилась выбрать среди раскольников поумнее и направить их на переговоры. После долгих уговоров и убеждений любачские раскольники разошлись по домам и записались в двойной оклад.

Огонь самосожжения благословлен был высшими авторитетами раскола, в первую очередь протопопом Аввакумом. В одном из его сочинений, написанных уже в годы заточения, содержится восхваление первых саможигателей: «Суть уразумевша леть отступления, да не погибнут зле духом своим, собирающесе во двory с женами и детками и сожигахуся огнем своею волею. Блажен извол сей о господе».

Чаще всего раскольники жили не компактно, а рассредотачивались среди прочего населения. Входя в общие муниципальные объединения, они вместе с тем образовывали свои религиозные общины, сплоченные не только единством веры, но и общностью чисто житейских интересов.

Прообразом замкнутых в себе раскольничьих объединений являлись древнехристианские общины. Базируясь на их преданиях, раскольники почитали только се-

бя истинными христианами, окруженными миром язычников.

Опорными базами формирования религиозных общин раскольников являлись скиты и молельни. Например, в начале XIX столетия в Тверской губернии, в местности Тетерки, затерявшейся в лесу, находился скит федосеевского согласия. Вскоре он был уничтожен властями.

Раскольников, гонимых правительством и церковью, всячески шельмовали, распространяли о них всевозможные небылицы, обязывали нашивать желтый козырь на верхней одежде. В итоге они превратились в отщепенцев, на некоторых из них люди смотрели как на нечто ужасное, а желтый козырь выдавал раскольника на посмеяние любому дворовому мальчишке. В этой обстановке гонимый раскольник «зажав нос и уши, торопливо пробегал мимо православной церкви, чтобы не чувствовать запаха ладана, выходившего из нее, и не слышать ее колокольного звона».

Так на протяжении ряда поколений формировался характер раскольников: скрытный, самолюбивый, но вместе с тем нравственный и честный.

Все убежденные старообрядцы были очень фанатичны. Особенно женщины. При гонениях, на допросах они обычно отвечали на все кратко:

— Делай со мной, что хочешь.

— Веди на казнь.

«Многие бы охотно подвергли себя мукам», — замечает один из преследователей раскола.

В XIX столетии раскол все больше заходил в тупик. Земная жизнь, казалось раскольникам, ничего положительного им больше не сулила. Осталась последняя надежда на царство небесное. В этих условиях вспыхивают изуверские тенденции религиозного освящения самоубийства. Возникает раскольничья секта «морельщиков», из которых, в свою очередь, складывались толки «самосжигателей» и «соединяющихся со Христом» — самоубийц или просящих единоверцев лишить их жизни.

Подобные тенденции формировались особенно среди нетовцев и филлипповцев. Они утверждали, что если кто себя заморит постом, или сам себя сожжет, то станет таким же угодником и великомучеником, как святые.

Так, около 1830 г. в селе Копены Аткарского уезда Саратовской губернии несколько десятков человек, взрослых с детьми, избрали по жребию из своей среды одного губителя и все были им умерщвлены.

Другая группа людей, собравшись в отдельном строении, обложила его соломой, хворостом и подожгла.

Многие обгорели, но большая часть самосожженцев была вытащена из огня подоспевшей полицией.

В Калязинском уезде Тверской губернии два молодых филипповца, 30 и 18 лет, решились принять мученическую смерть. Старший написал завещание, которое отражает их настроение перед смертью — отрешение от всего земного в ожидании царства небесного:

Прощайте, отцы наши любимые,
Лихом не поминайте
И слезы о нас не проливайте,
Только на бога уповайте...
А мы идем во славу божию.

Ночью молодые люди отправились в лес, сложили костер. Став перед пламенем, иступленно пели молитвы. Старший первым хотел броситься в огонь, но младший упросил предоставить ему это право, чувствуя недостаток сил перенести зрелище мучения друга. С пеном хвалебного богу гимна юноша вошел в пламя. При виде мучений своего друга, старший не выдержал. Полный сострадания, он бросился в огонь, вытащил полубгорелого приятеля, дождался, пока тот пришел в сознание, стал убеждать его сохранить свою жизнь, а когда младший товарищ опять впал в забытие, сам вошел в пламя. Обессиленный юноша был свидетелем нечеловеческой силы воли старшего друга. Утром его нашли. Юноша был еще жив, рассказал обо всем, но вскоре умер от ожогов.

Во Владимирской губернии крестьянин Никита сжег свой дом и в нем двоих собственных детей, предварительно зарезанных им на горе за селением. На допросе он показал, что поступил так под влиянием библии и совершил детоубийство в подобию Аврааму, который приносил богу в жертву сына своего Исаака. Никиту сослали в Забайкалье. Он поселился в Средней Борзе на Аргуни. Живя здесь, он часто уходил в лес, где стояла маленькая часовня. Он подолгу не возвращался. Однажды пастухи зашли в часовню и обнаружили в ней следующее: под навесом был вкопан в землю большой деревянный крест. Его срубил и вкопал сам Никита. А на кресте висел распятый человек: голова в терновом венке склонена набок. В крепкий мороз висел он голый, только подпоясавши низ живота белым платком. В боку была рана, все тело забрызгано кровью. У подножья креста лежало копые и орудия страстей господних. Когда люди сняли распятого с креста, он был еще жив. Никиту вылечили и призвали к допросу. Он отвечал, что жертвовал собой за грехи людские и выбрал для этого вечер великой пятницы.

Распинал он сам себя. Сначала прибил к кресту ноги правой рукой, придерживаясь левой за поперечину креста, потом левую руку насадил на большой гвоздь, заранее вбитый так, что торчало острие. То же хотел сделать и с правой рукой, да силы покинули его — ослаб, повис. Так, с опущенной рукой, и нашли его пастухи. «Захотелось умереть, как умер Христос за людей», — говорил Никита.

Праведный костер был для старообрядца далеко не единственным путем в царствие небесное. Были и голод, и омут, и топор, и нож.

В 1896 г. происходила первая всеобщая перепись населения империи. На Тираспольских хуторах Херсонской губернии проживала раскольничья монахиня Виталия, которая имела большое влияние на старообрядцев. В организованной переписи населения она увидела приближение конца света, страшного суда. Она учила, что лучше умереть, нежели быть занесенными на переписные листки.

По словам обер-прокурора Синода Победоносцева, некоторые сектанты поверили монахине и отнеслись к этой переписи отрицательно, видя в ней насилие над их верой и считая ее средством занести их в списки с печатью антихриста. Были употреблены различные средства избежать этой переписи вплоть до намерения подвергнуть себя самосожжению.

На этой почве религиозной нетерпимости и произошел страшный случай погребения заживо раскольников с их согласия. Под влиянием проповедей монахини Виталии, обитатели хуторов решили принять мученическую кончину, но остаться верными своей религии. 23 декабря 1896 г. девять сектантов приготовили себе яму и отпели над собой «чин погребения». Когда они легли в яму, старообрядец Федор Ковалев, как каменщик, по их просьбе, заложил яму кирпичом.

Ф. Ковалев был убийцей 25 человек и в том числе двоих своих малолетних детей, жены и 60-летней матери. Все заживо погребенные и сам Ковалев были убеждены, что эта смерть приведет их в «царствие небесное».

Через четыре дня после этого случая были замурованы заживо еще шесть человек.

В день переписи Виталия вместе с некоторыми другими единоверцами отказалась дать сведения переписчикам. Она и пять других сектантов были заключены в тюрьму, но после 5-дневной голодовки были освобождены.

В феврале 1897 г. Федор Ковалев похоронил заживо в два приема еще десять человек и в том числе Виталию.

Раскрытие этого страшного дела привело к аресту Ковалева и заключению его в тюрьму. Позднее Синод пошел далее и направил его в арестантское отделение при Спасо-Евфимеевском монастыре в Суздале.

Федор Ковалев был заключен в арестантское отделение 22 февраля 1898 г. и помещен в отдельную камеру под строгий надзор монастырского начальства. В монастырской тюрьме он провел семь лет, а затем был переведен в келью монастыря. В своем письме к сестре Ковалев сообщал о своем примирении с жизнью арестанта: он прожил в этой «коробке» семь лет, но даже

если проживет здесь до 70 лет, не будет просить о своем освобождении.

САМОУБИЙСТВА ХРИСТОФОРОВЦЕВ

В России массовое движение старообрядцев преследовалось церковью и государством. Именно это стало причиной перемещения старообрядцев из центральной России в безлюдные места на окраинах государства.

На железной дороге, которая связывает две магистрали: линию из Москвы на Урал, в Сибирь, на Дальний Восток и линию из Москвы в Воркуту есть небольшая станция Безбожник.

Край, где находится эта станция, некогда представлял собой глубокую глухомань. И не случайно, конечно, что одну из станций Вятско-Двинской дороги, проложенной в последние годы прошлого века, назвали Староверческой.

И вот в этом краю незадолго до первой мировой войны объявился и быстро прижился «странник» Христофор Зырянов. Ему было тогда сорок лет, он носил внушительную бороду, имел цепкую память, хорошо подвешенный язык и отличался способностью ловко жонглировать всевозможными богословскими словами и име-

нами, гипнотически завораживая доверчивых слушателей.

Принадлежал Христофор к одному из самых фанатичных течений — истинно православным христианам странствующим, или, как звали их в просторечии, бегунам, странникам. В этих местах они называли себя истинно православными странствующими христианами.

«Бегунскую веру» Зырянов и принялся здесь насаждать и распространять. И лет через десять Христофор стал полновластным наставником многочисленных единоверцев. Верноподданные его распадалась на несколько категорий — на благодетелей, последователей, странников и скрытников.

Благодетелями были, как правило, зажиточные крестьяне, в домах которых, оборудованных тайными подвалами и чуланами, прятались странники и скрытники. Последователями называли людей, которые оказывали скрытикам всякие услуги «в мире». Странниками именовали разъездных вербовщиков и связных между сетью благодетелей и тайными лесными скитами. И наконец, скрытники — монахи и монахини, давшие обет поститься и молиться до смерти. Собственно говоря, они уже считались умершими «для мира», и, по рассказам здешних людей, единоверцы для отвода глаз даже хоронили их, при всем честном народе степенно и горестно пронося по деревне пустой гроб.

Зырянов в течение 12 лет был старейшим Вятского предела. На всем протяжении (более полутысячи километров) к 1929 г. было, по словам Христофора, около 150 странников и около 300 последователей и благодетелей. Старцы располагали штатом помощников.

В середине 20-х гг. в лесах христофоровцы построили главную свою обитель — починок Град. Рядом с просторным, двухэтажным домом были сооружены две тщательно укрытые землянки, оборудованные русскими печами, нарами, колодцами. Тропинок не было, странники пробирались к землянкам по специально поваленным деревьям. Христофор Зырянов призывал своих единоверцев: «Скрываться становится все труднее и труднее. Остается один выход — самому и поскорее уйти из жизни, добровольно принять самоумерщвление». «Самоумерщвления я производил на основе писания, — говорил Христофор. — Я узнал из священного писания, что это можно делать, что святые отцы восхваляли такие подвиги. Мое мнение таково: кто умер для бога, тот сделал святое дело...»

В 1932 г. возле лесных землянок были утоплены десять скрытниц. Принятие самоумерщвления проходило в определенном порядке. Облаченных в длинные холщовые рубахи женщин на смерть выводили из землянок по три — по четыре. Лица их — такие же безжизненно-серые, как и холст смертных рубах: «совершенно подвига», «принятию венца мученического» предшествовала десятидневная голодовка. Скрытницы еле держались на ногах, их заботливо поддерживали под руки помощницы Христофора, который степенно шествовал во главе процессии. Вслед за обреченными шли обита-

тель скита и благодетель — хозяин починка, в его обязанности входило рыть могилы.

У края ямы скрытниц обвязывали полотенцами (чтобы потом выволочь на берег) и сталкивали в грязную, гнилую жижу. Если они не тонули сразу, то одна из скитниц, старуха Филлипея Плехова, погружала головы в воду.

«Как правило, завязывали полотенцами и вниз лицом опускали в воду, потом сверху прижимали руками, чтобы они не всплывали, — говорила впоследствии одна из скитниц, Галина Земцова. — Смерть носила мученический, изуверский характер. Например, когда утоплялась Елена Лузянина, то очень сильно билась ногами...»

Елене было всего 25 лет.

В этой яме погибли Александра Логинова, Анфия Варфоломеева (обеим было около тридцати лет), 30-летняя Лидия, 50-летняя Макрина.

Тела «принявших венец» зашивали в рогожи и закапывали в наспех вырытых ямах, не ставя креста.

Зимой, когда речки, ямы, болота накрепко замерзали, христофоровцам приходилось искать другие пути в царствие небесное. Одним из них была угарная баня возле избы Александры Шишкиной в деревне Шишкари. Девушки, обреченные на смерть, сами накололи и

принесли дрова, сами натопили баню. Потом Христофор отвел их туда и запер дверь. Но в последнюю минуту ужас перед смертью взял верх над фанатичной старообрядческой религиозностью. Из бани послышались крики, стоны, мольбы выпустить. Опасаясь огласки, Христофор приказал перенести полуживых девушек в избу. Пришлось добить их ядом.

На одной из полян в лесу после десятидневного поста заживо сожгла себя 20-летняя скрытница Олимпиада Крюкова. «Она стояла на костре, сложа руки на груди, — вспоминала позднее Зоя Чазова, странница, исполнявшая обязанности курьера (она наблюдала за самосожжением, спрятавшись в кустах), — и когда пламя вспыхнуло, Олимпиада закричала: «Господи, помилуй! Для тебя, господи!..»

Летом 1932 г. христофоровцев обнаружили в Градовских лесах, а сам Христофор Зырянов предстал перед судом. Умерщвления им удалось скрыть от следствия и «наставник» получил только ссылку. Но вскоре ему удалось бежать. Вскоре Христофор основал новый скит — на реке Лузе. В непролазном буреломе скрытники построили два барака — мужской и женский. Благодетель Иван Ситников привез в скит родного внука Ваню — 8-летнего слепого мальчика. Посулив мальчику «райские яблоки» на том свете, Христофор отвел его к реке, обвязал полотенцем и погрузил в прорубь с головой.

— Смотрите, — обратился он к обитателям скита, — мальчик совершил подвиг, чтобы получить венцы небесные, а вы, взрослые, не решаетесь!

В обоих христофоровских скитах погибло не менее 60 человек. Около половины — моложе 30 лет, из них 14 — молодые люди от 15 до 23 лет, трое детей.

САМОУБИЙСТВА СЕКТАНТОВ «НАРОДНОГО ХРАМА»

В XX в. самым поразительным самоубийством по религиозным мотивам было деяние секты «Народный храм». «Приобщение современного человека к темному суеверию, — пишет в статье о «Народном храме» Еремей Парнов, — чревато... страшными последствиями. Пример этого — кошмарные события, связанные с сектой «Народный храм», основанной преподобным Джимом Джонсоном, полужурером-полупророком. Свыше девятисот трупов нашли американские солдаты, прочесавшие сельву Гайаны, куда укрылись от сомнительных даров буржуазной цивилизации «тамплиеры» Джонса.»

Сектанты выпили прохладительный напиток «кун эйд», щедро замешанный на цианистом калии. Это были люди, доведенные до безумия «белыми ночами» (так именовались генеральные репетиции коллективного самоубийства в концлагере Джонса) и прочими мистическими радениями. Эти люди покорно пошли на смерть.

Даже выдавшую виды американскую прессу трагедия в сельве ввергла в состояние шока.

Неужели с людьми можно делать такое? Очевидно, можно. На то и существует веками взлелеянная в тени культуры изощренная система подавления духа и умерщвления плоти.

Для одних восточная мистика — щекочущая нервы игра, для других — смертельных прыжок в омут, откуда не бывает возврата.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЕКТЫ «АНАНДЫ МАРГА»

Одна из «модных» сект, которая получила массовое распространение в последнее время, — секта «Ананда Марга» (в переводе «Путь к блаженству»). Она была организована в 1955 г. 34-летним Саркаром.

Жизнь «Ананда Мурти», в миру Саркара, представляет собой смесь легенд и преступлений. Родился «баба» (то же что и «гуру» — учитель, наставник) в индийской деревне в штате Бихар. Как утверждает его легендарное жизнеописание, уже в 5 лет Саркар совершил чудо. По улицам деревни бежала взбесившаяся корова, распугивая встречных крестьян. Не испугался лишь маленький Саркар. Он подошел к корове, прикоснулся

пальцем к ее лбу, а она в свою очередь опустилась на колени и произнесла: «баба».

Год спустя юному герою приснился Шива, бог разрушения в индуистской религии. Являлся Саркару и Кришна — одно из воплощений бога Вишну, мудрый воин и божественный пастух. Эти боги наделили его сверхъестественными силами и даром исцеления. «Зачем Саркару надо было быть после этого журналистом и бухгалтером — известно только Шиве и Кришне», — иронически замечает журнал «Штерн». «Гуру» начал проповедовать в 30 лет, выступая при этом против «эгоизма, эксплуатации и коррупции, за мораль, порядок, честность». Первыми слушателями были его сотрудники по работе на железной дороге.

Свою организацию он назвал сектой «моралистов». Согласно его учению, «моралисты» посредством медитации (углубленного размышления, сосредоточения) должны достигнуть «высшего сознания», что сделает их братьями и сестрами, позволит им освободиться от тягот нынешней жизни и затем править обновленным миром.

В 1967 г. «моралисты» начали участвовать в выдвижении кандидатов для участия в политической жизни, но безуспешно. Тогда «гуру» сменил тактику и начал вербовать в свои ряды представителей органов власти.

В 1970 г. в верхушке секты завязалась борьба за власть. Саркар сместил своего секретаря, обвинявшего

«гуру» в тщеславии, а затем других приближенных. Несколько бывших приверженцев «баба» из его первого кружка бесследно исчезли. Позже в джунглях нашли тела шести человек, разрубленные на куски. Бывший помощник «гуру» опознал погибших и сказал, что он и сам был приговорен «любимым отцом» к смерти. Состоялся судебный процесс по этому делу, и «гуру» посадили в тюрьму на 5 лет, причем на процессе свидетели заявили, что «проповедник морали» участвовал в пьянках, оргиях и других отнюдь не нравственных деяниях.

С 1973 г. учение «моралистов» стало распространяться и в Европе. Не менее 3.500 человек стали заниматься медитацией по рецептам Саркара. Из Европы затем сектантство распространилось и на другие континенты: приверженцы движения появились в США, Австралии.

2 октября студентка медицины из Сиднея перед зданием отделения ООН в Женеве, будучи одурманенной в секте «Ананда Марга», облила себя бензином и подожгла. «У меня есть пламенное желание бороться против роскоши и эгоизма этого мира», — воскликнула австралийская наследница миллионов Линетта Филипс.

Вероучение секты представляет собой пеструю смесь из йоги с ее психотехникой медитации, шиваистского варианта индуистской религии с акцентом на карательных функциях грозного бога Шивы и тантризма — учения о получении сверхъестественной энергии посредством магических обрядов.

Вот что вещает сам «баба»: «Я сделаю моих приверженцев богами и моих последователей великими святыми, надо забыть свою жизнь, чтобы победить». В центр секты, находящейся в пригороде Калькутты, ежедневно съезжаются последователи «Ананда Марга» со всего света. Здесь они поют незамысловатые мантры (заклинания на санскрите), созерцают конвульсивные танцы с черепом в одной руке и кинжалом в другой и, наконец, удостоиваются лицезреть самого «Ананда Мурти».

Секта держится на фанатической дисциплине и беспрекословном повиновении вождю. Чтобы быть принятым в правящую элиту этой секты, послушник должен совершить магический ритуал, сидя на трупе человека и держа в руках череп. Обычно такие церемонии проводятся ночью в местах захоронения.

Организация секты подразделяется на две категории: приверженцев и посвященных, которые позже меняют свое имя и становятся монахами. Монахи, полностью подчиняющие свою жизнь секте, активно вербуют новых приверженцев. Они организуют лекции и курсы о йоге, обучают медитации. Клынувшие на экзотику молодые люди попадают в специальные лагеря, разбросанные в разных местах Европы, Азии и Америки. В них планируется каждая минута: музыка и танцы чередуются с докладами, телесные упражнения с медитациями. Юноши и девушки почти совсем не спят и очень мало едят. Когда они спрашивают у монахов о волнующих их проблемах, им советуют больше «медитировать». В результате такого промывания мозгов молодежь начинает жить в вымышленном мире.

По сообщению журнала «Шпигель», эпидемия самоубийств среди членов секты перекинулась и на Европу. Так, молодые немцы Эрика Рупперт, 24 лет, и Гельмут Кляйнкнехт, 28 лет, после путешествия в Индию и США, где они изучали мизантропическую практику секты и пытались проповедовать ее идеи, облили себя бензином и подожгли перед западноберлинской церковью. В прощальном письме-листочке они написали, что сделали это «из любви ко всему человечеству». Лидеры западногерманских филиалов «Ананда Марга» не считают себя ответственными за это самосожжение и рассматривают его как свободное волеизъявление бывшего студента-психолога, сына пастора из Мюнхена Дода Локеша (новое имя Гельмута) и юной Диди Ума Брчи (новое имя Эрики).

2 августа 1978 г. «баба» Саркар был освобожден из тюрьмы. Он сразу стал ездить из города в город. Его приветствовали приверженцы растущего движения. На Западе они пытаются привлечь к себе внимание безумными террористическими актами, дикими ритуалами.

Западные журналисты сравнивают секту «Ананда Марга» со старинным кораблем, а Сакара — с фигурой на его носовой части. На веслах сидят его секретари, контролирующая организацию секты, ее миссионерскую деятельность, финансы, а также планирующие антиправительственную деятельность и террористические акты.

Что же привлекательного находит в учении «любимого отца» молодое поколение буржуазного Запада?

Во-первых, Саркар ставит перед ним якобы гуманные цели: помогать бедным, угнетенным, исцелять страдающих, любить все человечество... И для этого надо сжечь частичку человечества — самого себя... Казалось бы, социально значимые для всех людей земли цели по существу оборачиваются, таким образом, извержением в отношении к самому себе и ближайшему своему окружению.

Во-вторых, эта секта представляется некоторым из них подлинным эталоном человеческого сообщества, семьи. Зачастую безработные, без надежд на будущее, молодые люди клюют на приманки душевности, увлеченности интересным делом. «Идеальная семья», «истинное сообщество» Саркара является в то же время точным социальным индикатором процесса разрушения реальной семьи, разрыва отношений между отцами и детьми.

В-третьих, ищущему смысл жизни молодому человеку предлагаются готовые образцы восточной мудрости, мнимое глубокомыслие изречений Саркара, тем самым как бы предлагается возможность обрести некую душевную гармонию. Разрушение духовного мира молодых людей, потеря ими психического и физического здоровья наступает потом...

САМОУБИЙСТВО ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ СЕКТЫ «ВЕТЬ ДАВИДОВА»

С тех пор, как главу секты «Ветвь Давидова» власти обвинили в незаконном хранении оружия и приказали сдаться, он вместе со своими единомышленниками укрылся в поместье «Маунт Кармел». Первая атака поместья сотрудниками Федерального бюро, которая состоялась 28 февраля 1995 г., натолкнулась на отчаянное сопротивление. Что же предприняли власти дальше?

За час до рассвета танк М-60 протаранил в нескольких местах стену цитадели, а сотрудники ФБР, согласно заранее разработанному плану, пустили в ход слезоточивый газ.

Вскоре расположенные снаружи снайперы заметили, как сектанты стали поджигать постройки. Вспыхнул пожар. В течение 30 минут от крепости остались одни руины. В огне заживо сожгли себя 86 приверженцев Кореша, провозгласившего себя новым мессией, среди них его жены и все его 17 детей. Две женщины готовились стать матерями, у одной ребенок должен был родиться через два месяца.

Представитель ФБР Боб Рикс после расследования заявил: «Мы полагаем, что Дэвид Кореш отдал приказ совершить самоубийство, и они все послушно повино-

вались... Он хотел, чтобы в его поместье как можно больше погибло людей. Не случайно они называли это место «Ранчо Апокалипсис».

Сектанты, которые покинули ранее осажденную крепость, в интервью журналистам называли агентов ФБР «слугами станы» и утверждали, что они изначально вынашивали планы погубить всех верных новоявленному Иисусу Христу.

Министр юстиции США Джанет Рино заявила, что штурм и натиск представлялся ей самым надежным способом покончить с длившейся 51 день осадой, тем более, что она ни на минуту не принимала за чистую монету угрозы Кореша совершить массовое самоубийство.

САМОУБИЙСТВА В СЕКТЕ «ОБЪЕДИНЕННОЙ ЦЕРКВИ»

Наиболее распространенной в западном мире считается мистическая секта «Объединенной церкви», иногда ее называют «Церковь унификации».

Основателем этой секты является Сон Мьюнг Мун — «блеск солнца и луны», как переводят последователи этой секты имя, а точнее псевдоним своего наставника. Родился он 6 января 1920 г. в крестьянской семье последователей пресвитерианской церкви на севере Ко-

реи. Участь в школе, он посещал молитвенные собрания пятидесятников. В 1936 г. на Пасху его посетило видение: сам Иисус Христос явился религиозному подростку и сообщил, что тот призван завершить миссию, которую Иисус предпринял около 2 тысяч лет назад. Правда, скрытный юноша никому о своем видении не рассказал.

Как утверждают фанатичные сторонники Муна, будущий пророк, получивший в Японии специальность электрика, благодаря своим выдающимся талантам мог бы без труда получить диплом инженера, но делать этого не стал, ибо твердо решил следовать по божьему пути. Это и привело Муна, который еще тогда носил настоящее свое имя Ионг Мьюонг Мун, в «Израэль Судо Вон» (Монастырь Израэль) — расположенную в местечке Пажу на севере от Сеула обитель модного в то время проповедника Паик Мун Кима. Там будущий «отец мироздания» провел в 1946 г. шесть месяцев.

Что же представляют собой «Божественные принципы» Муна?

Это мешанина из христианских сюжетов, фрагментов восточной религии. Мун считает семью созданием нечистой силы, так как Ева согрешила с сатаной, принявшим облик змея и обрекла людской род на долгие страдания. Христос, как и наши прародители — Адам и Ева, был рожден безгрешным, но не успел выполнить свою миссию — вступить в брак с идеальной земной женщиной и произвести на свет очищенных от греха «совершенных» детей.

Поскольку Мун также безгрешен, то вместе со своей женой они составят Подлинную семью. Только вступив в нее, человек может спастись. А настоящие родители и родственники являются представителями «сатанинского», греховного мира. «Мы являемся Семейей, — поучают лидеры «Объединенной церкви», — относясь друг к другу как дочери и сыновья, как матери и отцы во главе с нашими Подлинными родителями». И хотя Мун не принимает прямого участия в создании «совершенного» потомства, он определяет совместимость молодых людей друг к другу в сексуальном отношении и проводит массовые бракосочетания. Причем некоторые новобрачные встречаются за несколько дней до свадьбы, а иные общаются через переводчика.

Американский социолог Г. Хендин, который занимался изучением последователей Муна, отмечает: «Среди этих молодых людей я не встретил ни одного, у кого не было бы каких-то серьезных неудач в семейной жизни. В отчаянии они бегут от боли, которую им причинил внешний мир, тянутся к поддержке, делающей их детьми, к структуре семьи, создающей веру».

Вот непосредственное свидетельство одного из членов «Объединенной церкви»:

«Мы начали мое обучение в субботу пополудни. Я был единственным «учеником», окруженным двумя «учителями». Обычно недоверчивый и скептически настроенный, я тем не менее согласился выслушать несколько пояснений насчет Библии, Иисуса и бога, хотя пару раз

и возразил. После двухчасового разговора мы поели и вновь начали заниматься.

И вдруг, когда мне в который раз объяснили учение мессии, меня посетило божье прозрение! Нет, я не увидел бога, но в одно мгновение всё понял. Все — что такое добро и зло, в чем смысл жизни и веры в бога...

Началось это откровение в 3 часа утра и закончилось в 10 вечера.

«...Невозможно представить, что всего лишь за несколько часов я превратился в верующего человека. Сейчас я так сильно верую в бога, как глубоко ни во что не верил совсем недавно. В одно мгновение я стал фанатиком бога».

История человечества делится, по Муну, на три периода: эпоха Авраама — формирование рода человеческого; эпоха Иисуса — развитие человечества; наконец, эпоха Муна, который явился на землю, чтобы завершить священную миссию и освободить людей от сатаны. «Я мыслитель, я ваш мозг!» — любит внушать своим последователям Мун.

Постепенно Мун превращает молодых людей в оловянных солдатиков своего «божьего воинства».

— Что вам дороже — жизнь Истинных родителей или ваша жизнь?

— Жизнь истинных родителей!

— Чья жизнь должна быть отдана богу в случае необходимости: жизнь Истинных родителей или ваша жизнь?

— Моя жизнь.

— Готовы ли вы на это?

— Да.

— Тогда повторяйте за мной: «Истинный отец, я готов отдать свою жизнь. Если она вам нужна, возьмите ее. Если я смогу такой ценой спасти вас и Истинную мать, и вашу семью, я готов умереть... Это счастье — умереть за Истинного отца. Это прекрасно!»

И вскоре появляются в прессе сообщения о жертвах среди последователей учения Мун. «Чересчур много загадочных смертей среди последователей Муна», — озаглавила газета «Франс-суар» свою статью.

Кристин Кост, 29-летняя студентка, была найдена в Нью-Йорке заколотой ножом и выброшенной из окна. В 1976 г. в Гарлеме был убит другой член секты. Немного позднее — еще одна смерть: юный Аллен Стоггс бросился в шахту лифта в отеле, принадлежащем Муну. Потом с двадцать второго этажа этой же гостиницы

выбросился молодой японец, тоже член «Объединенной церкви».

Вскоре подобные случаи были зарегистрированы во Франции. В 1977 г. молодой бретонец, «поклонник Муна, который хотел и нас привести в секту», как потом признавалась его бабушка корреспонденту газеты «Монд», покончил с собой. Этот юноша — его звали Патрик Эсно — сжег себя заживо на пустынном берегу моря.

20 июля 1984 г. Мун был арестован в штате Коннектикут.

ЧАСТЬ II

СПОСОБЫ САМОУБИЙСТВ

УМОРЕНИЕ ГОЛОДОМ

К этому способу самоубийства прибегнул Гай Альбуций Сил — римский юрист 2 в. Основные его произведения — институции — классические изложения римского права по отдельным институтам. О нем повествует историк Гай Светоний Транквилл в книге «Жизнь двенадцати цезарей» (Москва, 1993 г.).

«Ритор Гай Альбуций Сил из Новарии, будучи в родном городе эдилом, однажды правил суд, но те, против кого он вынес решение, согноли его с судейского места пинками. Возмущенный этим, он тотчас отправился за ворота и далее в Рим. Там он был принят в кружке оратора Планка, который имел обыкновение перед своей декламацией выпускать какого-нибудь другого оратора; взяв эту роль на себя. Альбуций так ее выполнил, что Планк вынужден был молчать, не смея с ним соперничать. Прославившись этим, он завел собственную школу и обычно, объявив тему контрверсии, приступал к ней сидя, а затем постепенно разгорячался и заканчивал стоя. Декламировал он на разный лад — то пышно и с блеском, то сжато, низменно и чуть ли не

площадными словами, чтобы не показаться педантом. Вел он и судебные дела, но очень редко, выступая только в важнейших процессах и только с заключительными речами.

Потом он покинул форум, отчасти из стыда, отчасти из боязни. Дело в том, что однажды перед центумвирами, браня противника за нечестие по отношению к родителям, он воскликнул фигурально, как бы предлагая ему возможность поклясться: «Клянись останками отца твоего и матери, которые лежат без погребения» — и так далее в этом духе. Тот принял предложение, судьи не возражали, и Альбуций проиграл дело, за что и подвергся жестоким нападкам. В другой раз, в Медиолане, перед приконсулом Луцием Пизоном, защищая обвиняемого в убийстве с таким успехом, что ликторам приходилось сдерживать восторг присутствующих, он разгорячился до того, что стал оплакивать участь Италии, как бы снова обращенной в провинцию, и воззвал к Марку Бруту, статуя которого стояла тут же, именуя его «законов и свободы зиждителем и блюстителем», за что чуть не поплатился.

Уже в старости, страдая язвой, он вернулся в Новарию, созвав народ и объяснив ему в длинной и нелепой речи, почему он решил умереть, он уморил себя голодом.»

ОТРАВЛЕНИЕ ЯДОМ

Отравление ядом — способ самоубийства, известный еще издревле. К этому способу прибегали мно-

гие: и знаменитые политики, писатели, поэты, артисты и совсем неизвестные люди, желавшие покончить счеты с жизнью. Среди известных — Сократ, Демосфен, Фемистокл. О последнем — подробнее.

В эпоху греко-персидских войн выдвинулось целое поколение бесстрашных борцов за родину. История сохранила нам мало сведений о жизни и подвигах этих героев. Но деятельность наиболее выдающихся вождей народа осталась в памяти последующих поколений. Особенно интересна жизнь вождя афинских демократов Фемистокла.

Фемистокл хотел объединить все греческие государства для борьбы с персами. Он призывал греков забыть взаимные распри и подняться на защиту отечества. На Коринфском перешейке состоялось собрание представителей греческих государств. Было решено, что сухопутные силы греков возглавят спартанцы, которых считали самыми опытными воинами. Несмотря на то, что афиняне выставили больше военных кораблей, чем все остальные государства, командование флотом тоже было вручено спартанцу. Фемистокл считал, что не стоит спорить перед лицом врага: «В момент опасности единство настолько лучше внутренних раздоров, насколько мир лучше войны».

Одним из первых Фемистокл понял, что после изгнания персов главным соперником Афин стала Спарта. В случае возможного столкновения Афины оказывались беззащитными, так как персы разрушили городские стены. Спарта под разными предложениями запрещала

афинянам восстанавливать укрепления. Фемистокл пошел на хитрость. Он начал строительство стен и одновременно пригласил спартанских наблюдателей прибыть в Афины и убедиться своими глазами, что стены не строятся. Когда те прибыли, Фемистокл арестовал их и продолжал возводить стены. Стены были восстановлены, и Фемистокл сам отправился в Спарту для переговоров. Он не боялся за свою жизнь, так как спартанские наблюдатели оставались в Афинах заложниками. Как ни сердились спартанцы они вынуждены были примириться с постройкой стен. Фемистокл продолжал укреплять морскую мощь Афин. Он построил и укрепил афинскую морскую гавань Пирей и спустил на воду много кораблей. По его совету союз греческих государств был расширен. Много новых городов-государств вступили в союз, признали главенство Афин и внесли деньги на строительство новых кораблей.

С островными государствами Фемистокл обращался повелительно и гордо. Он требовал от них безоговорочного подчинения Афинам.

Постепенно популярность Фемистокла среди афинян падала. Народ боялся, что политика Фемистокла вовлечет Афины в опасную войну со Спартой. Кроме того, характер Фемистокла был небезупречен: у него не доставало чувства меры и справедливости, и часто, вопреки закону, он прибегал к насилию. Симпатии афинян перешли к Аристиду, старому противнику Фемистокла. Спарта видела в Фемистокле своего величайшего врага и не жалела денег, чтобы подорвать его влияние.

В 471 г. до н. э. Фемистокл был изгнан из Афин остракизмом. И Афины, и Спарта преследовали спасителя Греции как предателя.

Фемистокл некоторое время скрывался от людей, но долго так продолжаться не могло. Он решил отправиться в столицу к самому персидскому царю. В это время Ксеркс уже умер, и правил его сын Артаксеркс. Через знакомого знатного перса Фемистокл передал царю письмо.

«Я, — писал он, — тот самый Фемистокл, который больше всех эллинов принес вреда персам. Я сделал это потому, что мне пришлось обороняться от нападения твоего отца. Но когда опасность для Греции миновала, я послал предупреждение царю Ксерксу и посоветовал ему скорее уйти из Европы. Этим я приобрел право на благодарность. Я и теперь в состоянии оказать тебе большие услуги. Через год я тебе это докажу».

Царь обрадовался и предоставил Фемистоклу действовать, как он желает. Фемистокл использовал год, чтобы как можно лучше изучить персидский язык и обычаи.

Фемистокл много разъезжал по Персии, знакомясь со страной и ее населением. Но вскоре его поездки стали небезопасными. Он узнал, что враждебно настроенные к нему персидские вельможи хотят его убить. После

этого Фемистокл поселился в одном из городов, пожалованных ему царем, и стал жить там безвыездно.

Прошло несколько лет. Царь не напоминал Фемистоклу об его обещаниях оказать персам большие услуги.

Только в 464 г. до н. э., когда пришла весть о восстании Египта — одной из сатрапий персидской державы, — а также о том, что египтянам помогают афиняне, Артаксеркс вспомнил обещание Фемистокла и потребовал, чтобы тот выступил вместе с ним в поход на Грецию.

Фемистокл не пожелал пойти против своей родины. Он собрал друзей и, совершив жертвоприношение богам, принял яд. Говорят, что ему было тогда 65 лет. Впрочем, были историки, которые утверждали, что Фемистокл умер от болезни, избавившей его от выполнения обязательства, которое шло вразрез с его желаниями.

Узнав о самоубийстве Фемистокла, царь почувствовал еще большее уважение к человеку, который не захотел запятнать свою славу борца за свободу Эллады. Он не стал преследовать его семью (у Фемистокла было 10 детей) и оставил им имущество отца.

ВСКРЫТИЕ ВЕН

Вскрытие вен многие тоже использовали для самоубийства, и среди них — Лукан Марк Анней (39 — 65 гг. н. э.) — римский поэт. Его главный труд — историческая поэма в 10 книгах «Фарсалия, или о гражданской войне» (между Цезарем и Помпеем).

Марк Анней Лукан из Кордубы впервые доказал свое дарование похвалами Нерону на пятилетних состязаниях. Затем он выступил с «Гражданской войной Помпея и Цезаря». Ему еще не было 21 года, так что в одном предисловии, сравнивая свой возраст и первые опыты с вергилиевыми, он решил сказать:

... Но как далеко мне
До «Комара!»

... Нерон вызвал его из Афин, причислил к своим ближним друзьям и даже удостоил квестуры, но он недолго пользовался этими милостями. Обиженный тем, что как-то раз император во время его открытого чтения неожиданно назначил заседание сената и ушел только для того, чтобы освежиться, он с тех пор не стеснялся ни в словах, ни в резких поступках против него. Однажды, в общественном месте, испустив ветры с громким звуком, он произнес полустишие Нерона:

Словно бы гром прогремел под землей...

Этим он вызвал великое смятение и бегство всех сидевших поблизости. Кроме того, он поносил в язвительных стихах как самого императора, так и его влиятельнейших людей. Наконец, он стал как бы знаменосцем Пизонова заговора, часто открыто провозглашал славу тираноубийцам, не скупился на угрозы и был настолько несдержан, что перед всяким приятелем хвастался головой императора.

Однако по раскрытии заговора он вовсе не обнаружил такой твердости духа: признавшись без сопротивления, он дошел до самых униженных просьб и даже свою ни в чем не виновную мать назвал в числе заговорщиков, надеясь, что обвинение матери послужит ему на пользу в глазах императора-матереубийцы. Но, добившись права свободно выбирать смерть, он написал письмо к отцу с исправлениями к нескольким своим стихам, роскошно пообедал и вскрыл жилы.

СПОСОБЫ САМОУБИЙСТВ В ТЮРЬМАХ

Часто кончают с собой заключенные тюрем, лагерей, психических лечебниц. Эсер Егор Созонов, убивший в 1904 г. министра внутренних дел России, был приговорен к вечной каторге. В 1910 г., находясь на каторжных работах в Горном Зерентуе, Созонов принял яд, выступая против телесного наказания двух каторжан. Чаще всего заключенные, добиваясь выполнения требований, используют такой способ самоубийства, как голодовка. Среди политзаключенных, погибших во

время голодовок протеста, — Роберт Сэндс (Северная Ирландия), Анатолий Марченко (СССР).

13 апреля 1880 г. в одну из камер Трубецкого бастиона был заключен Григорий Гольденберг, а через 3 месяца — 15 июля 1880 г. — он повесился в этой камере, употребив для петли полотенце. Перед смертью он имел свидание с привлеченным по процессу о народовольцах заключенным Зунделевичем. Дело в том, что Гольденберг дал следственной власти «откровенное показание», Зунделевич раскрыл Гольденбергу глаза на его предательство, совершенное из желания спасти жизнь товарищам. Гольденберг перед самоубийством написал исповедь, обращенную «к друзьям, приятелям, товарищам, знакомым и незнакомым, честным людям всего мира».

Показания Гольденберга дали жандармам чрезвычайно важный материал против отдельных членов партии «Народная воля». Самоубийство Гольденберга не могло вытравить написанных им страниц, погубивших многих участников революционного движения 80-х гг. Однако надо признать, что он в известной степени стал жертвой различных подходов жандармов к арестованным, которые разнообразились по своему содержанию и совершались под лозунгом «цель оправдывает средство».

Снова смерть посетила новую Шлиссельбургскую тюрьму. И на этот раз смерть была неестественной: 5 октября 1884 г. кончил жизнь самоубийством Клименко. Жизнь революционера была прервана его собственной рукой в петле веревки, сделанной им из подкладки кушака от халата.

По делу 17 террористов Клименко был приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. Он не вынес режима Шлиссельбургской тюрьмы, прожив в ней всего два месяца.

Официальные документы описывают лишь внешнюю сторону этого события и ни одним словом не говорят о мотивах самоубийства, но они не вызывают сомнения: тяжелый режим Шлиссельбурга превзошел то, что в течение двух лет перед тем выносил Клименко в Алексеевском равелине. Комендант крепости сообщил об этом случае в министерство внутренних дел, а министр донес царю.

В телеграфном донесении сообщалось, что Клименко повесился на вентиляторе. Еще до получения подобного донесения министром было сообщено царю, что для этого был употреблен шнур вентилятора. В действительности же, как сказано выше, была употреблена подкладка от пояса.

Разумеется, самоубийство заключенного было следствием недосмотра тюремной администрации. Она своим режимом изо дня в день убивала заключенного, но узник не должен был по собственной воле прервать свои страдания в тюрьме.

Было отдано распоряжение принять меры предосторожности на будущее время, и вследствие этого дверцы вентиляторов были устранены. Вентиляторы находились в углу камер над стульчаком клозета. Этот угол

оставался недоступным для наблюдения через «глазок» двери.

Позднее углы одиночной камеры были заложены кирпичом. Самоубийство через повешение на вентиляторе стало невозможным. Но режим в тюрьме, по признанию авторов воспоминаний, у многих из них вызывал мысль о самоубийстве.

Еще двое из заключенных покончили с собою. Это были Грачевский и Софья Гинзбург.

Самоубийство Грачевского последовало 26 октября 1887 г., то есть через три года после самоубийства Клименко. Этот узник прибег к страшно мучительному способу самоубийства — самосожжению. Он облил керосином свои портянки и, раздевшись догола, положил одну из них себе на спину, другую на грудь. Он зажег их от лампы, лежа на койке. Дежурный увидел, как Грачевский поджигал себя. Жандарм немедленно начал вызывать смотрителя Соколова, у которого были ключи от камер.

В официальном докладе сообщалось, что Соколов прибежал через 3—4 минуты, но этому нельзя верить: в такое короткое время Соколов не мог прибежать из квартиры коменданта крепости, где он находился, а заключенный не мог в эти короткие минуты задохнуться от дыма и погибнуть от ожогов.

В то время в старой тюрьме, где произошло самоубийство, находились заключенные Волкенштейн и Попов, и оба они вспоминают это самоубийство: «По коридору, — рассказывает Попов, — донесся запах гари...». Оба узника до этого слышали разговоры Грачевского с жандармами, требовавшего себе казни.

Известно, что он нанес удар врачу в надежде быть казненным, но не был предан суду вследствие душевной болезни. Об этой болезни не один раз сообщалось Александру III. Но царь предпочитал держать и душевнобольного врага в своей «государственной» тюрьме.

Важным последствием этого самоубийства была отставка смотрителя тюрьмы Соколова.

Первое описанное нами самоубийство Клименко в Шлиссельбургской крепости было совершено при помощи веревки. Грачевский сжег себя. Третий самоубийца — Софья Гинзбург окончила жизнь в Шлиссельбургской крепости, вскрыв себе сонную артерию при помощи тупоконечных ножниц. Таким образом, способы самоубийства в Шлиссельбургской крепости во всех трех случаях были различные.

Софья Гинзбург, осужденная к смертной казни, замененной вечной каторгой, по уже известному делу народовольческой организации, была узницей Шлиссельбурга всего один месяц и семь дней. Это — самый короткий срок пребывания в крепости за все время ее су-

ществования, если не считать привозимых сюда для казни. Эта узница за короткий срок пережила такие страдания, которых не смогла вынести.

Софья Гинзбург после заключения ее в Петропавловской крепости и в Доме предварительного заключения была переведена 1 декабря 1890 г. в старую тюрьму Шлиссельбурга. В целях полной изоляции этой узницы отсюда были выведены мастерские, где работали заключенные, но оставлены сошедшие с ума Конашевич и Щедрин. Они нарушали тишину тюрьмы своими криками и безумными воплями.

Заключенная очень тяжело переносила свое одиночество, разлуку с матерью. В своем прошении она писала: «Умоляю, ваше превосходительство, назначить мне другое место для отбывания каторги, где допускается переписка с матерью и где не приходится быть в одиночном заключении, никого не видя, ни с кем не говоря, так как не имела даже свиданий, и добавляла: «Заключение в Шлиссельбург мне невыносимо».

Начальник жандармского управления крепости, посылая это прошение, писал: «Одиночное заключение производит на нее, видимо, подавляющее и весьма сильное впечатление».

Гинзбург была оставлена в крепости. Единственное облегчение, данное ей, было разрешение заниматься шитьем. Для этого ей были даны, между прочим, тупоко-

нечные ножницы, которыми она 7 января 1891 г. перерезала себе сонную артерию.

Гинзбург вела в тюрьме записи в тетради. Из них видно, что заключенная очень страдала от тех издевательств, которым надзиратели подвергали двух безумных заключенных. Она записала в своей тетради: «Обращаю внимание начальства тюрьмы на положение сумасшедшего заключенного. Жандармы для времяпровождения останавливаются у его дверей и начинают всячески издеваться над ним, доходя до невероятной животной гнусности. Я два раза останавливала жандармов, но такое обращение к их нравственному чувству было недостаточно и лишь угроза пожаловаться начальству заставила их отказаться от этого дикого развлечения.»

Таким образом, эта уходившая из жизни женщина проявляла трогательную заботу о судьбе душевнобольных товарищей, ставших жертвами тюремного режима. Такою же жертвою стала и сама Гинзбург.

11 сентября 1973 г. произошел военный переворот в Чили. Серхио Вильегас в книге «Стадион в Сантьяго» (Москва, 1976 г.) описывает самоубийства среди заключенных.

«Эстебан Карвахаль. Некоторых арестованных довели до самоубийства. Один их них, например, спикировал с галереи головой вниз, совершив нечто похожее на «по-

лет ангела». Человек упал вниз лицом. Прежде чем броситься с галереи, он крикнул:

— Предали народ, сволочи!

Уже лежа на полу, он все еще выкрикивал ругательства. Высота оказалась небольшой, и человек не разбился. Его подняли и усадили на скамейку. Тогда он начал биться головой о колонну, и солдаты привязали его к скамейке.

Парень вырвался из рук товарищей, которые держали его, пробежал метров семь и бросился вниз. Это было ужасно! Он прыгнул, когда находился метрах в двух от колонны. Его прыжок был похож на полет. Звук падающего тела был слышен во всех помещениях. Несколько позже притащили носилки и его унесли.

Бывший военнослужащий Солано показывает:

Что касается случаев самоубийства, то их было два. Я сам был тому свидетелем, так как находился в том секторе, откуда человек, взобравшись на перила, прыгнул вниз с криком: «Народ погиб, пришли негодяи! Да здравствует Чили!» Однако это был другой человек, а не тот, что бросился напротив колонны. Этому было лет тридцать пять, он был курчавый, полный, одет в белую рубашку и серые брюки. Рубашка была расстегнута, и виднелся живот, обмотанный красной тряпкой, словно поясом. Возможно, он был ранен, скорее всего так, и на скорую руку забинтован. Человек упал между скамеек. К нему подошел солдат и перевернул его тело с помощью винтовки, чтобы убедиться, что тот мертв. Затем солдат направился к офицеру и доложил

о случившемся. «Никто не смеет двинуться с места!» — последовал приказ. Вбежали солдаты, лязгая на ходу затворами. Упавший зашевелился и вдруг начал выкрикивать:

— Вояки, так вашу растак! Идите сюда, я здесь!

Прибежали несколько новобранцев, схватили его за руки и за ноги и потащили вон. Поскольку человек продолжал кричать и ругать солдат, те стали на ходу подбрасывать его вверх, трясти, швырять об пол. Его унесли вниз, в подвальный сектор, где обычно проводились допросы. Неожиданно крики смолкли и наступила полная тишина.»

САМОСОЖЖЕНИЕ

В 80-е годы нашего столетия очень частыми стали самосожжения женщин в Туркмении и Таджикистане. Страшная цифра каждый год становится больше. Поражает будничность трагедий; на первый взгляд обычные семейные неурядицы. Но это только на первый взгляд. Непосредственный повод, толкающий женщину в огонь, и подлинные причины этого — вещи разные. Повод может быть любой, вплоть до недоброго взгляда свекрови. Причины же коренятся в социально-бытовых условиях жизни женщин, в той атмосфере, которая складывается в семье, ауле или кишлаке.

Очередная трагедия произошла в 1989 г. в Кизыл-Арватском районе города Красноводска. Женщина сожгла

себя потому, что каждое воскресенье муж бил ее, всегда в один и тот же час. Бил без причин, просто так, для «науки», чтобы знала свое место. За шесть лет супружеской жизни она к этому привыкла, ей и в голову не приходило куда-то жаловаться. Своей покорностью она как бы признавала правоту мужа. Но, видно, пришел предел терпению.

Поражает то, что когда трагедия обсуждалась общественностью, осуждались не виновники, а несчастная, доведенная до отчаяния женщина.

Городская красноводская газета «Знамя труда» незадолго до этого рассказала, как решившаяся покончить с собой молодая женщина принесла участковому милиционеру записку: «Прошу не оставлять после моей смерти моего сына на воспитание отца». На это никто не обратил внимания. Женщина сожгла себя.

А вот еще один случай. Сожгла себя 22-летняя Садбарг Боевая. Дом ее семьи на окраине Нурека все знают как вполне благополучный, все как у людей. И муж, и его родители недоумевали: почему она так поступила? И следовательно не удалось выяснить причину саможжения. Женщина погибла, и теперь можно только гадать, почему.

Молодые люди (в особенности девушки), попавшие в беду, чаще всего не верят в помощь кого-то со стороны.

Цепь самосожжений... Ее не удается оборвать и потому, что материально и духовно скудна жизнь сотен тысяч людей. Сверхмногодетные семьи, которые ютятся в тесноте, можно очень часто встретить в Туркмении. 120 тысяч женщин в республике не работают в общественном производстве, но в доме трудятся от зари до зари. Им приходится выполнять самую тяжелую работу, находясь нередко на положении рабыни, купленной за калым. И не случайно дороже всех ценятся девушки из сельской местности, необразованные, воспитанные в духе шариатских норм, покорные. Чаще всего именно эти дорогие жены или невесты не находят иного выхода, кроме как шага в пламя.

Самосожжения... В них оценка положения женщины, показатель ее незащитности, болезненности самосознания.

В 1988 г. в Таджикистане зафиксировано свыше 110 самосожжений. Можно предполагать, что их было больше, ведь в статистику попадают лишь те случаи, по которым возбуждены уголовные дела. Средний возраст тех, кто сжигает себя, становится все меньше, огонь пробрался и в школьную среду.

Установлено, что одна из самых частых причин самосожжений — нежелательная беременность несостоявшихся жен — девушек коренной национальности. Чаще всего это случается в сельских районах, приближенных к индустриальным центрам. Именно здесь обнаруживается острый конфликт между традиционны-

ми стереотипами поведения с их запретами и ломающим прежние нормы городским образом жизни.

Социальная неудовлетворенность, протест против застоя обычаев, против патриархальных нравов приводит к трагедии в «старом» духе — к самосожжению. Этот поступок — результат безысходности.

«Каковы, по вашему мнению, причины самосожжений?» — такой вопрос был задан 220 жителям Джиликкульского района Таджикистана (возраст — от 16 до 35 лет). Среди них были учащиеся школ, ПТУ, рабочие, служащие, учителя (более половины опрошенных — женщины). 19 процентов не смогли (или не захотели) ответить. А вот как выстроилась шкала ответов:

27 процентов опрошенных ответили: выдача замуж против воли; 23 — запрет продолжать учебу; 21 — не разрешают выйти замуж за любимого человека; 19 — конфликты родителей и сына из-за невестки; 15 — оскорбительные слухи; 14 — запрет работать; 9,5 процента — конфликты невестки со свекровью и свекром.

Среди других причин назывались: утрата девичьей чести; пренебрежительное отношение учителей, реже — равнодушие общественности к молодежным проблемам (1,8 процента). 8,6 процента считают самосожжения исключительно результатом слабоволия и легкомыслия тех, кто совершил этот крайний шаг.

Отдельно был поставлен вопрос: связаны ли каким-то образом самоубийства с религией? 28 процентов оставили его без ответа, 25 — считают, что связаны, 47 процентов не видят такой связи.

И все же существует определенная связь обычая саможигания с религией этих народов. Образ огня идет из глубины веков, когда люди поклонялись четырем стихиям, в том числе и огню.

Несомненно, народное сознание сохранило эту извечную связь огня со страданиями, муками, безысходностью. Когда человеку невыносимо, в его сознании царит слово «суз» (горение), которое ассоциируется с горением, страданиями любви, вселенскими муками.

Нет поэта в таджикско-персидской литературе, который не использовал бы символы огня в своем творчестве (иногда игрой слов по два-три раза в одной строчке). Понятия, обозначаемые с помощью слов «горение», «пламя», «огонь», занимают одно из самых главных мест, с их помощью выражается то, что потрясает человека до глубины души.

ПЕРЕДОЗИРОВКА НАРКОТИКОВ

Этот способ самоубийства наиболее распространен в последнее время. Его использовали некоторые

знаменитые артисты — Элвис Пресли, Дженис Джоплин, Хендрикс Джимми и другие.

Хендрикс Джимми (1943—1970) — американский рок-музыкант, гитарист-виртуоз. В жилах Хендрикса текла кровь индейского племени чероков. В 18 лет он занялся парашютным спортом; шестнадцатый прыжок оказался последним — Джимми сломал ногу. В 23 года он переехал из Америки в Англию и сколотил в Лондоне свою группу. Первые же альбомы принесли ошеломительный успех.

В 1967 г. на фестивале в Монрее (США) Хендрикса ожидал подлинный триумф. Но успех — это обоюдоострый меч. Пресыщенность славой, потребность в острых ощущениях привели музыканта к наркотикам. Его концерты становились все более зрелищными и одновременно — разрушительными. Коронным номером Хендрикса был ритуал разбивания и сожжения гитары. Но и этот трюк начал приедаться Джимми. «Не желаю больше разыгрывать клоуна», — говорил он друзьям. В последние годы жизни Хендрикса не прекращались упреки в его адрес за то, что он поддерживает связи с белыми музыкантами. В феврале 1967 г. его группа распалась, но у Джимми еще хватило сил для создания новой. В начале августа 1970 г. он открыл студию звукозаписи в Нью-Йорке, а в конце месяца отправился на фестиваль в Уайт.

В середине сентября подруга Джимми Хендрикса, пришедшая его навестить, нашла в номере отеля мертвое

тело. На ночном столике белела короткая записка: «Жизнь — только миг, любовь — привет. С Богом!»

При вскрытии врачи обнаружили в организме Хендрикса сверхдозу наркотических веществ.

ЭВТАНАЗИЯ

Проблема эвтаназии («тихой смерти») — добровольного ухода из жизни неизлечимо больного человека — широко обсуждается на Западе с конца 50-х гг.. В 1958 г. доктор Джек Геврокян опубликовал в печати ряд статей, в которых призывал безболезненно лишать жизни преступников, приговоренных к смертной казни, а их тела использовать для научных опытов, отдельные органы — для пересадочных операций. Позднее, став свидетелем бессмысленно-жестоких самоубийств, Геврокян пришел к мысли, что отчаявшимся, безнадежно больным людям, решившим покончить с жизнью, необходима в этом помощь.

От словесных и газетных выступлений Геврокян перешел к делу и запатентовал свое изобретение, названное впоследствии журналистами «машиной смерти». С помощью этого приспособления в виде капельницы можно быстро и безболезненно умерщвлять людей. В аппарате было предусмотрено и специальное устройство для прерывания процедуры в случае, если доброволец неожиданно изменит свое решение.

После долгих препирательств одна из газет все-таки решилась опубликовать объявление Джека Геврокяна примерно такого содержания: «Если вы решили умереть и хотите это сделать безболезненно, я подарю вам легкую смерть».

Первым и последним его пациентом стала 54-летняя Джанет Аткинс, страдавшая неизлечимой болезнью. В своем оборудованном под лабораторию стареньком автобусе Геврокян привел в действие «машину смерти», и последнее, что услышал от Джанет, — это «спасибо». Потом был громкий судебный процесс, конфискация «машины смерти», обещание Геврокяна более не заниматься подобным никогда.

В 1976 г. Верховный суд Калифорнии вынес решение, дающее больным право отказаться от лечения, поддерживающего жизнь. Этому примеру последовали многие другие штаты. Сейчас практика эвтаназии получила в США довольно широкое распространение. Не проводится реанимация, если пациент заблаговременно высказался против нее. Тогда над его кроватью появляется табличка с английского аббревиатурой, означающей: не оживлять (НО). Рассказывают, что знаменитый хирург К. Бернارد использовал эвтаназию для облегчения последних минут жизни своей матери. Два года назад закон о праве на «легкую смерть» принят в Китае.

При этом существенно, о какой эвтаназии идет речь. Активная — когда используют средства, ускоряющие наступление смерти (передозировка снотворного, смертельная инъекция по просьбе больного и так далее).

Пассивная — бездействие врача, отказ от борьбы за жизнь пациента. Так вот в США законом признана только вторая форма, активная же юридически запрещена во всех штатах, а в Германии она преследуется в уголовном порядке.

Впрочем, дискуссии не утихают. Религиозные группировки в США поддерживают право на «гуманную смерть». Американская медицинская ассоциация, признавая пассивную эвтаназию, оговаривает ее целым рядом условий. Закон эти условия предусматривает. Волеизъявление пациента, его завещание близким обязательны. Заявление должно быть сделано в состоянии, когда человек «эмоционально и умственно полностью компетентен», и подписано также двумя свидетелями.

В Испании Ассоциация за право умереть достойно основана еще в 1973 г. Датская Ассоциация добровольной эвтаназии действует более десятка лет. Не один год на нескольких языках выходит международный журнал «Эвтаназия».

Как относятся к этому медики? По-разному. Две трети французских врачей одобряют добровольный уход в случае мучительной и неизлечимой болезни. В Голландии эвтаназию официально применяют врачи и не преследуются за это по закону. Но общественность Швеции, Германии, Италии, Бельгии, Англии настроена решительно против эвтаназии. За ее использование предусмотрена мера наказания — смертная казнь.

А как решается проблема эвтанази́и в нашей стране? Пока за рубежом ищут непростой выход, наши медицинские этики гордо парят над жизнью, называя эвтанази́ю не иначе, как преступлением перед гуманизмом («Врачебная этика и медицинская деонтология», автор А. А. Грандо, издана в Киеве в 1988 г.). «Оживляя всех, — пишет автор, — мы совмещаем гуманную помощь больному с научным поиском...»

Но время декларативного гуманизма уходит. Наше общество все нагляднее обнажает скрытые раньше язвы, а потому не стоит тратить время на полемику с начетчиками и пустозвонами. Гораздо полезнее прислушаться к серьезным аргументам, выдвигаемым противниками эвтанази́и. Наиболее последовательно они сформулированы в письме врача В. Соколова: «Дело в том, что, по сути, эвтанази́я есть убийство одного человека другим, медиком. А убийство даже безнадежно больного человека, даже по его собственному желанию и просьбе противоречит самой сущности врача и среднего медработника. Призвание, которому они посвящают жизнь, — борьба со смертью, а не помощь ей.

Если врач, по любым соображениям, способен лишить жизни другого человека — его немедленно нужно лишать диплома, ибо он превратился в свою противоположность, в убийцу. Нельзя также забывать, что врачи тоже люди, а человеку свойственно поддаваться соблазну. Если врач способен убить человека в его интересах, то, получив право убивать законно, почему он не может это делать в своих собственных? Врачу, наделенному правом убивать, рано или поздно люди пере-

станут доверять свою жизнь. И, таким образом, общество лишится своей медицины.

Именно по этой причине ни одно здравомыслящее, тем более гуманное общество никогда не позволит себе узаконить в своей стране эвтаназию.

Вопрос о безнадежности больного тоже не простой. Строго говоря, к этой категории прежде всего следует отнести всех недомогающих стариков: все они через несколько лет неизбежно умрут. Что, им тоже отказать в лечении?

Убийство гуманным не бывает. Оно всегда убийство. А гуманизм потому и гуманизм, что помогает другому выжить, а не умереть. И общество, если оно хочет быть гуманным, не должно навязывать врачу обязанности, противоречащие сути его деятельности. Под каким бы то ни было благовидным предлогом. Известно, куда очень часто ведут благие намерения».

Окончательно вопрос об эвтаназии еще не решен. Его предстоит решать нам, нашему поколению, если мы действительно хотим считать себя людьми, свободными в выборе образа жизни и образа смерти.

ВЗРЫВ ШАРИКА, НАПОЛНЕННОГО ГАЗОМ

Этот способ самоубийства пытался применить молодой бизнесмен, потерявший веру в справедливость. Об этом сообщила газета «Комсомольская правда» 5 августа 1995 г.

«11 утра, 3 августа, четверг. Для обнаружения своего «политического завещания» Андрей отпустил 48 часов: «Вот продукты все подъем — тогда и...» Что — и? И рванут четыре гранаты в связке, баллоны с газом. А если очень постараться, то и ближайшая к дому бензопомпа. Автомат у Андрея, по его словам, тоже имеется. Кирпичная пятиэтажка в Кунцево, где в собственной квартире «забаррикадировался» генеральный директор фирмы «Юлия», конечно, выдюжит. А соседи?

Когда он позвонил в редакцию, эфир походил на предгрозовую ералаш: Андрей говорил по радиотелефону, в трубке короткими автоматными очередями стрекотали помехи, едва-едва удалось разобрать главное... «Моя фамилия Милованов, зовут Андрей Алексеевич. Предприниматель. Пишите адрес и телефон... Я никому больше не доверяю, кроме «Комсомолки». Некоторых журналистов знаю лично. Например, обозревателя Ольгу Кучкину. Я устал от беспредела. Не вижу другого выхода, как уйти из жизни. Но уйти громко, чтобы долго еще говорили...»

«Хочу говорить с представителями аппарата президента или правительства. Неужели они не видят, что происходит в стране? А ведь я, можно сказать, избиратель номер один. Когда Ельцин был без пяти минут президентом, мы с женой прямо на избирательном участке подарили ему букет цветов. Так почему же я, предприниматель, должен все время с опаской оглядываться по сторонам, ездить с охраной, прятаться за бронированными дверями? Когда-то ко мне с улыбочкой подошел покойный ныне Отари Квантришвили. Ну что, Андрюша, как там мое предприятие? Я удивился: Отари, это МОЕ предприятие! Да, сказал он, но на моей территории. Гони 25 «лимонов». Вы представляете, два года назад какие это были деньги? Все, устал от коррупции государственных чиновников, беспомощность милиции и наглости криминального мира, с которым я не хочу иметь ничего общего. Поговорите с моим заместителем».

14.00. Зам генерального Виктор Иванов, к счастью, оказался в офисе.

— В фирме я с 92-го, но с Андреем знаком давно, по спорту. Наше акционерное общество закрытого типа арендует производственные мощности одного из госпредприятий. Производим и продаем металлические решетки, стройматериалы, крепеж. В заказчиках — Метрострой, все четыре домостроительных комбината Москвы и немало других солидных потребителей. До сих пор работали ритмично, люди довольны, зарплата — целиком и вовремя.

Но я видел, что с Андреем последние два месяца что-то происходит. Он замкнулся, сломал график поездок к партнерам. Для руководства фирмы не секрет, что свою долю от дохода «Юлии» потребовала «солнцевская» группировка. Андрея встречали у гаража, возле дома. На прошлой неделе «солнцевские» назначили «стрелку», потом еще одну, но на вторую почему-то не приехали. В ночь с субботы на воскресенье сгорел наш павильон на проспекте Маршала Жукова. Ущерб — 25 миллионов рублей. Возможно, это переполнило чашу терпения.

По свидетельству очевидцев, переговоры с владельцем квартиры на первом этаже, которые «с наскока» пытались провести сотрудники МУРа, не увенчались успехом.

— Андрей, открой! — настаивали парламентары в штатском:

— Не открою.

— Тогда мы сами откроем.

— Весь подъезд к чертям взорву.

— Ну и сиди...

Эти беседы то затихали, то возобновлялись с еще меньшим результатом.

Соседи единодушно утверждают, что жилец 32-й квартиры — очень спокойный и уважаемый человек. И уж

чего-чего, а «взрывного ультиматума» от него не ожидали.

В ЖЭКе решили перестраховаться: отключили во всем доме газ, воду, электричество. Жильцов успокаивали по формуле «как услышите стук да гром — не пугайтесь». Тем не менее квартиросъемщики с первого по третий этаж организованно отправились в близлежащий скверик. У «нехорошей квартиры» выставили пост и занялись розыском исчезнувшего участкового.

37-летний Андрей Милованов — сын репрессированных родителей, он уродился самостоятельным и гордым, отчаянным и открытым. Человек с золотыми руками, он не хотел попрошайничать ни у жизни, ни у людей, предпочитая лучше потерять денежное место, чем самоуважение. Впрочем, кое-кому его характер казался вздорным: лез на рожон там, где другие предпочитали обходной маневр.

Андрей работал в гараже на площади Восстания, ремонтировал автомашины. Ушел, как говорил, не желая участвовать в чьих-то махинациях. В просторечии: не поладил с начальством. Собрался и уехал в Японию, где работал по той же автомобильной части. Может, он бы и вернулся богачом, но в японских мастерских случился пожар, Андрей обгорел, лежал в больнице, львиную долю заработанного съело лечение, поскольку жадный хозяин не оформил надлежащую страховку. В Японии Андрею не понравилось: соковыжималка, давай-давай, все построено на бездушном расчете. Он

еще не знал, что эта же напасть поджидала оставленную им страну. И не только эта.

Андрей, по его словам, попал в бутерброд между мафией и властью, и они его съели.

Юля, жена Андрея, стояла у песочницы в зеленом дворе дома, где закрылся в квартире один, с гранатами, Андрей. Множество соседей и соседских детей стояло тут же поодаль. Кто-то сочувствовал Андрею. Одна старуха сказала: «Расстреливать таких надо за то, что причиняют беспокойство людям». Юля была как закаменевшая. Она отвечала на вопросы, рассказывала что-то, но внутри, чувствовалось, что все каменное. «Я ему говорила: бросим все и завтра же будем за границей. Но он не может ничего бросить, и я его понимаю».

Оказывается, с Андрея потребовали 90 процентов прибыли, а ему сказали, что он будет просто управляющим у них. Андрей все повторял: «Они хотят сделать нас их рабами».

Он назвал свою фирму «Юлия».

«Юля, вы бы пошли к нему и сказали, что любите его». В ответ Юля говорит, что все уже было, и про любовь, и совсем наоборот, сейчас бесполезно, они его достали, он сорвался.

Я спрашиваю Андрея через железную дверь: «А что же Антон?» Антон — девятилетний сын Андрея и

Юлии. Из-за двери глухо донеслось: «С Антоном я уже попрощался».

В 3 часа ночи заблокированную дверь открыли. Андрей сдался. Гранат у него не было. Был детский шарик, наполненный газом. По словам экспертов, при взрыве он обладает большой разрушительной силой и во всяком случае смертелен для взрывника.

Врач определил острое психическое состояние, сопровождающееся повышенным давлением и сердечным приступом.

«КАМИКАДЗЕ»

В 1943 г. японское военное руководство начало поиски методов борьбы, основанных на фанатизме, культе императора и самурайском духе. Создавались специальные отряды самоубийц «Кайтен» («Путь в рай») и «Камикадзе» («Божественный ветер»).

Официальная пропаганда усердно создавала образ настоящего японца, который без колебаний отдает свою жизнь за императора. Летчики-камикадзе были окружены почитанием и преклонением, пользовались всеми мыслимыми привилегиями.

Самолет «Камикадзе» представлял собой огромный снаряд, до отказа заполненный взрывчатым веществом. После сбрасывания обычных бомб и торпед японский летчик был обязан таранить цель, пикируя на нее с работающим мотором.

Большинство самолетов «Камикадзе» были устаревшими и едва могли удерживаться на прямом курсе. Летчики не могли ориентироваться в море самостоятельно, выводились на объекты только ведущим самолетом. При уничтожении ведущего вся группа обычно погибала в море.

Кроме самолетов «Камикадзе», японцы впервые применили у острова Окинава управляемые самолеты-бомбы, которые американцы называли «бака-бомб» («дура-бомба»): небольшой самолет с размахом крыльев около 5 метров, боевым зарядом около 1000 килограммов в головной части. Он доставлялся к цели двухмоторным бомбардировщиком и отделялся от него при обнаружении объекта атаки на расстоянии 170 кабельтовых. Вел его тот же смертник. При пикировании самолет развивал скорость 800—1000 км/час. Однако маневренность их была ничтожна, при малейшей ошибке в прицеливании самолеты рвались при ударе о воду. В боях за остров Окинава зафиксировано только четыре попадания таких бомб в корабли. Самолет-носитель также был весьма уязвим для истребителей противника.

Единственное преимущество самолетов-бомб состояло в их дешевизне: строились они в расчете на один полет, кое-как, из дешевых материалов.

21 октября 1944 г. был осуществлен первый вылет «Камикадзе». Шесть самолетов атаковали корабль австрийских ВМС, получивший серьезные повреждения. 25 октября группа «камикадзе» атаковала американские корабли восточнее пролива Гуроигаои, вывела из строя три экспортных авианосца и несколько других кораблей. Десять дней спустя очередная группа «Камикадзе» нанесла удар по обнаруженной американской авианосной группе, потопив экспортный авианосец «Сент Ло» и повредив три других.

6 апреля начались операции крупного масштаба, получившие название «Кикусуи». Японцы в течение одного дня поднимали в воздух от сотни до трехсот своих самолетов, управляемых летчиками-камикадзе. Они несли большие потери.

ЧЕЛОВЕКО-ТОРПЕДЫ

Отряды «Кайтен» состояли из человеко-торпед. Готовили их на небольшом острове.

Для поднятия духа среди курсантов командование усилило идеологическую обработку. Примером для подражания стал самурай Масасигэ Кусуноки, который в

XIV в. помог японскому императору Годайго II захватить власть у военно-феодалных правителей.

Для курсантов ввели специальные белые повязки (хатимаки), которые носили несколько столетий назад 40 японских самураев-ронинов, охранявших императорский дворец. Для убывающих на боевое задание был выработан специальный церемониал посвящения: вручение шашки под звуки марша императорского военно-морского флота. Торжественный ужин с множеством редких для того времени продуктов, сакэ (водка) и катикури (каштаны). После ужина посвященные упаковывали личные вещи, и посылки с надписью «Предан Его Величеству навечно» или «Япония — навечно страна богов» отправлялись родственникам.

К 1945 г. было сформировано десять групп человеко-торпед. Тактика использования торпед «кайтен» сводилась к следующему: обнаружив корабль противника, лодка-носитель занимала определенное положение на пути его следования, водители садились в торпеды. Ориентируясь через перископ, командир лодки выпускал одну или несколько торпед, предварительно задав водителям курс. Пройдя определенное расстояние, водитель торпеды всплывал под перископ и быстро осматривал поверхность моря. Этот маневр рассчитывался так, чтобы торпеда оказалась на носовых курсовых углах корабля противника и на дистанции 400—500 метров от него. При таком положении корабль практически не мог уклониться от торпеды, даже обнаружив ее.

Но опыт показал, что подводные лодки-носители практически не могли беспрепятственно доставлять «кайтен» к хорошо охраняемым американским стоянкам и базам. В связи с этим японцы изменили тактику использования человеко-торпед и стали нападать на корабли и суда противника в открытом море во время перехода. Однако из-за сильной противолодочной обороны действия «Кайтен», как правило, успеха не имели.

ПЛОВЦЫ-СМЕРТНИКИ

Японцы применяли также отряды пловцов-смертников. Первое их подразделение было создано в начале 1944 г. Отряды эти назывались «фукуруй» (драконы счастья). Снаряжение подводных смертников включало специальный костюм, ласты, дыхательный аппарат с двумя баллонами сжатого кислорода. Пузырьки использованного воздуха не бурлили в воде за пловцом, так как циркуляция воздуха была замкнутой, что обеспечивало скрытность передвижений подводного диверсанта. Тренированный пловец в таком снаряжении мог плыть на глубине до 60 м со скоростью 2 км в час. Задачей диверсантов-смертников было доставить к вражескому кораблю бомбу или другой заряд большой мощности. Пловцы транспортировали примитивные мины на обычной палке; чтобы тяжелые боеприпасы не тонули и не тянули на дно пловца, к ним стали привязывать надутый воздухом свиной пузырь.

Тактика была следующей: фукуруй подносил ко дну корабля и вспарывал свиной пузырь. Тяжесть бомбы тянула его вниз, он подплывал под судно и бил взрывателем по дну корабля. Большинство из фукуруи пропали бесследно; им так и не удалось потревожить океан страшными взрывами. Однако в ряде случаев фукуруи все же добивались своего; известны факты гибели или повреждения американских кораблей, которым не было найдено разумного объяснения в рамках обычных представлений о вооруженной борьбе на море. Уже после войны американские военные, исследовавшие японские документы, пришли к предположению, что странная гибель кораблей — дело рук японских боевых пловцов.

ЧАСТЬ III

САМОУБИЙСТВА

ЗНАМЕНИТЫХ ЛЮДЕЙ

АКУТАГАВА РЮНОСКЭ

Акутагава Рюноскэ (1892—1927) можно назвать последним классиком новой японской литературы, понимая под этим литературу от последнего десятилетия XIX в. (от Фтабатэя) до начала второй мировой войны, то есть того рубежа, за которым началась литература современная.

Когда Акутагава не было и года, у его матери началось психическое заболевание, и ребенка, еще при жизни отца, усыновил его дядя, чью фамилию он и принял. Эта старая интеллигентная семья имела в числе своих предков писателей и ученых периода Эдо (эпох военно-феодальной диктатуры Токугава, XVII—XIX вв.) и хранила культурные традиции тех времен. В семье господствовало увлечение средневековой поэзией и старинными школами живописи, строго соблюдался старинный уклад, требовавший беспрекословного повиновения главе дома.

Жизнь Акутагава бедна внешними событиями. В 1916 г. он окончил отделение английской литературы и языка филологического факультета Токийского императорского университета, где его сокурсниками были будущие писатели Кумэ, Масао, Кикиути Хироси (Кан), Ямамото Юдзо и другие. Из университета Акутагава вынес знание европейской литературы, которое он расширял и углублял до конца жизни, и дружеские связи, имевшие некоторое значение в первые годы его литературной жизни. Окончив университет, Акутагава в течение трех лет работал преподавателем английского языка в Морском механическом училище в городе Камакура. В 1919 г. он оставил службу и переехал в Токио. Недолго проработав в редакции газеты «Осака майнити», Акутагава всецело отдался писательской деятельности. Первые его рассказы были опубликованы еще в студенческие годы и привлекли внимание крупнейшего писателя тех лет, Нацумэ Сосэки. В последние годы жизни Нацумэ (он умер в 1916 г.) Акутагава сблизился с ним и находился под его сильным моральным и психологическим влиянием. Он быстро выдвинулся в литературном мире и оставался в первых рядах писателей до конца своей недолгой жизни.

Акутагава вступил в литературу в 1916 г.. Акутагава сам сказал: «По моему мнению, девяностые годы XIX в. были временем высшего расцвета искусства. И я сложился как человек в художественной атмосфере этого десятилетия. Мне не легко было освободиться от этих влияний юношеских лет. И по мере моего роста я чувствовал это все острее». Вот в несоответствии всего комплекса идей и подхода к жизни, восходящих к искусству «конца века» — минувшего, и окружающей действительности начала века — нынешнего в остром

осознании этого несоответствия и тщетных попытках преодолеть его и состоит трагедия Акутагава как человека и художника.

В самом начале литературной деятельности Акутагава совместно с писателями Кумэ и Кикиути образовал группу, которая резко противопоставила себя натурализму и выступила глашатаем нового течения, подчеркивавшего ценность литературы прежде всего как искусства. В противовес бытописательству и нарочитой безыскусственности изложения, к чему стремилась натуралистическая литература, эта группа, именовавшая себя «Сингикоха» («Школа нового мастерства»), заявила права на литературную выдумку, на отчетливо выраженную фабулярность, требовала разнообразия и красочности материала, ценила яркость образа и выразительность языка. Все это нашло воплощение в творчестве Акутагава, которого можно назвать лучшим мастером сюжетной новеллы в японской литературе.

Акутагава начинал свою литературную деятельность под сильным влиянием эстетизма. Он сам вполне ясно сказал об этом в «Жизни идиота», хотя бы в первой ее миниатюре: «Человеческая жизнь не стоит и одной строки Бодлера».

Через все творчество Акутагава проходит одна основная тема: моральный облик человека. В первые годы своей писательской деятельности Акутагава не ставит в своем творчестве социально-политических проблем, нет у него и ярких картин современного быта. Его интересует психология и взаимоотношения людей в пла-

не нравственном. Именно поэтому он так легко переносил действие своих рассказов в условную старину.

Следует заметить, что не духовная жизнь конкретного человека, а чувство само по себе, психологический конфликт сам по себе является объектом творчества писателя, и такой психологизм носит несколько абстрактный характер. Японская критика отметила это, говоря об интеллектуализме творчества Акутагава. Надо, однако, подчеркнуть, что Акутагава не бесстрастен и тем более не исходит из нигилистического отрицания добра и зла, а наоборот — из высоких этических требований. Не цинизм, а скепсис и пессимизм характеризуют его отношение к человеку, скепсис, часто окрашенный душевной болью.

Но не только отрицание — скепсис — составляет окраску новелл Акутагава. Им владеет тоска по не существующей в действительности нравственной чистоте и высоким и цельным чувствам.

Именно в этой тоске, видимо, коренится его интерес к христианству. Мотивы христианства занимают в творчестве Акутагава заметное место. Его «христианские» рассказы неизменно представляют собой соединение иронии и восхищения — иронии, направленной на объективную сторону религии, и восхищения субъективным миром верующего. Всякую сверхчувственную реальность Акутагава всецело отрицал. «Мой материализм не мог не отвергнуть всякую мистику» («Зубчатые колеса»). Но сама по себе религиозность, сила веры и душевная ясность верующих на некоторое время

представали перед ним как этически высокие и неподдельные чувства, составлявшие в его глазах подлинную духовную ценность.

В начале двадцатых годов характер творчества писателя несколько меняется.

Новые тенденции в творчестве Акутагава можно коротко характеризовать как отчетливое стремление вырваться из пут абстрактного психологизирования, стремление приблизиться к современности, показывать «живых людей, как они есть», не прибегая при этом к искусственной сюжетной напряженности, которая для рассказа о «сегодняшней, этой Японии», ощущалась им как нечто неестественное, «литературное, слишком литературное». После одного из своих полуфантастических-полуисторических рассказов «Дракон» Акутагава писал: «В искусстве нет застоя. Не идти вперед — это значит идти назад. Когда художник идет назад, всегда начинается известный процесс автоматизации, это означает, что как художник он стоит на краю смерти. И я, написав «Дракона», явно подошел к порогу такой смерти» (заметки «Искусство и прочее»).

С 1924 г. стали появляться рассказы, называемые по имени их героя Хорикава Ясукити — «Ясукити-моно», в которых герой отождествляется с самим писателем. Однако их все же еще нельзя ставить в ряд с «ватакусисесэцу» («романом о себе»). Один из основных исследователей творчества Акутагава Хсида Сэйити тонко замечает, что самый стиль этих рассказов отдаляет чи-

тателя от рассказчика. Затем последовал ряд рассказов, где повествование ведется от первого лица.

В последние годы жизни Акутагава его рассказы, и раньше невеселые, приобрели мрачную окраску. Многие из них представляют собой как бы объективизацию в образах душевной подавленности самого автора и потому проникнуты удивительным лиризмом. Такова уже «Осень» с ее тоном примиренной, безнадежной грусти о неудавшейся жизни. Таков «Сад», повествующий о том, как распадается семья, одно за другим умирают три поколения и гложет, гибнет старый сад, символизируя этим конец целой эпохи.

Эту мрачную окраску вызвал переживавшийся писателем тяжелый душевный кризис.

Акутагава оказался в общественной и идейной изоляции, в «аду одиночества». «Ад одиночества... внезапно появляется среди пиков гор, на широких полях, в просторе небес, в тени деревьев — всюду. Словно видимый мир сразу так, как он есть, являет мучение ада. И вот уже два-три года, как я низринут в этот ад... Я вижу — и все время мечусь из одного мира в другой. Но, конечно, из ада мне все же не уйти» («Ад одиночества»).

Акутагава не смог уйти из своего ада, не смог вырваться из-под власти своего дьявола — того «демона конца века», о котором с почти суеверным ужасом он пишет в «Жизни идиота». Он подлинно зашел в тупик.

Тогда Акутагава оглянулся на свою жизнь, на свое искусство и стал судить себя суровым судом. Таково содержание написанных им в последние месяцы жизни и опубликованных только посмертно вещей: «Зубчатые колеса», «Диалог во тьме» и «Жизнь идиота». Нельзя не почувствовать в этих предсмертных вещах еще и пронизывающего их страдания. «Зубчатые колеса» — это поистине крик боли. «Жить в таком душевном состоянии — невыразимая мука! Неужели не найдется никого, кто бы потихоньку задушил меня, пока я сплю».

Страх перед наследственным безумием, конечно, сыграл свою роль в тяжелом душевном состоянии Акутагава. В новелле «Зубчатые колеса», в которой появляются признаки начинающейся психической болезни автора, он в то же время предстает во всеоружии своих творческих сил и мысли. Именно здесь он дает беспощадную оценку своему искусству, сравнивая его с бесполезным умением одного юноши сдирать шкуру с дракона, о чем говорится в рассказе-притче древнего китайского философа и поэта Чжуан-цзы, и вспоминая о проклятье, висевшем над апологетом верховенства искусства над жизнью, художником Хсихидэ («Муки ада»). Здесь пишет он о своей мечте: наполнить свое искусство общественно значимым содержанием, написать роман. «Героем его должен был быть народ во все периоды своей истории. Народу посвятил он последние три записки в своих лирико-философских раздумьях «Слова пигмея», законченных в декабре 1926 г. (и тоже опубликованных посмертно). Придя к мысли, что «избранное меньшинство — это другое название для идиотов и негодяев» («Диалог во тьме»), он понял, что творцом самого для него дорогого — искусства — явля-

ется народ. Первая запись под названием «Народ»: «Шекспир, Гете, Ли Тай-бо, Тикамацу Мондзаэмон погибли. Но искусство оставит имена в народе». В «Диалоге во тьме» Акутагава уточняет слова, углубляет мысль: «Шекспир, Гете, Тикамацу Мондзаэмон когда-нибудь погибнут. Но породившее их лоно — великий народ — не погибнет. Всякое искусство, как бы ни менялась форма, родится из его недр». Вторая запись: «О том же. Слушайте ритм ударов молота! Доколе существует этот ритм, искусство не погибнет». Третья запись: «О том же. Разумеется, я потерпел неудачу. Но то, что создало меня, создаст еще кого-нибудь. Гибель одного дерева не более чем частное явление. Пока существует несущая в себе бесчисленные семена великая земля». В «Диалоге во тьме» Акутагава изменяет выражение этой мысли, снимая даже столь дорогое интеллигенту представление о неповторимости своей личности: «Голос. Ты, пожалуй, погибнешь. Я. Но то, что меня создало, создаст второго меня».

Еще ранее (в «Зубчатых колесах») Акутагава писал: «Такой, каким я был теперь, я в глазах всех, несомненно, был юношей из Шоулин». Акутагава имеет в виду одну из притч Чжуан-цзы. Некий юноша из города Шоулин хотел дойти до города блаженных. С этой целью он стал учиться ходить так, как ходят там, но научиться не смог. Все-таки он отправился в город блаженных, но с полпути ползком вернулся обратно, поскольку разучился ходить даже так, как ходят в его родном городе. Акутагава не захотел оставаться в своем Шоулине, но, почувствовав себя не в силах идти вперед, не захотел и возвращаться. Оценив свое бессилие как поражение, казня себя за него как за вину, в июле

1927 г. он покончил с собой, приняв смертельную дозу веронала.

В «Жизни идиота» с лаконичностью, характерной для японской поэзии, в удивительно емких, выразительных образах Акутагава запечатлел трагедию своей жизни, своих исканий, трагедию интеллигента, не сумевшего встать вровень со своим временем, слиться с живыми силами действительности, «евнуха жизни» («Жизнь идиота»).

Психологический анализ самоубийства Акутагава делает Дзюньитиро Танидзаки в эссе «Понемногу о многом» (кн. «Мать Сигэмото». М., 1984).

Сейчас уже прошло десять с лишним лет с тех пор, как г-н Акутагава сказал следующие слова: «Бывало ли у вас когда-нибудь, что в процессе создания какой-нибудь вещи вам невольно приходило в голову: а стоит ли она таких мучений? И для чего вы вообще делаете эту работу? Сенкевич как-то заметил, что, когда вас «посещает подобное настроение, считайте, что это проделки дьявола».

Не помню, что я ответил тогда, но нельзя сказать, что я не испытал подобного состояния. Во всяком случае, я ответил в том духе, что настроение, которое возникает в тот момент, когда слабеет творческий пыл, безусловно крайне опасное время для художника, и о нем помнит каждый, кто хоть однажды испытал его.

Может быть, г-н Акутагава как раз попал в ловушку «дьявола», о котором говорил Сенкевич. Но мне все кажется, что человек не может уйти из жизни только потому, что у него угас творческий пыл. Г-н Акутагава говорит в своих записках, что у него пропали аппетит и чувственное влечение. Что же стало с его любовью к чтению, которым он был буквально одержим? Неужели даже любимые книги стали ему неинтересны? Или, может быть, этого недостаточно, чтобы привязать человека к жизни?

Не знаю, послужили ли толчком к самоубийству исключительно философские раздумья г-на Акутагава; во всяком случае, читая его записки, к такому выводу прийти трудно. Пишет ли г-н Акутагава о нервном истощении, вызвавшем у него смертельный холод, или о мутно тревоге, он просто говорит о своем самочувствии. Конечно, покойный Акутагава, оставляя эти записки, не ставил перед собой задачи сообщить людям о своем намерении, да и вряд ли такая необходимость была, поэтому не будем делать поспешных выводов, основываясь лишь на той или иной записи. И все же вызывает недоумение, почему г-ну Акутагава с его тонким умом не удалось более определенно объяснить, что означает эта смутная тревога. И сам собой напрашивается вопрос: а действительно ли покойный хотел сообщить людям правду?

«Не приставайте ко мне с мелочами. Молчите, дайте человеку спокойно умереть». — Возможно, сейчас под землей он говорит нечто подобное.

Уход г-на Акутагава из жизни мне представляется прозой, лишенной сюжета. Нельзя сказать, что большинству писателей в работе постоянно сопутствует творческое горение. Скорее оно лишь периодически появляется, да и то прерывисто. В наш век журнализма профессиональные писатели в большинстве своем пишут не потому, что они действительно не могут не писать, а потому, что их подхлестывают издатели газет и журналов, и все-таки даже при такого рода опеке если пишущий не испытывает творческого горения, то, как он ни старается, он не в состоянии выжать из себя ни строчки. Я не имею здесь в виду людей, которые готовы на любые унижения в своей жажде денег; я говорю о тех, кто честно работает в искусстве. Как тут быть? Ничего не остается, как терпеливо ждать когда пишущего вновь посетит вдохновение. Бывает, что оно возвращается разу, а бывает, что ждешь по нескольку лет, а оно и не думает возвращаться. По существу, все в руках Музы, и сам писатель ничего не может поделать, и то, что он пытается этой профессией жить, содержать семью, — занятие, похожее, если можно так выразиться, на рискованнейшую переправу.

Нет сомнения, что г-н Акутагава, который не в состоянии был даже помыслить писать ради денег, всю рискованность этой профессии необыкновенно остро чувствовал, гораздо острее, чем кто-либо другой. Когда г-н Кикиути Кан ушел с поста почетного члена редакции «Осака Майнити», г-н Акутагава один остался в этом издательстве, и как-то он сказал: «Мне неловко перед издательством из-за того, что, почти совсем не тревожусь, когда не имею ежемесячного заработка, хотя бы самого незначительного». Впечатлительный покойный, видимо, очень боялся, что однажды он может стать

жертвой «дьявола» Сенкевича. И в самом деле, в его творческой манере очень рано наметилась своего рода болезненность, которая легко могла стать добычей «дьявола». Конечно, так называемая болезнь не всегда и не во всех произведениях есть изъян, бывает, что она привносит своеобразие в то или иное сочинение, и у г-на Акутагава есть прекрасные образцы в этом роде. Но если бы г-н Акутагава решительно расправился со своей болезнью и хотел во то бы то ни стало сохранить данный ему от природы дар, ему следовало бы уменьшить количество своих произведений, хотя в сравнении с большинством нынешних писателей он отнюдь не был плодовит. Но лучше было бы, если бы г-н Акутагава, еще больше сокращая объем написанного, стремился бы, насколько это возможно, накапливать творческую энергию.

И поскольку он знал за собой такую слабость лучше, чем кто бы то ни было другой, не владело ли им, с другой стороны, нечто похожее на навязчивую идею, не боялся ли он, что если он не будет постоянно писать, то он совсем утратит эту способность? Когда представишь, что это действительно было так и как он при этом мучился, нельзя не испытывать к нему безграничную жалость и сострадание. Если это состояние назвать более определенным словом «неврастения», тогда, как говорится, расставлены все точки, но нельзя все списывать на счет болезни, она лишь часть его психофизической природы, и потому не годится обращаться с г-ном Акутагава как с безусловно больным человеком.

По возвращении с похорон г-на Акутагава несколько писателей — Идзуми, Сатоми, Минаками, Кубота и я — все мы вместе собрались в парке Кайраку на реке Коисигава и предались воспоминаниям. И вот что сказал тогда г-н Сатоми Тон: «В последнее время г-н Кутагава беспрерывно жаловался, говоря, что писать прозу действительно тяжело, трудно. Я об этом узнал со стороны и передал ему через знакомых, что нельзя быть таким малодушным; писание, конечно же, трудное занятие, о чем каждый пишущий прекрасно знает уже в начале пути, и потому по возможности не стоит падать духом, а, напрягая все силы, нужно доводить работу до конца. И, кажется, в ответ на это он меня очень благодарил». Интересно, что в этом эпизоде отчетливо проявляется несколько характеров г-на Сатоми и г-на Акутагава. Пример, который привел г-н Минаками, был весьма красноречив: «В произведениях г-на Акутагава еще с ранних пор видна была усталость. Однажды мне случилось прямо сказать ему: «Простите, но вы по-моему, подустали». — «К сожалению, это правда, и я сам хорошо это понимаю», — ответил он». Так говорил г-н Минаками и продолжал: «По существу, я думаю, г-н Акутагава не владел искусством прозы. Он был талантливым человеком, но не был прозаиком. Когда я попытался сказать об этом во всеуслышание перед труппой театра Санда, мне было заявлено, что я говорю возмутительные вещи». Что имели в виду люди, критиковавшие г-на Минаками, не знаю, но я во всех отношениях согласен с ним. «Г-н Акутагава и в самом деле не был прозаиком, — сказал я тогда, — он не был рожден для того, чтобы писать прозу. Если бы он, скажем, родился в эпоху Токугава и жил в атмосфере изящных и утонченных вкусов, он сумел бы поддерживать свое существование в качестве художника школы бундзин (школы интеллектуалов) и, вероятно,

смог бы сколько душе угодно проявлять свои способности. Если бы он много раньше появился на свет, он, наверное, был бы выдающимся человеком». На это г-н Минаками возразил: «Да ну что вы, хоть он и не стал художником школы бундзи, и в нынешних условиях он мог бы найти более подходящую сферу деятельности. Например, что было бы, если бы этот человек стал эссеистом, если бы не попал в тягостный литературный мир, а, став профессором университета, написал бы тракт о Нацумэ Сосэки? Уверен, он бы очень просветил нас. Он вел бы лет до сорока жизнь ученого. И если бы затем он начал писать, он сумел бы, вероятно, вырасти в более самобытного художника и, может быть, долго жил». И с этим я был совершенно согласен. Нередко несчастья обрушиваются на тех, кто нарушает законы житейской мудрости. Я хочу сказать, что г-н Акутагава был проницательным человеком, но, может, оттого, что первые шаги он сделал не по тому пути и, вопреки своей природе, впрягся в лямку литературного мира, все так и случилось — на мгновение я поверил в это. Но когда я еще раз все обдумал, мне показалось, что, по всей вероятности, покойный Акутагава был таким человеком, который в силу своей нервозности чувствовал постоянную скованность. И сейчас я сомневаюсь, **что, даже став эссеистом, он смог бы высказывать без церемоний все, во что он верил.** Если, сказав лишь самую малость нелицеприятного о г-не Мори Огай, он не находил себе места от беспокойства, то как бы он сумел написать трактат о Нацумэ Сосэки, с которым был в гораздо более тесных отношениях? Но если все-таки допустить, что он написал бы его, то при чтении наверняка это вызвало бы неприятное впечатление неясности, недоговоренности. Ему не хватало ни проницательности эссеиста, ни эрудиции, ни критического чутья, скорее ему недоставало мужества высказаться до кон-

ца. При жизни, в тех случаях, когда г-на Акутагава был со мной доверителен, он высказывал достаточно откровенно свои мнения по разным поводам, и я всегда до глубины души поражался, каким точным, превосходным был его взгляд на вещи, сколь широки были его интересы, сколь разносторонни были его научные знания и сколь подробные сведения он имел о мировом искусстве, старом и новом, восточном и западном. Во всем, что касалось описания человеческих характеров, г-ну Акутагава нельзя было отказать в способности иронического воспитания жизни. И даже когда мы просто разговаривали с ним за чаем, в этих беседах было много поучительного, и мне не раз приходило в голову, что если бы этот человек написал большой критический труд, то какую пользу это, очевидно, принесло бы нашей литературе. Человеку, не обладающему ни критическим чутьем, ни самостоятельностью суждений, не нужно мужество, но как быть тому, кто, имея блестящие мысли, к которым стоило прислушаться, не обладает при этом мужеством? Вот, по-моему, в чем действительно была прискорбная слабость г-на Акутагава.

Может, и в самом деле литературный мир тягостен? Но, я думаю, в нашем мире, где бы человек ни находился, редко где ему бывает легко и покойно. Например, как себя чувствует человек в мире политиков, чиновников, деловых людей?

Не знаю, как в обществе деловых людей, но в сравнении с миром политиков и чиновников литературная среда мне кажется гораздо более приятной и чистой. Конечно, преследования из зависти, клевета инсинуации есть во всех слоях общества. Однако литераторы в

целом отличаются порядочностью и прямотою. Среди них, безусловно, нет людей, которые, даже ненавидя партнеров, отважатся на жестокие поступки, находя удовольствие в том, чтобы поймать человека в ловушку с помощью ложных обвинений или хитрых уловок или подвергнуть невинного критике, после которой тот не в состоянии встать. Даже если антагонизм и есть, то существует он до тех пор, пока открыто не выплескивается, а потом быстро сходит на нет. А если даже антагонизм и таится в глубине души того или иного человека, никогда не доходит до того, чтобы он нападал на своего противника первым, и обычно дело ограничивается только ворчанием. Есть, вероятно, и в литературной среде люди, способные на вероломные поступки, но если сравнивать их поступки с гнусными махинациями политиков и актеров, то это просто озорство, похожее скорее на невинную детскую забаву. Наши воспитатели и полицейское управление обычно нападают на художников: мол, те ведут богемную жизнь со всеми вытекающими отсюда дурными последствиями. Блюстители порядка и нравов считают, что опасные мысли и дурные поступки являются пороком всего литературного мира. В действительности же, я думаю, нравственный уровень литературной среды гораздо выше, чем других слоев общества. Среди людей литературного мира не найдется ни одного, который, подобно политикам или актерам, способен бесстыдно провозглашать публично заведомую ложь. Литераторы не обладают ни такой смелостью, ни таким бесстыдством. Это не значит, что литераторы не совершают дурных поступков. Совершают подчас и преступления, и это не остается незамеченным, и они сами, если понимают, что содеяли дурное, как и подобает мужчинам и честным людям, принимают вину на себя и, принося извинения обществу, несут ответственность за свои

проступки. Они никогда не позволяют себе, подобно политике из некоей страны, ложь и дурные поступки которого были недавно разоблачены, вести себя после этого как ни в чем не бывало, выдавая черное за белое, никого не стыдясь, только бы любой ценой охранить свое лицо, как высокомерно позволяют себе поступать в высших слоях общества. Даже если бы в литературной среде возникло такое же судебное разбирательство, как в случае с Мацусима Такэси, так и обвиняемый и свидетели не очень расхотелись бы в своих показаниях, и действительные обстоятельства дела безо всякого труда стали бы очевидными, и сразу же докопались бы до истины и узнали бы, кто виноват. Да, возможно, все, как один, участники процесса заявили бы: «И я до некоторой степени виновен». Вот ровно настолько все мы обладаем, должно быть, сознательностью. Что касается писателей и их личной жизни, то сложность заключается в том, что публика наблюдает за нами с неистощимым любопытством, и невозможно скрыть даже то, в чем нет нужды исповедоваться. Прошу простить меня за то, что я ссылаюсь на этот факт, но семейная драма г-на Мусякодзи, то ли с целью обвинения, то ли для того, чтобы позубоскалить, не раз становилась материалом для газет, тем более что г-н Мусякодзи такой человек, к которому стоит только обратиться, как он тут же выложит все как есть. Можно не сомневаться в том, что если бы на его месте был политик, то он под любым предлогом уклонился бы от разговора из-за боязни, что его могут разоблачить. Может быть, в таком положении вещей есть также и дурные стороны, но, так или иначе, в литературном мире не процветают ложь и лицемерие и атмосфера его более ясная и чистая.

Кстати, когда-то я говорил об этом с г-ном Акутагава, и он разделял эту точку зрения. «Да, это действительно так. Литературная среда еще более или менее невинна. На днях я слышал о сильнейших трениях в среде университетской профессуры, и, узнав, какими способами, как коварно, по-женски, они действовали, до каких гнусностей они доходили, я действительно был потрясен. Ученые — это нечто ужасное. Да, я-то уж не смог бы находиться среди них».

Но тогда г-н Акутагава, даже если бы он стал университетским профессором, сбежал бы от них гораздо скорее, чем Нацумэ-сэнсэй. А сам он не вытерпел жизни даже в литературной среде, которую считал наиболее приемлемой. Какой несчастный человек!

Искусство, созданное г-ном Акутагава, его проза, когда читаешь ее, пожалуй, именно как проза не удовлетворяет. Но когда знаешь историю страданий одинокой души, историю г-на Акутагава, одаренного ясным умом и самыми разнообразными талантами, но для жизни в этом мире имевшего совсем неподходящие склонности и темперамент, понимаешь подлинные достоинства его прозы. Его агонию никак нельзя сравнивать с тяжелым, отдающимся в ушах стоном, как у раненого зверя. Едва заметное, затрудненное дыхание, словно у человека, больного астмой, слышно во многих его произведениях. В те времена, когда г-н Акутагава был начинающим писателем, нередко могли настаивать на необходимости формального совершенства прозы, но это все не имело существенного значения для его произведений. Думаю, что покойный в последние годы своей

жизни, вероятно, мог согласиться с некоторыми из моих суждений.

Мне представляется, что, вероятно, будь у г-на Акутагава поменьше ума, побольше здоровья и живи он как все, тогда, кто знает, все могло бы сложиться для него счастливее.»

АЛЛИЛУЕВА НАДЕЖДА СЕРГЕЕВНА

Аллилуева Надежда Сергеевна (1901 — 1932) — вторая жена Сталина.

Надежда Сергеевна была моложе мужа на 22 года. Уже будучи матерью двоих детей, она старалась активно участвовать в общественной жизни, поступила в промышленную академию. Но последние годы ее семейной жизни были омрачены грубостью и невниманием Сталина.

Борис Бажанов — секретарь Сталина, позднее убежавший за границу — написал «Воспоминания», в которых есть страницы, посвященные семейной жизни Сталина.

«Тщательно разбирая его жизнь и его поведение, трудно найти в них какие-либо человеческие черты. Единственное, что я мог бы отметить в этом смысле, это некоторая отцовская привязанность к дочке — Светлане.

И то до некоторого момента. А кроме этого, пожалуй, ничего.

Грубость Сталина. Она была скорее натуральной и происходила из его малокультурности. Впрочем, Сталин очень хорошо умел владеть собой и был груб лишь когда не считал нужным быть вежливым.

Интересны наблюдения, которые я мог делать в его секретариате. Со своими секретарями он не был нарочито груб, но если, например, он звонил и курьерша была в отсутствии (относила, например, куда-нибудь бумаги), и на звонок появлялся в его кабинете Мехлис или Каннер, Сталин говорил только одно слово: «чаю» или «спички».

Обычные регулярные заседания Политбюро начинались утром и заканчивались к обеду.

За столом были он, его жена Надя и старший сын Яшка (от первой жены — урожденной Сванидзе).

Но часто бывало так, что выйдя из зала заседаний Политбюро, Сталин не отправлялся прямо домой, а гуляя по Кремлю, продолжал разговор с кем-либо из участников заседания. В таких случаях, придя к нему на дом, я должен был его ждать. Тут я познакомился и разговорился с его женой, Надей Аллилуевой, которую я просто называл Надей. Познакомился довольно близко и даже несколько подружился.

Надя ни в чем не была похожа на Сталина. Она была очень хорошим, порядочным и честным человеком. Она не была красива, но у нее было милое, открытое и симпатичное лицо. Она была приблизительно моего возраста, но выглядела старше, и я первое время думал, что она на несколько лет старше меня.

Известно, что она была дочерью питерского рабочего-большевика Аллилуева, у которого скрывался Ленин в 1917 г. перед большевистским переворотом. От Сталина у нее был сын Василий (в это время ему было лет пять) и потом, года через три, еще дочь, Светлана.

Когда я познакомился с Надей, у меня было впечатление, что вокруг нее какая-то пустота — женщин-подруг у нее в это время как-то не было, а мужская публика боялась к ней приближаться — вдруг Сталин заподозрит, что ухаживают за его женой. Сживет со свету.

У меня было явное ощущение, что жена диктатора нуждается в самых простых человеческих отношениях. Я, конечно, и не думал за ней ухаживать (у меня уже был в это время свой роман, всецело меня поглощавший). Постепенно она мне рассказала, как протекает ее жизнь.

Домашняя ее жизнь была трудна. Дома Сталин был тиран. Постоянно сдерживая себя в деловых отношениях с людьми, он не церемонился с домашними.

Не раз Надя говорила мне, вздыхая: «Третий день молчит, ни с кем не разговаривает и не отвечает, когда к нему обращаются. Необычайно тяжелый человек».

Но разговоров о Сталине я старался избегать — я уже представлял себе, что такое Сталин, а бедная Надя только начинала, видимо, открывать его аморальность и бесчеловечность и не хотела верить в эти открытия.

Через некоторое время Надя исчезла. Как потом оказалось, отправилась проводить последние месяцы своей беременности к родителям в Ленинград.

Когда она вернулась и я ее увидел, она мне сказала: «Вот, полюбуйтесь моим шедевром». Шедевром было месяца три, он был сморщенным комочком. Это была Светлана. Мне было разрешено в знак особого доверия подержать ее на руках.»

«Свидетельства, которыми я располагаю, — пишет биограф Сталина Д. Волкогонов, — говорят о том, что и здесь Сталин стал косвенной (а впрочем, косвенной ли?) причиной ее смерти. В ночь с 8 на 9 ноября 1932 г. Аллилуева-Сталина покончила с собой. Непосредственной причиной ее трагического поступка явилась ссора, едва заметная для окружающих, которая произошла на небольшом праздничном вечере, где были Молотов, Ворошилов с женами, некоторые другие лица окружения Генсека. Очередной грубой выходки Сталина хрупкая натура жены не перенесла. 15-я годовщина Октября была омрачена. Аллилуева ушла к себе в комнату и за-

стрелилась. Каролина Васильевна Тиль, экономка семьи, придя утром будить Аллилуеву, застала ее мертвой. Вальтер лежал на полу. Позвали Сталина, Молотова и Ворошилова.

Есть основания предполагать, что покойная оставила предсмертное письмо. Об этом можно только строить догадки. На свете всегда есть и останутся большие и маленькие тайны, которые никогда не будут разгаданы. Смерть Надежды Сергеевны, думаю, не была случайной, это надежда. Когда нет надежды — уже нет и человека. Вера и надежда всегда удваивают силы. У жены Сталина их уже не было».

Лев Троцкий приводит другую дату и дает иную интерпретацию причины самоубийства Надежды Аллилуевой: «9 ноября 1932 г. Аллилуева внезапно скончалась. Ей было всего 30 лет. Насчет причин ее неожиданной смерти советские газеты молчали. В Мокве шушукались, что она застрелилась, и рассказывали о причине. На вечере у Ворошилова в присутствии всех вельмож она позволила себе критическое замечание по поводу крестьянской политики, приведшей к голоду в деревне. Сталин громогласно ответил ей самой грубой бранью, которая существует на русском языке. Кремлевская прислуга обратила внимание на возбужденное состояние Аллилуевой, когда она возвращалась к себе в квартиру. Через некоторое время из ее комнаты раздался выстрел. Сталин получил много выражений сочувствия и перешел к порядку дня».

Н. С. Хрущев также пишет в своих «Воспоминаниях»:

«Посещение домашних обедов у Сталина было особенно приятно, пока была жива Надежда Сергеевна. Она была принципиальным партийцем и в то же время чуткой и хлебосольной хозяйкой. Я очень сожалел, когда она умерла.

Накануне ее кончины, в Октябрьские или Первомайские торжества, я сейчас не помню этого, я стоял возле Мавзолея в группе актива. Шла демонстрация. Аллилуева была рядом со мной, мы разговаривали. Было прохладно, Сталин на Мавзолее, как всегда, в шинели. Крючки шинели были расстегнуты, полы распахнулись. Дул ветер. Надежда Сергеевна глянула и говорит:

— Вот мой не взял шарф, простудится и опять будет болеть.

Вышло очень по-домашнему и никак не вязалось с представлениями о Сталине, о вожде, уже вросшими в наше сознание.

Кончилась демонстрация, разошлись...

На следующий день Каганович собирает секретарей райкомов и говорит, что скоропостижно скончалась Надежда Сергеевна. Я подумал: «Как же так? Я же с ней вчера разговаривал. Цветущая, красивая женщина».

Через день или два Каганович опять собирает нас и говорит:

— Передаю поручение Сталина. Сталин велел сказать, что Аллилуева не умерла, а застрелилась.

Он не сообщил никаких подробностей, а мы не задавали никаких вопросов.

Мы похоронили Аллилуеву. Сталин выглядел опечаленным, стоя у ее могилы. Не знаю, что было у него на душе, но внешне он скорбел.

После смерти Сталина я узнал историю смерти Аллилуевой. Конечно, эта история никак документально не подтверждена. Власик, начальник охраны Сталина, рассказал, что после парада все отправились обедать к военному комиссару Клименту Ворошилову на его большую квартиру. После парадов и других подобных мероприятий все обычно шли к Ворошилову обедать.

Командующий парадом и некоторые члены Политбюро отправились туда прямо с Красной площади. Все выпили, как обычно в таких случаях. Наконец, все разошлись. Ушел и Сталин. Но он не пошел домой.

Было уже поздно. Кто знает, какой это был час. Надежда Сергеевна начала беспокоиться. Она стала искать его, звонить на одну из его дач. И спросила дежурного офицера, нет ли там Сталина.

— Да, — ответил он, — товарищ Сталин здесь.

Он сказал, что с ним женщина, назвал ее имя. Это была жена одного военного, Гусева, который тоже был на том обеде. Когда Сталин ушел, он взял ее с собой. Мне говорили, что она очень красива. И Сталин спал с ней на этой даче, а Аллилуева узнала об этом от дежурного офицера.

Утром — когда, точно не знаю — Сталин пришел домой, но Надежды Сергеевны уже не было в живых. Она не оставила никакой записки, а если записка и была, нам никогда об этом не говорили. Позднее Власик сказал:

— Тот офицер — неопытный дурак. Она спросила его, а он взял и сказал ей все.

Потом пошли слухи, что, возможно, Сталин убил ее. Эта версия не очень ясна, первая кажется более правдоподобной. В конце концов, Власик ведь был его охранником».

Впрочем, нельзя сбрасывать со счетов и вероятность убийства Аллилуевой. Во всяком случае, в этом были убеждены многие современники. В книге Ю. Семенова «Ненаписанные романы» приводится стенограмма его беседы с Галиной Семеновной Каменевой-Кравченко, где она говорит: «Меня арестовали в 1932 г., сразу после того, как погибла Надя Аллилуева... Кстати, она не была левшой, но висок у нее был раздроблен именно левый. В десять часов вечера к Ольге Давыдовне прибежала врач Кремлевской больницы Александра Юли-

ановна Капель, близкая подруга выдающегося терапевта Плетнева. Я спросила Лютика — так все звали сына Льва Борисовича (Троцкого) и Ольги Давыдовны, моего мужа Александра: «Что случилось!» Он ответил: «Надя Аллилуева погибла; я — к Ольге Давыдовне, а та молча смотрит на доктора Капель...» «Случился острый аппендицит, — тихо сказала Александра Юлиановна, — мы не смогли ее спасти...» Это же была официальная версия... Я вернулась к Лютику, а он покачал головой: «Ложь. Она убита. Из такого же пистолетика, какой подарил тебе папа (то есть Троцкий).»

Несмотря на подобные свидетельства, серьезные историки придерживаются версии самоубийства. Очевидных поводов для уничтожения жены у Сталина не было, да и маловероятно, что он выбрал бы для такого «акта» дни главного революционного праздника. Учтем и то, что самоубийство (подлинное или мнимое) неизбежно бросало тень на самого Сталина. Задумай вождь убийство, наверное, он подобрал бы более «естественный» вариант смерти.

АХРОМЕЕВ СЕРГЕЙ ФЕДОРОВИЧ

С вдовой маршала Ахромеева Тамарой Васильевной Ахромеевой беседует обозреватель «Совершенно секретно» Александр Терехов (Совершенно секретно. № 7 (74), 1995 г.)

— Сергей Федорович стал начальником генерального штаба после того, как по до сих пор не вполне ясным причинам испортились отношения между Устиновым и Огарковым и последний вынужден был оставить свой пост.

— О взаимоотношениях Устинова и Огаркова я ничего сказать не могу. Мне не очень нравится выражение «вынужден был оставить свой пост». Дело в том, что, когда были созданы Главные командования войск направлений как органов оперативно-стратегического управления Вооруженными Силами, назначение командующим такой группировкой, как Западная, даже для начальника Генерального штаба было престижным.

— Были у него кумиры?

— Кумиры — нет. Были люди, которых он называл учителями. Маршалы Жуков, Рокоссовский, Конев...

— Я так думаю, что Горбачев его поначалу очаровал...

— Очаровал? Это не то слово для характеристики Генерального секретаря... Близко наблюдая работу людей, принадлежащих к высшим эшелонам власти, Сергей Федорович понимал, что «старикам», несмотря на их несомненные заслуги перед страной и их опыт, время уходить. То, что этот процесс затягивался, наносило большой вред управлению государством. Например, еще в середине 70-х гг. именно в Генштабе зародилась идея сокращения наших военных расходов, потом тяжело болел Брежнев, и докладывать ему этот острый вопрос было бесполезно.

Так же и с Афганистаном. Ведь когда стало ясно, что решение о вводе наших войск может быть принято, маршал Огарков и его заместители Ахромеев и Варенников докладывали лично Брежневу, что решить афганскую проблему военным путем невозможно. Но к ним не прислушались. Самое грустное: впоследствии политические противники часто укоряли Сергея Федоровича Афганистаном. На этом даже строили свою кампанию по дискредитации маршала. Причем самым безнравственным было то, что больше всех в этом преуспели люди, которые были в то время в составе ЦК и Верховного Совета, но ничего не сделали, чтобы предотвратить трагедию, и единогласно проголосовали за ввод войск. Ну это так, к слову пришлось... К середине 80-х гг. все понимали необходимость прихода новых сил в руководство страной. Поэтому когда избранный генсеком Горбачев побеседовал с военным руководством об армейских проблемах и, как им показалось, с пониманием воспринял их, Сергей Федорович с удовлетворением сделал для себя вывод: «Теперь можно работать. Кажется, руководитель наконец есть».

— Но через несколько лет Ахромеев засобирился в отставку.

— Он чувствовал, что не может пригодиться этой команде. Горбачев армию не понимал. Он перевернул всю нашу политику, которая базировалась на присутствии там мощнейшей группы наших войск, и при этом не обсуждал с военными должным образом вопрос о том, что будет, если варшавский Договор развалится. Сергей Федорович надеялся изменить отношение Горбачева к армии. Он убеждал: «С вами считаются, пока

за вами армия, а не будет сильной армии, никакое «новое мышление» никому не окажется нужным». Все бесполезно. Горбачев слушал других людей.

Сергей Федорович понимал, что политика Горбачева приведет к развалу Варшавского Договора, всей системы безопасности в Европе, участие в создании которой он считал делом своей жизни, если хотите. Он говорил: «Моей жизни хватит только чтобы разрушить то, что мы 50 лет создавали, заново построить я уже не смогу». Это было очень тяжело.

— Сперва Горбачев расстался с Соколовым...

— Да, была история с прилетом Руста на Красную площадь. Загадочная история... Горбачев боялся Ахромеева? Михаил Сергеевич принимал близко к сердцу постоянные слухи о готовящемся перевороте?

— Я думаю, не боялся. А насчет переворота... Сергей Федорович говорил: силой в России ничего не сделаешь. Убрать неугодного руководителя — не самая большая проблема. А вот что делать дальше? Он считал, что самое опасное для нашей страны — лишить власть уважения, авторитета, дискредитировать саму идею власти. Сейчас именно это и произошло. Видите, к чему это привело? А он хотел предотвратить, предупредить. Вспомните, сколько он писал об этом. А его противники вот тут-то и вспоминали: «Кого вы слушаете? Он же получил Героя за Афганистан».

В общем, оставив Генштаб, он и советником Горбачева долго работать не смог. Написал несколько рапортов об отставке. На последнем в июне 1991 г. Горбачев написал: «Подождем!»

— Язов учился с Ахромеевым на одном курсе в академии, в Генеральном штабе у Сергея Федоровича тоже еще оставались соратники. И, несмотря на это, выходит, маршал ничего не знал о готовящихся событиях августа 1991 г.?

— Ничего не знал. 6 августа я, он и внучка уехали в отпуск в Сочи, спокойно отдыхали. 19-го Сергей Федорович, как всегда, пошел утром на зарядку, потом вернулся и разбудил нас: включите быстрее телевизор! Он молча выслушал первые сообщения. Когда случилось что-то важное, он обычно замолкал. Молча сходили на завтрак. Я его ни о чем не спрашивала. Потом он вдруг говорит: я должен лететь в Москву и во всем разобраться на рабочем месте. Мы и не попрощались как следует. Его провожала группа врачей: возвращайтесь, Сергей Федорович, ждем. Он отшутился: оставляю вам в залог жену. Поцеловал меня и внучку и уехал. Больше я его не видела.

— Кто же с ним был дома в эти дни?

— Дочери, их семьи. Когда по ТВ прозвучали первые сообщения о создании ГКЧП, они поняли: отец придет. Он и приехал, веселый, загорелый, сказал, что пока ничего не понимает, и уехал в Кремль. Он предложил свою помощь Янаеву, работал в аналитической группе, собиравшей сведения с мест. В этом и состоя-

ло его участие в ГКЧП. Дочери звонили мне без конца: приезжай скорее. Но прямо ничего не говорили. Конспираторы! Сочиняли, что заболел кто-то из детей. Я обижалась: ну что же вы не даете мне отдохнуть, неужели не можете сами об отце позаботиться? Потом не выдержала, позвонила Сергею Федоровичу в Кремль узнать, он сказал, что у него все в порядке. Обещал рассказать, когда вернусь. Но я все-таки решила ехать. С трудом достали билеты на 24 августа.

— После неудачи ГКЧП Сергей Федорович сильно переживал? — Он был подавлен, ждал ареста. Но продолжал ходить на работу в Кремль, хотя там в ту пору мало кто был. Дочь однажды не выдержала: «Зачем ты туда ходишь? Как там тебе?» «Ко мне никто не подходит. Никто со мной не заговаривает». Думая, что арестуют, он говорил: «Я понимаю, вам будет трудно, но я иначе не мог». Дочери спросили его: «Ты не жалеешь, что прилетел?» Он ответил: «Если бы я остался в стороне, я проклинал бы себя всю жизнь».

— В участниках ГКЧП он не разочаровался? Давал им оценки?

— Дочери рассказывают, что в ночь с 23 на 24 августа они долго разговаривали. Было интересно узнать его мнение о событиях и людях, в них участвующих. Не всех членов ГКЧП он знал одинаково хорошо. Но к тем, к кому относился с уважением до этих событий, он своего отношения не переменял.

— Например, к Язову?

— Не только. К Бакланову, Шенину...

— По мнению следствия, в эту ночь Ахромеев уже решил на самоубийство.

— По мнению следствия — так.

— Вы прилетели домой...

— Начали звонить Сергею Федоровичу в Кремль — телефон молчал. После пяти вечера звонили каждые 10—15 минут. В 23.00 позвонил его шофер, спросил, не приехал ли Сергей Федорович, а то его что-то не вызывает, и он не знает, что делать. Потом легли спать. Я, конечно, всю ночь не спала — вскакивала на звук каждой машины. Утром решили ехать в Москву — мы жили на даче. Только открыли дверь квартиры — звонит телефон. Дочь взяла трубку, и по ее лицу я поняла: случилось что-то ужасное. Звонил дежурный по группе генеральных инспекторов, сказал, что Сергей Федорович скоропостижно скончался, есть подозрение, что он покончил с собой (застрелился). Ночью его отвезли в морг кремлевской больницы, потом в госпиталь имени Бурденко. Мы поехали в прокуратуру. Там сказали, что в распоряжении следствия есть видеосъемка места происшествия. Я сразу же попросила показать ее. Следователи переглянулись, с сомнением посмотрели на меня: мол, выдержку ли? — но согласились. Я и одна из дочерей пошли смотреть, вторая не смогла. Сергея Федоровича обнаружил дежурный. Кабинет был открыт, ключ торчал в замочной скважине снаружи. Хоронили его 29 августа.

ВАН ГОГ ВИНСЕНТ

Винсент Ван Гог (1853—1890) — голландский художник.

Ван Гог страдал приступами безумия. О его последних годах жизни и самоубийстве повествует Анри Перрюшо в книге «Жизнь Ван Гога» (Киев, 1994 г.).

«Теперь Винсент вспыхивает по любому поводу и даже без всякого повода. Неопределенность планов Гогена приводит его в опасное возбуждение. Он способен впасть в неистовство, обнаружив, что у Гогена лоб значительно меньше, чем можно ожидать от человека такого ума. Гоген только плечами пожимает. Уже раза два Гоген просыпался среди ночи: Винсент бродит по комнате. «Что с вами, Винсент?» — спрашивает встревоженный Гоген. Винсент, ни слова не говоря, возвращается в свою спальню.

На мольберте у Винсента стоит картина. Он начал писать новую «абстрагированную картину» — «Колыбельную». Несколько дней назад он вскользь заговорил с Гогеном об исландских рыбаках, «одиноких среди опасностей в печальных морских просторах». Мысли о них и навеяли Винсенту умиротворяющий материнский образ «Колыбельной».

Гоген в свою очередь закончил портрет Винсента, пишущего подсолнухи. 22 декабря Винсент взглянул на

портрет — да, это он, «страшно изнуренный и наэлектризованный», он теперь и в самом деле такой. Это он, спора нет, — и Винсент произносит страшную фразу: «Да, это я, но только впавший в безумие».

Вечером оба художника пошли в кафе, заказали абсент. И вдруг Винсент швырнул стакан в голову Гогена. Гоген успел увернуться. Он сгреб Винсента в охапку, выволок из кафе, а дома отвел в комнату и уложил в постель. Винсент мгновенно заснул.

На этот раз Гоген окончательно решил: при первой возможности уедет из Арля.

Наутро Винсент проснулся совершенно спокойный. Он лишь смутно припоминал, что произошло накануне. Кажется, он оскорбил Гогена? «Охотно прощаю вас, — заявил Гоген, — но вчерашняя сцена может повториться, и, если вы не промахнетесь, я могу выйти из себя и задушить вас. Поэтому позвольте мне сообщить вашему брату, что я возвращаюсь в Париж».

«Мне кажется, — написал Винсент брату, — что Гоген немного разочарован в славном городе Арле, в желтом домике, где мы работаем, и особенно во мне. Конечно, здесь нам обоим придется преодолеть еще немало серьезных трудностей. Но эти трудности скорее в нас самих, чем вовне. Словом, по-моему, он должен окончательно решить — уехать или остаться. Я посоветовал ему сначала все хорошенько обдумать, а потом уже действовать. Гоген очень сильный человек, с большим

творческими возможностями, но именно поэтому он нуждается в покое. А где же он его найдет, если не здесь? Я жду, что он примет решение совершенно хладнокровно».

Легко сказать — хладнокровно! Вечером в воскресенье 23 декабря Гоген вышел погулять, вышел один. О Винсенте он не подумал. Отныне их содружеству положен конец. Гоген уедет завтра же. Но не успел Гоген миновать площадь Ламартина, как услышал за своей спиной «торопливые, неровные шаги», так хорошо ему знакомые. Он обернулся как раз в ту минуту, когда Винсент бросился на него с бритвой в руке. Гоген впился в Винсента почти магнетическим взглядом — «взглядом человека с планеты Марс», по выражению Винсента. Винсент замер, опустив голову. «Вы неразговорчивы, ну что ж, и я последую вашему примеру», — сказал он и вдруг бегом помчался домой.

Гогену было отнюдь не по душе проводить еще одну ночь в столь опасном соседстве. Он отправился в первую попавшуюся гостиницу, снял там комнату и улегся спать. Но пока, взволнованный происшедшим и, вероятно, укоряя себя за то, что не сделал попытки успокоить Винсента, он тщетно надеялся забыться сном, в желтом домике разыгралась драма: Винсент, вернувшись к себе и, очевидно, ужаснувшись тому, что в беспамятстве едва не учинил насилия, обратил свою ярость против самого себя и отсек себе левое ухо.

А сам Винсент... Карета увезла его в больницу. В больнице он проявлял признаки такого возбуждения, что его вынуждены были поместить в палату для буйных.

И снова Винсент оказался в одиночестве, в самом страшном одиночестве — Винсент Ван Гог был отторгнут от нормальной человеческой жизни. Винсент Ван Гог сошел с ума...

Примерно в километре от Сен-Реми, у подножия Альпий, Моссанская дорога выходит на плоскогорье Антик. Здесь от дороги отходит сосновая аллея, она и ведет к старинному монастырю Сен-Поль, строения которого разрослись вокруг храма XII в.

В начале века врач-психиатр Меркюрен основал в этом монастыре санаторий. Некоторое время дела лечебницы шли довольно хорошо. Но к 1874 г., поскольку ею вот уже пятнадцать лет управлял бывший судебный лекарь, доктор Пейрон, она почти совсем захирела.

Доктор Пейрон и принял Винсента, когда тот приехал в Сен-Поль. Винсент очень спокойно предъявил доктору медицинское свидетельство, написанное доктором Юрпаром, и внятно изложил Пейрону историю своей болезни. Он даже объяснил врачу, что сестра его матери и некоторые другие члены их семьи страдали приступами эпилепсии. Доктор Пейрон записал все эти сведения, заверил пастора Саля, что окружит своего нового подопечного «всею тем вниманием и заботой, каких требует его состояние», после чего занялся устрой-

ством Винсента. В лечебнице было не меньше трех десятков свободных комнат. Поэтому доктор разрешил Винсенту пользоваться подсобным помещением в первом этаже — там Винсент сможет заниматься живописью.

Пастор Саль пробыл с Винсентом до самого своего отъезда в Арль. Винсент горячо поблагодарил священника за все, что тот сделал для него. Когда художник проводил Саля, сердце его сжалось: он остался совсем один в этом большом доме вдали от мира.

Лечебница Сен-Поль — место отнюдь не веселое. Винсент сразу окрестил ее «зверинцем». Воздух здесь непрерывно оглашают вопли буйнопомешанных. В мужском отделении, наглухо изолированном от женского, содержится около десятка больных — маньяки, идиоты, страдающие тихим помешательством; они предаются привычным маниям. С болью душевной смотрит Винсент на товарищей по несчастью — ему предстоит теперь жить с ними бок о бок. Вот молодой человек двадцати трех лет — тщетно Винсент пытается с ним заговорить, тот в ответ издает нечленораздельные звуки. А вот этот больной непрерывно бьет себя в грудь, крича: «Где моя любовница, верните мне мою любовницу!» А этот воображает, что его преследует тайная полиция и актер Муне-Сюлли: он лишился рассудка, когда готовился к экзаменам, чтобы получить право преподавать юриспруденцию.

Мрачная, удручающая обстановка. В спокойные минуты пациенты играют в шары и в шашки. Но чаще все-

го они сидят сложа руки, погруженные в тупое бездействие. Гостиная на первом этаже, где они собираются в дождливые дни, — большая комната, вдоль стен которой стоят привинченные к ним скамьи, — по словам Винсента, «напоминает зал ожидания третьего класса на станции какого-нибудь захолустного поселка, тем более что среди сумасшедших есть люди почтенного вида, которые не расстаются со шляпой, очками, тросточкой и дорожными костюмами, ну в точности как на морском курорте, и могут сойти за пассажиров». Несмотря на братское сострадание и сочувствие к этим безвозвратно погибшим людям, Винсент держится в стороне от них. Он приехал в Сен-Поль не для того, чтобы остаться здесь, он приехал сюда, чтобы справиться со своим недугом, обрести покой и душевное равновесие. Может быть, на другого человека вид этих больных подействовал бы угнетающе, Винсент же, наоборот, воспрянул духом.

«Я думаю, что правильно поступил, приехав сюда, — пишет он, со стоическим мужеством покоряясь судьбе, — во-первых, увидев воочию жизнь сумасшедших и разных маньяков этого зверинца, я избавился от смутного страха, от ужаса перед болезнью. Мало-помалу я научусь смотреть на безумие, как на любое другое заболевание.

Впрочем, может быть, в унижении, которое выпало на его долю, Винсент черпает своего рода покаянное удовлетворение. Он сюда попал, значит, здесь ему и место, он это заслужил. Испытанное им унижение как бы успокаивает смутную тревогу, которая разъедает его душу и твердит ему: «Ты недостойн».

Комната Винсенту нравится. Стены оклеены зеленова-то-серыми обоями. На аквамариновых занавесях рисунок — «очень блеклые розы» оживленные мелкими кроваво-красными штрихами». В углу старое кресло, обивка которого напоминает Винсенту живопись Диаза и Мотичелли. Забранное решеткой окно выходит на хлебное поле — «перспектива в духе Ван Гойена».

В запущенном парке сразу по приезде и установил свой мольберт Винсент. Он пишет ирисы, толстые стволы деревьев, увитые плющом, бабочку «мертвая голова»... Когда Винсент работает, больные собираются вокруг него, но он на это не сетует, считая своих товарищей по несчастью куда более деликатными, чем «добропорядочных жителей Арля». Винсент тоскует и сам не знает, чего ему хочется, но он страстно рвется к работе. Обычно работа настолько поглощает его, что он становится совершенно беспомощным в повседневной жизни, но зато теперь живопись будет для него лучшим лекарством, а главное — она не даст ему опуститься, как другие больные.

В начале июня доктор Пейрон обрадовал Винсента, разрешив ему выходить за ограду парка и писать в окрестностях монастыря Сен-Поль. Правда, Винсента на этих прогулках сопровождал надзиратель.

Трижды в течение июня Винсент пишет хлебное поле, которое он видит сквозь решетки своего окна. Но теперь посреди поля он ставит не сеятеля — образ плодородия и символ надежды, а жнеца — «образ смерти, такой, какой нам ее являет великая книга природы, об-

раз, который, по словам Винсента, он хочет сделать безмятежным, почти улыбающимся.

Когда Винсент вспоминает о своей болезни, об обстоятельствах, которые привели его в Сен-Поль, он тщетно пытается взять себя в руки, успокоить себя, одолеть свой страх, его охватывает панический ужас, лишаящий способности хладнокровно рассуждать. Он по-прежнему необычно впечатлителен. Однажды в сопровождении своего телохранителя он дошел до города Сен-Реми, но, стоило ему увидеть людные улицы, он едва не лишился чувств. Винсент понимает, что в его мозгу творится что-то неладное. Но он вылечится. Длительное пребывание в лечебнице приучит его к регулярному режиму, и он одолеет свою болезнь, отведет от себя страшную угрозу припадков. «Я принял такие меры предосторожности, — пишет он 19 июня, — что вряд ли заболел снова, и надеюсь, что приступы не повторятся». Дело идет на поправку, Винсент пишет, что чувствует себя «прекрасно».

Дня через два Винсент работал неподалеку от лечебницы — он писал каменоломню Гланом среди выжженной травы, приобретшей «оттенок старого золота». Дул порывистый мистраль, звенели стрекозы, «любимые Сократом стрекозы», которые, по словам Винсента, «все еще поют на древнегреческом». Винсент писал красками севера, заглушенными зелеными, красками, ржавчатой охрой, писал развороченные скалы каменоломни. Винсент водил кистью по холсту, и вдруг его пальцы свела судорога, взгляд стал блуждающим, и он забылся в жестоком припадке. Надзиратель приволок

в лечебницу несчастное, потерявшее рассудок существо...

В пятницу 16 мая, Винсент покинул лечебницу Сен-Поль, где провел пятьдесят три недели, и отправился в Тараскон, чтобы оттуда вечерним поездом выехать в Париж...

14 июля. Вот уже пятьдесят пять дней, как Винсент приехал в Овер. Городок принарядился к празднику, мэрия украшена флагами. Винсент пишет мэрию, убранную флагами и фонариками, но его картина, изображающая день народного празднества, поражает полным отсутствием людей.

Над равниной каркают вороны. Предгрозовое свинцовое небо низко нависло над хлебными полями.

Винсент пишет, подавленный одиночеством, неудачами, постигшими его в жизни. Он все время чувствует безмерную усталость и все-таки пишет, продолжает писать, он не может прервать работу. Иногда его охватывает такое неистовое желание взяться за кисть, что перед этим порывом все теряет свое значение. В доме Гаше он уже не раз впадал в ярость, не считаясь ни с чем, когда ему вдруг хотелось написать картину по мотиву, который внезапно произвел на него впечатление. Винсент снова стал необычайно раздражителен. Как-то он обратил внимание, что картина Гийомена «Обнаженная с японской ширмой» висит у доктора без рамы. Винсент вспылил. Гаше, желая успокоить художника,

пообещал без промедления заказать раму. На беду, когда Винсент снова был в гостях у доктора, он обнаружил, что обещание не выполнено. Винсент пришел в ярость, мрачные огоньки вспыхнули в его глазах, и вдруг он сунул руку в карман, где уже несколько дней носил пистолет, который одолжил у Раву под предлогом, что пойдет стрелять ворон. Доктор Гаше, встав, в упор взглянул на Винсента. Винсент вышел, опустив голову.

Так ли уж уверен доктор Гаше, что приступы болезни Винсента не повторятся? А сам Винсент — улеглись ли его страхи?

Винсент ходит мрачный, встревоженный. Однажды вечером он в смятении признается Раву, что ему больше не вмоготу, у него нет сил жить. Добродушный трактирщик пытается ободрить Винсента банальными словами, которые говорят в подобных случаях. Винсент опять замыкается в молчании.

Он снова пишет сад Добиньи. Пишет церковь в Овере, смещенную на холсте, точно ее охватил панический страх. «Как пронзительно звучат на этой картине золото и кобальт!» Пишет пшеничное поле, огромную равнину, похожую на равнины Голландии, над которой проносятся грозные тучи.

«Мне хотелось о многом сказать тебе, — признается он в письме к брату от 23 июля, — но потом желание пропало, и вдобавок я чувствую, что это бесполезно».

Теперь ему кажется бесполезным все. Зачем? К чему? Неудачник, поверженный, инвалид, живущий на чужие средства, — вот кто он такой. «В настоящее время я спокоен, даже слишком спокоен», — пишет он в эти дни матери.

Спокоен? Он снова поднимается на вершину холма, где над хлебными полями с карканьем носятся вороны, под мышкой у него холст метровой длины. Это семидесятая картина, написанная им за девять недель, что он прожил в Овере. Безысходная тоска водит его рукой, прокладывает на полотне среди рыжеватых просторов хлебного поля глухие тропинки, которые никуда не ведут. Над рыжеватым золотом созревших злаков небо, какого-то необычного синего цвета, швыряет в лицо художнику полет своих зловещих птиц. Спокоен? Для человека, написавшего этих «Ворон над полем пшеницы» — картину, где спутанные тропинки и небо, наполовину слившееся с землей, как бы заранее отнимают всякую надежду, — что остается в жизни?

Ничего, кроме бездны.

Дня два спустя, в полдень воскресенья 27 июля, Винсент долго бродил в полях. Стояла жара, городок погрузился в сонную воскресную дрему. На взгорье какой-то крестьянин, повстречавшись с Винсентом, услышал, как тот бормочет: «Это невозможно! Невозможно!»

Винсент бродил взад и вперед. Начало смеркаться. «Невозможно! Невозможно!» Винсент остановился у оверского замка. Вынул из кармана пистолет, который

взял у Раву, направил себе в грудь, нажал спусковой крючок. Ну вот! Все кончено! Короткий сухой щелчок положил конец всему, что делало жизнь невыносимой для Винсента, — его угрызениям, горькому чувству, что он был и будет безумцем, который одержим живописью, калекой, который губит жизнь своих близких, неудачником, виновником всех бед, над которым тяготеет проклятие. В кармане он нащупал письмо, которое написал брату, но не отправил и даже не окончил: «Мне хотелось о многом написать тебе, — стояло там, — но я чувствую, что это бесполезно... И однако, милый брат, я всегда говорил тебе и повторяю слова со всей ответственностью, какую придают словам усилия мысли, сосредоточенной на том, чтобы добиться лучшего, — повторяю снова, я никогда не буду считать тебя простым торговцем картинами Коро, через меня ты прямо участвовал в создании многих картин, тех, которые, даже несмотря на крах, дышат покоем... Ну а я, я поставил в них на карту свою жизнь и наполовину потерял рассудок, пусть так, но ведь, на сколько я знаю, тебе не людьми торговать, и ты мог бы, по-моему, поступать просто по-человечески; ну да о чем тут говорить?»

О чем говорить? О чем говорить?

Вороны каркают над окутанной тенью равниной. Дымок от выстрела рассеялся в листве. Из раны течет кровь — вот и все. Неужели Винсент промахнулся?

В доме Раву, где Винсента ждали к обеду, начинают беспокоиться, что его долго нет. Наконец члены семьи трактирщика решают сесть за стол, не дожидаясь постояльца. Теперь они вышли посидеть на улице у крыльца. Но вот показался Винсент. Он идет быстрым

шагом. Не говоря ни слова, он проходит в кафе мимо хозяев и поднимается наверх по лестнице, ведущей в мансарду. Госпожа Раву обратила внимание, что Винсент держится рукой за бок. «Сходи к господину Винсенту, — говорит она мужу, — мне кажется, ему нездоровиться». Папаша Раву поднимается наверх. Услышав стоны художника, он стучится в дверь. Винсент, весь в крови, лежит на кровати лицом к стене. Трактирщик подходит к нему, пытается заговорить. Никакого ответа. Раву снова и снова окликает художника. Вдруг Винсент резко поворачивается к хозяину. Да, он пытался застрелиться, но к сожалению, кажется, промахнулся.

Папаша Раву бросился за городским врачом, доктором Мазери, который тотчас явился к раненому и сделал ему перевязку. Винсент попросил вызвать доктора Гаше.

Потрясенный доктор Гаше — он в этот день ходил удить рыбу на Уазу — вместе с сыном примчался в трактир Раву. Было девять часов вечера. Винсент повторил доктору то, что он уже рассказал Раву: он имел намерение покончить с собой, намерение совершенно сознательное. Осмотрев раненого, доктор понял, что его жизнь в опасности. Тем не менее он постарался обнадежить Винсента. «Ах, так...» — проронил художник. И спокойно попросил доктора дать ему трубку и табак. Гаше оставил дежурить возле раненого своего сына, чтобы в случае чего тот его немедленно известил. Доктор хотел уведомить о несчастье Тео. Но Винсент отказался сообщить домашний адрес брата.

Доктор Гаше ушел.
Винсент молча закурил трубку.

Всю ночь напролет Поль Гаше дежурил у постели Винсента, а тот, с отчужденным лицом не шевелясь и не говоря ни слова, затягивался трубкой.

На другое утро к Винсенту явилась полиция — допросить его о случившемся. Винсент встретил полицейских с раздражением. На все вопросы он твердил одно: «Это мое дело».

Доктор Гаше поручил художнику Хиршигу разыскать Тео в галерее Буссо и Валадона и передать ему записку. Тео, только что вернувшийся из Голландии, немедленно примчался в Овер. Он бросился на шею брату, горячо расцеловал его. «Не плачь, — сказал ему Винсент. — Так будет лучше для всех».

День 28 июля прошел спокойно. Винсент не испытывал страданий. Он курил, подолгу разговаривал с братом по-голландски. Потом вдруг спросил: «Что говорят врачи?» Неужели его самоубийство не удалось? Тео стал уверять Винсента, что его непременно спасут. Бесплезно, — ответил Винсент. — Тоска все равно не пройдет никогда».

День клонился к закату. Спустилась ночь. Ночь — ведь это тоже солнце. «Я верну деньги или умру», — писал Винсент брату за полтора года до этого, после первого

приступа болезни. Денег он отдать не смог. Бесплезно было создавать шедевры, те восемьсот или девятьсот картин, что он написал за десять лет подвижнического труда. Бесплезно пытаться проникнуть в великие тайны мироздания. Бесплезно вкладывать душу. Все бесплезно. Познание — это змий, который пожирает сам себя. Для человека, написавшего «Вороны над полем пшеницы», что остается в жизни? Ничего, кроме страшной бездны, на голос которой человек отзывается горьким безмолвием. Безмолвием или воплем. «Тоска все равно не пройдет никогда».

В половине второго утра 29 июля тело Винсента вдруг обмякло. Винсент умер. Без страданий. Без единого слова. Без единой жалобы. Со спокойствием того, кто пришел к познанию. Ему было тридцать семь лет.»

ВЕННЕМА АДРИАН

31 апреля 1993 г. известный голландский писатель и историк Адриан Веннема публично покончил жизнь самоубийством. Он перед этим предупредил общественность. Ему было 52 года, им было написано около сорока повестей и исторических произведений.

Литературное голландское окружение никогда раньше не встречались с добровольной смертью, которую старательно готовили и афишировали через средства массовой информации.

Где-то за год до смерти Адриан Веннема почувствовал, что вложил в свое творчество все, что мог сказать и назвал дату и время своего самоубийства. Потом он сказал об этом друзьям и знакомым, а за неделю до критического дня дал несколько последних интервью.

Корреспонденту газеты «Het Parool» он назначил встречу в кафе. Но уже только через пять дней после смерти писателя газета поместила длинный монолог Веннемы, где он объясняет мотивы, которые подталкивают его к этому шагу: «Моя жизнь удалась на 80 процентов, а ста процентов не достигает никто. Я на 19 лет старше Христа, когда он погиб. А потому, наверное, все не так уж и плохо».

Веннема хотел умышленно сократить свой творческий путь, «чтобы до конца держать меч в руке». «Я всегда знал, — говорил он, — что перестану жить где-то после пятидесяти лет. С того момента, когда я определил для себя дату смерти, моя жизнь с каждым днем становится все гармоничнее».

Веннема очень любил давать интервью и быть в центре внимания прессы и телевидения. Он организовал для себя внимание репортеров и журналистов. Говорят, что перед смертью он просил каждого из них: «Слушай, я могу рассчитывать на то, что что-то напишешь про мою смерть, правда?» И действительно, когда самоубийство Веннемы стало фактом, в голландской прессе появилось масса больших и маленьких статей, более или менее искренних, где писатели высказывали боль и сочувствие с причины трагической гибели свое-

го коллеги. На этом фоне некоторые высказывания выглядели просто нелепыми. Так, известный голландский писатель Гэрвит Комрей, который ненавидел Веннему, сразу же после его смерти написал: «Самое удивительное не то, что Веннема покончил жизнь самоубийством, а то, что сделал он это только теперь».

Дело в том, что творчество Веннемы встречало множество врагов. Его главное произведение «Торговля искусством в Голландии в 1940—45 годах» и пятитомная серия «Писатели, издатели, калабарация» вызвали в Голландии волну возмущения. В этих строго документальных книгах автор строго расправляется с мифом про сопротивление фашизму, который создали известные нидерландские писатели и артисты.

Враги Веннемы обвиняли его в том, что его отец носил мундир голландской нацистской милиции (NSB). Обвиняли его и в том, что он подтолкнул к самоубийству артиста Сэйса Бацынгера, написав в одной из своих книг о его калабарантском прошлом.

ГАМАРНИК ЯН

Жизнь Яна Гамарника оборвалась в 1937 г.

Год смерти можно найти в «Советском энциклопедическом словаре». Скупые сведения: «Советский государ-

ственный, партийный и военный деятель, армейский комиссар первого ранга. Член КПСС с 1916 г.».

В 1978 г. Воениздат выпустил сборник воспоминаний «Ян Гамарник». В этом сборнике нет ни слова об участии, которая постигла семью политического и военного деятеля.

Старая больная мама была сослана в Башкирию. Ей не было на что жить, она просила милостыню.

Жена расстреляна.

Сестры Гамарника были заключены в тюрьмы и лагеря.

Эти подробности стали известны благодаря встрече журналистки Зои Ерошок с дочерью человека, которого «раньше знала вся страна».

Виктория Яновна вспоминает:

«В тридцать шестом году летом мы отдыхали с папой в Сочи. Я сидела на террасе нашей дачи и читала. Неожиданно в дверях появился Сталин. Я, не поднявшись, протянула ему руку. Пришел папа, и они уединились в кабинете. Когда Сталин ушел, папа сказал: «Дело не в том, что это Сталин, вошел человек во много раз старше тебя, а ты не соизволила встать». Шел тридцать шестой год. Папа мог бы сказать: сам Сталин зашел, а ты... Но сказал: дело не в том, что это Сталин...

На похоронах Серго Орджоникидзе папа стоял в почетном карауле, а я за стульями, где сидели Зинаида Гавриловна и Этери, жена и дочь Орджоникидзе. Помню, я очень плакала. Мама ругала папу, что он взял меня с собой. «Серго был такой человек, такой большевик, о котором нужно и можно плакать», — сказал папа. Серго Орджоникидзе застрелился 18 февраля 1937 г. Мой папа — 31 мая 1937 г.».

О том, что папа застрелился, Вета не знала. Последнее время Ян Борисович тяжело и мучительно болел, у него было обострение сахарного диабета, и Вета думала, что папа просто умер. Но утром следующего дня из газет Вета узнала, что отец покончил с собой, «запутавшись в связях с контрреволюционным элементом». Вета стала медленно развязывать пионерский галстук. «Что ты делаешь?» — в голосе мамы напряжение. «Если папа такой... Я не имею права быть...» Мама ударила по лицу: «Не смей! Не смей — ты слышишь меня? — не то что говорить, думать об отце плохо. Он был настоящим большевиком до последней своей минуты».

Жена Гамарника вместе с ним работала в одесском подполье, вместе прошли они гражданскую войну. Она была членом партии большевиков с 1917 г. Окончила Институт красной профессуры, работала редактором-консультантом в издательстве, выпускавшем «Историю гражданской войны в СССР». Кажется, успело выйти тогда всего два тома. История, как и люди, становилась «оборотом, подлежащим вымарке и переделке».

За два дня до смерти Гамарника на вокзале, в поезде, на глазах у встречающей жены арестовали Иеронима Петровича Уборевича, командующего войсками Белорусского военного округа, кандидата в члены ЦК ВКП(б). Его дочь Мира и Вета были молочными сестрами. Ветина мама после родов заболела, и кормила грудью Вету Нина Владимировна Уборевич, Мирина мама. Мира и Вета были одноклассники, учились в одном классе, жили в одном доме в Большом Ржевском, 11. О том, что Мирин папа арестован, сообщения в газетах не было, и в классе об этом знали только Мира и Вета. А о Гамарнике прочитали, конечно, все. Однако в школе Вету встретили как ни в чем не бывало. Никаких вопросов, никаких разговоров на эту тему.

Крематорий находился на Шаболовке.

Хоронили Яна Борисовича 2 июня 1937 г. Хоронили втроем — Вета, ее мама и шофер Семен Федорович Панов.

Наступила минута прощания. Вета подошла к отцу. Он будто спал. В военной форме (но без орденов, ордена уже отобрали), лицо совершенно спокойное, прекрасное бледное лицо.

2 июня был день рождения Яна Борисовича. Ему исполнилось бы 43 года.

Никакого места праху Гамарника в крематории определенно не было. Гамарник (как и многие люди в то

время) должен был исчезнуть с лица земли бесследно в никуда.

«Иван Михайлович Рачков каждый раз при встречах со мной что-то новое вспоминал об отце, — говорит Виктория Яновна. — Мне никогда не казалось, что он продолжал жить в том времени... Ты помнишь, как папа ездил за границу лечиться?» — «Нет, не помню». — «Ну, как же! Тогда вдруг разнесся слух, что в Австрии есть профессор Норден, который излечивает диабет. И ЦК принял решение отправить Яна Борисовича к нему на лечение. С выездом за границу в то время было сложнее чем когда-либо. Яну Борисовичу пришлось сбрить бороду, надеть штатский костюм и под чужой фамилией двинуться в путь. Уезжал он на 1,5 — 2 месяца, а через две недели получаю приказ его встречать. На вокзале подхожу к международному вагону. Вот вышел последний пассажир. Яна Борисовича нет. Поднимаю голову и вижу его, идущего от общего вагона. «Понимаешь, — говорит, улыбаясь, — профессор этот ни черта не может, а тратит на себя государственное золото, которое так нужно стране, я не считаю вправу. Потому и сбежал. Ну, а из этих соображений ехал в общем вагоне. Валюта — опять же не моя, а народная». Иван Михайлович пьет чай. Улыбается своим мыслям. И опять: «Когда Ян Борисович пришел на заседание, многие его не узнали. Без бороды, молодой. Надежда Константиновна Крупская спросила у Ворошилова: «Кто это?» А ведь она хорошо знала и любила Яна Борисовича.

Это я знала. Как-то папа пришел домой рано, даже я еще не спала. Папа приходил с работы обычно в

3—4 часа утра, а тут рано и с порога крикнул: «Дочка!» Когда я подбежала, он расстегнул верхние крючки своей шинели и вытащил пушистого бело-снежного сибирского котенка. «Это тебе Надежда Константиновна просила передать».

Аристарх Тихонович Якимов в своих воспоминаниях об отце пишет, что в 30-х гг. он работал в Москве в Комиссии Советского контроля при Совнаркоме СССР под руководством Марии Ильиничны Ульяновой. 31 мая 1937 г. Якимов видел ее, Марию Ильиничну, у окна своего кабинета, плачущую навзрыд. Она только что получила известие о самоубийстве Гамарника... По свидетельству Якимова, Мария Ильинична сказала: «Какой человек погиб».

О своей встрече с Владимиром Ильичем Лениным в 1918 г., накануне 1 съезда большевиков Украины, Ян Гамарник вспоминал: «Будто живой воды напился».

Двадцатипятилетний Ян Гамарник был членом Реввоенсовета Южной группы войск 12-й армии. Есть документ, свидетельствующий о высокой оценке действий и побед Южной группы Владимиром Ильичем Лениным.

После февральско-мартовского (1937 г.) Пленума ЦК партии (накануне застрелился Серго Орджоникидзе) проходили активы. На них упоеннее, чем когда-либо, пелась «аллилуйя» Сталину и предавались анафеме «враги народа».

А как ведет себя в это время Ян Гамарник?

«Возьмитесь за Ленина, читайте том за томом, это будет лучший метод изучения марксизма-ленинизма».

Это из выступления Я. Б. Гамарника 22 марта 1937 г. на собрании актива Балтийского флота.

Он в ту свою последнюю весну в каждом выступлении: читайте Ленина, том за томом. Будто заклинает, будто знак, ключ дает.

10 июня 1937 г. Вету и ее маму сослали в Астрахань. Вместе с ними в Астрахань были сосланы жены и дети Тухачевского, Уборевича и других военных. По дороге в Астрахань узнали приговор трибунала «по делу военной группы». Приговор уже был приведен в исполнение.

В Астрахани женщины сбивались с ног в поисках работы. Работы им нигде не было.

1 сентября 1937 г. дети пошли в астраханскую школу. Через пять дней арестовали их мам, а самих детей отправили в астраханский детприемник. Потом — в детдом. Мира Уборевич, Вета Гамарник и Света Тухачевская попали в один детдом, Нижне-Иссетовский, что в восьми километрах от Свердловска.

В течение года Вета, Мира и Света переписывались с мамами, которые сидели в это время в Темниковских

лагерях (Мордовия). Через год переписка оборвалась навсегда. Спустя восемнадцать лет стало известно: мамы были расстреляны.

Вспоминает Р. М. Лучанская, член партии с 1915 г.:
«Никогда не забыть мне последние дни жизни Яна. Кругом творилось страшное, непонятное — аресты старых, испытанных большевиков, лучших людей партии. Незадолго до гибели Ян заболел. Войдя к нему в спальню, я увидела, что он ест мороженое. «Почему вы едите мороженое? Это для вас отравя», — сказала я. В ответ он только махнул рукой.

В тот вечер жена Яна Борисовича сказала мне об аресте Якира, Уборевича и Тухачевского. Я вскрикнула. «Так и мы приняли эту новость», — сказала она.

31 мая 1937 г. у Гамарника был сильнейший приступ сахарного диабета. В тот же день к нему домой приехал маршал В. К. Блюхер. Разговаривали долго и наедине.

В 1964 г. на юбилейном вечере, посвященном 70-летию Яна Борисовича Гамарника, к его дочери подошла вдова Блюхера и сказала: «Вета! Знаешь, в тот день, 31 мая 1937 г., мы с Василием Константиновичем должны были пойти в театр. Но он приехал от твоего отца сам не свой и сказал: «Театр отменяется. Сегодня Гамарника не станет».

Все в тот же день в пятом часу вечера к Яну Борисовичу приехали управляющий делами Наркомата обороны И. Смородинов и еще один сотрудник. Они пробыли в спальне Гамарника не более 15 минут. Едва они вышли из комнаты, раздался выстрел.

Одна из легенд гласит: Блюхер передал Гамарнику слова Сталина: пусть выбирает — либо ему самому быть судимому вместе с другими «заговорщиками» — Тухачевским, Уборевичем, Якиром и другими. Либо судить их. Гамарник сделал свой выбор. Возможно, он сказал о своем выборе Блюхеру. Это всего лишь легенда, документально никак не подтвержденная. И узнаем ли мы когда-либо со всей достоверностью о том, что на самом деле происходило в тот роковой день в доме Яна Борисовича Гамарника?..

В любом случае, тут не обошлось без зловещей тени «мудрейшего вождя». А уж он-то любил тайну и умел убирать свидетелей.

Через несколько дней жена Гамарника на общем партийном собрании Института красной профессуры держала «ответ за мужа, врага народа». Таков был порядок: близких обвиняли в потере бдительности.

«Как это вы не заметили около себя врага народа?»

Она улыбнулась и посмотрела — не отрываясь — в глаза оратору: «О какой бдительности вы меня спрашиваете? Были еще люди, которые не «заметили» около себя врага народа. Например, товарищ Сталин. Ведь

именно товарищ Сталин на одном из последних приемов в Кремле поднимал бокал за Гамарника как за лучшего члена партии».

Дорого обошлось жене Гамарника это заявление. Но она знала, на что шла.

Двадцать лет спустя стало известно, что из жены Гамарника в тюрьме «выколачивали» показания на многих, в том числе и на Анну Михайловну Панкратову, видного историка, подругу по революционной борьбе. Следователь парткомиссии Кузнецов сказал дочери Гамарника: «Вы можете гордиться своей матерью так же, как отцом. Из двух тысяч «дел», которые я вел в связи с реабилитацией, только в двух нет никаких показаний ни на кого из друзей, близкий, знакомых — в «делах» Мейерхольда и вашей матери. А какие тогда были допросы — не вам рассказывать».

Однажды Колька Митлянский прислал Вете в детдом письмо, где сообщил следующее: «Был на параде. Генералам выдавали сабли. Сказались уроки Ивана Кузьмича! Вета должна была прочитать «между строк»: Тухачевский, Уборевич, Гамарник и другие среди прочего призывали в подготовке к будущей войне не уповать во всем на конницу. Но за конницу горой стояли Ворошилов и Буденный. Точку зрения последних разделял и Сталин.

6 мая 1937 г. в «Красной звезде» маршал Советского Союза Михаил Николаевич Тухачевский писал: «Нам

пришлось столкнуться с теорией особенной маневренности Красной Армии — теорией, основанной не на изучении и учете нового вооружения как в руках наших возможных врагов, так и в руках советского бойца, а на уроках гражданской войны, на взглядах, более навеянных героикой гражданской войны, чем обоснованных ростом могущества, культуры, ростом крупной индустрии социалистического государства, а также ростом вооружений армий наших возможных противников из капиталистического лагеря».

Статью эту читали на «часе газеты» вслух.

Через пять дней маршал Тухачевский был освобожден от обязанностей зам. наркома обороны, а 11 июня 1937 г. вместе с другими «заговорщиками» расстрелян.

И вот: «Генералам выдали сабли».

Так за что же была арестована Вета Гамарник в сорок девятом году, мать маленьких дочек, двух и шести лет? Да, конечно, только за то, что она — дочь своего отца.

Из выступления Я. Б. Гамарника на совещании начальников политорганов Белорусского военного округа 26 ноября 1935 г.:

«...Тут задавался один вопрос, на котором я хочу остановиться. Это вопрос о семьях начсостава, в частности о женах начсостава. Здесь многие выступали и говорили, что жена такого-то командира — дочь попа, что жена такого-то командира — дочь торговца. Но, товарищи, было бы величайшей ошибкой, если бы мы на-

чали «лупить» того или иного командира эскадрильи или летчика, или молодого комвзвода за то, что он женился на дочери попа или внучке торговца, которой сейчас 18—20 лет. Я думаю, что многие из вас прикрывают свою плохую работу среди семей начсостава, отыгрываясь на том, что жена командира — дочь попа. Разве мы с вами не можем воспитать ту или иную жену командира, которая не имеет никаких грехов кроме того, что она дочь попа, если это вообще за грех можно считать».

«Страх лежал в основе тоталитарного советского государства, — говорит дочь Гамарника. — А ведь еще Монтескье утверждал: «Государство, основанное на страхе, стоит на грани политического небытия, а его подданные почти не люди».

Вот этих «нелюдей» и стремились сделать из нас на протяжении долгих лет.

К счастью, не всегда это удавалось...»

ГЕББЕЛЬС ЙОЗЕФ

В то же утро, когда Гитлер принял решение покончить с собой — 29 апреля 1945 г. — Йозеф Геббельс сделал «приложение» к завещанию фюрера:

«Фюрер приказал мне в случае крушения обороны имперской столицы покинуть Берлин и войти в назначенное им правительство в качестве ведущего его члена.

Впервые в жизни я категорически отказываюсь выполнить приказ фюрера. Моя жена и мои дети тоже отказываются выполнить его. Иначе — не говоря уже о том, что мы никогда бы не могли заставить себя покинуть фюрера в самую тяжелую для него минуту просто по человеческим мотивам и из личной преданности, — я в течение всей своей дальнейшей жизни чувствовал бы себя бесчестным изменником и подлым негодяем, потерявшим вместе с уважением к себе уважение своего народа, которое должно было бы стать предпосылкой моего личного служения делу устройства будущего германской нации и германского рейха.

В лихорадочной обстановке предательства, окружающей фюрера в эти критические дни, должно быть хотя бы несколько человек, которые остались бы безусловно верными ему до смерти, несмотря на то, что это противоречит официальному, даже столь разумно обоснованному приказу, изложенному им в своем политическом завещании.

Я полагаю, что этим окажу наилучшую услугу немецкому народу и его будущему, ибо для грядущих тяжелых времен примеры еще важнее, чем люди. Люди, которые укажут нации путь к свободе, всегда найдутся. Но устройство нашей новой народно-национальной жизни было бы невозможно, если бы оно не развивалось на основе ясных, каждому понятных образцов. По

этой причине я вместе с моей женой и от имени моих детей, которые слишком юны, чтобы высказываться самим, но, достигнув достаточно зрелого для этого возраста, безоговорочно присоединились бы к этому решению, заявляю о моем непоколебимом решении не покидать имперскую столицу даже в случае ее падения и лучше кончить подле фюрера жизнь, которая для меня лично не имеет больше никакой ценности, если я не смогу употребить ее, служа фюреру и оставаясь подле него.

Совершено в Берлине 29 апреля 1945 г. в 5 часов 30 минут.

Доктор Геббельс».

3 мая 1945 г. были обнаружены трупы семьи Геббельса. В батистовых ночных сорочках на трех и двухэтажных кроватях лежали отравленные собственной матерью дети Геббельса. Пять девочек и мальчик. Румяные от цианистого калия, они казались еще живыми. Потом от доктора Гельмуха Кунца узнали, что Магда Геббельс с помощью личного врача Гитлера по очереди разжимала рот усыпленным морфием детям, клала на зубы ампулу с ядом и сдавливала потом челюсти.

27 апреля фюрер вручил Магде Геббельс свой собственный партийный значок, который он многие годы носил на своем пиджаке. Этот подарок Магда получила в знак признания того, что она является «воплощением настоящей немецкой женщины».

ГЕРИНГ ГЕРМАН

Герман Вильгельм Геринг — «человек № 2», как его величали в рейхе. Геринг стремился стать и № 1, но получил этот номер только в Нюрнбергской тюрьме, на скамье подсудимых.

Сын губернатора бывшей германской колонии в Юго-Западной Африке Геринг во время первой мировой войны служил офицером-летчиком.

После поражения Германии в 1918 г. Геринг занялся коммерческими операциями, женился в Швеции на богатой баронессе Карин Фок, установил связи со шведскими промышленниками.

В 1922 г. он вступает в национал-социалистическую партию и становится ближайшим помощником Гитлера. Он организует и руководит штурмовыми отрядами (СА). После провала в ноябре 1923 г. гитлеровского путча в Мюнхене, в котором он участвовал, Геринг был арестован, но вскоре освобожден «под честное слово», которое он нарушил и сбежал в Австрию. Затем перебрался в Италию, нашел общий язык с тамошними финансистами и фашистами.

В 1925 г. в Швеции Геринг был помещен в психиатрическую больницу, где прошел курс лечения по поводу наркомании. В 1927 г. он снова появляется в Германии. Поддерживаемый русскими и рейнскими промышлен-

никами и влиятельными кругами рейхсвера, Геринг приобретает все большее влияние в нацистской партии: именно через него в партийную кассу поступают от промышленников крупные суммы. Постепенно Геринг становится важнейшим посредником между рейхсвером и монополистами, с одной стороны, и национал-социалистской партией — с другой.

После захвата фашистами власти Геринг назначается министром внутренних дел и премьер-министром Пруссии. Он создал гестапо и первые концентрационные лагеря.

Геринг был одним из инициаторов массовых убийств. «Убивайте, — говорил он, — каждого, кто против нас, убивайте, убиваете, не вы несете ответственность за это, а я, поэтому убивайте».

«Каждая пуля, вылетевшая из дула пистолета полицейского, есть моя пуля, если кто-то называет это убийством, значит, это я убил. Я приказал это, я согласился с этим, я принимаю на себя всю ответственность...»

После уничтожения сил оппозиции нацисты решили уничтожить несогласных в собственных рядах. Это они и сделали 30 июля 1934 г., учинив резню, известную под названием «Чистка Рема».

«Хрустальной» была названа ночь с 9 ноября на 10 ноября 1938 г. Тогда тысячи зеркальных витрин, десятки тысяч метров драгоценного хрустального стекла со звоном и треском были разбиты вдребезги, возвещая о новом зловещем этапе в политике «третьего рейха». В ту ночь по всей Германии прошли антисемитские погромы, а на следующий день Гейдрих докладывал Герингу: «Арестовано 20 тысяч евреев». Это был «ответ народа» на покушение на секретаря германского посольства в Париже фон Рата со стороны студента еврея Гриншпана.

Геринг довольно быстро поднимается по иерархической лестнице гитлеровской Германии. Он становится президентом рейхстага, императорским министром авиации, главнокомандующим военно-воздушными силами, рейхсмаршалом, председателем экономического совета и совета министров «по обороне империи», имперским управляющим государственными лесами и генеральным уполномоченным по «четырёхлетнему плану».

В течение короткого времени не осталось почти ни одного крупного немецкого предприятия, в прибылях которого он не принимал бы участия. Гитлер назначил его диктатором невероятно раздувшейся германской военной промышленности.

Вскоре после назначения генеральным уполномоченным по «четырёхлетнему плану» Геринг в июле 1937 г. организовал концерн по добыче руд и черной металлургии под названием «Герман Геринг», который при-

соединил множество мелких предприятий. После захвата Австрии и Чехословакии концерн поглотил многие крупные предприятия этих стран.

Каждый шаг германских войск по чужим территориям приносил Герингу новые богатства. Особенно поживился рейхсмаршал на ограблении частных французских коллекционеров. Как доносил чиновник немецкой военной администрации в Париже, его специальный поезд состоял из 25 вагонов, наполненных самыми ценными произведениями искусства. Сам Геринг в письме к Розенбергу похвалялся, что он владеет «крупнейшей коллекцией если не в Европе, то по крайней мере в Германии».

Еще до нападения на Советский Союз Геринг создал специальный штаб по ограблению территорий Советского Союза, разработал указания и директивы, известные под названием «Зеленая папка Геринга».

Директивы предусматривали «немедленную и полную эксплуатацию оккупированных областей в интересах военной экономики Германии; эксплуатация страны должна быть проведена в широком масштабах». При чем власть Геринга на оккупированных территориях СССР была расширена указом от 29 июня 1941 г., подписанным Гитлером, Кейтелем и имперским министром Ламмерсом, в соответствии с которым рейхсмаршал мог принимать любые меры, вплоть до непосредственных распоряжений органами вооруженных сил для «максимального использования обнаруженных запасов

и экономических мощностей на пользу германской военной экономики».

Геринг приговорен к смертной казни через повешение. За два часа до казни он покончил жизнь самоубийством, приняв яд.

Некоторое время спустя австрийский журналист Блейбтрей выступил с сенсационным сообщением о том, что будто бы он ухитрился до начала заседания пройти в зал и прикрепить к скамье подсудимых при помощи жевательной резинки ампулу с ядом, которым Геринг потом отравился. Журналист на этой сенсации немело заработал, но то была примитивная ложь: зайти в зал до начала судебного заседания, тем более лицу, не принадлежавшему к составу трибунала или к аппарату Главных обвинителей, имевших специальные пропуска, было абсолютно невозможно.

Обергруппенфюрер СС Бах-Зелевски, выпущенный из тюрьмы, попытался отнять «лавры» у журналиста. Встретившись в Герингом в тюремном коридоре, он якобы сумел передать кусочек туалетного мыла, где была запрятана ампула цианистого калия. Однако Бах-Зелевски тоже сказал неправду. И не без определенного умысла. На Нюрнбергском процессе обергруппенфюрер СС дал показания, разоблачавшие нацистов.

Подсудимые объявили его предателем, а Геринг в разговоре с Джилльбертом рычал: «Подумайте, эта грязная, проклятая, предательская свинья! Отвратитель-

вая вонючка! Он был самым проклятым убийцей во всей этой чертовой компании! Грязная отвратительная собака!» Вот и придумал Бах-Зелевски легенду, чтобы задним числом в какой-то мере реабилитировать себя.

Нет сомнения, что Геринг отравился цианистым калием. За несколько дней до казни в Нюрнберг приезжала его жена. И преступник №2 получил яд при помощи офицера американской охраны и за весьма солидную мзду.

ГЕСС РУДОЛЬФ

1 октября 1946 г. Международный военный трибунал приговорил Рудольфа Гесса к пожизненному тюремному заключению. Ему предстояло стать последним узником тюрьмы Шпандау. С именем Гесса связана одна из нераскрытых тайн Второй мировой войны.

Рудольф Гесс стоял у истоков нацистского движения, принадлежал к верхушке нацистской партии.

Родился в Александрии, в Египте. В Германию приехал только в 15 лет. В годы Первой мировой войны был военным летчиком, воевал на Западном фронте, служил вместе с Герингом. После войны поступил в Мюнхенский университет. В то время в Мюнхене были сосредоточены силы, которые впоследствии активно поддерживали фашистский режим. Полицей-президентом

был Пенер, который на вопрос, знает ли он, что в Баварии существуют террористические группы, ответил: «Да, знаю, но их еще слишком мало».

Помощником Пенера был Вильгельм Фрик, ставший впоследствии имперским министром внутренних дел в первом кабинете Гитлера.

Учился Гесс у известного геополитика-расиста Гаусгофера. В Мюнхене начал свою политическую карьеру и сам Адольф Гитлер.

Гесс вступил в нацистскую партию уже в 1920 г.. В этом же году возникли первые фашистские «боевые отряды» — зародыши будущих СА, 5 октября 1921 г. СА оформились окончательно, как штурмовые подразделения. С этого момента история нацистской партии тесно связана с историей штурмовиков. Штурмовики станут огромной силой, а первоначально они должны были сбивать всех, кто пытался дискутировать с фашистами, мешать говорить представителям других партий, внушать окружающим, что с нацистами опасно связываться.

Редкие массовые митинги в Мюнхене не проходили без того, чтобы кого-либо из участников не отвезли в больницу. Гесс был активным штурмовиком. Первый выход Гесса на политическую арену состоялся 8 ноября 1923 г., во время Мюнхенского «пивного путча».

В пивную, где держал речь комиссар Баварии Густав Дин Кар ворвался Гитлер с вооруженными штурмовиками. Рядом с Гитлером был Гесс. Гитлер сорвал с трибуны оратора и закричал: «Национальная революция началась! Баварское и общеимперское правительство низложены!»

Никакой национальной революции не совершилось. Фашисты не смогли захватить ключевых позиций в городе. Из Берлина пришла телеграмма баварскому рейхсверу, призывавшая подавить мятежников. Гитлер предпринял две акции — послал своих людей в казармы 19 полка и отправил гонца в замок кронпринца в Баварских Альпах. Парламентария в казарме арестовали, а гонец прибыл в замок слишком поздно... Гитлер сделал еще одну попытку довести выступление до победного конца: колонна из 3 тысяч нацистов двинулась к зданию рейхсвера, но была остановлена полицейскими. Нацисты потеряли 16 человек, сам Гитлер отделался сломанной ключицей. Гесс бежал в Австрию.

В феврале 1924 г. в Мюнхене начался суд на участниками путча, в результате которого главари получили небольшие сроки тюремного заключения. Гесс вместе с Гитлером оказался в Ландсбергской крепости.

Эту тюрьму один из гитлеровских географов назвал «историческим домом». Узников хорошо кормили, тюремный обед превратился в парадную церемонию: во главе стола сидел Гитлер и разговаривал о политике. Так было положено начало «застольным беседам» Гитлера.

В Ландсберге была написана первая часть «Майн кампф». Она была написана под диктовку: Гитлер диктовал свой труд Гессу. Многие историки считают что, Гесса можно считать полноправным соавтором этой книги. Поверить в это не трудно. Хотя бы в силу того, что Гесс был более образован, к тому же, идеи внушенные Гессу его учителем-расистом Гаусгофером нашли свое отражение в «Майн кампф».

После тюрьмы Гесс не расставался с Гитлером. Он стал его секретарем, «вторым я» Гитлера.

К концу 20-х гг. нацистская партия увеличила свои ряды, начала располагать значительными финансовыми средствами. Гитлер имел огромный штат, включавший телохранителей, поваров, парикмахеров, садовников.

В 1930 г. во имя «престижа партии» в Мюнхене построили «Коричневый дом» — прообраз будущих партийных зданий в Берлине. Особенно поражала «сенатская комната» — огромное помещение, в котором стояли 24 кресла, обитые пурпурной кожей. Чтобы проникнуть в руководимый Гессом секретариат Гитлера, нужно было миновать тщательно охраняемый внутренний блок, за секретариатом находился кабинет Гитлера.

Партия все больше нуждалась в деньгах. В 1929 г. Гесс отправился к немецким промышленникам в Гамбург. На встрече с промышленными магнатами Гесс вынул из портфеля две пачки фотографий. В одной пачке бы-

ли фотографии рабочих демонстрации, в другой — изображение шагающих штурмовиков.

Гесс заявил: «Вы видите, господа, силы разрушения, которые угрожают уничтожить ваши конторы, фабрики, все ваше богатство. Я показал вам также, как создается власть порядка. Мы фанатично стремимся искоренить дух бунта. К сожалению, одного стремления мало, необходимы еще материальные предпосылки. СА — бедны, нацисты — бедны, вся организация — бедна. Откуда придут сапоги, форма, флаги, словом, все снаряжение, которое необходимо для сегодняшнего политического строя, если нет денег? Их должны дать те, кто ими владеет, чтобы в конце концов не потерять того, чем они владеют».

Так Гесс внес свой вклад в установление союза нацистов с промышленниками.

Положение Гесса укрепилось после прихода Гитлера к власти. 21 апреля 1933 г. Гесс был назначен заместителем фюрера, а в декабре 1933 г. имперским министром без портфеля. Теперь он имел право выносить решения от имени Гитлера по всем вопросам партийного руководства.

15 сентября 1935 г. им был подписан закон «О защите крови и чести», который лишал евреев германского гражданства.

Гесс стоит в центре основных событий третьего рейха. Он принял участие в создании эсэсовских организаций. В 1934 г. по инициативе Гесса СД при рейхсфюрере приобретает исключительные полномочия.

В качестве имперского министра без портфеля Гесс имел полномочия предварительно санкционировать все законопроекты. Он активно поддерживал нарушения Германией Версальского мирного договора и политику подготовки к войне. 16 марта 1935 г. был издан закон о введении в Германии всеобщей воинской повинности. На документах подпись Гесса. В своих речах он агитировал за Гитлеровскую политику энергичного перевооружения. Он убеждал народ в том, что каждый должен приносить жертвы для вооружения, повторяя лозунг: «Пушки вместо масла!». Он поддерживал контакт с подпольной нацистской партией в Австрии и инструктировал ее вплоть до аншлюса Австрии. Законом от 10 июля 1939 г. было предусмотрено его участие в управлении этой страной. Сыграл Гесс и ведущую роль в захвате Чехословакии. Летом 1938 г. он поддерживал постоянный контакт с Генлейном — руководителем партии судетских немцев в Чехословакии.

27 сентября 1938 г. во время мюнхенского кризиса он организовал проведение в жизнь инструкций Гитлера. 14 апреля 1939 г. Гесс подписал декрет о введении системы управления Судетской областью как неотъемлемой частью империи, а 10 июня 1939 г. был издан указ, предусматривающий участие Гесса в управлении Судетской областью. Гесс включил партию судетских немцев в состав нацистской партии и произнес речь, в

которой подчеркнул, что Гитлер готов прибегнуть к войне, в случае, если это окажется необходимым.

На этом этапе жизненный путь Гесса не содержит в себе особых загадок. Гесс — представитель правящей верхушки фашистского государства, доверенное лицо Гитлера.

Загадки, пожалуй, начинаются в мае 1941 г. В одноместном самолете Гесс вылетает в Англию. Основной целью его поездки было заключение секретного мира с этой страной и привлечение ее к войне против СССР. Германия готовилась к выполнению плана «Барбаросса».

В Англии были люди, на поддержку которых надеялся Гесс. Прогермански были настроены крупные земельные аристократы — Гамильтон и Бедфорд, лорд и леди Астор. Делалась ставка и на секретаря Н. Чемберлена — лорда Дерби, заместителя министра по делам Шотландии — Веддерборна. Были и другие семьи в Великобритании, способные оказать поддержку миссии Гесса.

Свой самолет Гесс направил в район Западной Шотландии. К родовому имени герцога Гамильтона. С герцогом Гамильтоном Гесс познакомился в 1936 г. во время Олимпийских игр в Берлине. Гамильтон показал себя приверженцем нацистов, бывал в доме Гесса.

Немецкий двухмоторный самолет-истребитель новейшей марки врезался в землю недалеко от дороги. Опытный летчик Гесс умышленно инсценировал аварию, чтобы новая модель самолета не попала в руки англичан. Сам выбросился с парашютом.

Полицейский констебль Роберт Вильямсон и служащий органов местной самообороны доставили летчика в штаб местной самообороны в Бутби, где его обыскали. В кармане было найдено письмо, адресованное герцогу Гамильтону.

В штабе один английский летчик, бывавший ранее в Германии, внимательно присмотревшись к пленнику, воскликнул, обращаясь к старшему офицеру: «Сэр, я полагаю, что этот человек — Рудольф Гесс, заместитель Гитлера. Я видел его в Германии».

«Не говори глупостей», — сказал кратко старший.

Но летчик не ошибся. Это был действительно Рудольф Гесс... Прилет Гесса был поистине сенсационным. Из вражеской Германии в Англию прибыл «наци 2» — один из главных вдохновителей авантюры немецких фашистов, заместитель Гитлера по партии, член германского тайного совета и кабинета министров, генерал СС.

Сообщение о прилете Гесса Черчилль получил на отдыхе. Даже в условиях войны он строго соблюдал режим дня — прежде всего воскресный отдых. В субботу 11 мая 1941 г. Черчилль гостил в поместье своего

друга Рональда Дитчли и смотрел кинокомедию. Во время сеанса к нему подошел секретарь и сообщил, что его вызывает к телефону герцог Гамильтон из Шотландии. Черчилль не любил, чтобы его беспокоили в подобных случаях, и, хотя Гамильтон был его другом, попросил одного из сидевших рядом с ним министров подойти к телефону и узнать, что ему нужно. Как оказалось, Гамильтон хотел сообщить Черчиллю, что в Шотландию прибыл Рудольф Гесс.

Вначале Черчилль воспринял это сообщение как фантастическое. Но весть была верной. Представителям английской разведки пришлось сообщить Черчиллю о контактах, которые поддерживали английские секретные службы с Гессом. Британский премьер возмутился тем, что разведка действовала через его голову и не своевременно информировала о ходе переговоров с гитлеровскими агентами.

Черчилль пожелал лично беседовать с Гессом, но, поразмыслив, счел это не совсем удобным. Было решено, что первая встреча состоится между Гамильтоном и Гессом.

Герцога срочно вызвали в Дитчли. Он немедленно был принят Черчиллем. 12 мая появилось официальное сообщение министерства информации Англии. В парламент посыпались запросы депутатов. Консерваторы, лейбористы, либералы спрашивали Черчилля: «Зачем прилетел Гесс? Привез ли он мирные предложения? Исходят ли они от него лично или от германского пра-

вительства? Какова позиция английского правительства?»

Некоторые члены парламента забили тревогу. Гесс, говорили они, прибыл в Англию, чтобы предложить «нашим аристократам» «объединиться с нацистами».

Черчилль, выступая в парламенте 20 мая, а затем 10 июня, отказался ответить на запросы депутатов о Гессе. «В настоящее время, — заявил он, — я не могу сообщить о нем... Если правительство сочтет необходимым сделать такое заявление, в будущем оно это сделает». Такого заявления не последовало более двух лет — вплоть до 22 сентября 1943 г. В заговоре молчания приняли участие и министры Черчилля.

А в это время началась закулисная возня вокруг Гесса, продолжавшаяся несколько месяцев. Помимо Гамильтона переговоры с Гессом вел Киркпатрик. С ним также беседовали бывший министр иностранных дел, с 1941 г. лорд-канцлер в кабинете Черчилля Джон Саймон и влиятельный член военного кабинета Черчилля, его близкий друг лорд Бивербрук.

Из того, что говорил Гесс, английские деятели поняли, что им по существу предлагается мир на условиях подчинения Германии. Нетрудно было догадаться, что в случае победы Германии над СССР степень такого подчинения невероятно возрастает. Это делало привезенное Гессом предложение неприемлемым для английских правящих кругов.

Для Черчилля же оно было вдвойне неприемлемым: Гесс потребовал отстранения Черчилля от власти и создания нового правительства, состоящего из профашистски настроенных деятелей. Неизвестно, как сам Черчилль комментировал сделанные Гессом предложения. В своих мемуарах Черчилль не говорит об этом ни слова. Однако можно с уверенностью предположить, что он понял всю опасность этих предложений для Англии и для себя лично и выступил за их отклонение.

Предложения Гесса приняты не были. В то же время английское правительство хранило загадочное молчание явно с тем, чтобы руководители Германии не могли понять его истинного отношения к миссии Гесса. В чем были причины этого странного поведения? Почему английское правительство молчало, хотя в Англии и в некоторых других государствах выражалось беспокойство по поводу миссии Гесса и существовали опасения, что в переговорах с ним Лондон вырабатывает условия сделки с гитлеровской Германией? Распространение подобных опасений в мировом и английском общественном мнении было, безусловно, нежелательным для английского правительства, так как бросало тень на его решимость продолжать войну. И тем не менее, как известно, оно ничего не сделало, чтобы рассеять эти опасения.

В исторической литературе, в мемуарах дипломатов и политических деятелей долго велись споры о том, знал ли Гитлер о готовившемся полете Гесса. Предпринял ли Гесс эту операцию по собственной инициативе, или идея мирного зондажа в Англии была согласована с Гитлером и другими главарями фашистского рейха?..

Известно, что перед вылетом в Англию Гесс написал письмо для передачи Гитлеру. «Как вы знаете, — писал он, — я нахожусь в постоянном контакте в Англии, Ирландии, Шотландии. Все они знают, что я всегда являлся сторонником англо-германского союза... Но переговоры будут трудными. Чтобы убедить английских лидеров, важно, чтобы я лично прибыл в Англию. Я достигну нового Мюнхена, но этого нельзя сделать на расстоянии. Я подготовил все возможное, чтобы моя поездка закончилась успехом. Разрешите мне действовать.»

На случай провала своей миссии Гесс советовал Гитлеру переложить на него ответственность, сказав «что я сумасшедший». 11 мая жители Германии из передачи английского радио узнали о полете Гесса в Англию. Тех, кто осмеливался обсуждать это событие, забирали в гестапо, как «распространителей вражеской пропаганды». 11 мая о полете Гесса сообщили лишь гауляйтерам. Только 12 мая было передано сообщение: «Партийный товарищ Гесс, которому фюрер по причине прогрессирующего уже много лет заболевания строжайше запретил всякого рода полеты, не так давно нарушил этот приказ и вновь завладел самолетом. В субботу 10 мая партийный товарищ Гесс опять ушел в полет, из которого он не вернулся до сих пор. Письмо, оставленное им, настолько сумбурно, что, к сожалению, показывает следы душевного расстройства, которое заставляет опасаться, что партийный товарищ Гесс стал жертвой умопомешательства».

Издатель «застольных бесед Гитлера» Генри Пикер утверждал: «О полете Гесса в Шотландию Гитлер уз-

нал, когда сидел за ужином... Первое сообщение об этом он продиктовал сразу же. На следующий день фюрер прочитал английские отклики о полете и, переговорив с Герингом, Борманом и Риббентропом, составил более подробный текст коммюнике, в котором полет Гесса объяснялся тем, что тот уже давно страдает болезнью, отразившейся на его психике... Примечательно, что Гитлер отказался привлечь к ответственности семью Гесса и что он приказал доставлять жене Гесса его письма из Англии... Интересно, что, просматривая эти письма, я не смог обнаружить у их автора следов душевной болезни. Вместе с тем фюрер решительно отклонял все ходатайства освободить от ареста лиц, посвященных в дело Гесса».

В воспоминаниях Гесса, которые вышли в 1974 г., есть утверждение, что он совершал полет по собственной инициативе, Гитлер ничего не знал.

«Если бы он хоть что-нибудь узнал, он приказал бы тотчас же меня арестовать», — утверждал Гесс. Но, противореча себе, он же добавлял: «Я, однако, был уверен: то, что мне предстояло сказать в Англии, встретило бы одобрение фюрера».

Руководитель шестого отдела РСХА Шелленберг отмечал в мемуарах: «Совершенно невероятно, что Гитлер дал приказ Гессу лететь в Англию, чтобы сделать последнее предложение о мире».

Существуют факты, опровергающие это утверждение.

Личный пилот Гитлера передал Гессу карту для полета над запретными зонами Германии. Во время полета Гесса в Англию ему помогали радиосигналами немецкие радиостанции. Он получал точные прогнозы состояния атмосферы.

Итог спора об осведомленности Гитлера о миссии Гесса можно было подвести словами министра труда в правительстве Черчилля Эрнста Бевина: «Я не верю, что этот джентльмен прибыл сюда без ведома Гитлера».

В 1992 г. в прессе появились публикации рассекреченных документов. Это сообщение английской агентуры Первого Управления (внешнеполитическая разведка) Народного Комиссариата Внутренних Дел СССР.

14 мая 1941 г. в Первое Управление НКВД поступила шифротелеграмма № 346 из Лондона.

Она гласила: Совершенно секретно

Справка

Вадим сообщил из Лондона, что:

1. По данным «Зенхен» Гесс прибыл в Англию, заявил, что он намеревался прежде всего обратиться к Гамильтону, знакомому Гесса по совместному участию в авиасоревнованиях 1934 г.

Гамильтон принадлежит к так называемой кливденской клике. Гесс сделал свою посадку около имения Гамильтона.

2. Кирку Патрику, первому опознавшему Гесса чиновнику «закоулка», Гесс заявил, что привез с собой мирное предложение. Сущность мирных предложений нам пока не известна.

Кирк Патрик — бывший советник английского посольства в Берлине.

14.У. 1941 г. № 376

Резолюция тов. Журавлева — тов. Рыбкиной.

— Телеграфируйте в Берлин, Лондон, Стокгольм, Америку, Рим. Постарайтесь выяснить подробности предложений.

Вадим — это Иван Чичаев, резидент в Лондоне.

«Зенхен» — Ким Филби.

«Закоулок» — обозначение Форин офиса.

Журавлев — заместитель начальника управления.

Рыбкина — сотрудница управления, будущая известная детская писательница Зоя Воскресенская.

Сразу начали поступать ответы.

Из Вашингтона

«Гесс прибыл в Британию с полного согласия Гитлера, с целью начать переговоры, так как Гитлер не мог открыто предложить мир, не нанося ущерба немецкому престижу. Поэтому он избрал Гесса в качестве своего секретного эмиссара».

Из Берлина

«Начальник американского отдела в министерстве иностранной пропаганды Эйцендорф сообщил, что Гесс в наилучшем здравии и полетел в Британию с определенным поручением и предложениями от Германского правительства».

«Действия Гесса — это не бегство, а акция с ведома Гитлера с целью предложить мир Британии».

Наконец, наиболее надежный источник из Берлина приходит к выводу, что Гесс «реализовал тайный сговор нацистского руководства заключить мир с Британией до того, как будет начата война с Советским Союзом».

Все это создавало вполне определенную картину — сговор! Английская разведка располагала сведениями о том, что Гитлер, по предложению начальника РСХА Гимmlера и шефа абвера адмирала Канариса, принял решение убить Гесса, с каким бы риском и трудностями это ни было бы связано.

Однако указание об отстранении Гесса последовало лишь после того, как окончательно выяснилась неудача его миссии. Гестапо и абвер предприняли отчаянные шаги, чтобы избавиться от него, как от человека, знавшего тайны третьего рейха. Гиммлер вызвал эсэсовского генерала Закса, осуществившего связь с Канарисом, и отдал приказ: «Рудольфа нужно осторожно обезвредить».

В Англию были посланы агенты гестапо Вернер Ваелти и Карл Друкке с заданием ликвидировать Гесса. Но их действия пресекла английская секретная служба.

Однако и после этого в Лондоне опасались, как бы Гесса не выкрали или не убили немецкие парашютисты. По личному приказу Черчилля Интеллидженс сервис бдительно охраняла Гесса. Он должен был находиться в строгой изоляции «в удобном доме, не слишком далеко от Лондона», не иметь никаких связей с внешним миром, не принимать посетителей, за исключением лиц, назначенных для этой цели английским министерством иностранных дел. Черчилль приказал «следить за его здоровьем и обеспечить ему комфорт, питание, книги, письменные принадлежности и возможность отдыха». С Гессом обращались, по словам премьера, «почтительно».

Впоследствии Гесс так рассказывал о гостеприимстве английских властей: «Герцог Гамильтон, после того как посетил меня, позаботился о том, чтобы я был переведен в хороший военный госпиталь. Он находился в

сельской местности, в получасе езды от города, в замечательных природных условиях в Шотландии... После 14 дней пребывания в нём, меня перевели в Лондон... Маленький домик, в котором я жил, обстановка его в стиле XVII столетия — все это было замечательно. После этого я был переведен в виллу Мишет-Плейз около Ролдершога. Там я был окружен большими, прекрасно пахнущими глициниями... Столовая и музыкальные комнаты... были на первом этаже и выходили прямо в парк».

Несколько месяцев, принимая исключительные меры предосторожности, Гесса перевозили с места на место, пока английская секретная служба не убедилась, что ему не угрожают тайные германские агенты. Тогда Гесса отправили в военный госпиталь в южном Уэльсе. Там он находился до конца войны в качестве военнопленного.

Гесс опять выходит на сцену во время Нюрнбергского процесса. На процессе его увидели рядом с Герингом. Геринг часто обращался к Гессу, жестикулировал, но Гесс не реагировал, а только обводил зал мутным взглядом.

С самого начала на суде вновь всплыла версия о душевном расстройстве Гесса. За нее вначале цепко ухватилась защита.

Было заявлено ходатайство о судебно-психиатрической экспертизе. Гесса подвергала исследованию специ-

альная комиссия, в составе которой были крупнейшие психиатры мира.

На основании осмотра комиссия пришла к выводу: в настоящее время Гесс не душевнобольной в прямом смысле этого слова. Потеря памяти не мешает ему понимать происходящее, но несколько затруднит его в руководстве защитой и мешает вспомнить некоторые детали из прошлого, которые могут послужить фактическими данными».

На основании отчета английского психиатра доктора Риза, который наблюдал Гесса с первого дня его пребывания в Англии, можно судить, что после аварии самолета у Гесса не было никакого мозгового повреждения.

Однако в тюрьме у него появилась мания преследования: он боялся, что его отравят или убьют, а затем объявят о самоубийстве и что все это сделают непременно англичане «под влиянием евреев». В то же время сам Гесс предпринял две попытки к самоубийству, но, как заключил специалист-медик, попытки эти были истерическо-демонстративного характера.

В одном из отчетов психиатров есть такие строки:
«С точки зрения психической Гесс находился в твердой памяти, знал, что он обвиняется как высший преступник. Он читал, и по его собственным словам, зналом с обвинением, выдвинутым против него... Потеря памяти у Гесса не является следствием заболевания, а

представляет собой истерическую амнезию, основанием которой является подсознательное стремление к самозащите. Такое поведение часто прекращается, когда истерическая личность сталкивается с неизбежной необходимостью вести себя правильно. Поэтому амнезия у Гесса может пройти, как только он предстанет перед судом».

Эксперты сошлись в мнении о том, что Гесс проявляет истерическое поведение с признаками симулятивного характера».

Последнее слово подсудимого Гесса было весьма странным: «Люди, окружавшие меня во время моего пребывания в плену в Англии, вели себя странным образом, позволявшим сделать вывод, что они находятся в ненормальном состоянии и действуют в соответствии с ним... Некоторые из них имели странное выражение глаз. Это были глаза, имевшие стеклянное выражение...»

Гесс прожил долгую жизнь в тюрьме Шпандау — 93 г.

В августе 1987 г. он покончил жизнь самоубийством, повесившись на электрическом шнуре.

«Убийство Рудольфа Гесса?» — книгу с таким названием представило общественности мюнхенское издательство «Друффель-фермаг». Ее написал Вольф-Рюдигер Гесс, сын бывшего заместителя Гитлера. Когда корре-

спондент газеты «Известия» позвонил автору книги, чтобы узнать, кто считается виновником гибели его отца, между ними состоялся следующий разговор.

— Подозреваю, что это дело рук англичан.

— Знал ли ваш отец нечто такое, что могло бы повредить престижу Великобритании?

— Я могу судить об этом лишь в самых общих чертах, но уверен, что в любом случае это связано с его полетом в Англию.

— Английское правительство распорядилось вновь закрыть архивы, относящиеся к миссии Р. Гесса, хотя срок их тайного хранения уже истек...

— Для меня это главное доказательство заинтересованности англичан в том, чтобы отец не заговорил.

— Почему у кого-то могли возникнуть опасения, что Р. Гесс заговорит?

— Появилась реальная возможность того, что его выпустят из тюрьмы. Весной 1987 г. у меня были контакты с представителями советских властей. Я встречался в Берлине с советским послом, потом была встреча в советском генконсульстве в Западном Берлине. Мне довольно определенно дали понять, что советская сторона согласна на освобождение Р. Гесса. Должен ска-

зять, что я с самого начала не верил в версию, будто только Советский Союз противился освобождению моего отца. Прежде всего, этого не хотели англичане. Я полагаю, что именно готовность советской стороны выпустить Гесса из Шпандау побудила англичан к действиям.

Но тайна гибели Гесса — его не последняя тайна. После его гибели появились версии, что в тюрьме Шпандау умер совсем не Гесс.

25 сентября 1973 г. Хью Томас, в то время хирург английского военного госпиталя в Западном Берлине, сделал потрясающее открытие. Он проводил медицинский осмотр единственного обитателя крепости Шпандау, заключенного номер 7, Рудольфа Гесса и не мог поверить своим глазам. Томас был хорошо осведомлен, что во время первой мировой войны будущий соратник Гитлера был тяжело ранен в левое легкое. Но пациент, который стоял перед ним, не имел на теле никаких следов ранения. Сам доктор Томас был одним из ведущих специалистов по огнестрельным ранам. Он очень хорошо знал, что подобное ранение не может не оставить следов. «Тогда я решил, что история эта — просто выдумка», — рассказывает Томас.

Но совесть ученого не могла успокоиться, он начал искать подтверждения своим предсказаниям. После целого ряда исследований он обнаружил в Западном Берлине официальную фотокопию документов Гесса времен первой мировой войны, в которых отмечено, что 8 августа 1917 г. он был ранен пулей в легкое. Ра-

нение было серьезное, поэтому Гесс провел три месяца в больнице.

Эти сведения подтвердила и Ильза Гесс, супруга бывшего нацистского главаря. В письме, адресованном доктору Томасу, она пишет: «На теле Рудольфа остались следы от ранения. Он был хорошим спортсменом, но из-за поврежденного легкого не мог бегать, потому что задыхался». У Хью Томаса больше не существовало никаких сомнений в том, что человек не был Рудольфом Гессом. Хирург продолжал начатое расследование. Он обратился к истории перелета Гесса 10 мая 1941 г. в Шотландию для встречи с ответственными руководителями, настроенными благосклонно для заключения сепаратного мира с Германией.

Томас нашел адъютанта Гесса Карлхайнца Пинча. Пинч присутствовал при полете. Несколько фотографий. Они сохранились. На них можно разглядеть номер самолета Гесса. Самолет, который приземлился в Великобритании и ныне хранится в военном музее в Дэксфорте, имеет номер NJ+OQ, в то время как самолет, на котором Гесс вылетал из Германии и фотографии которого предоставлял Пинч, был с номером NIC-11. Кроме того, самолет Гесса не имел под крыльями дополнительных резервуаров для топлива. А самолет, долетевший до Шотландии, имел такие резервуары, и один из них был найден на следующий день в реке Клайд.

«Промежуточная посадка для смены самолета была исключена», — считает Хью Томас. Немецкие радары не-

прерывно вели самолет до Северного моря, после чего он был засечен радарным постом английских войск.

Еще один факт. Перед вылетом Гесс не успел найти подходящего летнего костюма. Он взял его взаймы у своего приятеля, который гораздо крупнее Гесса, Гельмута Кадена. Имя Кадена было написано на подкладке комбинезона. Человек же, задержанный в Шотландии, был одет в костюм, который был ему точно впору, не был подписан. Кроме того, человек, приземлившийся в Шотландии, не имел при себе никаких документов, с помощью которых можно было бы установить личность. Его идентификация была совершена при очень странных обстоятельствах. В Великобритании было несколько человек, которые очень хорошо знали Гесса, но их не вызвали для опознания. Он был опознан двумя не очень компетентными людьми: герцогом Гамильтоном и сэром А. Киркпатриком, бывшим консулом в Берлине, который знаком с Гессом весьма поверхностно.

Вопросы продолжали накапливаться.

«Я изучил все протоколы допросов этого человека, — продолжает Томас. — Почему он, направленный с важнейшими предложениями заключить мир, произносит слова абсурдные? Для руководителя такого ранга у него были существенные пробелы, касающиеся как знания собственной страны, так и установленного дипломатического протокола. Арест нацистского руководителя такого масштаба представлял значительный пропагандистский эффект для англичан. Почему тогда Черчилль запретил фотографировать пленного?»

Гесс отказывается видеть своих родных. Такая встреча состоялась только в 1969 г. В этих обстоятельствах вряд ли можно полагаться на утверждение сына Гесса Вольфа Руддигера о том, что он узнал своего отца. Ему исполнилось всего 3 года в 1941 г., а отца впервые увидел в 1969-м!

В 1979 г. Хью Томас настаивал, чтобы заключенный № 7 был осмотрен международной экспертной группой. Но это не было сделано. Английские архивы, в которых хранятся все сведения по делу Гесса, должны были быть рассекречены в 1972 г. Но все отложено до 2002 г...

Если заключенный в Шпандау не был нацистом номер 2, что же, в сущности, случилось с настоящим Гессом?

По мнению Хью Томаса, все дело в борьбе за власть, которая велась между нацистскими лидерами. По всей вероятности, самолет Гесса был сбит над Северным морем по приказу Геринга. Для него, как главнокомандующего ВВС, не составляло никакого труда организовать исчезновение и подмену Гесса.

Еще одна гипотеза: выступающие против заключения сепаратного мира с Великобританией нацистские боссы узнали о цели полета Гесса. Они убили его и направили в Великобританию двойника.

ГИММЛЕР ГЕНРИХ

Генрих Гиммлер — главарь СС, правая рука фюрера. Он стал самым сильным человеком после Гитлера и в вопросах жизни, и в вопросах смерти.

Генрих Гиммлер был известен своей пунктуальностью и имел одно хобби — всегда быть безупречным чиновником и примерным главой семьи. И это ему удавалось. На него молилась дочь, с послушанием смотрела жена. Генрих Гиммлер решает, когда его семья будет праздновать Рождество — 17 или 21 декабря, в зависимости от того, когда он приедет домой. И это никого не огорчает. Он может быть спокоен — дома его «поймут» и не скажут ни слова упрека.

«Мы, — говорил Гитлер, — должны развить технику обезлюдивания. Если вы спросите меня, что я понимаю под обезлюдиванием, я скажу, что имею в виду устранение целых расовых единиц. И это — то, что я намерен осуществить, это, грубо говоря, моя задача. Природа жестока, поэтому и мы можем быть жестокими. Если я могу послать цвет германской нации в пекло войны без малейшего сожаления о пролитии ценной германской крови, то, конечно, я имею право устранить миллионы низшей расы, которые размножаются, как черви».

Четко следуя указаниям и воли своего фюрера Генрих Гиммлер, как рейхсфюрер СС и глава германской полиции, делал все для осуществления этих целей.

«То, что может произойти с русским или чехом, — заявляет Гиммлер, — меня абсолютно не интересует. Будут ли они живы или умрут с голоду, как скоты, — для меня это имеет значение только в том смысле, что лица, принадлежащие к этим национальностям, будут нам нужны в качестве рабов. Если десять тысяч русских женщин, которые роют нам траншеи, упадут на землю мертвыми от усталости, мне это безразлично, важно, чтобы нужные нам траншеи были вырыты».

Гиммлер отдает доктору Зигмунду Рашеру приказ начать производство целой серии жестоких экспериментов над заключенными тюрем и лагерей. Эти эксперименты предусматривали увеличение численности чистых арийцев.

Несколько позже к главнокомандующему гитлеровского СС приходит «гениальная мысль». Он решает использовать несколько тысяч политических заключенных в качестве подопытных кроликов для выяснения возможности выживания в условиях разреженного воздуха и при низких температурах — эти эксперименты были нужны для фашистских летчиков. Гиммлер докладывал: «Я лично займусь вопросом поставки для этих опытов асоциальных и преступных элементов из концентрационных лагерей».

И Гиммлер вплотную занялся этой проблемой.

Вот выдержка из письма доктора медицины С. Рашера от 17 февраля 1945 г. на имя Генриха Гиммлера, в котором доктор просит перевести его в лагерь, где он мог бы проводить свои опыты над заключенными: «Для та-

ких опытов Аушвиц во всех отношениях более приспособлен, чем Дахау, поскольку там более холодно и территории больше. Потом, это будет меньше привлекать к себе внимания (испытуемые кричат, когда замерзают).

Если, уважаемый рейхсфюрер, в наших интересах ускорить важные для армии опыты в Аушвице (Люблине или в каком-либо другом лагере на Востоке), то я вас покорнейше прошу дать мне в ближайшее время приказание, чтобы я еще смог использовать последние зимние холода.»

Потом пошли рапорты и отчеты об экспериментах. Их тщательно прочитывал сам Генрих Гиммлер. Отдавал приказы, делал выводы. Вот один из них: «Одного пленного из лагеря Дахау положили на носилки и совершенно раздетого выставили вечером из барака на улицу. Его накрыли простыней. В течение ночи каждый час на него выливали ведро холодной воды. Объект оставался до утра на открытом воздухе при температуре 20—21 градус ниже нуля...»

14 апреля 1945 г. Гиммлер отдаст приказ:
«Комендантам лагерей Дахау и Флоссенбург.

Лагерь должен быть немедленно эвакуирован. Ни один заключенный не должен попасть живым в руки врага.

Генрих Гиммлер.» Так нацисты стремились скрыть и уничтожить следы своих преступлений, когда стало ясно, что война проиграна. Повсеместно они вели раскопки и сжигали трупы, находившиеся в могилах.

Уже в начале 1945 г. Гиммлер стал втайне готовиться к сделке с Западом. Себе в помощники он взял эсэсовского главаря Шелленберга. В феврале Шелленберг организовал в Берлине встречу Гиммлера с графом Бернадоттом — представителем шведского Красного Креста. Во второй раз Бернадотт приехал в Берлин в начале апреля. Но тогда еще Гиммлер «не созрел», чтобы выложить свои карты на стол. И только в ночь с 23 на 24 апреля Гиммлер решил, что время настало. Гитлер был уже ему не страшен. Он потерял реальную власть: Берлин был окружен, фюрер действовал исключительно по телефону. Сам же Гиммлер имел все еще реальную власть — эсэсовские части были с ним.

Встреча Гиммлера с Бернадоттом состоялась в подвале шведского консульства в Любеке при свете свечей, поскольку город подвергался постоянной бомбардировке, и было отключено электричество. Переговоры длились около пяти часов.

В разговоре с Бернадоттом Гиммлер был цинично откровенен. Гитлер, сказал он, наверное уже мертв или умрет в ближайшие дни. Это дает ему полное право вести переговоры от имени империи.

Сохранились подробные воспоминания Бернадотта о встрече с Гиммлером. Вот важная часть этой записи:

Гиммлер: «В том положении, которое сейчас создалось, у меня развязаны руки. Чтобы спасти возможно большие части Германии от русского вторжения, я готов капитулировать на Западном фронте, с тем, чтобы войска западных держав как можно скорей продвинулись на восток. Однако я не хочу капитулировать на Востоке. Я всегда являлся заклятым врагом большевизма и всегда останусь таковым».

В ответ Бернадотт попросил у Гиммлера заверения, что «Дания и Норвегия также войдут в акт о капитуляции (перед Западом), подписанный Гиммлером». «Гиммлер, — пишет Бернадотт, — ответил не размышляя, что он на это согласен».

После переговоров Бернадотт согласился передать предложения Гиммлера своему правительству, которое одно могло решить, следует ли доводить эти предложения до сведения союзников.

Не мешкая, Гиммлер написал письмо министру иностранных дел Швеции Кристиану Гюнтеру, в котором просил его содействовать передаче предложений американцам.

После отъезда Бернадотта Гиммлер почувствовал себя открыленным. Он уже начал прикидывать примерный

состав нового правительства и заявил Шелленбергу, что вместо НСДАП создаст партию «национального единства».

Гиммлер был автором девиза СС «В верности наша честь» — и предал Гитлера. Он превозносил силу, твердость и смелость, сам будучи при этом вялым, слабым и трусливым.

Но уже на следующий день после переговоров было опубликовано заявление президента Трумэна, в котором отменялась любая возможность частичной односторонней капитуляции Германии. Это заявление развеяло в прах все надежды Гиммлера.

Его план провалился. 27 апреля Бернадотт снова прилетел в Германию с известием, что западные державы отклонили предложение Гиммлера. Рейхсфюрер полагал, что союзники готовы признать в нем нового немецкого фюрера, и это, конечно, свидетельствует о том, что и по-человечески, и как политик он был не слишком умен и не мог трезво оценить ситуацию. О стоворе на Западе не могло быть и речи, ведь Красная Армия фактически разгромила военную машину нацистов. Сделать что-либо за ее спиной было практически невозможно.

Сам не подозревая, Гиммлер сыграл на руку своим соперникам Геббельсу и Борману. 28 апреля еще работавшие радиоприемники приняли передачу радиостанции Би-би-си, в которой со ссылкой на телеграфное

агентство Рейтер сообщалось о встрече Гиммлера с Бернадоттом и ответ западных держав. С этим сообщением Геббельс пришел к Гитлеру. Фюрер впал в дикое бешенство и вместе с тем в отчаяние. «Верный Генрих» был вымыслом от начала до конца. После этого Гитлер стал диктовать своей секретарше завещание.

В соответствии с последней волей фюрера, Геринг и Гиммлер смещались со всех своих постов; он отрекался от них и требовал, чтобы имена их были обречены на позор и поругание: «Геринг и Гиммлер — не говоря уж о их нечестности по отношению лично ко мне — нанесли колоссальный вред народу и германской нации, вступив без моего ведома и разрешения в тайные переговоры с врагом и пытаясь противозаконно захватить власть в государстве». Оба они исключались из партии, лишались всех наград, должностей и чинов.

Наступила последняя одиссея для Гиммлера. Расставшись с графом Бернадоттом в Любеке, он принялся кружить по еще не занятой союзниками территории, подобно хищнику, попавшему в западню. И западня эта становилась все более и более тесной. Еще немного — и она замкнется. Сначала Гиммлер направился в Берлин, не зная, что его измена Гитлеру уже стала известной. Однако попасть туда оказалось невозможным. Тогда он повернул на север и достиг Фюрстенберга, где располагалась штаб-квартира военного командования.

Потом Гиммлер заторопился к датской границе на встречу с Шелленбергом. Шелленберг к тому времени уже съездил в Данию и вернулся во Фленсбург. 30 ап-

реля он узнал, что освобожден от всех постов и обязанностей. Гитлер догадался, что Шелленберг причастен к инициативам Гимmlера и, карая других, не обошел и его. Обязанности Шелленберга переходили к оберштурмбаннфюреру Ванку, начальнику политического отдела СД, и к оберштурмбаннфюреру Скорцени, начальнику военного отдела.

На Шелленберга эта новость уже не произвела большого впечатления. Он тут же отправился на встречу со своим начальником. 1 мая к ним пришла новость о самоубийстве Гитлера и о назначении Деница преемником, рейхспрезидентом и верховным главнокомандующим вооруженными силами.

Гимmlер виделся с Деницем накануне, проезжая через находившийся в нескольких километрах от Любека Плен, где расположился межармейский штаб вермахта.

Шелленберг, который сопровождал Гимmlера в Плен, решил установить необходимый контакт с Шверином фон Крозигом, членом правительства, а в следующую ночь выехал в Данию для продолжения своих переговоров. Капитуляция застала его в Стокгольме.

А Гимmlер последовал за новым правительством, которое переехало 4 мая из Плена в Мюрвик недалеко от Фленсбурга, где обосновалось в морской школе. Нового президента окружала когорта обезумевших людей. Военные все еще развивали идею о продолжении борь-

бы в Норвегии. Дениц созвал к себе рейхскомиссара Тербовена, генералов Бема и Линдермана, чтобы обсудить с ними возможность организации сопротивления в Скандинавских странах. Множество известных деятелей нацистской партии искали возможность примазаться к новому правительству. Они все еще не соглашались с мыслью, что судьба их уже решена.

В этой толпе, жившей слухами и всяческого рода ложными новостями, попытался затеряться Гиммлер в тот момент, когда наконец 7 мая было принято решение о безоговорочной капитуляции Германии.

В тот же день рейхсфюрер СС стал весьма обременительным для нового правительства и был из него выведен. Гиммлер ощутил нависшую над ним угрозу и скрылся.

Дальнейшее местонахождение Гиммлера было неизвестным. По всей вероятности, он нашел себе временное убежище где-то в окрестностях Фленсбурга и скрывался там вместе с кучкой эсэсовцев, которые все еще оставались верными ему. В течение нескольких недель ему удавалось обмануть преследующие его спецслужбы союзников. Во все части и подразделения были разосланы его фотографии.

20 мая Гиммлер решил найти надежное убежище в Баварии. Туда он отправился в сопровождении десятка офицеров-эсэсовцев, которые все еще оставались верными ему.

21 мая по дороге из Гамбурга в Бремен была замечена небольшая группа мужчин. Она остановилась перед английским контрольно-пропускным пунктом. К проходу подошел человек, протянувший военному чиновнику документы на имя Генриха Хитцингера. Его левый глаз был закрыт повязкой. Сильно поношенная одежда никак не выделяла его среди прочих беженцев. Однако неуверенность и наличие документов (постовые привыкли, что обычно люди шли без всяких бумаг) привлекли внимание. Этого гражданина вывели из толпы и завели в караулку. До решения его судьбы подозрительный субъект был помещен в тюремную камеру находившегося неподалеку лагеря.

Но, конечно же, никому и в голову не приходило, что человек с черной повязкой это и есть Гиммлер, сбивший свои знаменитые усики.

Конечно, Генрих Гиммлер с его опытом работы в полиции, знал, что установить его личность не составит труда. Он не смог вынести того, что с ним обращаются как с тысячами безвестных солдат. Гиммлер попросил о встрече с комендантом лагеря. Вскоре его ввели в кабинет. Гиммлер снял повязку и представился:

— Я Генрих Гиммлер, я хочу сделать важное и срочное сообщение маршалу Мотгомери.

Может он рассчитывал на побег во время следования?

Гиммлера направили в Люнебург и передали в руки служб безопасности. Его осматривал врач, все его кар-

маны были обысканы. В одном из карманов обнаружили крупную ампулу цианистого калия. Затем Гиммлера переодели в поношенную английскую форму и посадили под замок до прибытия полковника Мерфи, которому маршал Монтгомери поручил заниматься задержанным. Сразу после прибытия Мерфи принялся расспрашивать о мерах предосторожности, принятых до его приезда.

— А проверили ли у него рот? — спросил он. — Чаще всего нацисты прячут капсулу с цианистым калием под языком или в одном из искусственных зубов. Капсула, найденная в кармане, может быть положена туда лишь для отвода глаз.

Тогда врач снова отправился осматривать Гиммлера. Когда он приказал ему открыть рот, Гиммлер свел челюсти. Что-то хрустнуло, и он замертво упал.

Все попытки вернуть Гиммлера к жизни оказались напрасными. Так, растянувшись на паркете среди английских военных, которые пытались вызвать у него рвоту, покончил свою жизнь рейхсфюрер СС.

За несколько лет до этого, в 1938 г., он говорил, обращаясь к своим офицерам: «Я не понимаю человека, который выбрасывает свою жизнь как поношенную рубашку, думая таким образом избежать трудностей. Такого человека надо просто закапывать, как животное».

Его труп, сфотографированный союзными военными корреспондентами, был предан земле. Местонахождение этой могилы держится в секрете.

Круг жизни Гимmlера замкнулся. Чтобы преодолеть бессилие и слабость, он должен был завоевать абсолютную власть. Когда эта цель была достигнута, он попытался удержать власть, предав своего кумира. Попав в лагерь для военнопленных и оказавшись там одним из сотен тысяч простых солдат, он не выдержал испытания и предпочел смерть. Лишение власти было равноценно для него утрате своего «я».

ГИТЛЕР АДОЛЬФ

20 апреля 1945 г. Гитлеру исполнилось 56 лет.

22 апреля он сказал своим приближенным: «Война проиграна... Я убью себя...»

Перед этим (31 марта 1945 г.) фюрера видел Геббельс и оставил запись в своем дневнике: «Мне просто больно видеть, какое плохое физическое состояние у фюрера. Он говорит, что уже почти не спит, что непрерывно загружен работой и что его совершенно изматывает необходимость постоянно взбадривать и приводить в чувство своих слаонервных и бесхарактерных сотрудников. Могу себе представить, насколько все это утомительно и хлопотно. Фюрера мне просто жаль, осо-

бенно когда я вижу его в таком состоянии. И все же я не могу отказаться от своей обращенной к фюреру настоятельной просьбы как можно быстрее выступить перед народом... Сейчас самое важное — чтобы он снова воодушевил народ; остальное я тогда возьму на себя... Мне думается, я сумею в кратчайший срок взять прессу под жестокий контроль. Однако условием для этого должен стать тот лозунг, который фюрер даст и прессе, и всему немецкому народу».

Но Гитлер больше не мог вести за собой народ. Его власти пришел конец.

Командующий обороной Берлина генерал Вейдлинг увидел Гитлера несколько позже: «Я увидел Гитлера 24 апреля, в день переговоров с советским командованием о капитуляции берлинского гарнизона, до этого меня в последний раз вызывали к нему год назад. Вид фюрера поразил меня. Он стал развалиной: голова у него бессильно свисала, руки дрожали, он что-то невнятно бормотал».

29 апреля Геббельс привел в бункер рейхсканцелярии чиновника, который заведовал актами гражданского состояния. Геббельс готовил спектакль под названием «свадьба фюрера». Чиновник удостоверил своей подписью, что Ева Браун, спутница фюрера с 1933 г., имеет «арийского происхождения и не страдает никакими наследственными заболеваниями». Их брак был оформлен юридически. Свадьба проходила с соблюдением всего нацистского ритуала. Бракосочетание состоялось ночью. Из рассказов свидетелей видно, что

Гитлер был совершенно разбит физически и морально, походил на марионетку.

Геббельс и Борман подписались под актом о женитьбе Гитлера.

Ева не могла представить себе другой жизни — без фюрера. Этот страх был сильнее страха смерти.

Гитлер оценил ее мужество. В своем политическом завещании он уделил ей несколько строк: «Так как в годы борьбы я думал, что не имею права создать семью, то по завершении моей земной жизни решил взять в жены фройляйн, которая доказала мне свою многолетнюю верную дружбу и прибыла в осажденный город, чтобы разделить мою судьбу. По своему желанию и будучи моей супругой она принимает смерть».

В ночь с 28 на 29 апреля 1945 исполнилась заветная мечта девицы Евы Браун. Она стала фрау Гитлер. В кабинете фюрера восемь гостей поздравили «молодых». На патефоне крутилась любимая пластинка Евы «Красные розы». Отечный, сутулый жених явился в серой униформе. Левая рука его подергивалась. Ему 56 лет, он выглядит разрушенным стариком. Натянуто улыбаясь, Гитлер пригубил бокал токайского. Рядом в черном платье, любимом платье фюрера, бледноликая невеста Ева.

В последние минуты жизни она отправилась в спальню, к шкафу, набитому одеждой, и раздала прислуге и секретаршам нажитое — шубу из серебристой лисы, украшения, платья. Ей теперь ничего не нужно: молодожены готовятся добровольно принять смерть.

По замыслу Геббельса и Бормана — режиссеров этого бракосочетания, оно должно было настроить Гитлера на торжественный лад, морально подготовить к другой торжественной церемонии — «героическому» уходу из жизни. Геббельс и Борман внушали Гитлеру, что его самоубийство будет как бы последним аккордом в духе Вагнера и древнегерманских саг.

Выстрел... Яд... Верная жена Ева, которая убивает себя на могиле вождя...

По окончании церемонии состоялся завтрак в тесном кругу, после которого Гитлер, заботясь об истории, продиктовал свое политическое, а затем и личное завещание.

В первом — Геринг и Гиммлер смещались со всех своих постов, он отрекался от них и проклинал как предателей. Адмирал Дениц назначался преемником фюрера, рейхспрезидентом и верховным главнокомандующим вооруженными силами.

В личном завещании Гитлер объявлял Бормана своим душеприказчиком, которому поручалось следить за ис-

полнением положений, фигурировавших в его первом завещании. Все свое имущество Гитлер оставлял партии, за исключением некоторых денежных сумм, завещанных родственникам и друзьям.

Последняя фраза этого завещания четко выражала решимость Гитлера покончить с собой: «Сам я и моя жена выбираем для себя смерть, предпочитая ее позору смещения с моего поста или капитуляции. Завещаем немедленно предать наши тела огню в том месте, где на протяжении двенадцати лет служения моему народу я выполнял большую часть моих повседневных обязанностей».

В конце дня 29 апреля пришла весть о казни Муссолини и его любовницы Клары Петаччи итальянскими партизанами. Трупы дуче и его любовницы переправили в Милан, где повесили на фонарях для всеобщего обозрения. Гитлер и Ева Браун поделились с присутствовавшими предчувствиями подобной кончины.

Гитлер продиктовал письмо Кейтелю — свое последнее послание немецкому генералитету. В нем он взвалил на Кейтеля и других немецких военачальников всю вину за поражение Германии (Борман внушил Гитлеру, что и Кейтель его предал). «Неверность и измена на протяжении всей войны, — писал фюрер, — разъедали волю к сопротивлению. Поэтому мне и не было дано привести мой народ к победе... Этот генеральный штаб нельзя сравнить с генеральным штабом в период первой мировой войны»:

Из показаний личного адъютанта Гитлера:

«После проникновения русских моторизованных частей в район станции Анхальтер и Кенигсплац фюрер позаботился о собственной смерти.

Вызвали начальника лазарета рейхсканцелярии профессора Хааве, чтобы испробовать на собаке Гитлера действие яда. Гитлер наблюдал за конвульсиями собаки с явным интересом».

Потом он роздал своим секретаршам ампулы с ядом, начал жечь бумаги и приказал, чтобы никто не ложился спать.

В половине третьего ночи 30 апреля Гитлер вышел в один из отсеков бункера, где выстроились 20 человек, и, пройдя вдоль строя, пожал каждому руку. После этого он удалился в свою комнату. А присутствующие на церемонии прощания отправились в бар и стали танцевать. Танцы продолжались до утра. Шум музыки слышал Гитлер. Он потребовал закончить это безобразие. Но в эту ночь он так и не решился на самоубийство.

Утро 30 апреля прошло как обычно — обсуждали военное положение. В 14 часов Гитлер пообедал в обществе секретарш и поварихи. Потом началось новое прощание, и Адольф и Ева Браун удалились в свою комнату. На этот раз Борман и Геббельс остались дежурить у входа в узком коридорчике. Борман заблаговре-

менно подготовил канистры с бензином, чтобы сразу же сжечь труп фюрера.

30 апреля в 15 часов 30 минут Гитлер и Ева покончили с собой. Согласно выраженному обоими пожеланию, их тела были облиты бензином и сожжены во дворе рейхсканцелярии.

Обратимся снова к показаниям адъютанта, написанным через две недели после события: «Принесли ампулы с цианистым калием. Гитлер и Ева Браун остались одни в помещении. Через десять минут два эсэсовца открыли дверь и вынесли из бункера трупы, чтобы сжечь их».

Адольф Гитлер еще в 1938 г. дал указания, как его похоронить: тело перевезти в Мюнхен, выставить в Фельдхернхалле (место его путча в 1923 г.) для прощания и опустить в усыпальницу на Кенигсплац. Была также у него и другая идея: обрести покой в любимом городе Линце, в усыпальнице здания нацистской партии.

Война рассудила иначе. Империя, распростершаяся на всю Европу и вот-вот на весь мир, стала съезживаться, пока не превратилась в жалкий клочок земли между Вильгельм - и Фоссштрассе и в подземный бункер под ними.

Фюрер, который видел себя в море цветов и нескончаемом потоке фанатов, скончался в подземелье и был похоронен не один раз.

Первый — сразу же после смерти. После того, как он и Ева Браун покончили с собой, их тела вынесли в сад имперской канцелярии офицеры охраны СС, положили в вырытый ров и сожгли. Сад был все время под обстрелом, поэтому никто не стал дожидаться пока трупы окончательно сгорят. Вечером останки были перенесены личной охраной СС в воронку, где уже лежали трупы любимых собак фюрера и засыпали землей.

4 мая солдат поисковой группы «СМЕРШ» обнаружил в воронке трупы — мужчины, женщины и двух собак. Он хотел доложить об этом начальству, но услышал, что в здании имперской канцелярии кинооператор снимает найденный труп Гитлера. Тогда трупы снова закопали. Так состоялось второе погребение в саду имперской канцелярии.

Вечером 4 мая стало известно, что труп, который снял оператор, вовсе не принадлежит Гитлеру. Воронку снова раскопали. В ночь на 5 мая трупы из ямы были завернуты в одеяла и положены в снарядные ящики. Обстоятельства их обнаружения и наружный осмотр давали возможность предположить, что останки принадлежат Адольфу Гитлеру и его жене Еве Браун, хотя у фюрера и его жены были двойники. Поэтому вопрос об идентификации личностей стоял на первом месте.

Труп мужчины находился в деревянном ящике длиной 163 сантиметра, шириной и высотой соответственно 55 и 53 см.

На трупе был обнаружен обгоревший по краям кусок трикотажной материи желтоватого цвета, похожий на рубашку.

Так как труп был в значительной степени обуглен, судить о возрасте и росте можно было только предположительно: около 50—60 лет. Рост — 165 см.

В этот же день производился осмотр останков женщины. Также сложно было установить возраст: между 30 и 40 годами. Рост около 150 см.

Останки вывезли в Берлин-Бух. Там был составлен судебно-медицинский акт. Было неясно, что делать с трупами дальше. Их снова закопали. Уже в третий раз.

Война закончилась. 18 мая из Москвы прилетел специальный представитель Ставки. Сначала были опрошены все свидетели, кто был в последние дни в бункере, а также зубные техники, опознавшие челюсти Гитлера и Евы Браун. Останки снова пришлось раскопать, а по окончании экспертизы закопать.

Бывший начальник секретариата «СМЕРША» капитан Терещенко рассказал о последней эксгумации: «Я говорю об этом впервые. После Буха Москва приказала произвести вторичное вскрытие: Сталин хотел быть твердо уверенным в том, что речь действительно идет о теле Гитлера. После этого наша часть покинула Штендаль, поскольку в это время велись переговоры с Великобританией о демаркационной линии и лес, в котором мы захоронили останки, должен был вскоре отойти к англичанам. Поэтому мы передислоцировались в Магдебург».

И так к осени останки были перевезены в окрестности Магдебурга. Когда Терещенко был назначен начальником секретариата «СМЕРША», командир Андрианов передал ему сверхсекретный документ: «Останки Адольфа Гитлера и Евы Браун были выкопаны и вывезены из леса вблизи городка Ратенов. Под покровом ночи они были перезахоронены в Магдебурге под одним из гаражей. Впоследствии пол гаража был заасфальтирован».

Была составлена схема захоронения с грифом «Совершенно секретно». Она была послана в Москву. Магдебургу было суждено стать последней точкой в маршруте.

Одно время даже начали ходить слухи, что Гитлеру удалось бежать.

Вот показания взятого в плен начальника личной охраны Гитлера Раттенхубера:

«По этому поводу считаю необходимым заявить следующее. Мне достаточно хорошо известно, что исключением подготовки перевода главной Ставки в Берхтесгаден, никаких других подготовительных мероприятий по вывозу Гитлера из Берлина проведено не было, так как Гитлер категорически отвергал саму мысль бегства из Берлина.

В последние дни апреля 1945 г. Гитлер назвал доктора Геббельса предателем, когда последний предложил ему вылететь на самолете из Берлина. Госпожа Геббельс на коленях умоляла его об этом, но Гитлер резко оттолкнул ее от себя.

В качестве единственного места для переезда из Берлина был предусмотрен Берхтесгаден. Гауляйтер Тирольской области Гофер приезжал в Берлин в начале апреля 1945 г. и был принят Гитлером и Борманом по вопросу южнотирольских укреплений. Во время этой беседы Гофер предложил Гитлеру оборудовать для него замок в своей области. Гитлер резко отклонил это предложение, сказав при этом, что он «не желает бегать от одного места к другому».

Перед началом русского наступления на Одере имело место совещание, на котором присутствовали генерал Бургдорф, группенфюрер Баур, майор Ионганнмейер (представитель сухопутных сил при Гитлере) и я. Об-

суждался вопрос об эвакуации Ставки в Берхтесгаден. Однако Гитлер не санкционировал переезд из Берлина.

Мне абсолютно неизвестны какие-либо факты, говорящие о подготовке бегства на самолете или на подводной лодке. Я убежден в том, что группенфюрер Баур (шеф-пилот Гитлера) и адмирал Фосс (представитель военно-морских сил) подтверждают мои показания. Оба названных офицера находятся в русском плену.

Два специальных поезда фюрера были в начале апреля по приказу генерала Бургдорфа (представитель вооруженных сил) переведены в Верхнюю Баварию. Главный поезд был при этом поврежден во время налета вражеской авиации.

Автоколонна под начальством гауптштурмфюрера СС Гейгера была переведена в связи с бомбардировками в окрестности Берлина (45 минут от города) и в начале апреля также выехала в Берхтесгаден.

Гараж на улице Геринга в последние дни сгорел от артиллерийского обстрела, так что 30 апреля не имелось ни одного целого автомобиля.

О состоянии гаража и автомашин мне известно со слов личного шофера Гитлера — штурмбаннфюрера СС Кемпке.

Что касается самолетов, то мне известно, что большая часть из них после начала русского наступления вылетела в Зальцберг. Среди лиц, вылетевших в Зальцберг, мне известны — адмирал фон Путткамер, бригаденфюрер СС Плашке (зубной врач), его помощник доктор Рокампф, представители прессы, обслуживающий персонал квартиры Гитлера.

Кроме того, как я уже показал, берлинская автострада была уже в такой степени разбита бомбами и снарядами, что на ней не мог бы совершить посадку даже самолет типа «Шторх».

Состояние здоровья Адольфа Гитлера было исключительно скверным. Еще более усилилось дрожание обеих рук, левую ногу он волочил. Глаза были какие-то ненормальные, как у душевнобольного.

Когда я сообщил свои наблюдения доктору Штумпфегеру, последний также подтвердил мои опасения, что фюрер уже не полностью нормален. На физическое состояние фюрера тяжело действовало не только душевное потрясение, но и постоянные уколы, производимые профессором Мореллем.

В дополнение к уже данным мною показаниям о том, что Гитлер 29 апреля приказал после смерти сжечь свое тело, я припоминаю, что Гитлер сказал:

«Я не хочу, чтобы враги выставили мое тело в паноптикуме». Во время этого разговора я стоял рядом с Гитлером и смог разобрать сказанные еле слышным голосом слова «мое тело в паноптикуме».

Резюмируя, могу сказать, что считаю совершенно исключенной возможность выбраться Гитлеру из берлинских развалин, так как его физическое состояние было таково, что он с трудом передвигался у себя в комнате...»

Одно время ходили слухи о том, что останки Гитлера и Евы Браун были перезахоронены в московской тюрьме Лефортово. Но это были лишь слухи.

В августе 1990 г. к заведующему международным отделом ЦК КПСС Валентину Фалину пришел кто-то из ветеранов войны и попросил о беседе на важную тему. Он напомнил, что в Магдебурге остается роковое захоронение. Завертелась машина запросов. О деле доложили Крючкову, который в то время был шефом КГБ. Через несколько недель он получил ответ: «Все в порядке. Они все сделали. Беспокоиться не о чем». Человек, которому было поручено ликвидировать магдебургские следы, сказал:

— А мы, собственно говоря, ничего не делали. Умные люди, обеспокоенные возможными осложнениями, нашли пораньше нас. Еще давно...

Оказывается, еще в эпоху Андропова магдебургское захоронение было уничтожено. Это состоялось в 1970 г.

ГОДУНОВ БОРИС

Борис Годунов (1552 — 1605) — русский царь.

Борис Годунов умер в разгар борьбы с Лжедмитрием, претендовавшим также на русский престол.

О событиях последних дней царя и его смерти повествует русский историк Н. М. Карамзин в книге «Предания веков» (Москва, 1989 г.)

«Душа сего властолюбца жила тогда ужасом и при творством. Обманутый победою в ее следствиях, Борис страдал, видя бездействие войска, нерадивость, неспособность или зломыслие воевод и боясь сменить их, чтобы не избрать худших; страдал, внимания молве на одной, благоприятной для самозванца, и не имея силы унять ее ни снисходительными убеждениями, ни клятвою святительскою, ни казнию: ибо в сие время уже резали языки нескромным.

Доносы ежедневно умножались, и Годунов страшился жестокостью ускорить общую измену: еще был самодержцем, но чувствовал оцепенение власти в руке своей и с престола, еще окруженного льстивыми рабами,

видел открытую для себя бездну! Дума и двор не изменялись наружно: в первой текли дела, как обыкновенно; второй блистал пышностью, как и дотоле.

Сердца были закрыты: одни таили страх, другие — злорадство; а всех более должен был принуждать себя Годунов, чтобы унынием и расслаблением духа не предвестить своей гибели, — и, может быть, только в глазах верной супруги обнаруживал сердце: сказал ей кровавые, глубокие раны его, чтобы облегчать себя свободным стенанием. Он не имел утешения чистейшего: не мог предаться в волю святого провидения, служа только идолу властолюбия: хотел еще наслаждаться и плодом Димитриева убиения и дерзнул бы, конечно, на злодеяние новое, чтобы не лишиться приобретенного злодейством.

В таком ли расположении души утешается смертный верою и надеждою? Храмы были отверсты: Годунов молился — богу, неумолимому для тех, которые не знают ни добродетели ни раскаяния! Но есть предел мукам — в древности нашего естества земного.

Борису исполнилось 53 года от рождения: в самых цветущих годах мужества он имел недуги, особенно жестокую подагру, и легко мог, уже стареясь, истощить свои телесные силы душевным страданием. Борис 13 апреля, в час утра, судил и рядил с вельможами в доме, принимал знатных иноземцев, обедал с ними в Золотой палате и, едва встав из-за стола, почувствовал дурноту: кровь хлынула у него из носу, ушей и рта; лилась рекою; врачи, столь им любимые, не мог-

ли остановить ее. Он терял память, но успел благословить сына на государство Российское, воспринять ангельский образ с именем Боголепа и чрез два часа испустил дух в той же храмине, где пировал с боярами и с иноземцами...

К сожалению, потомство не знает ничего более о сей кончине, разительной для сердца. Кто не хотел бы видеть и слышать Годунова в последние минуты такой жизни — читать в его взорах и в душе, смятенной внезапным наступлением вечности? Пред ним были трон, венец и могила; супруга, дети, ближние, уже обреченные жертвы судьбы; рабы неблагодарные, уже с готовою изменою в сердце; пред ним и святое знамение христианства: образ того, кто не отвергает, может быть, и позднего раскаяния!.. Молчание современников, подобно непроницаемой завесе, -сокрыло от нас зрелище столь важное, столь нравоучительное, позволяя действовать одному воображению.

Уверяют, что Годунов был самоубийцею, в отчаянии лишив себя жизни ядом; но обстоятельства и род его смерти подтверждают ли истину сего известия? И сей нежный отец семейства, сей человек, сильный духом, мог ли, спасаясь ядом от бедствия, малодушно оставить жену и детей на гибель почти несомненную? И торжество самозванца были ли верно, когда войско еще не изменяло царю делом; еще стояло, хотя и без усердия, под его знаменами? Только смерть Борисова решила успех обмана; только изменники, явные и тайные, могли желать, могли ускорить ее — но всего вероятнее, что удар, а не яд прекратил бурные дни Борисовы, к истинной скорби отечества: ибо сия безвременная кон-

чина была небесною казнию для России еще более, нежели для Годунова; он умер по крайней мере на троне, не в указах перед беглым диаконом, как бы еще в воздаяние за государственные его благодеяния; Россия же, лишенная в нем царя умного и попечительного, сделалась добычею злодейства на многие лета.

Но имя Годунова, одного из разумнейших властителей в мире, в течение столетий было и будет произносимо с омерзением, во славу нравственного и неуклонного правосудия. Потомство видит лобное место, обогренное кровию невинных, св. Димитрия, издыхающего од ножом убийц, героя псковского в петле, столь многих вельмож в мрачных темницах и келиях; видит гнусную мзду, рукою венценосца предлагаемую клеветникам-доносителям; видит систему коварства, обманов, лицемерия пред людьми и богом... Везде личину добродетели, и где добродетель? В правде ли судов Борисовых, в щедрости, в любви к гражданскому образованию, в ревности к величию России, в политике мирной и здоровой? Но сей яркий для ума блеск хладен для сердца, удостоверенного, что Борис не усомнился бы ни в каком случае действовать вопреки своим мудрым государственным правилам, если бы властолюбие потребовало от него такой перемены.

Он не был, но бывал тираном; не безумствовал, но злодействовал, подобно Иоанну, устраняя совместников или казня недоброжелателей. Если Годунов на время благоустроил державу, на время возвысил ее во мнении Европы, то не он ли и ввергнул Россию в бездну злополучия почти неслыханного — предал в добычу ляхам и бродягам, вызвал на феатр сонм мстителей и

самозванцев истреблением древнего племени царского? Не он ли, наконец, более всех содействовал уничтожению престола, воссев на нем святоубийцею?»

ДЕМОСФЕН

Демосфен (384—322 гг. до н. э.) — греческий оратор и политический деятель.

Накануне захвата Афин македонцами во главе с Антипатром и Кратером Демосфен, осужденный на смерть, вынужден был бежать. Поимку его поручили Архию, бывшему трагедийному актеру.

«Узнав, что Демосфен нашел прибежище на Калаврии в храме Посейдона, — рассказывает Плутарх, — Архий вместе с фракийскими копейщиками на суденышках переправился туда и стал уговаривать его покинуть храм и отправиться с ним вместе к Антипатру, уверяя что ему не сделают ничего плохого. (Разумеется это была ложь; например, оратора Гиперида, захваченного Архием, не только казнили, но перед смертью еще и вырезали ему язык.) А Демосфену накануне ночью привиделся странный сон. Снилось ему, будто он с Архием состязается в исполнении трагической роли и, хотя успех на его стороне, хотя игрою своей он покорила весь театр, из-за бедности и скудности постановки победа достается сопернику. Поэтому, сколь ни дружелюбно разговаривал с ним Архий, Демосфен, не сходя с места ни шаг, посмотрел на него и сказал: «Архий!

Никогда не верил я твоей игре, не верю и сейчас и твоим посулам!» Когда в бешенстве Архий начал ему угрожать, Демосфен воскликнул: «Вот это прорицания уже безошибочные, с македонского тренажника, а все, что ты говорил перед этим, было только актерской игрой. Подожди уж немного, я напишу домой пару слов». Сказав это, он отошел в глубь храма, взял в руки табличку, как бы намереваясь писать, поднес к губам тростниковое перо и, закусив его кончик, оставался некоторое время неподвижен, как он это обычно делал, обдумывая то, что пишет, потом закутался с головою в плащ, и голова его бессильно поникла. Столпившиеся у двери копейщики, решив, что он малодушничает, стали издеваться над ним, обзывая трусом и бабой, а Архий, подойдя поближе, просил его подняться и снова завел те же речи, обещая помирить его с Антипатром. Но Демосфен, едва почувствовав, что действие яда уже сказывается и быстро набирает силу, отбросил плащ и, глядя Архию прямо в лицо, сказал: «Изволь теперь сыграть, да побыстрее, Креонта из трагедии и тело это швырнуть без погребения. О Посейдон-гостеприимец, даже твой храм осквернили Антипатр и македонцы, я же покидаю его живым!» С этими словами он потребовал, чтобы ему помогли встать, и сделал несколько шагов, шатаясь и дрожа всем телом, но как только оставил позади себя алтарь, рухнул и со стоном испустил дух.

Что касается яда, то Аристон утверждает, что Демосфен его извлек из тростникового пера, как это описано выше. Но некий Папп... сообщает, что, после того как Демосфен пал бездыханным возле алтаря, выяснилось, что на табличке у него написано только начало письма: «Демосфен — Антипатру», и больше ничего, а в ответ

на недоумения о причине столь внезапной смерти фракийцы, стоявшие у дверей, рассказали, как из какой-то тряпицы он извлек яд, положил на ладонь, поднес ко рту и проглотил, причем сами они, как ни странно, решили, что он глотает золото, но его служанка, отвечая на вопросы Архия, сказала, что он уже давно носил на шнуре этот узелок вместо амулета. Эратосфен, в свою очередь, уверяет, что яд он хранил в полом браслете, который постоянно носил на запястье. Что касается остальных, писавших о Демосфене, — а их великое множество, — то разноречивые мнения их едва ли стоит перечислять; укажу только суждение родственника оратора, Демохара, который считал, что не яд, а боги избавили Демосфена от жестокости македонян, послав ему легкую безболезненную смерть».

(Плутарх. Избранные жизнеописания. Т. 2, М., 1987)

ДЖОПЛИН ДЖЕНИС

Из всех рок-звезд Дженис Джоплин, пожалуй, единственная, судьба которой сложилась особенно трагично. Ее жизнь — это сплошные любовные неудачи, бесчинства, пьянки, наркотики. И за всем этим неприглядным фасадом единственное желание: любить и быть любимой.

Дженис Джоплин родилась в 1943 г. в Техасе. В ее семье и окружении традиции соблюдались в высшей степени строго. И она очень скоро восстанет против них, уже в лицее заявляет о себе, как о непокорной личности.

Техас в то время был расистским штатом, и ее товарищи не понимали, как она осмеливается выступать в защиту негров.

Дженис не была привлекательной, кроме того, у нее были проблемы с весом. Из чувства противоречия, а также потому, что ее внешность не позволяла ей разыгрывать карту женственности, она бросается в другую крайность и строит из себя девицу с мальчишескими замашками: одевается только в брюки и рубашку, не красится, ругается матом и не идет на какие компромиссы.

«По этим причинам, — вспоминает один ее товарищ, — другие ученики издевались над ней и преследовали. Она вела себя как бунтарь в то время, когда даже у взрослых возникали серьезные неприятности, если они пытались нарушить установленные порядки. А это была девочка».

В 18 лет Дженис отправляется на несколько дней в Лос-Анджелес и попадает в квартал, где обосновалась колония хиппи. Оттуда она возвращается в восторге. «Наконец я встретила таких же людей, как и я», — говорит она своим друзьям.

В то время движение хиппи в Соединенных Штатах все больше и больше набирало вес. Хиппи протестовали против войны во Вьетнаме и отвергали все ценности капиталистического общества.

Дженис немедленно примкнула к этому движению, приняв не только взгляды хиппи, но и их непомерное увлечение наркотиками и сексом. «В течение долгого времени, — вспоминает одна ее подруга, — Дженис очень робела в присутствии мальчиков. Я думаю, она комплексовала из-за своей внешности. Она общалась с ними, но отказывалась от всякого сближения. Затем, начав курить марихуану, она почувствовала себя раскрепощенной и стала отдаваться всякому, кто носил брюки. Мне кажется, что таким образом она мстила другим девушкам, у которых уже давно были парни, тогда как к ней никто даже не приближался».

Ее сексуальные подвиги стали притчей во языцех в маленьком городке, где даже сейчас люди вспоминают об одном вечере, когда Дженис отдалась всем членам местной футбольной команды в честь их победы.

Дженис начала петь с одной местной группой и принимать все больше наркотиков. Она курила марихуану, принимала ЛСД и поглощала огромное количество секонала. «В некоторые вечера, — вспоминает Джули Пол, — под воздействием наркотиков она полностью теряла над собой контроль. Выбегала посреди ночи на улицу и кидалась под машины или билась головой о стены». Когда эйфория проходила, Дженис неизменно впадала в тягчайшие депрессии, так как ничто в мире не могло скрыть правду: она была отвергнута всеми. Она была одна.

Без всякого сожаления она покидает Техас и уезжает в Сан-Франциско. Для Дженис это был рай на земле.

Ведь город переживал культурную социальную революцию. Молодые люди, приехавшие сюда со всего света, старались построить новое общество, девизом которого стало бы «Любовь и мир». Парни носили длинные волосы, девушки — длинные цветастые юбки. Секс и наркотики воспринимались здесь спокойнее, чем в Техасе. Кроме того, это был центр музыки.

Дженис сразу же почувствовала себя, как дома. Она присоединилась к одной группе и стала выступать в местных клубах, пока один менеджер не заметил ее и не записал первый диск.

«Дженис была необычайно талантлива, — вспоминает один из ее гитаристов. — Проблема заключалась только в том, что она рассматривала жизнь как нескончаемый праздник. Она думала только о том, чтобы выпить и заняться любовью. Иногда на сцене она была великолепна, а иногда — совершенный нуль. Публика никогда не знала, сможет Дженис петь или нет».

Но в 1965 г. Дженис внезапно осознает, что физически деградирует. Она решает покинуть этот «рай», вернуться в Техас и выйти замуж. Она познакомилась с одним молодым канадцем, который представился ей фармацевтом (он основал компанию по импорту лекарств только для того, чтобы иметь возможность доставать наркотики). С короткими волосами, в костюме и галстукe, он оказался антиподом длинноволосым хиппи. Поэтому он показался Дженис спасителем, посланным для того, чтобы вытащить ее из ада, в кото-

ром она жила. Дженис провела год в Порт-Артуре, готовясь к браку.

Жених навещал ее несколько раз, дата была уже назначена. Мать Дженис сшила ее подвенечное платье, но в день церемонии жених не явился в церковь.

Для Дженис это был страшный удар. Она, которая в глубине души стремилась к нормальной жизни, отреагировала с пугающей злобой самоубийцы. Она решила, что жизнь — это сплошной обман, и с головой окунулась в поиск развлечений. Вернулась в Сан-Франциско, стала постоянной клиенткой заведений для лесбиянок и перешла к сильным наркотикам.

В профессиональном плане ей сопутствовала удача. Она заключила контракт, и ее первый альбом сразу же поставил ее в один ряд с самыми крупными звездами. Мощный, волнующе-хрипловатый голос Дженис завораживал публику.

Деньги, которые ей начали поступать, она тратила на алкоголь и наркотики. На фестивале в Монтерсе, на котором она была звездой, ей повстречался Джимми Хендрикс. «Они мгновенно признали друг друга, — вспоминает ее ударник. — Они одинаково прожигали свои жизни и, кроме того, оба испытывали сексуальный голод». Джимми и Дженис провели вместе ночь и встретились еще несколько раз. У них мог начаться настоящий любовный роман, но через три недели Дженис решила порвать с Хендриксом из-за его жестокости; он

любил бить своих партнерш. Джимми мог быть даже опасен и несколько раз вынужден был заплатить крупные суммы своим случайным любовницам, чтобы они не подавали на него в суд. Именно с Джимми Дженис открыла и полюбила героин.

После Хендрикса у Дженис была еще любовная связь с рок-звездой Джимом Моррисоном. «Джим и Дженис спали вместе, хотя и не переносили друг друга, — рассказывает владелец клуба, в котором они познакомились. — Они без конца скандалили».

Дженис с оркестром на долгие месяцы уезжала в турне. Каждый вечер после концерта она шла в какой-нибудь ночной клуб и искала любовника или любовницу на ночь. Часто ее поиски были безуспешными, и она проникалась завистью к своим товарищам, у которых не было недостатка в выборе. Однажды в одном итальянском ресторане в Нью-Йорке она взорвалась: «Это нечестно, парни! У вас всегда есть девушки, которых вы хотите, а мне нужно таскаться, чтобы найти типа, который бы не боялся меня трахнуть». Она повернулась к своему секретарю и приказала: «Давай, иди на улицу и приведи мне первого симпатичного парнишку, которого встретишь».

Через четверть часа секретарь вернулся с длинноволосым парнем, одетым в африканское пальто и говорящим с британским акцентом. Дженис оглядела его с ног до головы. «Неплох, — одобрила она. — Садись, красавчик. Знаешь, кто я? Дженис Джоплин. А кто ты?» Парень ответил: «Эрик Клептон».

Начиная с 1969 г., окружение Дженис начало серьезно беспокоиться за нее. Она все больше пила и кололась. Нужно было регулярно отменять выступления, так как она была не в состоянии подняться на сцену.

В 1970 г. Дженис встретила человека, который предложил ей руку и сердце. Его звали Сет Морган, он был дилер, и они познакомились, когда он приносил ей кокаин. Дженис влюбилась в него и начала строить планы: они откажутся от наркотиков, поженятся, она поведет с миром рок-н-ролла. Ее интересовало кино, и в этот момент молодой артист, режиссер Джек Николсон предложил ей роль в фильме. Дженис записалась на курсы драматического мастерства, но ни разу там не появилась. Ее связь с Сетом принимала для нее нежелательный оборот. Он все время отсутствовал, и она, наконец, поняла, что он не собирается на ней жениться.

4 октября 1970 г. после сеанса записи в Сансет Саунд в Лос-Анджелесе она заперлась в своей комнате и ввела огромную дозу героина. Дженис умерла быстро, но ее нашли только через восемнадцать часов. Следователь заявил, что смерть наступила в результате передозировки. «Доза настолько огромная, что это явное самоубийство», — говорил он.

ЕСЕНИН СЕРГЕЙ

Сергей Александрович Есенин родился 21 сентября 1895 г. в селе Константиново Рязанской губернии.

«Фамилия Есенин — русская — коренная, в ней звучат языческие корни — овсень, таусень, осень, ясень, — связанные с плодородием, с дарами земли, с осенними праздниками», — писал Алексей Толстой.

Родители Есенина были крестьяне. Обстановка в семье сложилась довольно сложная. Мать не ладила со свекровью, ее родители — Титовы — чуждались Есениных. Отец покинул семью, мать была вынуждена уйти от Есениных. Она отдала маленького сына на воспитание своему отцу и уехала в город на заработки. «С двух лет по бедности отца и многочисленности семейства был отдан на воспитание довольно зажиточного деда», — писал в одной из своих автобиографий будущий поэт.

Дед Есенина, человек суровых религиозных правил, был старообрядцем. Он хорошо знал священное писание, помнил наизусть многие страницы библии, жития святых, псалмы и в особенности духовные стихи. Но к «земному» относился по-земному.

Дед очень любил внука. «Дедушка пел мне старые песни, такие тягучие, заунывные. По субботам и воскресеньям он рассказывал мне Библию и священную историю», — вспоминал Есенин.

Кроме деда, мальчика знакомила с народным творчеством и его бабка. «Стихи начал слагать рано, — пишет о себе Есенин. — Толчки давала бабка. Она рассказы-

вала сказки. Некоторые сказки с плохими концами не нравились, и я их передавал на свой лад».

Когда пришла пора учиться, мальчик был отдан в четырехклассное училище. Учение ему давалось легко. Сказалась атмосфера грамотности и любви к книге, в которой рос он в семье деда.

В 30 верстах от села Константинова находился небольшой городок Спас-Клепики, где была «Второклассная учительская школа», которая готовила учителей церковно-приходских школ. Сравнительно небольшая плата за обучение и интернат при школе делали ее вполне доступной для людей среднего достатка. В эту школу и был отдан в 1909 г. Есенин.

Именно здесь, в Спас-Клепиковской школе, начинается поэтический путь Есенина. Сам он писал: «Сознательное творчество отношу к 16—17 годам».

Окончив школу в 1912 г. поэт отправился в Москву к отцу, который к этому времени стал приказчиком у одного из замоскворецких купцов. Отец «пристроил» сына в контору этого купца. Так весной 1912 г. началась московская жизнь Есенина.

В это время идея внутреннего самосовершенствования, обогащения духовной жизни, все больше волнует Есенина. В его размышлениях ощущаются явные следы толстовской философии и евангельского учения. «Итак

я бросил есть мясо, рыбы тоже не кушаю, сахар тоже не употребляю, хочу скидывать с себя все кожаное, но не хочу носить названия «Вегетарианец»... В жизни должно быть искание и стремление, без них смерть и разложение». «Жизнь... Я не могу понять ее назначения, и ведь Христос тоже не открыл цель жизни, он указал только, как жить. Но чего этим можно достигнуть, никому не известно».

Вскоре между отцом и сыном наступил разрыв. В одном из писем Есенин писал: «Был болен и с отцом шла неприятность. Теперь решено. Я один. Жить теперь буду без посторонней помощи... Я отвоевал свою свободу. Он мне сказал, что у них мне нечего делать.»

Вполне самостоятельная жизнь Есенина начинается с 1914 г., когда его имя уже довольно часто встречается на страницах художественных журналов.

Большое влияние на поэта оказала Октябрьская революция 1917 г. В автобиографии 1922 г., написанной за границей, Есенин, писал: «Самые лучшие поклонники нашей поэзии — проститутки и бандиты. С ними мы в большой дружбе. Коммунисты нас не любят по недоразумению».

Все чаще в его стихах начинает появляться слово «рок», ему мерещится «роковая беда», он пишет об участии поэта: «роковая на нем печать». Временами он готов уйти из жизни:

Я хочу под гудок постуший
Умереть для себя и для всех.

Мотив ухода из жизни вместе с прошлым неоднократно повторяется в его стихах 1920—1921 гг..

Мучительные мысли преследуют Есенина. Они до такой степени изнуряют его, что временами порождают безразличное, равнодушное отношение к жизни, желание отвернуться от источника своих страданий.

В 1921 г. произошла встреча Есенина с Айседорой Дункан. Они быстро сблизились и вскоре поженились. О взаимоотношениях Есенина и Дункан сохранилось немало воспоминаний. Большинство их них говорит о взаимной искренности обоих. Дункан была весьма внимательна к Есенину, заботилась о нем.

Ко времени их встречи Дункан была чуть не вдвое старше Есенина. И это, конечно, не могло не отразиться на их отношениях. Были и некоторые другие обстоятельства, которые послужили скорому разрыву. Есенин расстался с Дункан осенью 1923 г. В последнем письме к ней он писал: «Часто вспоминаю тебя со всей моей благодарностью к тебе».

Когда Есенин погиб, Айседора Дункан была в Париже. И. И. Шнейдер телеграфировал ей. Она тяжело переживала смерть поэта. Прислала большую телеграмму, в которой были такие слова: «Я так много плакала, что

у меня нет больше слез...» Меньше чем через два года она погибла сама...

Еще в 1920 г. Есенин познакомился с Галиной Артуров-ной Бениславской (1897—1926). Галина впервые увидела Есенина в 1916 г. во время выступлений и без памяти влюбилась. Позже она мучительно ревновала его к Айседоре Дункан. С 1923 г. она некоторое время жила с Есениным и занималась его издательскими делами.

Галина была дочерью французского студента и грузинки. Родители ее вскоре расстались, мать тяжело заболела психически, девочку удочерили родственники, жившие в латвийском городке Резекне. Окончив университет, она некоторое время жила в Кремле, работала в секретариате ВЧК. Унаследованная от матери неврастения давала себя знать, Галина дважды лечилась в санаториях.

Когда Есенин стал много пить и болел, Бениславская, беспредельно преданная поэту, делала все возможное, чтобы спасти его. Это была борьба за человека и поэта, борьба страстная, самоотверженная и самозабвенная. «Милый, хороший Сергей Александрович! Хоть немного пощадите вы себя. Бросьте эту пьяную канитель», — писала она в одном из писем.

С болью говорила Галина о тяжелых для Есенина последствиях «пьяной канители». «Вы сейчас какой-то «не настоящий». Вы все время отсутствуете. И не думайте, что это так должно быть. Вы весь ушли в себя,

все время переворачиваете свою душу, свои переживания, ощущения. Других людей вы видите постольку, поскольку находите в них отзвук вот этому копанию в себе. Посмотрите, каким вы стали нетерпимым ко всему несопадающему с вашими взглядами, понятиями. У вас это не простая раздражительность, это именно нетерпимость», — писала Галина.

Всем своим существом Бениславская привязалась к Есенину и его родным. Через год после смерти поэта — 3 декабря 1926 г. — она застрелилась на его могиле и завещала похоронить ее рядом с ним.

Она оставила на могиле две записки. Одна — простая открытка: «3 декабря 1926 г. Самоубилась здесь, хотя я знаю, что после этого еще больше собак будут вешать на Есенина... Но ему, и мне это все равно. В этой могиле для меня все самое дорогое».

У нее были револьвер, финка и коробка папирос «Мозаика». Она выкурила всю коробку и, когда стемнело, отломала крышку коробки и написала на ней: «Если финка после выстрела будет воткнута в могилу, значит, даже тогда я не жалела. Если жаль — заброшу ее далеко». В темноте она дописала еще одну строчку, наехавшую на предыдущую: «1 осечка». Было еще несколько осечек, и лишь в шестой раз — прозвучал выстрел. Пуля попала в сердце.

В 1925 г. состояние Есенина становилось все худшим. В. Ф. Наседкин вспоминает: «В апреле поползли слухи

о близкой смерти Есенина. Говорили о скоротечной чухотке, которую он, простудившись, будто бы поймал на Кавказе.

В половине мая Есенин опять в Москве. Он похудел еще больше и был совершенно безголосый. Да и во всем остальном он уже не походил на прежнего Есенина. Одетый скромно, он смахивал на человека, только что выбежавшего из драки, словно был побит, помят.

О болезни с его же слов я помню следующее:

— Катались на автомобиле. Попали в горы. В горах, знаешь, холодно, а я в одной рубашке. На другой день горлом пошла кровь. Я очень испугался. Чагин вызвал врачей. «Если не бросишь пить, через три месяца смерть», — сказали они и положили меня в больницу. Праздник, Пасха, а я в больнице. Мне казалось, что я умираю. В один день я написал тогда два стихотворения: «Есть одна хорошая...» и «Ну, целуй меня, целуй...»

Однажды В. Ф. Наседкин спросил С. Есенина:

— С чего ты запел о смерти?

«Сергей, как будто заранее был готовый к такому вопросу, торопясь стал доказывать, что поэту необходимо чаще думать о смерти и что, только памятуя о ней, поэт может особенно остро чувствовать жизнь.

Разговор о том же через некоторое время повторился. Есенин ночевал у меня, придя пьяным часа в три ночи. Утром, проснувшись, он как-то безучастно ждал завтрака. Вид у него был ужасный. Передо мной сидел мученик.

— Сергей, так ведь недалеко и до конца.

Он устало, но как о чем-то решенном, проговорил:

— Да... я ищу гибели.

Немного помолчав, так же устало и глухо добавил:

— Надоело все.

Мне показалось тогда, что Есенин теряет веру в себя.

Пьяный Есенин стал невозможно тяжел. От одного стакана вина он уже хмелел и начинал «расходиться».

Бывали жуткие картины. Тогда его жена Софья Андреевна и сестра Екатерина не спали по целым ночам.

Отрезвев, Есенин говорил, что из того, что случилось, он ничего не помнит. По моим наблюдениям, в этом была правда наполовину.

Однажды я был свидетелем его бредового состояния. У Есенина начались галлюцинации. Усиливалась мания преследования.»

Е. А. Устинова, которая часто бывала откровенна с поэтом, после его смерти вспоминала:

«Помню, заложив руки в карманы, Есенин ходил по комнате, опустив голову и изредка поправлял волосы.

— Сережа, почему ты пьешь? Ведь раньше меньше пил? — спрашивала я.

— Ах, тетя, если бы ты знала, как я прожил эти годы! Мне теперь так скучно!

— Ну, а творчество?

— Скучное творчество! — Он остановился, улыбаясь смущенно, почти виновато. — Никого и ничего мне не надо — не хочу! Шампанское, вот веселит, бодрит. Всех тогда люблю и... себя! Жизнь штука дешевая, но необходимая. Я ведь «божья дудка».

Я попросила объяснить, что значит «божья дудка». Есенин сказал:

— Это когда человек тратит из своей сокровищницы и не пополняет. Пополнять ему нечем и неинтересно. И я такой же.»

Перед отъездом из Москвы в Ленинград Есенин побывал у всех своих родных, навестил детей — Константина и Татьяну (от первого брака с Зинаидой Райх) и попрощался с ними. Пришел перед самым отъездом и к своей первой подруге — Анне Романовне Изрядновой, когда-то работавшей вместе с Есениным корректо-

ром в типографии Сытина. (У Изрядновой рос сын Есенина Юрий, родившийся 21 января 1915 г.).

С. Б. Борисов вспоминал:

«В день перед отъездом в Ленинград встретил Есенина ночью в клубе Союза писателей. Вид у него был жуткий — растерзанный, лицо желтое, дряблое и глаза красные, как у альбиноса. А в клубе имелось распоряжение — не подавать Сергею вина. После долгих разговоров пришлось уступить. Он мог уйти в какой-либо притон.

Дрожащими руками он наливал в стакан вино и говорил о том, что уедет, бросит пить и начнет работать. Говорил тихо, проникновенно и прочел новое стихотворение.

А потом как-то спросил:

— Умру — жалеть будете?»

24 декабря 1925 г., в первый день своего последнего пребывания в Ленинграде, Есенин, не застав дома Эрлиха, едет в «Англетер», где живут Устиновы. Ему удается получить свободный номер.

Весь воскресный день 27 декабря Вольф Эрлих провел в гостях у Есенина. Утром, разрезав себе руку, Есенин написал свое последнее предсмертное стихотворение. Пили чай и пиво. Днем Эрлих ненадолго покинул поэта, затем снова вернулся. Около шести часов вечера,

по его словам, ушли к себе Устиновы, которые в тот вечер тоже гостили в номере Есенина. В номере, кроме хозяина, остались Эрлих и журналист Д. Ушаков, который также проживал в «Англетере». Часов в 8 вечера Эрлих тоже простился и ушел. Дойдя до Невского проспекта, он вспомнил, что забыл портфель, и вернулся. В номере Есенин был один. Он просматривал старые стихи. Эрлих не стал задерживаться: еще раз простился и ушел. На прощание, Сергей сказал ему смеясь, что сейчас пойдет будить Устинова.

Описывая день 27 декабря, сам Устинов и его жена также создают картину в целом довольно идеальную (если не считать, конечно, эпизода с разрезанной рукой и стихотворения, написанного кровью): разговаривали, шутили, ужинали...

Следующее появление Эрлиха в «Англетере» — утром 28 декабря. Вместе с Елизаветой Устиновой они попытались войти к Есенину — дверь была заперта. Тогда они позвали на помощь В. М. Назарова, коменданта гостиницы, тот запасным ключом (по воспоминаниям Устиновой — отмычкой) открывает дверь в 5-й номер... «Комендант открыл и ушел. Я вошла в комнату, — вспоминает Е. А. Устинова. — Кровать была не тронута, я к кушетке — пусто, к дивану — никого, поднимаю глаза и вижу его в петле у окна».

А вот что пишет о последнем дне Есенина литератор Лазарь Берман, который знал поэта с 1915 г. В тот вечер он решил навестить старого знакомого:

«От редакции «Ленинских искр», в которой я работал, было недалеко до «Англетера», где, как я узнал, он остановился.

Приближаясь к дверям его номера, я услышал из комнаты приглушенный говор и какое-то движение. Не приходилось особенно удивляться — о чем я не подумал, — что едва ли застану его одного. Постучав и не получив ответа, я отворил дверь и вошел в комнату. Мне вспоминается она как несколько скошенный в плане параллелограмм, окно слева, справа тахта. Вдоль окна тянется длинный стол, в беспорядке уставленный разными закусками, графинчиками и бутылками. В комнате множество народа, совершенно мне чуждого. Большинство расхаживало по комнате, тут и там образуя отдельные группы и переговариваясь.

А на тахте, лицом кверху лежал хозяин сборища Сережа Есенин в своем прежнем ангельском обличи. Только печатью усталости было отмечено его лицо. Погасшая папироса была зажата в зубах. Он спал. В огорчении стоял и смотрел на него...

На следующее утро, спешно наладив работу редакции, часу в десятом, я снова направился к Есенину.

Внизу, навстречу мне, из входных дверей появился мой знакомый, ленинградский поэт Илья Садофьев.

— Куда спешите, Лазарь Васильевич? — спросил он.

— К Есенину, — бросил я.
Садофьев всплеснул руками:
— Повесился!»

То, что случилось в «Англетере» поэт предсказал еще в 1916 г.:

В зеленый вечер под окном
На рукаве своем повешусь...

«Эта страшная и в то же время такая жалкая гибель всколыхнула общественное сознание, — писал критик П. Медведев в 1926 г. — Оказалось необходимым понять и уяснить эту развязку большой и сложной человеческой трагедии. Не столько творчество Есенина, сколько он сам оказался в центре внимания. В стихах его искали объяснения его жизненной драмы. Литературная личность поэта была заслонена его житейской биографией. Стихи поэта превратились в свидетельские показания, если не в последнее слово подсудимого».

КАВАБАТА ЯСУНАРИ

Кавабата Ясунари — один из крупнейших японский писателей, чье творчество ярко выделяется своей приверженностью к традициям многовековой национальной культуры.

Будущий писатель родился в 1899 г. в семье врача. Своей родиной Кавабата считал Киото, хотя родился в деревне района Акутагава, что неподалеку от Осака. Два этих крупнейших города Японии расположены довольно близко.

Отец Кавабаты был человеком высокообразованным, увлекался литературой и искусством. Судьба будущего писателя складывалась драматично. В три года Кавабата потерял отца, а через год лишился матери. Он воспитывался в доме деда. Когда юноше исполнилось шестнадцать лет, умер и дед. Мальчику пришлось искать приюта у родственников покойной матери. Эти скорбные события оставили глубокий след в памяти писателя.

В год смерти деда Кавабата опубликовал свое первое произведение — «Дневник шестнадцатилетнего юноши». Это был рассказ о сиротливом детстве, об умирающем старике.

Грустное детство рано обострило чувство одиночества. Позже в автобиографии Кавабата писал: «С ранних лет я рос сиротой, но люди окружали меня заботой, и я стал одним из тех, кто не способен обижать или ненавидеть других». В произведении с искренним волнением и непосредственностью выражена горечь и боль сироты, чувство одинокого ребенка, на глазах которого угасала жизнь единственного близкого ему человека.

В 1920 г. Кавабата поступил на английское отделение Токийского университета, однако через год перешел на отделение японской филологии.

В это время в Японии было очень популярным учение дзэн — одна из школ буддизма, — сложившееся в Китае на рубеже V—VI вв. н. э. Это учение проникло в Японию в X—XI вв. Этико-философские и эстетические принципы дзэн в сочетании с местной художественной традицией оказали глубокое воздействие на развитие японского искусства.

Англичане переводят дзэн словом «медитация». Однако в европейской традиции медитировать — значит вдумываться в короткий текст, глубоко размышлять.

Дзэн, по словам самих дзэнцев, — это откровение по ту сторону слов и знаков. Дзэн — не просто созерцание. Это образ жизни, стиль жизни, который ведет к изменению сознания, к экстатическому приятию цельности мира.

Все секты дзэн пренебрежительно относятся к книжной мудрости. В период «бури и натиска» (IX в.) некоторые наставники рвали в клочья свитки священного писания. В наше время таких крайностей нет и библиотеки дзэнских монастырей очень богаты.

В книге «Дзэн и японская культура» есть такие слова:

«Сфера влияния разных буддийских школ на японскую культуру ограничивалась областью религии. Исключение составляет лишь учение дзэн, пустившее глубокие корни во всех областях культурной жизни японского народа». Учение дзэн легко приживалось в новых условиях, и причину этого видят в особенностях психологического склада японцев, склонных к созерцательному мышлению.

Истинная реальность, по учению дзэн, не членится на части, существует нечто единое, безраздельное и потому не поддающееся аналитическому методу изучения. Дзэнский принцип «озарения» заключается в том, что истинную природу вещей можно постигнуть внезапно, интуитивно, а не путем логического умозаключения. Непосредственное проникновение в сущность вещей противопоставляется рассудочным построениям. Это и лежит в основе японской культуры.

В искусстве дзэн истина — «вне слов», поэтому важным художественным компонентом становится умолчание, недосказанность, эстетический намек.

Отвергая рассудочное восприятие мира, эстетика дзэн утверждает, что безоблачная детскость и естественная простота являются теми свойствами, которые определяют путь истинного художника. Важным моментом творческого процесса является не заранее принятая стройная формула произведения, а безыскусность, полная непосредственность. Про свои «рассказы с ладонь величиной» Кавабата говорил, что они не создавались, а просто возникали.

Дзэнский принцип естественности образа, исходящий из восприятия природы как главного всеобщего начала, не отводит человеку какой-либо исключительной роли. Мир не рассматривается как арена человеческий деяний, на которой человек — герой и творец. В эстетике дзэн человек выступает как одно из явлений природы и находится с ней в нерасторжимом единстве.

Во всех школах буддизма (в том числе в дзэн) смерть понимается не как распад, а как перегруппировка и воплощение в ином обличье той совокупности элементов, которая одна только и является нашей подлинной природой. В этом смысле индивидуальное «Я» бессмертно, как бессмертна сама природа.

Личность в западном ее понимании, как совокупность психических процессов и состояний, объединенных на основе так называемой «Я — концепции», в дзэн отрицается. Напротив, перестройка сознания настоятельно требует избавления от понятия индивидуального «Я», противостоящего окружающему миру, и замены его чувством неразрывного единства с ним. Принципиально важно в этой связи, что речь идет именно об эмоциональном ощущении растворения в океане бытия, а не о рассудочном понимании необходимости такового...

Для дзэн характерна концепция быстротечности, эфемерности и призрачности жизни. Но в то же время она связывает все кратковременное с понятием прекрасного. Дзэн эстетизировал недолговечное текущее мгновение — цветение вишни, капельки росы. Соответственно, и жизнь человека считалась тем прекраснее, чем

она короче, особенно если это ярко прожитая жизнь. Согласно этикету смерти, культивировавшемуся среди буддистов, каждый человек (независимо от того, где его настигла смерть, в постели или на поле брани), должен умирать легко и красиво, с улыбкой на лице. Стоны, слезы, отчаяние всячески порицались и осуждались.

В произведениях Кавабата нет образа героя-воина. Он и жизнь рассматривает не с точки зрения героики, а ищет лирику в обыденности. Как и искусство дзэн, произведения Кавабата не замыкаются в сфере исключительного, наоборот, самые рядовые явления и предметы становятся объектом художественного осмысления.

В октябре 1968 г. Кавабата Ясанури была присуждена Нобелевская премия по литературе. Но былые время проходили, работать становилось все сложнее.

Это было время, когда писатель усиленно работал над созданием нового романа. Вещь эта ему давалась чрезвычайно трудно. Как никогда ранее. И Кавабата не щадил себя, мучительно переживал не покидавшее его бессилие. Искал средств, чтобы справиться с задуманным произведением. Страдал бессонницей. Изводил себя лекарствами... Ничто не помогало. Но сознание не мирилось с творческой беспомощностью, которая, как и болезнь, вынуждает к одиночеству. Одиночество влечет к сосредоточению...

Кавабата трудился на износ. Он всегда был напряжен, эмоционально динамичен. Труд для него всегда был высшим смыслом, радостью, счастьем.

Николай Федоренко — востоковед и эссеист, который встречался с Кавабата незадолго до его смерти, писал: «Мыслимо ли предполагать, что зловещая тень уже легла на очаг писателя? А может быть он стремился увидеть случай преодоления необратимого времени, самой фатальности? Впрочем, это вопросы, которым, видимо, суждено остаться без ответа.

Кавабата понимал, конечно, что жить ему на свете не так много. Что ни день — все уже становилась стезжка. Жизнь буквально пролетала мимо, не оставляя времени для досуга. Его страсть — рукописи. И никому, пожалуй, он не верил: ни врачам, ни лекарствам, ни словам, одному только сердцу. «Человек, - по выражению китайского поэта Лу Ю, писавшего в тринадцатом веке, — должен жить по велению души». И в слабом, небольшом его теле царил неукротимый дух. Вечная философия Кавабата, напоминающая слова Хемингуэя: «Человека можно уничтожить, но нельзя победить». У Кавабата кончалась дорога. Дорога жизни. Сжимался жесткий круг. А он продолжал удерживать внимание «долгих дум». Умел вознаградить собеседника за «утраченное время».

16 апреля 1972 г. 72-летний Кавабата Ясунари кончает жизнь самоубийством в уединенном курортном городке Дзуси в окрестностях Токио.

Быть может, писатель услышал свой час? Или руководило им сознание, что непогашенного долга не осталось в его жизни? Может быть, он был слишком одинок среди людских толп и в его жестокую тоску, в ищущее ответа чувство, в его одиночество и смятение души вошло большое, неизчерпаемое страдание, ужас жизни?

Он не оставил завещания или письма. Неожиданное самоубийство писателя поразило всех, и даже в это время в Японии выдвигаются всевозможные версии.

Один из ведущих прозаиков, президент Ассоциации японских писателей Фумио Нива, в своем заявлении подчеркнул: «Не было никакой причины, которая побудила бы Кавабату прибегнуть к подобному акту».

Другой известный писатель — Ясуси Икоуэ подтвердил, что месяц назад встречался с Кавабатой и не заметил никаких признаков приближающейся трагической развязки.

Кавабата был кротким человеком, жил уединенно. Всемирная известность принесла с собой и нежелательное для него назойливое внимание прессы. Писатель очень тяготился этим.

За свою долгую жизнь Ясунари Кавабата не однажды был потрясен самоубийствами японских писателей (как утверждает официальная статистика, начиная с 1895 г. до наших дней их было тринадцать). Особенно

его удручала смерть известнейшего писателя Рюноске Акутагавы. Ему тем более было тяжело сознавать это, ибо он знал о причинах, которые толкнули его коллегу на самоубийство. Но Кавабата долго не мог смириться с мыслью, что из жизни навсегда ушел талантливый и честный человек.

Его потрясло также самоубийство Мисимы. Кавабата возмущался этой безумной выходкой. Незадолго до случившегося он сказал: «Вы хотите знать мое мнение о Мисиме? Он не является моим учеником, хотя это часто утверждают». Поводом для подобных суждений послужило, видимо, то, что Кавабата, который всегда пристально присматривался к молодым талантам, отыскивал их и помогал им расти, в свое время обратил внимание и на способного юношу Мисиму. Но Кавабата не стал его духовным наставником. Поэтому маловероятно, чтобы смерть Мисимы могла послужить толчком к его самоубийству.

КЛЕОПАТРА VII ЕГИПЕТСКАЯ

Клеопатра VII Египетская (69—30 до н. э.) — царица Египта.

Будучи еще совсем юной, в борьбе с Птолемеем XIV за трон Египта Клеопатра прибегла к помощи Гая Юлия Цезаря, став его любовницей. После смерти Цезаря, когда в Риме разгорелась борьба за трон между Анто-

нием и Октавианом, Клеопатра стала сначала любовницей, а потом и женой Антония.

Антоний, потерпев ряд поражений от Октавиана, покончил жизнь самоубийством, бросившись на меч. Случилось это в Александрии. Истекавшего кровью Антония по приказу Клеопатры принесли к мавзолею, в котором она забаррикадировалась вместе с двумя служанками, и с помощью веревок втащили внутрь через окна второго этажа. Несостоявшийся император умер на руках Клеопатры.

Октавиан хотел оставить Клеопатру в живых, чтобы провести по Риму в униженном виде — закованную в цепи и привязанную к колеснице — во время торжественных празднований победы (триумфа). Парламентеры, посланные им, разумеется, скрывали это, но обещали царице, что, если она отречется от трона, император поступит с ней милосердно. Клеопатра соглашалась только при условии, что царем Египта будет Цезарион, ее сын от Цезаря. На это Октавиан пойти не мог; он намеревался сделать Египет своей вотчиной. Клеопатра грозила, что в случае отказа покончит жизнь самоубийством. В свою очередь Октавиан грозил, что убьет детей Клеопатры — Птолемя и Клеопатру Селену, захваченных его войсками. Переговоры были долгими и тяжелыми.

Добиваясь официального отречения Клеопатры, Октавиан старался соблазнить ее тем, что оговорит права наследников (за исключением прав Цезариона на трон). Чтобы приглушить подозрения царицы, импера-

тор устроил пышные похороны Антония и позволил участвовать в них Клеопатре. После похорон она вернулась в мавзолей. Несколько раз на дню Клеопарта решалась на самоубийство, но мысль о детях-заложниках останавливала ее.

Весь август 30 г. до н. э. Клеопатра страдала от лихорадки, жары и душевных мучений. 28 августа ее посетил сам Октавиан. «Когда он вошел, — пишет Плутарх, — она вскочила с ложа и, как была, в легкой одежде бросилась к его ногам. Волосы ее были растрепаны, лицо искажено, а под глазами темные круги. Вокруг груди виднелись рубцы от ритуального бичевания во время похорон Антония, и ее внешний облик отражал состояние души. Но, несмотря ни на что, очарование и вызывающая красота юности не оставили ее, и она вся светила обаянием.

Во время беседы Октавиан уверил царицу в своей благожелательности и ушел с уверенностью, что почти убедил ее отречься от всех прав.

Тем временем в Клеопатру влюбился один из римских офицеров, поставленных наблюдать за мавзолеем, Корнелий Долабелла. Он и раскрыл ей тайные планы Октавиана, сказав, что тот считает царицу оправившейся от болезни и собирается через несколько дней перевезти в Рим вместе с детьми. Но Цезариона он в любом случае убьет, чтобы тот не мог претендовать на престол. И тогда Клеопатра наконец решилась умереть.

Она испросила у Октавиана разрешения посетить могилу Антония, а затем, вернувшись в мавзолей, приняла ванну. Служанки натерли ее благовониями, причесали, одели. Наступило время обеда. Возле дверей мавзолея появился крестьянин с корзинкой и сказал римским стражникам, что принес для царицы свежие фиги. Кто-то из стражников проводил его в комнату царицы.

При виде крестьянина с корзинкой Клеопатра громко воскликнула:

— А, вот и она!

Стражники выпроводили крестьянина, а Клеопатра сунула руку в корзину, где находилась принесенная по ее просьбе ядовитая змея (очевидно, кобра). Укус был смертелен.

Спустя некоторое время к стражникам вышла служанка и попросила отнести во дворец для Октавиана папирус с посланием царицы. Получив послание, Октавиан пришел в бешенство. Там было написано: «Хочу быть похороненной в одной могиле с Антонием».

Когда римские офицеры ворвались в мавзолей, они увидели мертвую Клеопатру с короной Птолемеев на голове. На ее руке были обнаружены две крохотные ранки от змеиного укуса. Октавиан попытался спасти царицу, послав к ней псиллов — членов североафриканского племени, считавшихся целителями змеиных укусов: римляне верили, что в их теле содержится яд,

гибельный для змей, и, соответственно, противоядие от укусов. Псиллы должны были высосать яд у Клеопатры. Но, разумеется, это не помогло.

Раздосадованный, Октавиан казнил Цезариона и сына Антония от брака с Фульвией. Правда, детей, рожденных Клеопатрой от Антония, он оставил в живых.

А саму царицу он все же протащил за колесницей во время триумфа — но только в виде золотой статуи.
(А. Лаврин. Хроники Харона. М., 1993)

КОХ ИЛЬЗА

Супруги Кох были парочкой, чья изощренность не знала границ. Эти двое — комендант лагеря и его жена, которая проводила вечера за изготовлением абжуров из татуированной человеческой кожи, — воплощали в жизнь суть гитлеровской идеи.

Переезд Ильзы Кох в Бухенвальд из Саксонии, где она родилась в 1906 г. и до войны работала библиотекарем, еще не дает ответа на то, что превратило обыкновенную женщину в зверя. Дочь чернорабочего, она была прилежной школьницей, любила и была любима, пользовалась успехом у деревенских парней, но всегда считала себя выше других, явно преувеличивая свои достоинства. И когда ее эгоизм объединился с амбиция-

ми эсэсовца Карла Коха, скрытая извращенность Ильзы стала явной.

Они познакомились в 1936 г., когда система концентрационных лагерей уже охватила всю Германию. Штан-дартенфюрер Карл Кох служил в Заксенхаузе.

В Заксенхаузе Кох даже среди «своих» приобрел репутацию отъявленного садиста. Тем не менее именно эти качества помогли ему завоевать сердце Ильзы. И в конце 1937 г. состоялась брачная церемония. Счастливая пара объединила свои усилия на службу дьяволу.

В то время как Кох упивался властью, наблюдая за ежедневным уничтожением людей, его жена испытывала еще большее удовольствие от мук заключенных. В лагере ее боялись больше самого коменданта.

Садистка обычно прохаживалась по лагерю, раздавая удары плетью любому встречному в полосатой одежде. Иногда брала с собой свирепую овчарку и приходила в восторг, натравливая собаку на беременных женщин или узников с тяжелой ношей. Неудивительно, что заключенные прозвали Ильзу «сукой Бухенвальда».

Когда измученным вконец узникам казалось, что уже не существует более страшных истязаний, садистка изобретала новые зверства. Она приказывала заключенным мужчинам раздеться. Те, у кого не было татуировки на коже, Ильзу Кох мало интересовали. Но ког-

да она видела на чьем-то теле экзотический узор, в глазах садистки вспыхивала плотоядная усмешка. А это означало, что перед ней — очередная жертва.

Позже Ильзу Кох прозвали «фрау Абажур». Она использовала выделанную кожу убитых мужчин для создания разнообразной домашней утвари, чем чрезвычайно гордилась. Наиболее подходящей для поделок она находила кожу цыган и русских военнопленных с наколками на груди и спине. Это позволяло делать вещи весьма «декоративными». Особенно Ильзе нравились абажуры.

Один из узников, еврей Альберт Греновский, которого заставили работать в патологоанатомической лаборатории Бухенвальда, рассказывал после войны, что отобранных Ильзой заключенных с татуировкой доставляли в диспансер. Там их убивали, используя смертоносные инъекции.

Был только один надежный способ не попасть «суке» на абажур — изуродовать себе кожу или умереть в газовой камере. Некоторым и это казалось благом.

Тела, имеющие «художественную ценность», доставляли в патологоанатомическую лабораторию, где их обрабатывали спиртом и аккуратно сдирали кожу. Затем ее высушивали, смазывали растительным маслом и упаковывали в специальные пакеты.

А Ильза тем временем совершенствовала свое мастерство. Из кожи заключенных она стала шить перчатки и ажурное нижнее белье. «Татуировку, украсившую трусики Ильзы, я видел на спине одного цыгана из моего блока», — рассказывал Альберт Греновский.

По-видимому, изуверские развлечения Ильзы Кох сделались модными среди ее коллег в других концентрационных лагерях, которые множились в нацистской империи как грибы. Для нее было удовольствием переписываться с женами комендантов других лагерей и давать им подробные инструкции, как превратить человеческую кожу в экзотические переплеты книг, абажуры, перчатки или скатерти для стола.

Это людоедское «ремесло» не осталось незамеченным властями. В конце 1941 г. супруги Кох предстали перед судом СС в Касселе по обвинению в «чрезмерной жестокости и моральном разложении».

Однако в тот раз садистам удалось избежать наказания.

И только в 1944 г. суд состоялся, на котором садистам не уйти от ответственности.

В холодное апрельское утро 1945 г., буквально за несколько дней до освобождения лагеря союзными войсками, Карл Кох был расстрелян во дворе того самого

лагеря, где он совсем недавно распоряжался тысячами человеческих судеб.

Овдовевшая Ильза была виновна в неменьшей степени, чем ее муж. Многие заключенные считали, что Кох совершал преступления под дьявольским влиянием своей жены. В глазах СС вина ее была незначительна. Садистку освободили из под стражи.

Тем не менее она не вернулась в Бухенвальд. Незадолго до окончания войны преступница уже находилась на родительской ферме рядом с Людвигсбергом.

После крушения «третьего рейха» Ильза Кох пряталась, зная, что власти ловят более крупную рыбу в СС и гестапо. Она находилась на свободе до 1947 г., когда правосудие наконец настигло ее.

До суда бывшую нацистку содержали в тюрьме. Сорокалетняя Ильза была беременна от немецкого солдата. В Мюнхене она предстала перед американским военным трибуналом, чтобы отвечать за свои преступления.

Несколько недель множество бывших заключенных с горячим гневом приходили в зал судебного заседания, чтобы рассказать правду о прошлом Ильзы Кох.

«Кровь более пятидесяти тысяч жертв Бухенвальда на ее руках, — заявил прокурор, — и тот факт, что эта женщина в данный момент беременна, не освобождает ее от наказания».

Американский генерал Эмиль Киль зачитал приговор: «Ильзе Кох — пожизненное заключение».

Попав в тюрьму, Ильза сделала заявление, в котором уверяла, что была только «служкой» режима. Она отрицала изготовление вещей из человеческой кожи и утверждала, что была окружена тайными врагами рейха, которые оговорили ее, пытаясь отомстить за служебное усердие.

В 1951 г. в жизни Ильзы Кох наступил перелом. Генерал Луиус Клей, верховный комиссар американской оккупационной зоны в Германии, своим решением поверг в шок мир по обе стороны Атлантики — как население своей страны, так и Федеративной Республики Германии, возникшей на обломках поверженного «третьего рейха». Он подарил Ильзе Кох свободу, заявив, что имеются лишь «несущественные свидетельства того, что она приказывала кого-нибудь казнить, а ее причастности к изготовлению поделок из татуированной кожи нет доказательств.»

Когда военная преступница была освобождена, мир отказался поверить в обоснованность этого решения. Больше всех возмущался вашингтонский адвокат Уильям Денсон, который был обвинителем на суде, при-

говорившим Ильзу Кох к пожизненному заключению. Он говорил от имени миллионов мертвых и живых: «Это чудовищная ошибка правосудия. Ильза Кох была одной из самых отъявленных садисток среди нацистских преступников. Невозможно подсчитать количество людей, желающих свидетельствовать против нее не только потому, что она была женой коменданта лагеря, но и потому, что это проклятое Богом существо».

Однако фрау Кох не суждено было насладиться свободой. Как только Ильза вышла из американской военной тюрьмы в Мюнхене, она была арестована немецкими властями и снова посажена за решетку.

Фемида новой Германии, стремясь как-то загладить вину за массовые преступления нацистов, незамедлительно посадила Ильзу Кох на скамью подсудимых.

Баварское министерство юстиции занялось поиском бывших узников Бухенвальда, добывая новые доказательства, которые позволили бы запереть военную преступницу в тюремной камере до конца ее дней.

240 свидетелей давали показания в суде. Они рассказывали о злодеяниях садистки в нацистском лагере смерти. На этот раз Ильзу Кох судили немцы, во имя которых нацистка, по ее убеждению, верно служила «фатерланду». Военная преступница вновь была приговорена к пожизненному заключению. Ей было твердо заявлено, что на этот раз она не сможет рассчитывать на какое-либо снисхождение.

В 1967 г. в письме сыну Уве, которого Ильза родила вскоре после первого приговора, она с возмущением сетовала на то, что стала «козлом отпущения» за чьи-то грехи, в то время как многим важным особам удалось избежать наказания. Однако в этих письмах не было и тени раскаяния.

В тот год 1 сентября в камере баварской тюрьмы она съела свой последний шницель с салатом, написала прощальное письмо сыну, связала простыни и повесилась. «Сука Бухенвальда» собственноручно свела счёты с жизнью.

КРОУХЕРСТ ДОНАЛЬД

Дональд Кроухерст (1932—1969) — английский яхтсмен. Историю Кроухерста знаменитый мореплаватель-одиночка сэр Френсис Чичестер назвал морской драмой столетия.

Дональд Кроухерст, инженер, изобретатель, бизнесмен, решил принять участие в кругосветной гонке яхт-одиночек, хотя до этого не отходил от берега дальше, чем на 100 миль. Кроухерст плыл на тримаране «Тейнмаут-Электрон», но его судно, построенное второпях, оказалось неспособным конкурировать с лидерами гонки. И тогда Кроухерст (которому чрезвычайно важно было победить, так как он был опутан долгами и яхту строил за чужие деньги) решился на фальсификацию. Он решил переждать основное время гонки в Атланти-

ческом океане, а потом в нужный момент (заранее все рассчитав) финишировать раньше других участников гонки. Кроухерст стал писать фальшивые данные о своем местонахождении в бортовой журнал и послал по радио сообщение о том, что он не сможет больше выходить в эфир из-за поломки генератора.

Кроухерст вел двойную игру с декабря 1968 до 30 июня 1969 г. В этот день запрос Лондона, когда его следует ждать (Кроухерст уже «починил» передатчик), он ответил радиogramмой: «Тайнмаут, комитету по встрече. Напоминаю, что яхта не поезд, у нее нет твердого расписания». Больше радиogramм не было, а через десять дней яхту «Тейнмаут-Электрон» обнаружили пустой в 700 милях от берега. Судно было в полном порядке и нейлоновый трос, которым пристегивался спасательный пояс, лежал свернутым на месте. На яхте нашли дневники Кроухерста, и стало ясно, скорее всего, добровольно покинул яхту и ушел в Мировой океан. Возможно, измученный двойной игрой, он не выдержал психологического напряжения и сошел с ума. Во всяком случае, в последний свой день — 30 июня 1969 г. — Кроухерст оставил в дневнике следующие записи:

10.30 утра. «Только повелитель шахмат может избавить нас от всевластия космических существ».

11.00. «На свете только одна совершенная красота — это красота истины».

11.02. «Я сумел проникнуть в сущность обиды. Я буду играть, только если вы пообещаете, что игра будет вестись по моим правилам.

Все кончено
кончено
кончено».

11.17. «Выбор сделан. Я выхожу из игры ровно в 11.20. Нет смысла в мучениях, которые...»

На этой фразе Кроухерст оборвал свои записи. Затем он поднялся из тесной каюты на палубу и шагнул в ласковую, манящую глубину океана.
(На суше и на море. М., 1973)

ЛЕЙ РОБЕРТ

Роберт Лей с 1925 г. был гаулейтером Кельна, затем стал рейхслейтером и ведал вопросами кадров нацистской партии. Этот приспешник Гитлера «прославился» дикими оргиями, необузданной жестокостью и воровскими проделками. Люди, близко знавшие Лея, уверяли, что только в Нюрнбергской тюрьме они увидели его трезвым.

Лей активно участвовал в захвате гитлеровцами власти, а затем, возглавив так называемый «Немецкий тру-

довой фронт» (ДАФ), руководил разгромом профессиональных союзов (захватив при этом и передав Гитлеру средства рабочего банка), расправой над их лидерами, подавлением рабочего движения.

Он так раскрыл суть «воспитательной работы» при нацистах: «Мы начинаем с детей еще в трехлетнем возрасте. Как только ребенок начинает что-либо смыслить, он получает в руки флажок, затем следуют школа, организация «гитлерюгенд», штурмовой отряд, воинская повинность. А когда все это уже позади — на очереди «трудовой фронт». Он втягивает людей и не выпускает их из рук до самой смерти, хотя они того или нет!»

Он являлся одним из руководителей штурмовых отрядов (СА), в период второй мировой войны возглавлял центральную инспекцию по наблюдению за иностранными рабочими, насильно угнанными на каторжный труд в Германию.

Когда явно обнаружился близкий крах нацистского режима, Лей бежал в Баварские Альпы. Там, в горах, изменив фамилию, выжидал. Но Лею не повезло: его с помощью местных жителей обнаружили и препроводили в Нюрнбергскую тюрьму. Получив копию обвинительного акта, Лей покончил жизнь самоубийством.

В отделении отдела внутренней безопасности американской охраны тюрьмы сообщалось: капрал, зайдя в

камеру, обнаружил Лея, повесившегося на канализационной трубе на тюремном полотенце.

Анализ данных, связанных с самоубийством Лея, дают возможность пояснять, что его заставили покончить с собой: он был хроническим алкоголиком и на процессе мог наговорить лишнего. Узнав о смерти Лея, Геринг сказал: «Хорошо, что он мертв. У меня были серьезные сомнения насчет того, как бы он повел себя на процессе... Я уверен, что он устроил бы спектакль. А, впрочем, я не удивляюсь, что он мертв. Все равно ведь он мертвецки пил».

ЛИКУРГ

Ликург — легендарный спартанский законодатель (IX—VIII вв. до н. э.), которому греческие авторы приписывают создание институтов спартанского общества и государственного устройства. Незадолго до правления Ликурга в Спарте начались смуты. В народе росло недовольство, богатые угнетали бедных, и часто дело доходило до открытых уличных столкновений. В одной из таких стычек убили отца Ликурга. Он был царем Спарты, и, согласно обычаю, его власть перешла к сыну Полидевку, брату Ликурга. Так как Полидевк скоро тоже скончался, не оставив детей, Ликург стал единственным наследником царского престола. Однако вскоре после воцарения он узнал, что царица, жена его умершего брата ждет ребенка. Ликург объявил, что, если ребенок его умершего брата окажется мальчиком, он передаст ему престол, а сам, пока ребенок не выра-

стет, будет управлять государством в качестве опекуна.

Царица родила наследника. Когда мальчика принесли к Ликургу, он положил младенца на трон и сказал: «Вот ваш царь, спартанцы! Давайте назовем его Харилаем, и пусть он правит нами на радость народу!» (Харилай — по-гречески «любезный народу»).

За недолгое свое правление Ликург успел заслужить любовь и уважение сограждан. Люди слушались его не только потому, что он был главой государства, но и потому, что он был мудрым и справедливым человеком. Однако у Ликурга были не только друзья, но и противники. Они всячески старались оклеветать его и распространяли слухи, что царский опекун сам стремится захватить престол.

Ликург опасался, что, если что-нибудь случится с молодым царем, виновником будут считать его. Желая избежать клеветы и подозрений, Ликург покинул родину и решил не возвращаться до тех пор, пока у Харилая не родится наследник. Тогда, даже в случае смерти Харилая, Ликург не будет иметь право наследовать престол, и никому не придет в голову подозревать его в убийстве царя.

Спартанцы жалели об отъезде Ликурга и не раз просили его вернуться. Но Ликург не был уверен, что граждане дадут ему возможность провести необходимые преобразования в государстве. Поэтому, прежде

чем вернуться, Ликург решил заручиться мнением Дельфийского оракула. (Дельфийский оракул — общегреческое святилище. Предсказания (оракулы) давались пифией, жрицей бога Аполлона в нарочито неясной форме.)

Пифия встретила входящего в храм Ликурга словами: Вижу тебя я, Ликург, пришедшего в храм мой богатый... Как мне тебя называть, я не знаю: хотя схож с человеком. Все же тебя назову я бессмертным скорее, чем смертным. Ликург попросил посоветовать ему лучшие законы. Пифия ответила, что лучше его законов не будет ни у одного государства. Это предсказание ободрило Ликурга, и он вернулся в Спарту, где правил его слабохарактерный племянник Харилай.

Прежде всего Ликург открылся своим друзьям, затем постепенно привлек на свою сторону еще многих. В подходящий момент он с 30 вооруженными друзьями из самых знатных семей занял городскую площадь. Харилай, думая, что заговор направлен против него, бежал, укрывшись в храме Афины. Однако, поняв, что ему нечего бояться, Харилай вышел из своего убежища и вместе с остальными аристократами решил участвовать в преобразованиях.

Когда важнейшие из законов Ликурга вошли в жизнь, он созвал всех граждан на народное собрание. Законодатель сказал, что, для того чтобы сделать всех счастливыми, он должен провести еще одно, самое главное преобразование. Для этого ему надо еще раз посетить Дельфийский оракул, и поэтому Ликург попросил ге-

ронтов и всех граждан дать клятву не изменять ничего в законах до его возвращения. Все поклялись, и Ликург уехал в Дельфы. Оракул возвестил, что законы его прекрасны и что до тех пор, пока Спарта будет верна этим законам, она будет процветать и господствовать над другими государствами.

Послав это прорицание на родину, Ликург решил добровольно умереть, чтобы не дать возможности согражданам когда-нибудь изменить законы. Ведь они обещали не проводить никаких реформ до его возвращения. Ликург был как раз в тех годах (ему было около 85 лет), когда, по мнению древних, можно еще жить, но хорошо и умереть, особенно тому, у кого все желания уже исполнились.

Ликург считал, что смерть общественного деятеля должна быть полезна государству. Кончина должна быть достойным завершением жизни. Простившись с друзьями и сыном, Ликург отказался принимать пищу и вскоре умер от голода. Он боялся, что его останки перенесут в Спарту и граждане будут считать себя свободными от клятвы. Поэтому перед смертью он распорядился сжечь его труп и бросить пепел в море.

ЛОНДОН ДЖЕК

Сан-Франциско — красивый город. Живописно разбросаны на холмистой оконечности полуострова его здания. Как и все американские города — это город

резких социальных различий, город роскоши и нищеты. Широкая Маркет-стрит делит его на две части. К северу от нее располагаются здания банков, богатых компаний, роскошные магазины, гостиницы, театры. К югу — заводы, фабрики, прачечные, грязные кварталы. Здесь в ветхом домике 12 января 1876 г. родился Джек Лондон.

Мать его Флора Уэллман не обладала красивой внешностью. Крупный нос, желтоватый цвет лица, очки, парик — вот что бросалось в глаза при первом взгляде. В 1876 г. Флоре было 33 г. Это была низенькая крепкая женщина с некоторыми причудами. В двадцать пять лет она ушла от родителей из штата Огайо и с тех пор переезжала из города в город, зарабатывая на жизнь уроками музыки. Она увлекалась спиритизмом и, хотя претендовала на практический взгляд на вещи, была бесхозяйственной и опрометчивой в своих решениях.

Отец мальчика, родившегося у Флоры Уэллман, Уильям Чани не признавал его своим сыном. Астролог Чани сошелся с Флорой, будучи на двадцать два года старше ее. В личной жизни он, видимо, не блистал великодушием и добропорядочностью, но среди коллег-астрологов слыл выдающимся. Он обладал незаурядными способностями лектора и весьма широкими интересами. Студенты считали его человеком примечательным, и лекции его собирали обычно массу народа.

Астрологии Чани посвящал большую часть времени, всерьез веря в ее могущество. Дома Чани собрал пре-

красную библиотеку, в которой были книги по самым разным вопросам.

Трудно с достоверностью назвать причины, побудившие Чани отречься от сына, но решение его не смогли поколебать даже покушение Флоры на самоубийство и большой скандал в прессе вокруг его черствосердечия по отношению к жене и ребенку.

Вскоре после рождения сына Флора вышла замуж за вдовца с двумя детьми — 45-летнего Джона Лондона. Так ее малютка обрел отца и фамилию, которую четверть века спустя суждено было прославить весь мир.

Много лет спустя, восстанавливая в памяти детство, Джек Лондон не мог вспомнить, когда бы мать ласкала его, но зато в его сознание навсегда запало, как отчим в трудную минуту гладил его своей большой рукой по голове, неизменно приговаривая: «Ничего, ничего, сынок!»

Когда Джеку исполнилось десять лет, он стал материально помогать семье: сделался разносчиком газет. Это дело приносило двенадцать долларов в месяц, которые мальчик целиком отдавал матери.

Вскоре в семью Лондонов приходит горе — сбитый поездом отчим серьезно контужен и не в состоянии работать. Единственный в семье здоровый «мужчина» — Джек вынужден поступить на консервный завод.

В пятнадцать лет он познакомился с «устричными пиратами» — парнями, которые ловили устриц в запрещенных местах. Устрицы — деликатес, за них хорошо платили. Одна ночь на этом промысле давала больше, чем месяц напряженного труда на заводе.

«Пиратство» помогло расплатиться с долгами, у Джека появились даже лишние деньги, которые он стал тратить на пиво и виски. В собственных глазах и в глазах выдавших виды друзей он хотел выглядеть настоящим мужчиной.

Влечение к морю вскоре стало непреодолимым. Семнадцатилетний Джек поступает матросом на шхуну, которая отправляется к японским берегам на промысел котиковыми шкурками. Из плавания Джек привез немного денег и незабываемые впечатления о море.

Вскоре снова стало не хватать денег. Мать предложила Джеку попытать счастья в конкурсе на лучший очерк. А почему бы не рассказать о том, что видел в Японии или на море. Джек принялся за работу. Его первый очерк получил приз и был напечатан в газете под заглавием «Тайфун у берегов Японии».

В литературном кружке Джек Лондон познакомился с юной Мэйбл Эпплегарт, которая показалась ему воплощением нежности и утонченности. Любовь их стала взаимной.

Вскоре умер отчим. Парню опять нужно было платить долги, брать на себя заботы о семье. Одну за другой он шлет рукописи в журналы, но снова и снова встречает холодных прием. Мэйбл не верит в его литературную звезду. И вот уже Джек близок к отчаянию. Вот его письмо Мэйбл, написанное в один из тяжелых вечеров:

«Я искренне благодарен за ваш интерес к моим делам, но... у нас нет общей почвы... И хотя вам известно обо мне больше, чем кому бы то ни было, вы знаете обо мне немного. Я сражаюсь, веду битву в одиночку.

Пока моя мать жива, я ничего не сделаю, но, если бы она умерла, и мне стало бы известно, что моя жизнь такой будет и дальше... тогда завтра же я бы перерезал себе горло и покончил бы с этой проклятой жизнью.

...Это еще не конец. Если мне суждено погибнуть, я умру, сражаясь до конца, и ад получит только мой труп и не кусочка больше. Плохо ли, хорошо ли, но по паду туда, как и бился до сих пор — один.»

В 1900 г. Лондон женился на Бэсси Маддерн, невесте погибшего друга. Через год у них родилась дочь, которую называли Джоан. Не привыкший к сидячей жизни Джек вечно куда-то исчезает и, случается, возвращается за полночь. В семье вспыхивают ссоры. Он жалуется, что жена превратила их дом в тюрьму.

В 1902 г. у Лондонов родилась вторая дочь, а летом следующего года, отчаявшись наладить нормальную семейную жизнь, Джек покидает Бэсси.

После разрыва с Бэсси в жизни Джека Лондона все большее место начинает занимать Чармейн Киттредж, секретарь при президенте Миллс-Колледжа, оклендского пансиона благородных девиц. Она неплохо пела и была прекрасной пианисткой, хорошо плавала и прочно держалась в седле.

В 1903—1905 гг. Лондон часто навещает дом Нинетты Эймс, видной калифорнийской журналистки, которая доводилась теткой Чармейн. Это время — важный этап в жизни и творчестве Джека Лондона.

В 1904 — начале 1905 г. он перенес, по его определению, «длительную ницшеанскую болезнь» — состояние душевной депрессии, разочарования и отвращения к жизни, к успеху, к славе, видимо, связанное с уходом от семьи, затянувшимся разводом. «Болезнь» была преодолена в июле 1905 г. В ноябре Лондон вызывает Чармейн в Чикаго, где он находился проездом во время лекционного турне, и регистрирует с ней брак.

В 1909—1910 гг. Лондон работает необычайно напряженно.

За эти два года он создал не менее двадцати пяти рассказов, часть очерков из книги «Путешествие на

«Снарке», два цикла статей, пьесу «Кража», написал роман «Время — не ждет». Он работает с такой нагрузкой, с какой никогда не работал. Это ему приходится делать, чтобы расплатиться за авансы, взятые у издателей, и чтобы добыть деньги для расширения и благоустройства ранчо и введения некоторых новшеств в своем хозяйстве. Уставший от напряженной писательской деятельности Лондон не прочь отдохнуть, но он не может себе этого позволить.

Весной 1910 г. Джек предпринял на редкость мудрый шаг: пригласил к себе на постоянное место жительства Элизу Лондон-Шепард (свою сводную сестру) и передал в ее ведение ранчо. Миссис Шепард было уже сорок три года. Не мало горя и душевный невзгод пришлось ей хлебнуть с той поры, как она оставила отцовское ранчо в Ливерморе. Это была милая женщина, невзрачная и непритязательная, честная, умелая и практичная. Простая, без вздора, без ужимок и претензий, она пользовалась всеобщей симпатией и год за годом оставалась верным другом Джеку, любя его такой же нежной любовью, как родного сына Ирвинга.

19 июня у Чармейн родилась дочь. Ребенок прожил всего три дня. Похоронила девочку Элиза. Джек очень переживал, стал много пить.

18 августа 1913 г. был построен великолепный «Дом волка», в который Лондон вложил более 70 тысяч долларов. Рабочие убрали мусор и ушли. Ночью дом сгорел дотла. От этого удара Лондон никак не мог оправиться. Наружный каменный каркас дома — все, что

осталось от великолепного особняка — словно символизировал то, что осталось от самого Джека Лондона.

Многие из товарищей Лондона рассматривали обрушившуюся на него трагедию как возмездие судьбы социалисту, вздумавшему соорудить себе замок.

Четыре дня Джек пролежал в постели на закрытой веранде, выходящей в тропический сад. Его разом одолели все болезни, какие он только испытал, начиная с дней Дороги и Клондайка и кончая Кореей и Соломоновыми островами. Уверенный, что поджог совершил кто-то из тех, кого он приютил и пригрел, Джек боролся с чувством жгучего отвращения.

Пил он и раньше: иногда — пытаюсь побороть очередной приступ меланхолии, чаще — ради компании, в виде развлечения, разрядки. Теперь он начал пить по-многому — не для того, чтобы вызвать приятное ощущение, но чтобы заглушить боль.

Но было еще кое-что, о чем не ведала ни одна живая душа, кроме Элизы: его мучил страх, что он сойдет с ума. Мозг его был слишком истощен, чтобы работать; а между тем Джек был вынужден писать каждый день. Когда-нибудь, под тяжким и неустранимым гнетом мозг не выдержит — вот чего он боялся. И потом мать — он был убежден, что она не совсем нормальна. Это еще больше пугало его. Он снова и снова молил Элизу: «Если я потеряю рассудок, обещаю, что ты не отправишь меня в больницу. Обещай!»

Элизе ничем не удавалось унять его страх. Каждый раз она заверяла его торжественной клятвой, что никогда не расстанется с ним, не отправит в больницу, будет сама заботиться о нем.

Джек еще цеплялся за последнюю надежду: найти и полюбить настоящую, зрелую женщину, которая тоже полюбит его. И не только полюбит, но подарит сына. Зная, что Чармэйн никогда не даст ему этого сына, которого он всю жизнь так страстно желал, он горевал, что умрет, не дождавшись ребенка, — он, создавший десятки людей на страницах своих многочисленных книг. Он поклялся, что «у него все равно будет сын, так или иначе. Он найдет женщину, которая даст ему сына, и привезет ее с собой на ранчо». Он нашел ее, эту женщину, горячо полюбил ее, и она отплатила ему такой же любовью. Но Джек остался с Чармэйн — не смог заставить себя причинить ей горе: по-прежнему был ласков с ней, как с ребенком, по-прежнему дарил ей свои книги с пылкими посвящениями. Не один год оставалась она ему верным товарищем, и он был благодарен ей за это.

Чармэйн нервничала, томилась беспокойством, непрерывно страдала бессонницей; она знала, что Джек ей не верен, что на этот раз она рискует потерять его. По Окленду поползли слухи о разводе. На другой день после смерти Джека Чармэйн объявила всем на ранчо, что впервые за много месяцев ей удалось уснуть.

Был на свете всего один человек, кроме Элизы, которого Джек любил, которому верил до конца: его слуга На-

ката. «Шесть или семь лет ты был со мной и днем и ночью. Куда бы меня не носило по свету, ты прошел со мной через все опасности. Мы часто встречали бурю и смерть; они стали для нас обоих чем-то обычным...»

В Накате, своем слуге японце, обрел Джек единственного сына, единственную любовь, которую ему суждено было изведать.

— Джек, ты самый одинокий человек на земле. Того, о чем ты мечтал в глубине души, у тебя ведь никогда не было, — сказала ему однажды Элиза.

— Господи, да как ты узнала?

Он всегда говорил: «Хочу пожить недолго, но весело».

16 апреля 1914 г. журнал «Кольерс уикли» предложил Джеку за 1100 долларов в неделю отправиться в Мексику в качестве собственного военного корреспондента. Лондон охотно ухватился за это предложение.

Джек Лондон вернулся из Мексики летом 1914 г. совершенно больным человеком — физически и морально. Усталый, разочарованный, он хотел лишь одного: найти прибежище, где бы укрыться от всего на свете и просто отдохнуть в покое. Этим прибежищем для него стало его поместье.

От участия в деятельности, некогда питавшей его душевную энергию, привязывавшей его к жизни, он уходил все дальше и дальше. «Я устал от всего, сказал он репортеру «Уэстерн комрид», социалистического листка. — Я больше не думаю ни о мире, ни о движении (социальной революции), ни о литературе как об искусстве. Я большой мечтатель, но мечтаю о своем ранчо, о своей жене. Я мечтаю об отличных лошадях и плодородной почве в графстве Сонома. И пишу я не для чего иного, а лишь для того, чтобы прибавить три-четыре сотни акров земли к моему великолепному имению. Я пишу рассказ лишь для того, чтобы на гоно-рар купить жеребца. Мой скот больше меня интересует, чем моя профессия. Друзья не верят этим моим словам, а между тем я абсолютно искренен».

И далее в интервью той же газеты: «Уверяю вас, я пишу не потому, что люблю свое дело. Оно мне ненавистно. Не могу найти слов, чтобы выразить, насколько мне все это противно. Единственная причина, почему я пишу, — хорошая оплата моего труда, заметьте — труда. Я получаю много денег за свои рассказы и книги! Поверьте, я с радостью бы копал траншеи, пусть даже пришлось бы работать вдвое больше, если бы только мог получить за это столько же денег. Для меня писание — легкий способ обеспечить себе приятную жизнь. Если бы я так не думал, мне и в голову не пришло говорить подобные вещи, ведь это будет напечатано. Я ничуть не кривлю душой, говоря, что моя профессия вызывает во мне отвращение. Каждый мой рассказ написан ради денег, которые он мне принесет. Я всегда пишу то, что нравится издателям, а не то, что мне самому хотелось бы написать. Я вымучиваю из себя то, что нужно капиталистическим издателям, а издатели

покупают то, что котируется на рынке и что позволяет печатать цензура. Издателей не интересует правда.»

Подобно своему герою Мартину Идену, Лондон сильно устал. Его тяготила ежедневная норма в тысячу слов и, бывало, она стоила ему мучительных усилий. Ряд неудач постиг его в хозяйствовании на ферме. Все это оказывало влияние на настроение писателя.

В 1915 г. он закончил роман «Маленькая хозяйка большого дома», в основу которого был положен любовный конфликт — история пресловутого треугольника. Роман рассказывал о возникновении у героини нового чувства, вытесняющего прежнее. Сюжет был не нов, ново было решение: героиня оказалась неспособной выбрать из двух любимых ею мужчин и кончала самоубийством.

В это время, чтобы хоть как-то отвлечься, Джек Лондон задумал путешествие по странам Востока, заказал билеты на пароход, потом вернул их обратно. Задумал поехать в Нью-Йорк, но его соседка по ранчо Нинетта Пэйн как раз в это время затеяла против него судебное дело о водоемах. Почти все соглашались с тем, что Джек имеет право пользоваться водой. В последний день судебного разбирательства он давал показания четыре часа подряд. В этот день у него были сильные боли: начиналась уремия. Несколько дней спустя он пригласил к себе на завтрак всех соседей, от имени которых было подано прошение в суд. И тогда за дружеской беседой они стали уверять его, что никогда не хотели, чтобы суд запретил ему пользоваться водоемом.

Во вторник, 21 ноября 1916 г., Джек закончил все сборы, чтобы на другой день уехать в Нью-Йорк, и до девяти часов вечера мирно беседовал с глазу на глаз с Элизой. Он сказал ей, что заедет на скотный базар в Чикаго, отберет подходящих животных и отправит на ранчо, а Элиза согласилась съездить на ярмарку в орегонский город Пендлтон и посмотреть, нельзя ли там подыскать коротконогих телок и бычков. Джек велел ей, во-первых, выделить в распоряжение каждой рабочей семьи участок земли в один акр и на каждом участке построить дом; во-вторых, подобрать площадку для общинной школы и, в - третьих, обратиться в специальные агентства, чтобы нашли хорошую учительницу.

Кроме того, нужно было также выбрать участок для постройки магазина. Он стремился поставить дело так, чтобы все необходимое производить здесь же, на ранчо, создать натуральное хозяйство — кроме муки и сахара, ничего не производить.

Пора бы ложиться спать. Через длинный холл Элиза проводила его до дверей кабинета.

— Вот ты вернешься, — сказала она ему, — а я уж и магазин построю, и товаров туда навезу, и школу отделаю. Выпишу учительницу — ну что там еще? Да, потом мы с тобой обратимся к правительству — пускай уж у нас откроют и почтовое отделение; поднимем флаг, и будет у нас здесь свой собственный городок, и назовем мы его «Независимость»?

Джек положил ей руку на плечи, грубовато стиснул и совершенно серьезно ответил:

— Идет, старушка, — и прошел в свой кабинет, а потом через террасу в спальню.

Элиза отправилась спать.

В семь часов утра к ней в комнату с перекошенным лицом влетел Секинэ, слуга японец, который сменил Накату:

— Мисси, скорей! Хозяин не в себе, вроде пьяный!

Элиза побежала на балкон. Одного взгляда было достаточно — Джек без сознания. Она бросилась вызывать доктора. Тот обнаружил, что Джек уже давно находился в глубоком обмороке. На полу врач нашел два пустых флакона с этикетками: морфий и атропин, а на ночном столике — блокнот, исписанный цифрами — вычислениями смертельной дозы яда.

Доктор Томпсон распорядился по телефону, чтобы аптекарь приготовил противоядие от отравления морфием. Врачи промыли Джеку желудок, ввели возбуждающие вещества, растерли конечности. Лишь однажды во время всех этих процедур им показалось, что он приходит в себя. Глаза Джека медленно приоткрылись, губы задвигались, он пробормотал что-то похожее на «Хелло» и снова потерял сознание.

Чармэйн, которой Джек в 1911 г. завещал все свое состояние, сказала: «Если Джек Лондон умрет, — а сейчас это представляется весьма вероятным, — его смерть не должна быть приписана ничему, кроме уремического отравления.»

Доктор возразил. Приписать кончину ее мужа только этому будет трудно: любой утренний разговор по телефону могли нечаянно услышать. Таким образом, причину смерти все равно будут искать в морфии.

Около семи часов вечера Джек умер. На другой день его тело перевезли в Окленд, где Флора, Бэсси и обе дочери устроили ему панихиду.

Ночью его кремировали, а прах привезли обратно на ранчо Красоты. Всего две недели назад, проезжая с Элизой по величественному холму, Джек остановил своего коня:

— Элиза, когда я умру, зарой мой пепел на этом холме.

Элиза вырыла яму на самой вершине холма, опустила туда урну с прахом Джека и залила могилу цементом. Сверху она поместила громадный красный камень. Джек называл его: «Камень, который не пригодился рабочим».

МАЯКОВСКИЙ ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ

Маяковский Владимир Владимирович (1893—1930) — советский поэт.

Маяковский начал как яркий представитель русского футуризма, а в конце жизни превратился в певца строительства коммунизма. Он хотел «быть в струе», но пик его популярности давно миновал.

Рассказывают, что незадолго до самоубийства Маяковский, встретив на каком-то литературном собрании поэта Адуева, сказал ему, похлопывая по плечу: «Ничего стали писать, Адуев! Подражаете Сельвинскому?» — «Что же, отвечает Адуев, — хорошим образцам подражать можно. Вот и вы, Владимир Владимирович, уже пять лет подражаете себе». Маяковский смолчал.

По поводу «Бани» был устроен в Доме печати диспут. Выступал Левидов и ругал «Баню». Маяковский отпущал с места реплики. Левидов на одну из реплик сказал: «Вы, Маяковский, молчите, Вы — человек конечный». И снова Маяковский смолчал.

Незадолго до самоубийства Маяковский сказал Полонской:

«Если хотят засушить цветок, нужно это сделать тогда, когда цветок еще пахнет. Как только он начал подгнивать — на помойку его!».

Маяковский говорил Жарову: «Шура, вам сколько лет?» — «25». — «Так имейте в виду, что когда мужчина не старше 25, его любят все женщины. А когда старше 25 лет, то тоже все женщины, за исключением одной той, которую вы любите и которая вас не любит».

На его вечерах стали зевать, а то и посвистывать. Анатолий Мариенгоф рассказывает об одном из последних публичных выступлений поэта перед студентами-экономистами.

«Маяковский закинул голову:

— А вот, товарищи, вы всю жизнь охать будете. «При нас-де жил гениальный поэт Маяковский, а мы, бедные, никогда не слышали, как он свои замечательные стихи читал». И мне, товарищи, стало очень вас жаль...

Кто-то крикнул:

— Напрасно! Мы не собираемся охать.

Зал истового захохотал...

— Мне что-то разговаривать с вами больше не хочется. Буду сегодня только стихи читать...

И стал хрипло читать:

Уважаемые
товарищи потомки!
Роясь
в сегодняшнем
окаменевшем говне,
Наших дней изучая потемки,
вы,
возможно,
спросите и обо мне...

— Правильно! В этом случае обязательно спросим! —
кинул реплику другой голос...

Маяковский славился остротой и находчивостью в полемике. Но тут, казалось, ему не захотелось быть находчивым и острым. Еще больше нахмуря брови, он продолжал:

Профессор,
снимите очки-велосипед!
Я сам расскажу
о времени
и о себе.
Я, ассенизатор
и водовоз...

— Правильно! Ассенизатор!
Маяковский выпятил грудь, боево, по старой привычке, засунул руки в карманы, но читать стал суше, монотонней, быстрее.

В рядах переговаривались.
Кто-то похрапывал, притворяясь спящим.

А когда Маяковский произнес: «Умри, мой стих...» — толстощекий студент с бородкой нагло гаркнул:
— Уже подход! Подход!»

Творческий кризис, отторжение от читателей стало одной из причин, толкнувших Маяковского к самоубийству. Другой равнозначной причиной, по мнению биографов, была неустроенность личной жизни.

12 апреля 1930 г., за два дня до смерти, он написал прощальное письмо:

«Всем

В том, что умираю, не вините никого, и, пожалуйста, не сплетничайте. Покойник этого ужасно не любил.

Мама, сестры и товарищи, простите — это не способ (другим не советую), но у меня выходов нет.
Лиля, люби меня.

Товарищ правительство, моя семья — это Лиля Брик, мама, сестры и Вероника Витольдовна Полонская.

Если ты устроишь им сносную жизнь — спасибо.
Начатые стихи отдайте Брикам, они разберутся.

Как говорят —
«инцидент исперчен»,
любовная лодка
разбилась о быт.
Я с жизнью в расчете
и не к чему перечень
взаимных болей,
бед
и обид.

Счастливо оставаться.
Владимир Маяковский.

12.4.30 г.
Товарищи Вапповцы, не считайте меня малодушным.
Серьезно — ничего не поделаешь.

Привет.
Ермилову скажите, что жаль — снял лозунг, надо бы
доругаться.
В. М.

В столе у меня 2000 рублей — внесите в налог.
Остальное получите с Гиза.
В. М.»

Маяковский, написав это письмо, два дня еще оттягивал роковой поступок. Накануне дня смерти он посетил вечеринку у Валентина Катаева, где встретился с Вероникой Полонской.

«Обычная московская вечеринка. Сидели в столовой. Чай, печенье. Бутылки три рислинга...» Маяковский, по воспоминаниям Катаева, был совсем не такой, как всегда, не эстрадный, не главарь. Притихший. Милый. Домашний.

Его пытались вызвать на борьбу остроумия молодые актеры Борис Ливанов и Яншин, но Маяковский отмалчивался.

«Память моя, — пишет Катаев, — почти ничего не сохранила из важнейших подробностей этого вечера, кроме большой руки Маяковского, его нервно движущихся пальцев — они были все время у меня перед глазами сбоку, рядом, — которые машинально погружались в медвежью шкурку и драли ее, скубали, вырывали пучки сухих бурых волос, в то время как глаза были устремлены через стол на Нору Полонскую — самое последнее его увлечение, — совсем молоденькую, прелестную, белокурую, с ямочками на розовых щеках, в вязанной тесной кофточке с короткими рукавчиками, что придавало ей вид скорее юной спортсменки... чем артистки Хужожетсвенного театра вспомогательного состава...

С немного испуганной улыбкой она писала на картонках, выломанных из конфетной коробки, ответы на записки Маяковского, которые он жестом игрока в рулетку время от времени бросал ей через стол...

Картонные квадратики летали через стол над миской с варениками туда и обратно. Наконец конфетная коробка была уничтожена. Тогда Маяковский и Нора ушли в мою комнату, отрывая клочки бумаги от чего попало, продолжали стремительную переписку, похожую на смертельную молчаливую дуэль.

Он требовал. Она не соглашалась. Она требовала — он не соглашался. Вечная любовная дуэль.

Впервые я видел влюбленного Маяковского. Влюбленного явно, открыто, страстно. Во всяком случае, тогда мне казалось, что он влюблен. А может быть, он был просто болен и уже не владел своим сознанием...»

Маяковский ушел от Катаева в третьем часу ночи. Надевая пальто, он хрипло кашлял.

— А вы куда? — спросил Катаев почти с испугом.

— Домой, — ответил Маяковский.

— Вы совсем больны. У вас жар! Оставайтесь, умоляю. Я устрою вас на диване.

— Не помещусь.

— Отрублю вам ноги, — попытался состричь Катаев.

— И укроете меня энциклопедическим словарем «Просвещение», а под голову положите юбилейный прибор вашего дяди-земца?.. Нет! Пойду лучше домой. На Гендриков.

— Кланяйтесь Брикам, — сказал тогда Катаев. — Попросите, чтобы Лиля Юрьевна заварила вам малины.

Нахмурившись, Маяковский ответил, что Брики в Лондоне.

— Что же вы один будете там делать? .

— Искать котлеты. Пошарю в кухне. Мне там всегда оставляет котлеты наша рабыня. Люблю ночью холодные котлеты.

Катаев пишет, что в этот момент он почувствовал, как одиноко и плохо Маяковскому. Прощаясь, продолжает Катаев, он «поцеловал меня громадными губами оратора, плохо приспособленными для поцелуев, и сказал, впервые обращаясь ко мне на «ты» — что показалось мне пугающие-странным, так как он никогда не был со мной на «ты»:

— Не грусти. До свидания, старик».

По воспоминаниям Полонский, Маяковский был в тот вечер груб, откровенно ревнив.

Ночью, проводив Яншина и Полонскую до Каланчевки, Маяковский отправился в Гендриков переулок. До утра он не спал, а утром на заказанной машине в половине девятого заехал за Полонской, чтобы отвезти ее на репетицию в театр.

По дороге он начал говорить о смерти, на что Полонская просила его оставить эти мысли. По ее словам, поэт ответил: «Глупости я бросил. Я понял, что не смогу этого сделать из-за матери. А больше до меня никому нет дела».

До театра заехали в комнату Маяковского на Лубянке. Началось очередное «выяснение отношений». Маяковский нервничал, требовал ясно и определенно ответить на все его вопросы, чтобы решить все раз и навсегда. Когда Полонская напомнила, что опаздывает на репетицию, Маяковский взорвался.

— Опять этот театр! Я ненавижу его, брось его к чертям! Я не могу так больше, я не пущу тебя на репетицию и вообще не выпущу из этой комнаты!

«Владимир Владимирович, — вспоминает о дальнейшем Полонская, — быстро заходил по комнате. Почти бегал. Требовал, чтоб я с этой же минуты осталась с ним здесь, в этой комнате. Ждать квартиры нелепость, говорил он.

Я должна бросить театр немедленно же. Сегодня же на репетицию мне идти не нужно. Он сам зайдет в театр и скажет, что я больше не приду.

... Я ответила, что люблю его, буду с ним, но не могу

остаться здесь сейчас. Я по-человечески люблю и уважаю мужа и не могу поступить с ним так.

И театра я не брошу и никогда не смогла бы бросить... Вот и на репетицию я должна была обязательно пойти, и я пойду на репетицию, потом домой, скажу все... и вечером перееду к нему совсем.

Владимир Владимирович был не согласен с этим. Он продолжал настаивать на том, чтобы все было немедленно или совсем ничего не надо. Еще раз я ответила, что не могу так...

Я сказала:

«Что же вы не проводите меня даже?»

Он подошел ко мне, поцеловал и сказал совершенно спокойно и очень ласково:

«Нет, девочка, иди одна... Будь за меня спокойна...»

Улыбнулся и добавил:

«Я позвоню. У тебя есть деньги на такси?»

«Нет.»

Он дал мне 20 рублей.

«Так ты позвонишь?»

«Да, да».

Я вышла, прошла несколько шагов до парадной двери. Раздался выстрел. У меня подкосились ноги, я закричала и металась по коридору. Не могла заставить себя войти.

Мне казалось, что прошло очень много времени, пока я решилась войти. Но, очевидно, я вошла через мгновение: в комнате еще стояло облачко дыма от выстрела. Владимир Владимирович лежал на ковре, раскинув руки. На груди его было крошечное кровавое пятнышко.

Я помню, что бросилась к нему и только повторяла бесконечно:

— Что вы сделали? Что вы сделали?

Глаза у него были открыты, он смотрел прямо на меня и все силился приподнять голову.

Казалось, он хотел что-то сказать, но глаза были уже неживые...

Набежал народ. Кто-то звонил, кто-то мне сказал:
— Бегите встречать карету скорой помощи!»

Маяковский выстрелил в себя в 10.15 утра. В 10.16 станция скорой помощи приняла вызов, в 10.17 машина с медиками выехала. Когда Полонская спустилась во двор, машина уже подъезжала. Но врачи могли только констатировать летальный исход.

Следователь Сырцов, начавший расследование смерти поэта, в тот же день заявил для печати, что самоубийство Маяковского произошло по «причинам сугубо личного порядка, не имеющим ничего общего с общественной и литературной деятельностью поэта».

Н. Н. Асеев развивает такую версию самоубийства Маяковского. Утром 14 апреля, имея в кармане заготовленное письмо о самоубийстве, Маяковский привез к себе Полонскую. Произошла беседа, в которой Маяковский предложил ей поехать с ним в Ленинград. Та отказалась. Поэт вынул револьвер.

— Едете или я стреляюсь.

Вместо того, чтобы хотя бы солгать, согласиться и этим привести ужасную мысль Маяковского к какому-то спокойствию, Полонская выбежала из комнаты с криком «Спасите!», и, как рассказывает хозяйка, после этого раздался выстрел.

Асеев ищет психологическую причину нажатия курка и видит ее в том, что Маяковскому больше ничего не оставалось сделать, как выстрелить в себя: крик «Спасите!» — могли подумать, что он пытался изнасиловать Полонскую. Отказ Полонской ехать в Ленинград, угро-

за Маяковского убить себя в случае отказа, — и только неисполненная угроза — боязнь Маяковского казаться смешным, чего он не терпел. Отсюда — выстрел. Эта версия изложена М. Я. Презентом в его дневнике «О Маяковском», опубликованном в «Огоньке», № 29 за 1993 г.

В 1990 г., по возникшей у нас моде пересматривать известные смерти, журналист Владимир Молчанов представил в телепрограмме «До и после полуночи» сюжет, поставивший под сомнение классическую версию гибели Маяковского. Была показана фотография погибшего поэта, где кровь расплылась по рубашке под сердцем, а справа на груди то ли сгустилась тень, то ли отпечаталось какое-то пятно. Именно из-за этого пятна Молчанов предположил, что мог быть и другой выстрел, оставивший рану в области правого виска, из которой на рубашку пролилась кровь. К тому же, как указала соседка Маяковского М. С. Татарийская, у поэта было два револьвера...

Со статьей-опровержением версии об убийстве в «Литературной газете» выступил В. Радзишевский. В частности, он писал: «Скучно повторять, что раны в правом виске не было. Иначе ее непременно увидели бы Н. Ф. Денисовский и А. Ф. Нубанова; скульпторы К. Л. Луцкий и С. Д. Меркулов, снимавшие посмертные маски; профессора из Института мозга, бравшие мозг поэта на исследование; медики, бальзамировавшие тело под руководством профессора Остроумова; эксперты, проводившие вскрытие; наконец, художники, рисовавшие Маяковского в гробу».

Выступление Радзишевского не помешало появлению новых публикаций на тему убийства. Например, В. Скорятин реконструировал события таким образом: «Теперь представим, Полонская быстро спускается по лестнице. Дверь в комнату поэта открывается. На пороге — никого. Увидев в его руках оружие, Маяковский возмущенной кричит... Выстрел. Поэт падает. Убийца подходит к столу. Оставляет на нем письмо. Кладет на пол оружие. И прячется затем в ванной или в туалете. И после того как на шум прибежали соседи, черным ходом попадает на лестницу. С. Мясницкий, свернув за угол, попадает на Лубянский проезд». По мнению Скорятина, убийцей был сотрудник ГПУ Я. Агранов. Другой «исследователь», некто А. Колосков, ухитрился даже обвинить в убийстве Маяковского Веронику Полонскую.

Поставил точку в затянувшемся споре, на мой взгляд, судебно-медицинский эксперт А. В. Маслов. Он рассказал о криминалистической экспертизе рубашки, которая была на поэте в момент выстрела и которую Л. Ю. Брик в 1950-е годы передала в Государственный музей В. В. Маяковского. «Вернее, — уточняет Маслов, — были переданы две половины рубашки: бежево-розового цвета парижская рубашка из хлопчатобумажной ткани «от ворота до низа разрезана ножницами». Память не подвела Денисовского, который полвека спустя рассказал: «Мы его положили на тахту. Уже рубашку снять с него было нельзя, он уже застыл. Нам пришлось разрезать ее». На левой стороне передней поверхности рубашки имеется одно сквозное повреждение округлой формы размером 6x8 мм. Результаты микроскопического анализа, форма и размер повреждения, состояние его краев, дефект ткани («минус»

ткань) позволили сделать вывод об огнестрельном характере входного отверстия, возникшего от выстрела единичным снарядом.

Чтобы определить, собственной или посторонней рукой причинено огнестрельное повреждение, необходимо установить дистанцию выстрела. В судебной медицине и криминалистике принято различать три основные дистанции: выстрел в упор, при котором дульный срез упирается в тело или одежду, выстрел с близкого расстояния и выстрел с неблизкого (дальнего) расстояния. Если 14 апреля 1930 г. в комнате Маяковского выстрел был произведен с дальней дистанции — стрелял не Маяковский.

Перед специалистами стояла непростая задача — по следам на рубашке установить дистанцию выстрела, прозвучавшего свыше 60 лет назад.

Выстрелы с разных дистанция характеризуются особыми признаками, прежде всего в окружности входного отверстия. Наличие линейных повреждений крестообразной формы свидетельствует, что выстрел был сделан в упор, так как именно крестообразные разрывы возникают от действия отражаемых от преграды газов в момент разрушения ткани снарядом...

Выявленная при контактно-диффузном методе картина распределения сурьмы вокруг повреждения на рубашке позволила уточнить, что выстрел был произведен «с дистанции боковой упор в направлении спереди

назад и несколько справа налево почти в горизонтальной плоскости». Подобная картина характерна для причинения повреждения собственной рукой. Так и стреляют в себя. О выстреле же «с порога» и говорить не приходится.

Вопреки бытовавшему мнению, что Маяковский стрелял в сердце, держа оружие в левой руке, теперь очевидно, что оружие было в правой руке...

Высказывались предположения, особенно настойчиво по Ленинградскому (ныне Санкт-Петербургскому) телевидению, что после выстрела Маяковский упал лицом вниз. Однако небольшие размеры кровавого пятна на рубашке свидетельствуют, что оно «образовалось вследствие одномоментного выброса крови из раны» без последующего ее натекания. Значит, сразу после выстрела Маяковский лежал лицом вверх.

«...Он смотрел прямо на меня...» — запомнила В. В. Полонская.

Современники поэта по-разному оценивали его гибель. Одни относили его к роковой случайности, другие указывали на строки его стихов, намекавшие на подобный исход, а Л. Ю. Брик написала, что причиной исхода Маяковского из жизни была «своего рода мания самоубийства и боязнь старости».

МИСИМА ЮКИО

25 ноября 1970 г. знаменитый японский писатель Юкио Мисима, неоднократно поражавший эксцентричными выходками публику, устроил последнее в своей жизни и на сей раз отнюдь не безобидное представление. Он попытался поднять мятеж на одной из токийских баз Сил Самообороны, призывая солдат выступать против «мирной конституции», а когда его затея провалилась, писатель лишил себя жизни средневековым способом харакири...

Это событие освещает в предисловии к книге Юкио Мисимы «Золотой храм» (Санкт-Петербург, 1993 г.) переводчик Г. Чхартишвили.

«Почти каждый, кто писал о Мисиме, был вынужден начинать, так сказать, с самого конца — с трагических событий 25 ноября. И это не просто средство возбуждения читательского интереса — после кровавого спектакля, устроенного на военной базе Итигая, уже невозможно рассматривать феномен Мисимы иначе как через призму этого дня, который разъяснил многое, казавшееся прежде непонятным, расставил все по своим местам.

Юкио Мисиме было сорок пять лет. За свою недолгую жизнь он успел сделать невероятно много. Сорок романов, пятнадцать из которых были экранизированы еще до гибели писателя; восемнадцать пьес, с успехом шедших в японских, американских и европейских театрах,

десятки сборников рассказов и эссе — таков впечатляющий итог четвертьвекового литературного труда.

Но интересы Масимы были поистине неохватны и одним писательством не исчерпывались. Он был режиссером театра и кино, актером, дирижировал симфоническим оркестром. Занимался кэндо («путь меча» — национальное фехтовальное искусство), каратэ и тяжелой атлетикой, летал на боевом самолете, семь раз объехал вокруг земного шара, трижды назывался в числе наиболее вероятных претендентов на Нобелевскую премию.

Наконец, в последние годы жизни немало толков вызвало его фанатичное увлечение идеей монархизма и самурайскими традициями; он создал и содержал на собственные средства целую военизированную организацию — «игрушечную армию капитана Масимы», как ее именовала насмешливая пресса (после смерти писателя «Общество щита» сразу же прекратило существование).

Интересно, что в самой Японии страшное прощальное действо, разыгранное 25 ноября, расценили как акт политический лишь ультраправые, нуждавшиеся в героическом символе для привлечения в свои ряды молодежи. Националисты, при жизни Масимы относившиеся к нему с подозрением и даже враждебностью, не читавшие его книг, немедленно объявили писателя носителем «истинного самурайского духа» и ежегодно отмечают годовщину его смерти.

В серьезных исследованиях — как японских, так и зарубежных — политическая мотивировка самоубийства писателя либо отмечается начисто, либо ей отводится роль второстепенная: к такому выводу приходит всякий, кто внимательно изучил биографию и творчество Мисимы.

Весьма популярна версия «синдзю» — о двойном самоубийстве влюбленных, которое издавна окутано в Японии романтическим ореолом. Дело в том, что вместе с Мисимой сделал харакири один из его последователей, двадцатипятилетний студент Морита, а в произведениях раннего периода (романы «Исповедь маски» и «Запрещенные цвета») сильны гомосексуальные мотивы. Эту версию особенно охотно подхватила падкая на пикантности пресса, но людям, хорошо знавшим Мисиму в зрелом возрасте, она не кажется правдоподобной.

Многие — и в первые дни всеобщего шока это, вероятно, была самая здоровая реакция — сочли, что Мисима был болен психически и совершил самоубийство в невменяемом состоянии. Когда премьер-министра Сато 25 ноября спросили, как он расценивает поступок писателя, тот, пожав плечами, заявил: «Да он просто свихнулся». Наверное, и в самом деле трудно говорить о душевном здоровье применительно к Мисиме, однако на роковой шаг его толкнула не внезапная вспышка безумия. Вся жизнь писателя, отраженная в его произведениях, была, по сути дела, подготовкой к кровавому финалу.

Исчерпывающий ответ на вопрос потрясенных современников «почему?» дан на страницах написанных Мисимой книг. Творчество писателя освещено зловещим и магическим сиянием его эстетической концепции Смерти.

«Вот все, что мы знаем о нем, — и вряд ли когда-либо узнаем больше: смерть всегда была единственной его мечтой. Смерть предстала перед ним, прикрывая свой лик многообразными масками. И он срывал их одну за другой — срывал и примерял на себя. Когда же ему удалось сорвать последнюю из масок, перед ним, должно быть, предстало истинное лицо смерти, но мы не знаем, способно ли было даже оно привести его в трепет. До этого момента желание умереть заставляло его неистово стремиться к новым маскам, ибо, обретая их, он постепенно становился все прекраснее. Следует помнить, что у мужчины жажда стать красивее совсем иной природы, чем у женщины: у мужчины это всегда желание смерти...»

Эти строки написаны самим Мисимой, и, хотя речь идет о герое романа «Дом Киоко» (1959) актере Осаму, совершившем самоубийство вместе со своей любовницей, писатель излагает здесь эстетическую формулу, определившую его собственную судьбу: для Мисимы Прекрасное и Смерть всегда являлась частями неразрывного равенства. Это стержень, на который нанизывается весь жизненный путь Мисимы, все его творчество. В тридцать восемь лет он писал — на сей раз уже не о персонаже, о себе: «Я начинаю понимать, что юность, цветение юности — ерунда и стоит немногого. Но это вовсе не означает, что я с приятностью ожидаю

старости. Остается лишь одно: смерть — мгновенная, вездесущая, всегда стоящая рядом. По-моему, это единственная подлинно соблазнительная, подлинно захватывающая, подлинно эротическая концепция».

Юкио Мисима всю жизнь был заморожен идеей, смерть манила его, «прикрывая свой лик многообразием масок»; приходили и уходили страстные увлечения, временами писатель, казалось, надолго забывал о роковом магните, но с каждым годом тот притягивал его все сильнее.

«Все говорят, что жизнь — сцена. Но для большинства людей это не становится навязчивой идеей, а если и становится, то не в таком раннем возрасте, как у меня. Когда кончилось мое детство, я уже был твердо убежден в непреложности этой истины и намеревался сыграть отведенную мне роль, ни за что не обнаруживая своей настоящей сути». Это признание, в котором ключ ко многим поступкам Мисимы, прирожденного лицедея и мистификатора, — из романа «Исповедь маски» (1949), произведения скрупулезно, безжалостно автобиографичного.

Благодаря «Исповеди маски» мы знаем, как был устроен мир тихого, болезненного мальчика по имени Кимитакэ Хираока (таково подлинное имя писателя, псевдоним Юкио Мисима он взял в шестнадцатилетнем возрасте).

Кимитакэ был странным ребенком, да это и неудивительно — рос он в условиях, которые трудно назвать нормальными. Семи недель от роду его забрала к себе бабушка, женщина властная, истеричная, измученная тяжелой болезнью. До двенадцати лет мальчик жил с ней в одной комнате, оторванный от сверстников, нечасто видя родителей, младших брата и сестру. Играть в шумные игры ему запрещалось, гулять тоже — единственным развлечением, всегда доступным ребенку, стало фантазирование.

Фантазии у бледного, скрытного мальчика были необычными: в них постоянно фигурировали кровь и смерть, прекрасных принцев рвали на куски свирепые драконы, а если в сказке погибший герой оживал, маленький Кимитакэ вычеркивал счастливый конец. «...Огромное наслаждение доставляло мне воображать, будто я погибаю в сражении или становлюсь жертвой убийц. И в то же время я панически боялся смерти. Бывало, доведу горничную до слез своими капризами, а на следующее утро смотрю — она как ни в чем не бывало подает мне с улыбкой чай. Я видел в этой улыбке скрытую угрозу, дьявольскую гримасу уверенности в победе надо мной. И я убеждал себя, что горничная из мести замыслила меня отравить. Волны ужаса раздували мне грудь. Я не сомневался, что в чае отравы, и ни за что на свете не притронулся бы к нему...»

Мисима вспоминает, как подростком его приводили в эротическое возбуждение картинки, на которых были изображены кровавые поединки, вспарывающее себе живот самураи и сраженные пулями солдаты.

В шестнадцать лет Мисима пишет свое первое значительное произведение, романтическую повесть «Цветущий лес», где Красота, Экстаз, Смерть предстают как нечто равнозначное. Война усугубляет у юноши ощущение надвигающегося конца света. Позднее Мисима напишет: «Нарциссизм, свойственный возрасту, что отделяет юношу от мужчины, способен впитывать любые внешние обстоятельства. Даже крушение вселенной. В двадцать лет я мог вообразить себя кем угодно. Гением, обреченным на раннюю гибель. Последним восприимчивником традиционной японской культуры. Декадентом из декадентов, императором декадентского века. Даже летчиком-камикадзе из эскадрильи Прекрасного!»

В сорок пятом, когда стало ясно, что императорская Япония обречена, и все ждали неминуемой гибели, двадцатилетний Мисима, продолжая грезить о смерти («И вновь, с еще большей силой, я погрузился в мечты, в ней видел я подлинную цель своей жизни...»), тем не менее от реальной возможности умереть уклоняется — под предлогом слабого здоровья избегает призыва в армию. Потом еще не раз умозрительное влечение к смерти будут отступать при возникновении не воображаемой, а реальной угрозы, только к концу жизни жажда саморазрушения станет неодолимой.

В романе «Исповедь маски», принесшем молодому писателю славу, Мисима устами своего героя, признает, что способен ощущать себя действительно живущим, лишь предаваясь кровавым грезам о муках и смерти. В 1948 г. мисима писал (вот он, голос «сидящего внутри чудовища»): «Мне отчаянно хочется кого-нибудь убить,

я жажду увидеть алую кровь. Иной пишет о любви, потому что не имеет успеха у женщин, я же пишу романы, чтобы не заработать смертного приговора».

Пятидесятые годы для Мисимы — период метаний, попыток уйти от главного проклятья его жизни (если это было проклятьем) в литературу, театр, спорт — то самое «срывание с лика смерти ее многообразных масок».

В 1952 г., совершая первое кругосветное путешествие, двадцатисемилетний писатель попадает в Грецию, которая производит настоящий переворот в его душе. В мраморных статуях античных богов и атлетов Мисима открывает ранее казавшееся ему немислимым «бессмертие красоты». Болезненного, хилого, одолеваемого мрачными и страшными видениями молодого человека неудержимо влечет к солнцу, физическому и духовному здоровью, гармонии тела и разума. «Греция излечила меня от ненависти к самому себе, от одиночества и пробудила во мне жажду здоровья в ницшеанском смысле,» — вспоминал Мисима.

Именно тогда Мисимой овладевает новая идея: «Создать прекрасное произведение искусства и стать прекрасным самому — одно и то же».

Мисима решает «создать из себя полную свою противоположность» — как физически, так и духовно. И надо сказать, что первое ему удастся. За выполнение этой задачи он берется с присущей ему неистовой целеустремленностью. Начав с занятий плаванием, Ми-

сима затем переходит к культуризму, кэндо, каратэ. Каждый день щуплый, нескладный и уже не очень юный литератор обливался потом в спортзале. Год шел за годом, и чудо свершилось: мускулы налились силой, движения стали уверенными и ловкими. Успехи Мисима в спорте были поразительны, и он очень ими гордился. Когда в 1963 г. в энциклопедии статью о культуризме снабдили фотографией писателя, он сказал, что это «счастливейший момент его жизни». Близкий знакомый Мисимы, известный американский японовед Дональд Кин, писал: «Наиболее совершенным произведением искусства Мисимы стал он сам».

В те самые дни, когда Мисима так странно пытается «создать из себя полную свою противоположность», он показывает друзьям псевдоним «Мисима», написанный другими иероглифами. Получилось «Зачарованный — Смертью — Дьявол».

Небольшой рассказ «Патриотизм» стал отправной точкой дороги, приведшей к трагическому финалу.

Действие происходит в феврале 1936 г., когда группа молодых националистически настроенных офицеров, недовольных излишне либеральным, по их мнению, правительством, устроила военный путч. Заговорщики утверждали, что цель восстания — вернуть императрицу узурпированную несправедливыми министрами власть. После того как Хирохито осудил своих непрощенных «заступников», мятеж удалось довольно быстро подавить. История этого фанатичного, кровопролитного выступления будоражила воображение Мисимы, все

здесь укладывалось в его излюбленную эстетическую формулу: молодые (а стало быть, прекрасные) воины сначала щедро проливали чужую кровь, потом не пожалели своей (двое офицеров предпочли плену харакири). Писатель еще не раз вернется в своих произведениях к описанию событий февраля 1936 г.

Читателю, не знакомому с предыдущими произведениями Мисимы, наверняка показалось бы непонятным в авторском послесловии утверждение, что «Патриотизм» — «не комедия и не трагедия, а рассказ о счастье». Но мучительная смерть молодого красивого тела и была для Мисимы высшим проявлением счастья.

Харакири, средневековый способ самоубийства как нельзя лучше подходил для целей Мисимы, сочетая в себе и кровь, и невыносимые страдания. А поскольку харакири считалось привилегией самурайского сословия, истинно японским «изобретением», то, для того чтобы прибегнуть к нему во второй половине двадцатого столетия, требовалось стать крайним, фанатичным националистом. Вот дорога, которой отныне пойдет Мисима.

Все 60-е годы публика с удивлением наблюдала, как эстет, западник и любимец газетных разделов светской хроники Мисима постепенно превращается в ревнителя национальных традиций, монархиста и ультраправого политика. Сначала появились статьи и эссе, восхваляющие ценности самурайского этики, затем — публичные выступления перед молодежью. Мисима внезапно вспыхнул любовью к японским Силам Само-

обороны, завел себе влиятельных друзей в армейской верхушке и среди лидеров самого консервативного крыла правящей партии. Со временем возникло и воинственное «Общество щита».

В самом конце своей жизни Мисима уже не будет выбиваться из роли средневекового рыцаря и патриота. Методично, в соответствии с заранее составленным графиком, Мисима дописывает последнюю часть тетралогии «Море изобилия» (1966—1970), которая должна была стать главным трудом его жизни.

О том, какое значение этой работе придавал сам Мисима, говорит следующий факт: писатель поставил точку в своей жизни в тот же день, когда была поставлена последняя точка в тетралогии.

Все было готово к эффектному спектаклю, призванному стать для Мисимы моментом наивысшего блаженства. С присущей ему аккуратностью он привел в порядок свои дела, попрощался с друзьями — да так, что они лишь потом поняли смысл брошенной напоследок фразы или взгляда.

В исходе «заговора» у Мисимы ни малейших сомнений не было. Есть множество свидетельств тому, что писатель и сам не принимал всерьез затею с мятежом. Нет, Мисиме нужно было не триумфальное шествие к зданию парламента во главе нескольких сотен воодушевленных его речью солдат (и, собственно, трудно представить, чтобы практически дала подобная демонстра-

ция) — он жаждал лишь подходящей декорации для самоубийства.

Еще в конце 50-х гг., после «Золотого Храма», Мисима понял, что единственно возможный для него путь спасения — отказаться от своей концепции Красоты («Ночь, Кровь и Смерть»). Он сделал выбор иной.

Остается только описать финал жизни писателя, долгожданное слияние с предметом его вождлений: «экстазом смерти», «высшим моментом бытия», «благословением», «сияющей субстанцией» — эпитетов, которыми Мисима наградил смерть, столько, что они могут стать темой специального исследования.

Никто уже не расскажет, что ощущал Мисима в самый торжественный день своей жизни, — так сказать, что происходило «за кулисами». «На сцене» же занавес поднялся ровно в 11.00 25 ноября 1970 г., когда из машины вышел затянутый в опереточный мундир «Общества щита» писатель Юкио Мисима. На боку у него висел старинный, XVI в., меч. Сопровождали «центуриона» четверо молодых людей в точно таких же мундирах. Гостей провели в кабинет коменданта базы генерала Маситы. В 11.05 по сигналу своего предводителя студенты скрутили генерала и забаррикадировали дверь. Мисиме, обладателю пятого дана по фехтованию, не составило труда отбить мечом два вторжения растерянных, ничего не понимающих штабных офицеров (при этом несколько человек он легко ранил — пролилась первая кровь этого кровавого дня).

В 11.30 требование террористов собрать во дворе солдат гарнизона было принято. В 12.00 Мисима вышел на широкий балкон здания, взобрался на парапет и, картинно подбоченясь, замер. Жестикулируя рукой в белой перчатке, он начал произносить заранее подготовленную речь, но его почти не было слышно: над базой уже пятнадцать минут висели полицейские вертолеты; взбудораженные солдаты кричали и шумели — не могли уразуметь, зачем знаменитый писатель захватил их командира.

«Самураи вы или нет?! Мужчины или нет?! Ведь вы воины! Зачем же вы защищаете конституцию, которая запрещает существование армии?» — надсаживал голос Мисима. А солдаты кричали: «Идиот!», «Слезай отсюда!», «Отпусти командира», «Пристрелите его!».

Через пять минут, так и не закончив речи, Мисима прыгнул с парапета и вернулся в комнату. «Они даже не слушали меня», — сказал он своим «преторианцам». Затем расстегнул мундир, надетый на голое тело, припустил брюки, снял с руки часы и сел на красный ковер. Один из студентов протянул ему бумагу и кисточку — Мисима собирался написать своей кровью прощальное стихотворение, как того требовал самурайский обычай. «Это мне не понадобится», — спокойно произнес он. Взял в руки кинжал и, трижды прокричав «Да здравствует император!», вонзил клинок в левую нижнюю часть живота. Закончив длинный горизонтальный разрез, он рухнул лицом на ковер. Теперь, согласно ритуалу, секундант должен был прекратить муки самоубийцы, отрубив ему голову мечом. Морита, которому через минуту предстояло тоже умереть, три

раза с размаху опускал клинок на еще живое тело, но попасть по шее так и не сумел. Другой секунданта отобрал у него меч и закончил дело: голова покати­лась по полу...

ЮКИО МИСИМА «ПАТРИОТИЗМ»

...28 февраля 1936 г., на третий день известных событий, поручик гвардейского транспортного батальона Синдзи Такэяма, потрясенный известием о том, что его ближайшие друзья оказались в числе заговорщиков, не в силах смириться с приказом о подавлении мятежа, в одной из комнат своего особняка (дом шесть на улице Аоба, район Едзю) сделал харакири собственной саблей; его супруга Рэйко последовала примеру любимого мужа и тоже лишила себя жизни. В прощальной записке поручика была всего одна фраза: «Да здравствует императорская армия!» Жена тоже оставила письмо, в котором приносила извинения родителям за то, что уходит из жизни раньше их, и заканчивала словами: «Настал день, к которому должна быть готова жена офицера». Последние минуты жизни мужественной пары были таковы, что дрогнуло бы даже самое каменное сердце. Поручику исполнился тридцать один год, Рэйко — двадцать три. Со дня их свадьбы не прошло и полугода.

...Дом поручика находился неподалеку от особняка министра-хранителя печати Сайто, но выстрелов, раздавшихся на рассвете 26 февраля, супруги не слышали. Трагический эпизод длился не более десяти минут, и

поручика разбудила не стрельба, а звук трубы, разорвавший заснеженные предутренние сумерки, объявляя тревогу. Офицер рывком поднялся с постели, молча натянул форму, схватил саблю, которую подала ему жена, и выбежал на покрытую снегом темную улицу. До вечера двадцать восьмого Рэйко его больше не видела.

Из сообщений по радио она узнала, что произошло. Эти два дня она провела тихо, в полном одиночестве, за плотно закрытыми дверьми.

...Из сводок новостей Рэйко узнала, что в рядах заговорщиков оказались лучшие друзья мужа. Это известие уничтожило последние сомнения. Рэйко все с большим нетерпением ожидала императорского рескрипта, видя, как к восстанию, которое вначале именовали «движением за национальное возрождение», постепенно пристает позорное клеймо «мятежа». Из части, в которой служил поручик, не поступало никаких вестей. Занесенный снегом город с минуты на минуту ждал начала боевых действий.

Двадцать восьмого февраля, на закате, Рэйко со страхом услышала громкий стук в дверь. Она бросилась в прихожую и дрожащими руками отперла замок. Человек, чей неподвижный силуэт расплывчато темнел за матовым стеклом, молчал, но Рэйко сразу узнала мужа.

... В ярком свете лампы заросшее щетиной лицо поручика показалось Рэйко чужим. Щеки ввалились и потемнели. Обычно, возвращаясь со службы в хорошем настроении, он первым делом переодевался в домашнее и требовал немедленно подавать ужин. Сегодня поручик сел за стол прямо в форме и понуро опустил голову. Рэйко не стала спрашивать, пора ли накрывать на стол.

Помолчав немного, муж произнес:

— Я ни о чем не знал. Они не позвали меня с собой. Наверное, из-за того, что я недавно женился... Там Кано, и Хомма, и Ямагути...

Рэйко как наяву увидела перед собой румяные лица молодых офицеров, друзей мужа, так часто бывавших у них в доме.

— Завтра должны огласить высочайший рескрипт. Их объявят мятежниками. Я буду обязан повести на них своих солдат... Я не могу этого сделать. Не могу.

— Меня сменили из охранения, — продолжал он после паузы, — и разрешили провести сегодняшнюю ночь дома. Завтра утром, верно, придется атаковать. Рэйко, это выше моих сил.

... — Ну вот, — поручик, поднял глаза. Несмотря на бессонные ночи, их взгляд был острым и незамутнен-

ным. Теперь они смотрели прямо в лицо Рэйко. — Сегодня ночью я сделаю харакири.

Рэйко не дрогнула. В ее огромных глазах было такое напряжение, что казалось, этот взгляд вот-вот зазвонит пронзительным колокольчиком.

— Я готова, — не сразу ответила она. — Позволь мне последовать за тобой.

Поручик почувствовал, что сила этого взгляда почти подавляет его. Слова сорвались с губ сами собой, словно в бреду:

— Ладно. Стало быть, вместе. Но я хочу, чтобы ты видела, как я умру. Согласна?

...Радость охватившая души обоих, была столь велика и неподдельна, что лица супругов осветились улыбкой. У Рэйко возникло такое ощущение, словно им предстоит еще одна первая брачная ночь. Не было впереди ни боли, ни смерти — лишь вольный и бескрайний простор.

... — Сначала ванну, потом сакэ, а потом... Постели наверху, — прошептал ей на ухо поручик. Рэйко кивнула. ...Поручик не сомневался в том, что радость, с которой они приняли решение умереть, была неподдельной. В тот миг, хотя они об этом и не думали, оба чув-

ствовавали, что их сокрытое от всех счастье находится под надежной защитой Высшей Справедливости, Божественной Воли и несокрушимой Нравственности. Прочтя в глазах друг друга готовность принять достойную смерть, поручик и его жена вновь осознали, какая мощная стальная стена, какая прочная броня Истины и Красоты оберегает их. Поэтому поручик был уверен, что никакого противоречия между зовом плоти и патриотическим чувством нет, наоборот, две эти страсти естественным образом сливались для него воедино.

... Они сами не заметили, как остались обнаженными возле пылающей газовой печи.

Их души, тела и мысли были полны сознанием того, что это — в последний раз. Словно невидимая кисть написала слова ПОСЛЕДНИЙ РАЗ и на их коже.

... Когда поручик наконец оторвался от тела Рэйко, это не означало, что он насытился. Его вынудило остановиться опасение израсходовать силы, которые понадобятся для харакири.

...И их сплетенные пальцы — они тоже разомкнутся. Не будет больше этого деревянного узора на потолке. Приближение смерти с каждым мигом ощущалось все явственнее. И времени больше не оставалось. Надо было собрать все мужество и самим шагнуть навстречу смерти.

— Ну что ж, пора готовиться, — нарушил молчание поручик. Слова были исполнены решимости, но никогда еще Рэйко не слышала, чтобы голос мужа звучал так ласково и мягко.

Они встали. Предстояло еще многое сделать.

Поручик ни разу не помогал жене убирать постель. Теперь же они сам быстро открыл шкаф и засунул туда скатанные футоны. Он выключил печку, поставил на место лампу, и комната, еще днем убранная Рэйко, приобрела вид, будто семья ожидала какого-то важного гостя.

— Сколько тут было выпито, — вздохнул поручик. — С Кано, Хоммой, Ногуты...

— Да, они любили застолье.

— Ничего, скоро мы с ними встретимся. Представляю, как они будут надо мной подшучивать, увидев, что я привел и тебя.

Прежде чем спуститься на первый этаж, поручик обернулся и окинул взглядом опрятную, ярко освещенную комнату. Перед его мысленным взором вновь предстали лица друзей, молодых офицеров, их шумные хмельные разговоры, наивное бахвальство. Не думал он во время тех веселых пирушек, что в один прекрасный день в этой самой комнате взрежет себе живот.

Сойдя по лестнице, супруги занялись приготовлением. Поручик пошел в туалет, потом в ванную. Тем временем Рэйко аккуратно сложила купальный халат мужа и принесла в ванную его форму и новую накрахмаленную набедренную повязку. Положила на столике в малой гостиной листы бумаги для предсмертных писем и села натирать тушь. Для себя она уже решила, что напишет.

Пальцы Рэйко с силой терли палочку туши о золотые буквы тушечницы, и вода в ней мутнела и чернела. Рэйко запрещала себе думать о том, что ровные движения ее пальцев и монотонное шуршание служат одной цели — приблизить конец. Нет, это обычная работа по дому, средство провести время, оставшееся до встречи со смертью. Но податливость палочки, уже легко скользившей по тушечнице, усиливающийся запах туши — все это казалось ей невыразимо злоецим.

Из ванной вышел поручик, надевший мундир прямо на голое тело. Он молча сел, взял кисточку и нерешительно поглядел на чистый лист бумаги.

Рэйко отправилась переодеться в белое кимоно. Когда она, умывшись и слегка подкрасив лицо, вернулась в комнату, прощальное письмо поручика уже было написано.

«Да здравствует Императорская Армия!
Поручик Синдзи Такэяма».

Рэйко села напротив мужа и тоже стала писать. Поручик очень серьезно и внимательно смотрел, как белые пальцы жены выводят по бумаге иероглифы.

Затем он пристегнул саблю, Рэйко засунула за пояс кинжал, и супруги, держа в руках предсмертные письма, подошли к алтарю и склонились в безмолвной молитве.

Погасив свет на первом этаже, поручик стал подниматься вверх. На середине лестницы он обернулся и поразился красоте Рэйко — та, опустив глаза, следовала за ним из мрака в своем белоснежном наряде.

Письма положили рядом, в токонома гостиной второго этажа. Поручик хотел снять со стены какэздику, но передумал: там было выведено великое слово «Верность», и он решил, что их сват, генерал-лейтенант Одзэки, написавший эти иероглифы, извинит его, если до свитка долетят брызги крови.

Поручик сел на пол спиной к стене и положил саблю на колени. Рэйко опустилась на соседний татами, поскольку она была в белом, алая помада на губах казалась ослепительно яркой.

Супруги сидели рядом и смотрели друг другу в глаза.

Взглянув на саблю, что лежала поперек коленей мужа, Рэйко вспоминала их первую ночь, и грусть стала почти невыносимой. Тогда поручик произнес сдавленным голосом:

— У меня нет секунданта, поэтому резать буду глубоко. Наверно, зрелище будет не из приятных, но ты не пугайся. Любую смерть страшно наблюдать со стороны. Пусть это не лишит тебя мужества. Хорошо?

— Хорошо, — низко склонила голову Рэйко.

Глядя на стройную фигуру жены, облаченную в белые одежды, поручик вдруг почувствовал, что его охватывает странное хмельное возбуждение. Сейчас она увидит мужа в новом качестве, исполняющим свой воинский долг. Ибо ожидающая его смерть не менее почетна, чем гибель на поле брани. Он покажет жене, как вел бы себя в сражении.

На миг воображением поручика овладела захватывающая фантазия. Одинокая гибель в битве и самоубийство на глазах прекрасной супруги — он как бы готовился умереть в двух измерениях сразу, и это ощущение вознесло его на вершину блаженства. Вот оно, подлинное счастье, подумал он. Погибнуть под взглядом жены — все равно что умереть, вдыхая аромат свежего бриза. Ему выпала особая удача, досталась привилегия, недоступная никому другому. Белая, похожая на невесту, неподвижная фигура олицетворяла для поручика все то, ради чего он жил: Императора, Родину, Боевое Знамя. Все эти святые символы смотрели на него ясным взором жены.

Рэйко, наблюдая за готовящимся к смерти мужем, тоже думала, что вряд ли в мире существует зрелище более прекрасное. Мундир всегда шел поручику, но сейчас, когда он, сдвинув брови и сжав губы, смотрел в глаза смерти, лицо его обрело неповторимую мужественную красоту.

— Все, пора, — сказал поручик.

Рэйко низко, головой в пол, поклонилась ему. Куда-то вдруг ушли все силы — она никак не могла разогнуться. Плакать нельзя, сказала она себе, лицо накрашено. Но слезы текли сами.

Когда она наконец выпрямилась, то сквозь туманную пелену слез увидела, что муж, уже обнажив клинок, обматывает его белой тканью, что осталось сантиметров двадцать голой стали.

Покончив с этим и положив саблю на пол, поручик скрестил ноги и расстегнул ворот мундира, на жену он больше не смотрел. Его пальцы расстегивали одну за другой плоские медные пуговицы. Обнажилась смуглая грудь, потом живот. Поручик снял ремень, спустил брюки — показалась ярко-белая ткань набедренной повязки. Он стянул ее пониже, еще больше открывая тело, и сжал в правой руке обмотанный белым клинок. Глаза поручика, не отрываясь, смотрели на голый живот, левой рукой он слегка поглаживал себя чуть ниже талии.

Забеспокоившись, достаточно ли острая сабля, офицер спустил брюки до половины и легонько полоснул себя по ноге. На коже вспыхнул красный рубец, кровь несколькими тоненькими ниточками побежала по бедру, посверкивая в ярком электрическом свете.

Рэйко впервые видела кровь мужа, у нее перехватило дыхание. Она взглянула ему в лицо. Поручик оценивающе осматривал разрез. Рэйко сразу стало спокойнее, хотя она и понимала, что это чувство облегчения ложное.

Тут поручик поднял глаза и впился в лицо жены жестким, ястребиным взглядом. Клинок он установил перед собой, а сам приподнялся, чтобы тело нависало над саблей. По тому, как напряглись мускулы плеч под кителем, было видно, что поручик собрал все силы. Он намеревался вонзить острие в левую нижнюю часть живота, как можно глубже. Яростный крик разорвал тишину комнаты.

Хотя поручик нанес удар сам, ему показалось, что кто-то другой проткнул его тело толстым железным прутком. В глазах потемнело, и на несколько мгновений он перестал понимать, что с ним происходит. Обнаженная сталь ушла в тело до самой ткани, кулак поручика, сжимавший клинок посередине, уперся в живот.

Сознание вернулось к нему. Клинок пронзил брюшную полость, это несомненно, подумал он. Дышать было трудно, грудь тяжело вздымалась, где-то очень далеко — не

может быть, чтобы это происходило в его теле — родилась чудовищная боль, словно там раскололась земля и из трещины вырвалась огненная лава. Со страшной скоростью боль подкатывала все ближе и ближе. Поручик впился зубами в нижнюю губу, сдерживая крик.

Вот оно, какое, харакири, подумал он. Будто на голову обрушился небесный свод, будто зашатался и перевернулся весь мир. Собственные воля и мужество, казавшиеся несокрушимыми до того, как клинок впился в тело, втянулись тонкой стальной ниткой, и мысль о том, что надо изо всех сил держаться за эту нитку, наполнила душу поручика тревожной тоской. Кулак, державший саблю, весь вымок. Офицер увидел, что и рука, и белая ткань покрыты кровью. Набедренная повязка тоже стала ярко-алой. Странно, что, испытывая эту муку, я так ясно все вижу и что мир существует, как прежде, подумал он.

С того самого момента, когда поручик пропорол себе саблей низ живота и лицо его страшно побледнело, словно на него опустился белый занавес, Рэйко изо всех сил боролась с неудержимым порывом броситься к мужу. Делать этого нельзя, она должна сидеть и смотреть. Она — свидетель, такую обязанность возложил на нее супруг. Муж был совсем рядом, на соседнем татами, она отчетливо видела его искаженное лицо с закушенной губой, в нем читалось невыносимое страдание, но Рэйко не знала, как помочь любимому.

На лбу поручика блестели капли пота. Он зажмурил глаза, потом открыл их вновь. Взгляд его утратил все-

гдашнюю ясность и казался бессмысленным и пустым, словно у какого-то зверька.

Мучения мужа сияли ярче летнего солнца, они не имели ничего общего с горем, раздиравшим душу Рэйко. Боль все росла, набирала силу. Поручик стал существом иного мира, вся суть его бытия сконцентрировалась в страдании, и Рэйко почудилось, что ее муж — пленник, заключенный в клетку болью, и рукой до него уже не достать. Ведь она сама боли не испытывала. Ее горе — это не физическая мука. У Рэйко возникло чувство, будто кто-то воздвиг между ней и мужем безжалостную стеклянную стену.

Со дня свадьбы весь смысл жизни Рэйко заключался в муже, каждый его вздох был ее вздохом, а сейчас он существовал отдельно от нее, в плену своего страдания, и она, охваченная скорбью, утратила почву под ногами.

Поручик попытался сделать разрез поперек живота, но сабля застряла во внутренностях, которые с мягким упругим упорством не пускали клинок дальше. Он понял, что нужно вцепиться в сталь обеими руками и всадить ее в себя еще глубже. Так он и сделал. Клинок шел тяжелее, чем он ожидал, приходилось вкладывать в кисть правой руки все силы. Лезвие продвинулось сантиметров на десять.

Боль хлынула потоком, разливаясь шире и шире, казалось, живот гудит, как огромный колокол, нет, как ты-

сяча колоколов, разрывающих все существо поручика при каждом ударе пульса, при каждом выдохе. Удерживать стоны было уже не возможно. Но вдруг поручик увидел, что клинок дошел до середины живота, и с удовлетворением ощутил новый приток мужества.

Кровь лилась все обильнее, хлестала из раны толчками. Пол вдруг стал красным, по брюкам защитного цвета стекали целые ручьи. Одна капля маленькой птичкой долетела по соседнего татами и заалела на подоле белоснежного кимоно Рэйко.

Когда поручик повел лезвие до правой стороны живота, клинок был уже совсем неглубоко, и скользкое от крови и жира острие почти вышло из раны. К горлу вдруг подступила тошнота, и поручик хрипло зарычал. От спазмов боль стала еще нестерпимей, края разреза разошлись, и оттуда полезли внутренности, будто живот тоже рвало. Кишкам не было дела до мук своего хозяина, здоровые, блестящие они жизнерадостно выскользнули на волю. Голова поручика упала, плечи тяжело вздымались, глаза сузились, превратились в щелки, изо рта повисла нитка слюны. Золотом вспыхнули эполеты мундира.

Все вокруг было в крови, поручик сидел в красной луже; тело его обмякло, он опирался о пол рукой. По комнате распространилось зловоние — поручика продолжало рвать, его плечи беспрерывно сотрясались. Клинок, словно вытолкнутый из живота внутренностями, неподвижно застыл в безжизненной руке.

Вдруг офицер выпрямился. С чем сравнить это невероятное напряжение воли? От резкого движения откиннутая назад голова громко ударилась затылком о стену. Рэйко, которая, оцепенев, смотрела только на ручеек крови, медленно подбиравшийся по полу к ее коленям, изумленно подняла глаза.

Увиденная ею маска была непохожа на живое человеческое лицо. Глаза ввалились, кожу покрывала мертвенная сухость, скулы и рот, когда-то такие красивые, приобрели цвет засохшей грязи. Правая рука поручика с видимым усилием подняла тяжелую саблю. Движение было замедленным и неуверенным, как у заводной куклы. Поручик пытался направить непослушное острие себе в горло. Рэйко сосредоточенно наблюдала, как ее муж совершает самый последний в своей жизни, невероятно трудный поступок. Раз за разом скользкий клинок, нацеленный в горло, попадал мимо. Силы поручика были на исходе. Острие тыкалось в жесткое шитье, в галуны. Крючок был расстегнут, но воротник все же прикрывал шею.

Рэйко не могла больше выносить это зрелище. Она хотела прийти на помощь мужу, но не было сил подняться. На четвереньках она подползла к нему по кровавой луже. Белое кимоно окрасилось в алый цвет. Оказавшись за спиной мужа, Рэйко раздвинула края ворота пошире — это все, чем она ему помогла. Наконец дрожащие острие попало в обнаженное горло. Рэйко показалось, что это она толкнула мужа вперед, но нет — поручик сам из последних сил рванулся навстречу клинку. Сталь пронзила шею насквозь и вышла под затылком. Брызнул фонтан крови, и поручик затих. Сза-

ди из шеи торчала сталь, холодно отливая синим в ярком свет лампы.

... Рэйко снова поднялась наверх. Кровь на таби успела засохнуть, и ноги больше не скользили. На середине лестницы в нос ей ударил резкий запах.

Поручик лежал в луже крови, уткнувшись лицом вниз. Острие сабли еще дальше вылезло из его шеи. Рэйко спокойно пересекла залитую кровью комнату. Села на пол рядом с мертвым мужем и, нагнувшись, сбоку заглянула ему в лицо. Широко раскрытые глаза поручика замороженно смотрели в одну точку. Рэйко приподняла безжизненную голову, отерла рукавом окровавленное лицо и припала к губам мужа прощальным поцелуем.

Быстро поднялась, она открыла шкаф и достала оттуда белое покрывало и шнур. Покрывало она аккуратно, чтобы не помять кимоно, обернула вокруг пояса, а шнур туго затянула поверх. Рэйко села на пол в одном шаге от тела поручика. Вынула из-за пояса кинжал, посмотрела на светлую сталь и коснулась ее языком. Гладкий металл был чуть сладковат.

Молодая женщина не колебалась ни секунды. Она подумала о том, что мука, отгородившая от нее мужа, скоро станет и ее достоянием, что миг соединения с любимым близок, и в ее сердце была только радость. В искаженном страданиями лице поручика она видела что-то необъяснимое, таинственное. Теперь она разга-

дает эту загадку. Рэйко показалось, что только сейчас она ощущает сладкую горечь Великого Смысла, в который верил муж. Если прежде она знала о вкусе этого сокровенного знания только от поручика, то ныне испытает его сама.

Рэйко приставила кинжал к горлу и надавила. Рана получилась совсем мелкой. К голове прилил жар, затряслись руки. Она резко рванула клинок в сторону. В рот изнутри хлынуло что-то горячее, все перед глазами окрасилось алым — это из раны ударила струя крови. Рэйко собрала все силы и вонзила кинжал в горло по самую рукоятку.

МОНРО МЕРИЛИН

Мэрилин Монро (псевдоним, настоящее имя Норма Джин Бейкер Мортинсон) (1926 — 1962) — американская актриса.

В конце 1950-х гг. Монро была самой популярной актрисой в США. Примерно в это время начался ее роман с Джоном Кеннеди. Когда Кеннеди завоевал Белый дом и связь их стала постоянной, директор ФБР Эдгар Гувер и министр юстиции Роберт Кеннеди (брат Джона) предупредили президента о том, что вилла Санта Моника, где он встречался с актрисой, прослушивается мафией, и, вероятно, любовные свидания записываются на пленку. Кеннеди резко порвал с Мэрилин. Она

была потрясена, писала отчаянные письма, угрожала разоблачительной конференцией.

«Чтобы ее успокоить, Джон в конце концов отправил к ней... своего брата, — рассказывает Питер Лоуфорд (родственник и доверенное лицо тогдашнего президента), на чьей вилле жила Мэрилин. — Роберт пытался объяснить ей ситуацию, повторял, что хозяину Белого дома нельзя вести себя как вздумается, что ей пора прекратить причинять ему неприятности... Она осталась безутешной. Бобу стало ее жалко, он вернулся на другой день... Это явно не входило в его планы, но так или иначе ту ночь они провели на вилле вместе...

Если раньше Мэрилин называла Белый дом, то теперь часто набирала номер министерства юстиции. С ней вела долгие беседы личный секретарь Роберта Кеннеди, которой она вскоре сообщила, что министр «собирается на ней жениться». Складывалось впечатление, что она не делала различия между двумя братьями.

Склонность к такого рода фантазиям, по мнению Лоуфорда, появилась в значительной мере из-за злоупотребления сильнодействующими лекарствами и спиртным. Эти же пристрастия стали причиной того, что киностудия «XX век — Фокс» сочла необходимым отстранить ее от съемок нового, ставшего для актрисы последним, фильма. На съемочной площадке она почти всегда находилась в таком состоянии, что не могла внятно произносить свой текст. «Я уговаривал ее прекратить глотать эту гадость, если она не хочет загубить

свою карьеру, — вспоминает Лоуфорд. — Но, похоже, это было уже не в ее силах. Вот и брат Джона тоже начал от нее удаляться... «Все они одинаковые, — твердила Монро. — Сначала пользуются тобой, а потом выкидывают, как старые носки».

Трагическая развязка приближалась. Со дня съемок в последней роли (фильм «Неприкаянные») прошло целых два года. В начале августа 1962 г. Роберт Кеннеди вместе с семьей гостил в Сан-Франциско у родственников. Мерилин разыскала его по телефону и потребовала, чтобы он немедленно вылетел к ней в Лос-Анджелес. Она хотела, чтобы Бобби при личной встрече сказал бы ей, что намерен порвать с ней отношения. Накануне ночью Мерилин изводила телефонными звонками. Чей-то женский голос визгливо шипел в трубку: «Оставь Бобби в покое, грязная потаскуха!»

Лоуфорд говорит, что последняя встреча между Робертом и Мерилин произошла в субботу 4 августа. Закончилась она бурной ссорой, актриса билась в истерике, угрожала пресс-конференцией, обещая рассказать о своих отношениях с братьями Кеннеди. Роберт, как мог, пытался погасить эту вспышку истерии, осторожно предложил Мерилин вызвать ее лечащего психиатра Ральфа Гринсона.

После ухода Кеннеди и Лоуфорда Мерилин некоторое время была в депрессии. В 16.30 она собралась с силами и позвонила психиатру. Ральф Гринсон немедленно приехал к актрисе и нашел ее «подавленной, несколь-

ко одурманенной наркотиками и злой». Он провел у нее два с половиной часа, а затем уехал.

Питер Лоуфорд говорит, что в этот вечер он устраивал вечеринку, на которую пригласил в числе нескольких друзей и Мэрилин Монро. Заехать за ней он попросил одного из приглашенных — Джо Наару. Однако в 19.30 Лоуфорд позвонил ему и сказал, что заезжать не надо, так как Мэрилин плохо себя чувствует. Судя по всему, телефонный разговор с Лоуфордом состоялся сразу после ухода от Мэрилин психиатра. В 1975 г., вспоминая об этом разговоре, Лоуфорд рассказывал: «Я чувствовал, что она совершенно подавлена, ее слова становились бессвязны, она все больше отключалась и не понимала меня». Пытаясь подбодрить собеседницу, Лоуфорд крикнул в трубку: «Надавай себе мысленно пощечам!», на что Мэрилин ответила: «Передай привет Пэт (Ньюкомб. — А. Лаврин) и Джону. Прощай, ты всегда был великолепен». Затем наступило глухое молчание, как будто трубку сунули под подушку.

Через 15 минут Лоуфорд снова набрал номер Мэрилин. Короткие гудки. В 20.00 он дозвонился до телефонной станции, где ему сказали, что номер не отвечает и не прозванивается. Пока Лоуфорд размышлял, что делать, прошло еще полчаса. Наконец Лоуфорд через одного из друзей (Эббанса) дозвонился до адвоката Мэрилин Мики Рудина, а тот — до горничной и компаньонки актрисы Юнис Муррей. Горничная не нашла особых поводов для беспокойства, поскольку Мэрилин отправилась спать на ее глазах. Рудин, в свою очередь, сообщил Эббансу, что с актрисой все в порядке.

Известно, что перед сном Мэрилин сделала несколько телефонных звонков, в том числе парикмахерше Сидни Гилярофф (в 21.30) и одному из своих последних любовников Хосе Баланьосу (между 21.30 и 22.00).

Вскоре после полуночи Муррей, зайдя в спальню Мэрилин, обнаружила ее в бессознательном состоянии. Горничная вызвала «скорую помощь», пресс-атташе актрисы Артура Джеймс Холл и М. Лейб говорят, что, когда они прибыли, Мэрилин лежала на постели в комнате для гостей.

«Надо было ее перенести, — рассказывает Холл, — поскольку в этом случае для проведения искусственного дыхания нужно, чтобы больной лежал на твердой поверхности. Мы положили ее на пол и при этом... уронили. Никогда не забуду этого ужасного случая. Судебный эксперт обнаружил синяк у нее на бедре, как раз то место, которым она ударилась, когда выскользнула из наших рук. Синяк не мог бы образоваться на трупе. Она была еще жива.

Я провел искусственное дыхание, и она реагировала. Но Пэт Ньюкомб металась в истерике вокруг нас. Когда я пытался оживить Мэрилин, она буквально повисла у меня на спине, крича: «Она мертва! Мертва!» Она кричала беспрестанно. Чертова баба! Мне хотелось дать ей пинка. Когда Мэрилин начала приходить в себя, прибыл врач. Видимо, это был доктор Гринсон, держался он очень профессионально. В руках у него было полотенце. Гринсон объявил: «Я ее личный врач». Поскольку Пэт Ньюкомб не протестовала, я решил, то все

в порядке. Она никогда не подпустила бы незнакомца к Мерилин. Я кратко доложил ему, он склонился над нею, надавил на грудь и сделал инъекцию. Его поведение показалось мне очень странным. Он обращался с больной бесцеремонно. Я нахмурился и пробормотал: «Боже мой, так можно все испортить». Затем я услышал сухой звук, похожий на щелчок. Минутой позже она была мертва».

По официальной версии, причиной смерти стала чрезмерная доза принятых перед сном лекарств. Однако до сих пор неясно, что это было: самоубийство, убийство или несчастный случай?

(За рубежом. 1990 г., № 40; А. Лаврин. Хроники Харона. Энциклопедия смерти. М., 1993)

НЕРОН

Нерон — 37—68 гг. н. э. — римский император с 58 г., из династии Юлиев-Клавдиев.

О жизни и смерти Нерона повествует Гай Светоний Транквилл в книге «Жизнь двенадцати цезарей» (Москва, 1993 г.).

«Нерон родился в Анции. В восемнадцатый день до январских календ, на рассвете, так что лучи восходяще-

го солнца коснулись его едва ль не раньше, чем земли. Тотчас по его гороскопу многими было сделано много страшных догадок; пророческими были и слова отца его Домиция, который в ответ на поздравления друзей воскликнул, что от него и Агриппины ничто не может родиться, кроме ужаса и горя для человечества. Другой знак его будущего злополучия был замечен в день очищения. Гай Цезарь, когда сестра попросила его дать младенцу имя по своему желанию, взглянул на своего дядю Клавдия (который потом, уже будучи правителем, и усыновил Нерона) и назвал его имя, себе на потеху и назло Агриппине, так как Клавдий был посмешищем всего двора.

С трех месяцев он потерял отца, по завещанию он получил третью часть наследства, да и ту не полностью, потому что все имущество забрал его сонаследник Гай. Потом и мать его была сослана, а он, в нужде и почти в нищете, рос в доме своей тетки Лепиды под надзором двух дядек, танцовщика и цирюльника. Но когда Клавдий принял власть, ему не только было возвращено отцовское имущество, но и добавлено наследство его отчима Пассиена Криспа. А благодаря влиянию и могуществу матери, возвращенной из ссылки и восстановленной в правах, он достиг такого положения, что ходил даже слух, будто Мессалина, жена Клавдия, видя в нем соперника Британику, подсылала убийц задуть его во время полуденного сна.

Еще в детстве, не достигнув даже отроческого возраста, выступал он в цирке на Троянских играх, много раз и с большим успехом. На одиннадцатом году он был усыновлен Клавдием и отдан на воспитание Аннею Се-

неке, тогда уже сенатору. Говорят, что на следующую ночь Сенека видел во сне, будто воспитывает Гая Цезаря, и скоро Нерон, при первых же поступках обнаружив свой жестокий нрав, показал, что сон был вещим. Так, своего брата Британика, когда тот по привычке приветствовал его Агенобарбом и после усыновления, он стал обзывать перед лицом Клавдия незаконнорожденным. А против своей тетки Лепиды он открыто давал показания в суде в угоду матери, которая ее преследовала.

В день совершеннолетия он был представлен народу и обещал плебейм раздачу, а воинам подарки, когда преторанцы начали бег в оружии, он со щитом бежал впереди, в потом в сенате произнес благодарственную речь отцу. В консульстве он говорил речь за жителей Бононии по-латыни, а за родосцев и за илионян по-гречески. Тогда же он впервые правил суд в должности городского префекта на Латинских празднествах, и лучшие ораторы оспаривали перед ним не мнимые и мелкие дела, как обычно, а многочисленные и важные, хотя Клавдий это и запретил. А немного спустя он взял в жены Октавию и устроил за здоровье Клавдия цирковые игры и травлю.

Ему шел семнадцатый год, когда было объявлено о кончине Клавдия. Он вошел к страже между шестью и семью часами дня — весь этот день считался несчастливым, и только этот час был признан подходящим для начала дела. На ступенях дворца его приветствовали императором, потом на носилках отнесли в лагерь, оттуда, после краткого его обращения к солдатам, — в сенат, а из сената он вышел уже вечером, осыпанный

бесчисленными почестями, из которых только звание отца отечества он отклонил по молодости лет.

Начал он с того, что постарался показать свои родственные чувства. Клавдия он почтил великолепным погребением, похвальной речью и обожествлением. Памяти отца своего Домиция он воздал величайшие почести. Матери он доверил все свои общественные и частные дела.

Чтобы еще яснее открыть свои намерения, он объявил, что править будет по начертаниям Августа, и не пропускал ни единого случая показать свою щедрость, милость и мягкость. Обременительные подати он или отменил или умерил. Награды доносчикам по Папиеву закону он сократил вчетверо. Народу он роздал по четыреста сестрциев на человека, сенаторам из знатнейших, но обедневших назначил ежегодное пособие, иным до пятисот тысяч, преторианские когорты на месяц освободил от платы за хлеб. Когда ему предложили на подпись указ о казни какого-то уголовного преступника, он воскликнул: «О если бы я не умел писать!» Граждан всех сословий он приветствовал сразу и без напоминания. Когда сенат воздавал ему благодарность, он сказал: «Я еще должен ее заслужить». Он позволял народу смотреть на его военные упражнения, часто декламировал при всех и даже произносил стихи, как дома, так и в театре, и общее ликование было таково, что постановлено было устроить всенародное молебствие, а прочитанные строки стихотворения записать золотыми буквами и посвятить Юпитеру Капитлийскому.

В детские годы Нерон вместе с другими науками изучал и музыку. Придя к власти, он тотчас пригласил к себе лучшего в то время кифареда Терпна и много дней подряд слушал его после обеда до поздней ночи, а потом и сам постепенно начал упражняться в этом искусстве. Он не упускал ни одного из средств, какими обычно пользуются мастера для сохранения и укрепления голоса: лежал на спине со свинцовым листом на груди, очищал желудок промываниями и рвотой, воздерживался от плодов и других вредных для голоса кушаний. И хотя голос у него был слабый и сиплый, все же, радуясь своим успехам, он пожелал выступить на сцене: «чего никто не слышит, того никто не ценит», — повторял он друзьям греческую пословицу.

Впервые он выступил в Неаполе, и хотя театр дрогнул от неожиданного землетрясения, он не остановился, пока не кончил начатую песнь. Выступал он в Неаполе часто и пел по нескольку дней. Потом дал себе короткий отдых для восстановления голоса, но и тут не выдержал одиночества, из бани явился в театр, устроил пир посреди оркестры и по гречески объявил толпе народа, что когда он промочит горло, то уже споет что-нибудь во весь голос. Ему понравились мерные рукоплескания александрийцев, которых много приехало в Неаполь с последним подвозом, и он вызвал из Александрии еще больше гостей, не довольствуясь этим, он сам отобрал юношей всаднического сословия и пять с лишним тысяч дюжих молодцов из простонародья, разделил на отряды и велел выучиться рукоплесканиям разного рода — и «жужжанию», и «желобкам», и «кирпичикам», а потом вторить ему во время пения. Их можно было узнать по густым волосам, по великолеп-

ной одежде, по холеным лицам. Главари их зарабатывали по четыреста тысяч сестерциев.

Но важнее всего казалось ему выступить в Риме. Поэтому он возобновил Нероновы состязания раньше положенного срока. Правда, хотя все кричали, что хотят услышать его божественный голос, он сперва ответил, что желающих он постарается удовлетворить в своих садах, но когда к просьбам толпы присоединились солдаты, стоявшие в это время на страже, то он с готовностью заявил, что выступит хоть сейчас. И тут же он приказал занести свое имя в список кифаредов-состязателей, бросил в урну свой жребий вместе с другими, дождался своей очереди и вышел: кифару его несли начальники преторианцев, затем шли войсковые трибуны, а рядом с ним — ближайшие друзья. Встав на сцене и произнеся вступительное слова, он через Клувия Руфа, бывшего консула, объявил, что петь он будет «Ниобу», и пел ее почти до десятого часа. Продолжение состязания и выдачу наград он отложил до следующего года, чтобы иметь случай выступить еще несколько раз, но это ожидание показалось ему долгим, и он не переставал вновь и вновь показываться зрителям. Он даже подумывал, не выступить ли ему на преторских играх, состязаясь с настоящими актерами за награду в миллион сестерциев, предложенную распорядителями. Пел он и трагедии, выступая в масках героев и богов и даже героинь и богинь: черты масок напоминали его лицо или лица женщин, которых он любил. Среди этих трагедий были «Роды Канаки», «Орест-матереубийца», «Ослепление Эдипа», «Безумный Геркулес». Говорят, что один новобранец, стоявший на страже у входа, увидел его в этой роли по ходу действия в венках и цепях и бросился на сцену спасти его.

Когда он пел, никому не дозволялось выходить из театра, даже по необходимости. Поэтому, говорят, некоторые женщины рожали в театре, а многие, не в силах более его слушать и хвалить, перебирались через стены, так как ворота были закрыты, или притворялись мертвыми, чтобы их выносили на носилках. Как робел и трепетал он, выступая, как ревновал своих соперников, как страшился судей, трудно даже поверить. Соперников он обхаживал, заискивал перед ними, злословил о них потихоньку, порой осыпал их бранью при встрече, словно равных себе, а тех, кто был искуснее его, старался даже подкупить. К судьям он перед выступлениями обращался с величайшим почтением, уверяя, что они, люди премудрые и ученые, должны эти случайности во внимание не принимать. Судьи просили его мужаться, и он отступал, успокоенный, но все-таки в тревоге: молчанье и сдержанность некоторых из них казалась ему недовольством и недоброжелательством, и он заявил, что эти люди ему подозрительны.

Наглость, похоть, распущенность, скупость, жестокость, его поначалу проявлялись постепенно и незаметно, словно юношеские увлечения, но уже тогда всем было ясно, что пороки эти — от природы, а не от возраста. Едва смеркалось, как он надевал накладные волосы или войлочную шапку и шел слоняться по кабакам или бродить по переулкам. Забавы его были не безобидны: людей, возвращавшихся с ужина, он то и дело колотил, а при сопротивлении наносил им раны и сбрасывал их в сточные канавы, в кабаки он вламывался и грабил, а во дворце устроил лагерный рынок, где захваченная добыча по частям продавалась с торгов, а выручка пропивалась. Не раз в таких потасовках ему могли выбить глаз, а то и вовсе прикончить: один сена-

тор избил его чуть ли не до смерти за то, что он пристал к его жене. С тех пор он выходил в поздний час не иначе, как в сопровождении войсковых трибунов, не приметно державшихся в стороне. Иногда в среду бела дня он в качалке тайно являлся в театр и с высоты прощения поощрял и наблюдал распри из-за пантомимов, а когда дело доходило до драк и в ход пускались камни и обломки скамеек, он сам швырял в толпу чем попало и даже проломил голову одному претору. Когда же постепенно дурные наклонности в нем окрепли, он перестал шутить и прятаться и бросился, уже не таясь, в еще худшие пороки.

Пиры он затягивал с полудня до полуночи, время от времени освежаясь в купальнях, зимой теплых, летом холодных, пировал он и при народе, на искусственном пруду или в Большом парке, где прислуживали проститутки и танцовщицы со всего Рима. Когда он проплывал по Тибру в Остию или по зливу в Байи, по берегам устраивались харчевни, где было все для бражничанья и разврата, и где одетые шинкарками матроны отовсюду зазывали его причалить. Устраивал он пиры и за счет друзей — один из них, с раздачей шелков, обошелся в четыре миллиона сестерциев, а другой, с розовой водой, еще дороже.

Мало того, что жил он и со свободными мальчиками и с замужними женщинами: он изнасиловал даже весталку Рубрию. С вольноотпущенницей Актой он чуть было не вступил в законный брак, подкупив нескольких сенаторов консульского звания поклясться, будто она из царского рода. Мальчика Спора он сделал евнухом и даже пытался сделать женщиной: он справил с

ним свадьбу со всеми обрядами, с приданным и факелом, с великой пышностью ввел его в свой дом и жил с ним как с женой. Еще памятна чья-то удачная шутка: счастливы были бы люди, будь у Неронова отца такая жена! Этого Спора он одел как императрицу, и в носилках возил его с собой и в Греции по собраниям и торжищам, и потом в Риме по Сигиллариям, то и дело его целуя. Он искал любовной связи даже с матерью, и удерживали его только ее враги, опасаясь, что властная и безудержная женщина приобретет этим слишком много влияния. В этом не сомневался никто, особенно после того, как он взял в наложницы блудницу, которая славилась сходством с Агриппиной; уверяют даже, будто разъезжая в носилках вместе с матерью, он предавался с нею кровосмесительной похоти, о чем свидетельствовали пятна на одежде. А собственное тело он столько раз отдавал на разврат, что едва ли хоть один его член остался неосквернен. В довершение он придумал новую потеху: в звериной шкуре он выскакивал из клетки, набрасывался на привязанных к столбам голых мужчин и женщин, и насытив дикую похоть, отдавался вольноотпущеннику Дорифору, за этого Дорифора он вышел замуж, как за него — Спор, крича и вопя, как насилуемая девушка.

Он твердо был убежден, что нет на свете человека целомудренного и хоть в чем-нибудь чистого, и что люди лишь таят и ловко скрывают свои пороки: поэтому тем, кто признавался ему в разврате, он прощал и все остальные грехи.

Злодейства и убийства свои он начал с Клавдия. Он не был зачинщиком его умерщвления, но знал и не скры-

вал этого: так, белые грибы он всегда с тех пор называл как в греческой поговорке «пищей богов», потому что в белых грибах Клавдию поднесли отраву.

Британика, которому он завидовал, так как у него был приятнее голос, и которого он боялся, так как народ мог отдать тому предпочтение в память отца, решился он извести ядом. Этот яд получил он от некой Лукусты, изобретательницы отрав, но яд оказался слабее, чем думали, и Британика только прослабило. Тогда он вызвал женщину к себе и стал избивать ее собственными руками, крича, что она дала ему не отраву, а лекарство. Та оправдывалась, что положила яду поменьше, желая отвести подозрение в убийстве, но он воскликнул: «Уж не боюсь ли я Юлиева закона!» — и заставил ее тут же в спальне, у себя на глазах сварить самый сильный и быстродействующий яд. Отраву испытали на козле, и он умер через пять часов, перекипятив снова и снова ее дали поросенку, и тот окошел на месте, тогда Нерон приказал подать ее к столу и поднести обедавшему с ним Британику. С первого же глотка тот упал мертвым, а Нерон, солгав сотрапезникам, будто это обычный припадок падучей, на следующий же день, в проливной дождь, похоронил его торопливо и без почестей. Лукуста же за сделанное дело получила и безнаказанность, и богатые поместья, и даже учеников.

Мать свою невзлюбил он за то, что она следила и строго судила его слова и поступки. Сперва он только старался так или иначе возбудить к ней ненависть, грозясь отказаться от власти и удалиться на Родос, потом лишил ее всех почестей и власти, отнял воинов и гер-

манских телохранителей, отказал ей от дома и изгнал ее из дворца, но и тут ни на миг не давал ей покоя — нанятые им люди досаждали ей в Риме тяжбами, а на отдыхе насмешками и бранью, преследуя ее на суше и на море. Наконец, в страхе перед ее угрозами и неукротимостью, он решился ее погубить. Три раза он пытался отравить ее, пока не понял, что она заранее принимает противоядие. Тогда он устроил над ее постелью штучный потолок, чтобы машиной высвободить его из пазов и обрушить на спящую, но соучастникам не удалось сохранить замысел в тайне. Тогда он выдумал распадающийся корабль, чтобы погубить ее крушением или обвалом каюты: притворно сменив гнев на милость, он самым нежным письмом пригласил ее в Байи, чтобы вместе отпраздновать Квинкватрии, задерживал ее здесь на пиру, а триерархам отдал приказ повредить ее либурнскую галеру, будто бы при нечаянном столкновении, и когда она собралась обратно в Бавлы, он дал ей вместо поврежденного свой искусно состроенный корабль, проводил ее ласково и на прощанье даже поцеловал в грудь. Остаток ночи он провел без сна, с великим трепетом исхода предприятия. А когда он узнал, что все вышло иначе, что она ускользнула вплавь, и когда ее отпущенник Луций Агерм радостно принес весть, велел незаметно подбросить Агерму кинжал, потом схватить его и связать, как подосланного убийцу, а мать умертвить, как будто она, уличенная в преступлении, сама наложила на себя руки.

За умерщвлением матери последовало убийство тетки. Ее он посетил, когда она лежала, страдая запором, старуха погладила, как обычно, пушок на его щеках и сказала ласково: «Увидеть бы мне вот эту бороду остриженной, а там и помереть можно». А он, обратясь к

друзьям, насмешливо сказал, что острижет ее хоть сейчас, и велел врачам дать больной слабительного выше меры. Она еще не скончалась, как он уже вступил в ее наследство, скрыв завещание, чтобы ничего не упустить из рук.

Нерон был женат три раза.

Жизнь с Октавией быстро стала ему в тягость, на упреки друзей он отвечал, что с нее довольно и звания супруги. После нескольких неудачных попыток удавить ее он дал ей развод за бесплодие, несмотря на то, что народ не одобрял развода и сыпал его бранью, потом он ее сослал и наконец, казнил по обвинению в прелюбодеянии.

На Поппее он женился через двенадцать дней после развода с Октавией и любил ее безмерно, но и ее он убил, ударив ногой, больную и беременную, когда слишком поздно вернулся со скачек, а она его встретила упреками. От нее родилась дочь Клавдия Августа, но умерла еще во младенчестве.

Поистине никого из близких не пощадил он в своих преступлениях. Антонию, дочь Клавдия, которая после смерти Поппеи отказалась выйти за него замуж, он казнил, обвинив в подготовке переворота. За ней последовали остальные его родственники и свойственники.

С не меньшей свирепостью расправлялся он и с людьми чужими и посторонними.

И к народу и к самым стенам отечества он не ведал жалости. Когда кто-то сказал в разговоре:

Когда умру, пускай земля огнем горит!

«Нет, — прервал его Нерон, — пока живу!»

И этого он достиг.

Словно ему претили безобразные старые дома и узкие кривые переулки, он поджег Рим настолько открыто, что многие консулы ловили у себя во дворах его слуг с факелами и паклей, но не осмеливались их трогать, а житницы, стоявшие поблизости от Золотого дворца и, по мнению Нерона, отнимавшие у него слишком много места, были как будто сначала разрушены военными машинами, а потом подожжены, потому что стены их были из камня. Шесть дней и семь ночей свирепствовало бедствие, а народ искал убежища в каменных памятниках и склепах. Кроме бесчисленных жилых построек, горели дома древних полководцев, еще украшенные вражеской добычей, горели храмы богов, возведенные и освященные в годы царей, а потом — пунических и галльский войн, горело все достойное и памятное, что сохранилось от древних времен. На этот пожар он смотрел с Мecenатовой башни, наслаждаясь, по его словам, великолепным пламенем, и в театральном одеянии пел «Крушение Трои».

Такого-то правителя мир терпел почти четырнадцать лет и, наконец, низвергнул. Начало этому положила Галлия во главе с Юлием Виндиксом, который был тогда пропретором этой провинции. Нерону уже давно было предсказано астрологами, что рано или поздно он

будет низвергнут, тогда он и сказал свои известные слова: «Прокормимся ремеслишком!» — чтобы этим оправдать свои занятия искусством кифареда, для правителя забавным, но для простого человека необходимым.

О галльском восстании он узнал в Неаполе в тот день, в который когда-то убил свою мать. Отнесся он к этому спокойно и беспечно: могло даже показаться, что он радовался случаю разграбить богатейшие провинции по праву войны. Он тут же отправился в гимназий, с увлечением смотрел на состязания борцов, за обедом пришли новые донесения, еще тревожнее, но он остался холоден и лишь пригрозил, что худо придется мятежникам. И потом целых восемь дней он не рассылал ни писем, ни приказов, ни предписаний, передав все дело забвению. Наконец, возмущенный все новыми оскорбительными эдиктами Виндекса, он отправил сенатору послание, призывая отомстить за него и за отечество, но сам не явился, ссылаясь на болезнь горла. Больше всего обиделся он, что Виндекс обозвал его дрянным кифаредом и назвал не Нероном, а Агенобарбом. На это он объявил, что вновь примет свое родовое имя, которым его так оскорбительно попрекают, а принятое по усыновлению отвергнет: остальные же обвинения он объявил лживыми уже потому, что его кормят незнанием искусства, в котором он неустанными занятиями дошел до совершенства, и всех расспрашивал, знает ли кто-нибудь кифареда лучше, чем он?

Понуждаемый новыми и новыми вестями, он, наконец, в трепете пустился в Рим.

Готовясь к походу, он прежде всего позаботился собрать телеги для перевозки театральной утвари, а наложниц, сопровождавших его, приказал остричь по мужски и вооружить секирами и щитами, как амазонок.

Между тем, пришли вести, что взбунтовались и остальные войска. Узнав об этом во время пира, он разорвал донесение, опрокинул стол, разбил оземь два любимых своих кубка, которые называл «гомерическими», так как резьба на них была из поэм Гомера, и взяв у Лукусты яд в золотом ларчике, отправился в Сервилиевы сады. Самых надежных вольноотпущенников он отправил в Остию готовить корабли, а сам стал упрашивать преторанских трибунов и центурионов сопровождать его в бегстве. Но те или уклонялись или прямо отказывались, а один даже воскликнул:

— Так ли уж горестна смерть?

Дальнейшие размышления отложил он на следующий день. Но среди ночи, проснувшись, он увидел, что телохранители покинули его. Вскочив с постели, он послал за друзьями, и, ни от кого не получив ответа, сам пошел к их покоям. Все двери были заперты, никто не отвечал, он вернулся в спальню — оттуда уже разбежались и слуги, унеся даже простыни, похитив и ларчик с ядом. Он бросился искать гладиатора Спикула или любого другого опытного убийцу, чтобы от его руки принять смерть, но никого не нашел. «Неужели нет у меня ни друга, ни недруга?» — воскликнул он и убежал прочь, словно желая броситься в Тибр.

Но первый порыв прошел, и он пожелал найти какое-нибудь укромное место, чтобы собраться с мыслями. Вольноотпущенник Фаон предложил ему свою усадьбу между Соляной и Номентанской дорогами, на четвертой миле от Рима. Нерон, как был босой, в одной тунике, накинув темный плащ, закутав голову и прикрыв лицо платком, вскочил на коня, с ним было лишь четверо спутников, среди них — Спор.

С первых же шагов удар землетрясения и вспышка молнии бросили его в дрожь. Из ближнего лагеря до него долетели крики солдат, желавших гибели ему, а Гальбе — удачи. Он слышал, как один из встречных прохожих сказал кому-то: «Они гонятся за Нероном». Другой спросил: «А что в Риме слышно о Нероне?» Конь шархнул от запаха трупа на дороге, лицо Нерона раскрылось, какой-то отставной преторианец узнал его и отдал ему честь.

Доскакав до поворота, они пустили коней, и сквозь кусты и терновник, по тропинке, проложенной через тростник, подстилая под ноги одежду, Нерон с трудом выбрался к задней стене виллы. Тот же Фаон посоветовал ему до поры укрыться в яме, откуда брали песок, но он отказался идти живым под землю. Ожидая, пока пророчит тайный ход на виллу, он ладонью зачерпнул напиться воды из какой-то лужи и произнес: «Вот напиток Нерона!» Плащ его был изорван о терновник, он обобрал с него колючки, а потом на четвереньках через узкий выкопанный проход добрался до первой каморки и там бросился на постель, на тощую подстилку, прикрывшую старым плащом. Ему захотелось есть и снова

пить: предложенный ему грубый хлеб он отверг, но тепловатой воды немного выпил.

Все со всех сторон умоляли его скорее уйти от грозящего позора. Он велел снять с него мерку и по ней вырыть у него на глазах могилу, собрать куски мрамора, какие найдутся, принести воды и дров, чтобы управиться с трупом. При каждом приказании он всхлипывал и все время повторял: «Какой великий артист погибает!» Пока он медлил, Фаону скороход принес письмо. Выхватив письмо, он прочитал, что сенат объявил его врагом и разыскивает, чтобы казнить по обычаю предков. Он спросил, что эта за казнь, ему сказали, что преступника раздевают донага, голову зажимают колодкой, а по туловищу секут розгами до смерти. В ужасе он схватил два кинжала, взятые с собой, попробовал острие каждого, потом опять спрятал, оправдываясь, что роковой час еще не настал. То он уговаривал Спора начинать крик и плач, то просил, чтобы кто-нибудь примером помог ему встретить смерть, то бранил себя за нерешительность такими словами: «Живу я гнусно, позорно — не к лицу Нерону, не к лицу — нужно быть разумным в такое время — ну же, мужайся!» Уже приближались всадники, которым было поручено захватить его живым. Заслышав их, в в трепете выговорил:

— Коней, стремительно скачущих, топот мне слух поражает, — и с помощью своего советника по прошениям, Эпафродита, вонзил себе в горло меч. Он еще дышал, когда ворвался центурион, зажав плащом его рану, сделал вид, будто хочет ему помочь. Он только и мог ответить: «Поздно!» — и «Вот она, верность!» — и

с этими словами испустил дух. Глаза его остановились и выкатились, на них ужасно было смотреть.

Своих спутников он прежде всего и более всего умолял, чтобы голова его никому не досталась, и чтобы тело его, во что бы то ни стало, было сожжено целиком.

Погребение его обошлось в две тысячи. Завернут был он в белые ткани, шитые золотом, которые надевал в новый год. Останки его собрали кормилицы Эклога и Александрия и наложница Акта, похоронив их в родовой усыпальнице Домициев, что на Садовом холме, со стороны Марсова поля. Урна его в усыпальнице была сделана из красного мрамора, алтарь над ней — из этрусского, ограда вокруг — из фаосского.»

ОРДЖОНИКИДЗЕ СЕРГО

Серго Орджоникидзе (1886 — 1937) — советский государственный и партийный деятель, нарком тяжелой промышленности СССР.

В мемуарах Никиты Хрущева, в 1937 г. уже входившего в высшее советское руководство, есть небольшой рассказ о смерти Орджоникидзе:

«В один из выходных дней, когда я был на даче, меня известили по телефону, что внезапно умер Серго Орд-

жоникидзе (это произошло 18 февраля. — А. Лаврин) и Политбюро включило меня в комиссию по похоронам...

Прошло много времени, я всегда отзывался об Орджоникидзе очень тепло. Как-то уже после войны я приехал с Украины и был на обеде у Сталина; там вели какие-то разговоры, довольно беспредметные, и я заметил: «Серго, вот человек был. Умер безвременно, молодым, жалко такой потери». Тут же Берия отозвался о Серго как-то недружественно, а больше никто ничего не сказал. Я почувствовал, что сказал не то, что следовало говорить в этой компании. Кончился обед, мы вышли. Маленков говорит: «Слушай, ты что неосторожно так сказал о Серго?» — «А что ж тут неосторожного? Серго — уважаемый деятель». — «Да он застрелился. Ты знаешь?» Я говорю нет: «Нет. Я сам его хоронил, и нам сказали, что Серго — у него, кажется, болели почки — скорострительно умер в выходной день». — «Нет, — говорит Маленков, — он застрелился. Ты заметил, какая была неловкость после того, как ты назвал его имя?» Я сказал, что заметил и удивлен. То, что Берия подал враждебную реплику, не было для меня неожиданно, потому что я знал, что Берия плохо относился к Серго, а Серго очень не уважал Берия. Серго был связан с грузинской общественностью и, следовательно, знал о Берии больше, чем Сталин.

Кое-что об Орджоникидзе мне после смерти Сталина рассказал Анастас Иванович Микоян. В частности, рассказал, что накануне самоубийства Серго они вдвоем — Микоян и Орджоникидзе — очень долго ходили по Кремлю, разговаривали. Серго сказал тогда, что даль-

ше не может так жить. Сталин ему не верит. Кадры, которые он подбирал, почти все уничтожил. Борьба со Сталиным он не может и жить, сказал, так тоже не может».

ОТОН

«Римский император Отон родился в четвертый день до майских календ в консульстве Камилла Аррунция и Домиция Агенобарба. С ранней молодости он был такой наглец, что не раз бывал сечен отцом, говорили, что он бродил по улицам ночами и всякого прохожего, который был слаб или пьян, хватал и подбрасывал на растянутом плаще. После смерти отца он подольстился к одной сильной при дворе вольноотпущеннице и даже притворился влюбленным в нее, хотя она и была уже дряхлой старухой. Через нее он вкрался в доверие к Нерону и легко стал первым из его друзей из-за сходства нравов, а по некоторым слухам — и из-за развратной с ним близости. Могущество его было таково, что у одного консуляра, осужденного за вымогательство, он выговаривал огромную взятку и, не успев еще добиться для него прощения, уже ввел его в сенат для принесения благодарности.

Соучастник всех тайных замыслов императора, в день, назначенный для убийства матери Нерона, он, во избежание подозрений, устроил для него и для нее пир небывалой изысканности, а Пoppею Сабину, любовницу Нерона, которую тот увел у мужа и временно доверил ему под видом брака, он не только соблазнил, но и по-

любил настолько, что даже Нерона не желал терпеть своим соперником. Во всяком случае, говорят, что когда тот за ней прислал, он прогнал посланных и даже самого Нерона не впустил в дом, оставив перед дверями и с мольбами и угрозами тщетно требовать доверенного другу сокровища. Потому-то по расторжении брака Отон был под видом наместничества сослан в Лузитанию. Ясно было, что Нерон не хотел более строгим наказанием разоблачить всю эту комедию, но и так она получила огласку в следующем стихе:

Хочешь узнать, почему Отон в почетном изгнанье?
Сам со своей женой он захотел переспать!

Провинцией управлял он в квесторском сане десять лет, с редким благоразумием и умеренностью. Когда же, наконец, представился случай отомстить, он первый примкнул к начинанию Гальбы. В то же время он и сам возымел немалую надежду на власть.

Сам он надеялся, что Гальба его усыновит, и ожидал этого со дня на день. Но когда тот предпочел ему Пизона, и надежды его рухнули, он решил прибегнуть к силе. Кроме обиды его толкали на это огромные долги: он откровенно говорил, что ежели он не станет императором, то ему все равно, погибнуть ли от врага в сражении или от кредиторов на форуме.

За несколько дней до выступления ему удалось вытянуть миллион сестрциев у императорского раба за доставленное ему место управляющего. Эти деньги стали

началом всего дела. Сперва он доверился пятерым телохранителям, потом каждый привлек еще двоих.

Он собрался было тотчас после усыновления Пизона захватить лагерь и напасть на Гальбу во дворце за обедом, но не решался, подумав о когорте, которая несла стражу.

Наконец, в назначенный день он велел своим сообщникам ждать его на форуме перед храмом Сатурна у золоченого верстового столба, сам поутру явился с приветствием к Гальбе, встречен был, как всегда, с поцелуем, присутствовал при императорском жертвоприношении и слышал предсказания гадателя. Затем вольноотпущенник сказал ему, что пришли зодчие — это был условный знак. Он удалился, объяснив, что хочет осмотреть покупаемый им дом, вышел через задние покои дворца и помчался к условленному месту; по другим рассказам, он притворился что у него лихорадка, и попросил окружающих извиниться за него, если станут его искать. А затем, торопливо усевшись в женскую качалку он направился в лагерь. Носильщики выбились из сил, он слез и побежал, развязавшийся башмак остановил его, тогда, чтобы не задерживать, спутники подняли его на плечи и, приветствуя его императором, среди радостных кликов и блеска мечей принесли его на лагерную площадь. Все встречные присоединились к ним, словно сообщники и соучастники. Из лагеря он послал людей убить Гальбу и Пизона, а чтобы крепче привязать к себе солдат, поклялся перед ними на сходке, что будет считать своим только то, что они ему оставят.

Затем, когда день уже был на исходе, он явился в сенат, коротко доложил, что его похитили на улице и силой заставили принять власть и что действовать он будет только с общего согласия, а потом отправился во дворец. Среди прочих угодливых поздравлений и лести чернь дала имя Нерона, и он нимало не высказал неудовольствия: более того, иные говорят, что он даже первые свои грамоты и послания к некоторым наместникам провинций подписал этим именем. Во всяком случае, изображения и статуи Нерона он разрешил восстановить, его прокураторам и вольноотпущенникам вернул их прежние должности и первым же своим императорским указом отпустил пятьдесят миллионов сестрциев на достройку Золотого дворца.

В ту же ночь, говорят, он видел страшный сон и громко стонал, на крик прибежали и нашли его на полу перед постелью: ему казалось, что дух Гальбы поднял его и сбросил с ложа, и он не жалел искупительных жертв, пытаясь его умиловить. На следующий день при гадании его сшибло с ног внезапным вихрем, и слышали, как он несколько раз пробормотал:

— ...Куда уж мне до длинных флейт!

Как раз около этого времени германские легионы присягнули Вителлию. Узнав об этом, Отон предложил сенату отправить к ним посольство с известием, что правитель уже избран и чтобы они хранили покой и согласие, а сам через гонцов предложил Вителлию стать его соправителем и зятем. Но война была неизбежна, и высланные Вителлием полководцы и войска приближались. Тут-то он смог убедиться, как верны и преданы ему преторанцы, — все высшее сословие едва не было

ими перебито. Он пожелал подвезти оружие на судах с помощью моряков, но когда под вечер оружие стали забирать из лагеря, некоторые солдаты заподозрили измену, подняли тревогу, и все разом, никем не предводимые, устремились на Палатин, требуя избиения сената. Трибуны пытались вмешаться, их опрокинули, некоторых убили, и солдаты, как были окровавленные, допытывались, где же император, прорвались до самой обеденной палаты и остановились лишь тогда, когда увидели Отона.

В поход он выступил смело и едва ли не слишком постепенно, не обращая внимания даже на предзнаменования.

С такой же опрометчивостью решил он дать бой как можно скорее, хотя все было ясно, что войну следует затягивать, изводя неприятеля голодом и теснотой ущелий: быть может, он не в силах был вынести долгого напряжения и надеялся легче добиться победы до прибытия Виттеллия, быть может, не умел справиться с солдатами, бурно рвавшимися в бой. Сам он ни в одном сражении не участвовал, оставаясь в Брикселле.

В трех первых незначительных битвах он победил — при Альпах, близ Плаценции и возле так называемого Кострова урочища, но в последней и решительной — при Бетриаке — он был разбит при помощи хитрости: ему подали надежду на переговоры, солдаты вышли, чтобы заключить перемирие, и, еще обмениваясь приветствиями, вдруг вынуждены были принять бой. Тогда и решился он умереть: и многие небезосновательно

думают, что не столько от отчаяния и неуверенности в войсках, сколько стыдясь упорствовать в борьбе за власть и подвергать таким опасностям людей и государство. В самом деле, и при нем еще оставались удержанные в запасе нетронутые войска и новые шли к нему на помощь из Далматии, Паннонии и Мезии, и даже побежденные, несмотря на поражение, готовы были сами, без всякой подмоги, встретить любую победу, чтобы отомстить за свой позор.

Брату, племяннику и нескольким друзьям он посоветовал спасаться, кто как может, обнял их всех, поцеловал и отпустил. Оставшись один, он написал два письма — одно к сестре, с утешениями, и другое к Мессалине, вдове Нерона, на которой собирался жениться: им он завещал позаботиться о его останках и памяти. Все свои письма он сжег, чтобы никому не причинить опасности или вреда от победителя: деньги, какие были, разделил между слугами.

Он уже решил и приготовился умереть таким образом, как вдруг послышался шум, ему сказали, что это тех, кто пытается покинуть войско и уйти, хватают и не пускают, как беглецов. Тогда он произнес: «Продлим жизнь еще на одну ночь» — это его подлинные слова, — и запретил удерживать кого бы то ни было силой. Спальня его была открыта до поздней ночи, и все, кто хотел, могли обращаться к нему. Потом он выпил холодной воды, чтобы утолить жажду, достал два кинжала, попробовал их острие, спрятал их под подушку, затворил двери и забылся глубоким сном. Только на рассвете он проснулся и тогда одним ударом поразил себя ниже левого соска. На первый же его стон сбежались

люди, и перед ними он, то прикрывая, то открывая рану, испустил дух. Похоронили его быстро, как он сам велел. Это было на тридцать восьмом году его жизни, после девяноста пяти дней правления», — так описывает события жизни и смерть римского императора Отона историк Гай Светоний Транквилл в книге «Жизнь двенадцати цезарей» (Москва, 1993 г.).

ПИФАГОР САМОССКИЙ

Пифагор Самосский (VI в. до н. э.) — древнегреческий мыслитель, религиозный и политический деятель, основатель пифагореизма, математик.

О Пифагоре пишет афинский грамматик первой половины III в. н. э. Диоген из Лаэрти в Киликии, который оставил сочинения, являющиеся единственной «историей философии», написанной в античности.

«Что касается его (Пифагора — прим автора) учения, то большинство писавших утверждают, что так называемые математические науки он усвоил от египтян, халдеев и финикийян (ибо геометрией издревле занимались египтяне, числами и подсчетами — финикийяне, а наблюдением небес — халди), а от магов услышал о почитании богов и о прочих жизненных правилах. Первое знакомо многим, потому что записано в книгах; зато прочие жизненные правила известны менее. О чистоте своей он так заботился (пишет Евдокс в VII книге «Объезда земли»), что избегал и убийств и убийц: не

только воздерживался от животной пищи, но даже сторонился поваров и охотников. Антифонт в книге «О жизни мужей, отличавшихся добродетелью» рассказывает, какую выносливость выказал Пифагор в Египте. Пифагор услышал, как хорошо в Египте воспитывают жрецов, и захотел сам получить такое воспитание; он упросил тирана Поликрата написать египетскому царю Амасису, своему другу и гостеприимцу, чтобы тот допустил Пифагора к этому обучению. Приехав к Амасису, он получил от него письмо к жрецам; побывав в Гелиополе, отправился в Мемфис, будто бы к жрецам постарше; но, увидев, что на самом деле и здесь то же, что и в Гелиополе, из Мемфиса он таким же образом пустился в Диосполь. Там жрецы из страха перед царем не решались дать ему свои заветы и думали отпугнуть его от замысла безмерными тяготами, назначая ему задания, трудные и противные эллинским обычаям. Однако он исполнял их с такой готовностью, что они в недоумении допустили его к жертвоприношениям и к богослужениям, куда не допускался никто из чужеземцев.

Воротившись в Ионию, он устроил у себя на родине училище; оно до сих пор называется Пифагоровой оградой, и самосцы там собираются на советы по общественным делам. А за городом он приспособил для занятий философией одну из пещер и проводил там почти все свои дни и ночи, беседуя с друзьями. Но в сорок лет (по словам Аристоксена) он увидел, что тирания Поликрата слишком сурова, чтобы свободный человек мог выносить такую деспотичную власть; и тогда он собрался и отправился в Италию.

Достигнув Италии, он появился в Кротоне (об этом говорит Дикеарх) и сразу привлек там всеобщее уважение как человек, много странствовавший, многоопытный и дивно одаренный судьбою и природою: с виду он был величав и благороден, а красота и обаяние был у него и в голосе, и в обхождении, и во всем. Сперва он взволновал городских старейшин; потом, долго и хорошо побеседовал с юношами, он по просьбе властей обратил свои увещания к молодым; и наконец, стал говорить с мальчиками, сбежавшими из училищ и даже с женщинами, которые тоже собрались на него посмотреть. Все это умножило громкую славу и привело к нему многочисленных учеников из этого города, как мужчин, так и женщин, среди которых достаточно назвать знаменитую Феано; даже от соседних варваров приходили к нему и цари и вожди. Но о чем он говорил собеседникам, никто не может сказать с уверенностью, ибо не случайно окружали они себя молчанием; но прежде всего шла речь о том, что душа бессмертна, затем — что она переселяется в животных, наконец, что все рожденное вновь рождается через промежутки времени, что ничего нового на свете нет и что все живое должно считаться родственным друг другу. Все эти учения первым принес в Элладу, как кажется, именно Пифагор.

Он так привлек к себе всех, что одна только речь, произнесенная при въезде в Италию (говорит Никомач), пленила своими рассуждениями более двух тысяч человек; ни один из них не вернулся домой, а все они вместе с детьми и женами устроили огромное училище в той части Италии, которая называется Великой Грецией, поселились при нем, а указанные Пифагором законы и предписания соблюдали ненарушимо, как бо-

жественные заповеди. Имущество они считали общим, а Пифагора причисляли к богам. Поэтому, овладев так называемой «тетрактидой» («четверкой»), одним из приемов, составлявших его тайное учение, — впрочем, приемом изящным и приложимым ко многим физическим вопросам, — они стали ею клясться, поминая Пифагора как бога и прибавляя ко всякому своему утверждению:

Будь свидетелем тот, кто людям принес тетрактиду,
Сей для бессмертной души исток вековечной природы!

Поселившись здесь, он увидел, что города Италии и Сицилии находятся в рабстве друг у друга, одни давно, другие недавно, и вернул им вольность, поселив в них помышления о свободе через своих учеников, которые были в каждом городе. Так он освободил Сибарис, Катанию, Регий, Гимеру, Акрагант, Тавромений и другие города, а некоторым, издавна терзаемым распрями с соседями, даже дал законы через Харонда Катанского и Залевка Локрийского. А Симих, тиран Кентурип, после его уроков сложил свою власть и роздал свое богатство, частью — сестре, частью — согражданам. Даже луканы, мессапы, певкетии, римляне, по словам Аристоксена, приходили к нему. И не только через своих друзей умирал он раздоры внутренние и междоусобные, но и через их потомков во многих поколениях и по всем городам Италии и Сицилии. Ибо для всех, и для многих и для немногих, было у него на устах правило: беги от всякой хитрости, отсекай огнем, железом и любым орудием от тела — болезнь, от души — невежество, от утробы — роскошество, от города — смуту, от семьи — ссору, от всего, что есть, — неумеренность.

Если верить рассказам о нем старинных и надежных писателей, то наставления его обращались даже к бессловесным животным. В давнийской земле, где жителей разоряла одна медведица, он, говорят, взял ее к себе, долго гладил, кормил хлебом и плодами и, взявши клятву не трогать более никого живого, отпустил; она тотчас убежала в горы и леса, но с тех пор не видано было, чтобы она напала даже на скотину. В Таренте он увидел быка на разнотравье, жевавшего зеленые бобы, подошел к пастуху и посоветовал сказать быку, чтобы тот этого не делал. Пастух стал смеяться и сказал, что не умеет говорить по-бычьи; тогда Пифагор сам подошел к быку и прошептал ему что-то на ухо, после чего тот не только тут же пошел прочь от бобовника, но и более никогда не касался бобов, а жил с тех пор и умер в глубокой старости в Таренте при храме Геры, где слыл священным быком и кормился хлебом, который подавали ему прохожие. А на Олимпийских играх, когда Пифагор рассуждал с друзьями о птицегаданиях, знамениях и знаках, посылаемых от богов вестью тем, кто истинно боголюбив, то над ним, говорят, вдруг появился ореол, и он поманил его к себе, погладил и опять отпустил. И, повстречав однажды рыбаков, тащивших из моря сеть, полную рыбы, он точно им сказал заранее, сколько рыб в их огромном улове; а на вопрос рыбаков, что он им прикажет делать, если так оно и выйдет, он велел тщательно пересчитать всех рыб и тех, которые окажутся живы, отпустить в море. Самое же удивительное, что все немалое время, пока шел счет, ни одна рыба, вытащенная из воды, в его присутствии не задохнулась.

Многим, кто приходил к нему, он напоминал о прошлой жизни, которую вела их душа, прежде чем облечься в

их тело. Сам он был Евфорбом, сыном Памфа, и доказывал это неопровержимо.

Говорят, он переходил однажды с многочисленными спутниками реку Кавкас и заговорил с ней, а она при всех внятным и громким голосом ему отвечала: «Здравствуй, Пифагор!» В один и тот же день он был и в италийском Метапонте, и в сицилийском Тавромении, и тут и там разговаривал с учениками; это подтверждают почти все, а между тем от одного города до другого большой путь по суше и по морю, которого не пройти и за много дней. Общеизвестно и то, как он показал гиперборейцу Абариду, жрецу гиперборейского Апполона, свое бедро из золота в подтверждение слов, что Пифагор и есть Апполон Гиперборейский; а когда однажды друзья его, глядя на подплывший корабль, гадали, прицениваясь, о его товарах, Пифагор сказал: «Быть у вас покойнику!» — и точно, на подплывшем корабле оказался покойник. Бесконечно много и других рассказов, еще более божественных и дивных, повествуется об этом муже согласно и уверенно; короче сказать, ни о ком не говорят так много и так необычайно.

Рассказывают также и о том, как он безошибочно предсказывал землетрясения, быстро останавливал повальные болезни, отвращал ураганы и градобития, укрощал реки и морские волны, чтобы они открыли легкий переход ему и спутникам; а у него это переняли Эмпедокл, Эпименид и Абарид, которые тоже все делали подобное не раз, как это явствует из их стихов, — недаром Эмпедокл и прозван был Ветроотвратителем, Эпименид — Очистителем, Абарид — Воздухобежцем, как будто он получил в дар от Апполона стрелу, на ко-

торой перелетал и реки, и моря, и бездорожья, словно бежал по воздуху. Некоторые думают, что то же самое делал и Пифагор, когда в один и тот же день беседовал с учениками и в Метапонте, и в Тавромении. А песнями, напевами и лирной игрой он унимал и душевные недуги и телесные; этому он научил и своих друзей, сам же умел слышать даже вселенскую гармонию, улавливая созвучия всех сфер и движущихся по ним светил, чего нам не дано слышать по слабости нашей природы. Это подтверждает и Эмпедокл, говоря о нем так:

Жил среди них некий муж, умудренный безмерным познанием,
Подлинно мыслей высоких владевший сокровищем ценным,
В разных искусствах премудрых свой ум глубоко изощривший.
Ибо как скоро всю силу ума напрягал он к познанию,
То без труда созерцал все несчетные мира явленья,
За десять или за двадцать людских поколений провидя.

«Безмерное познание», «созерцал несчетные мира явленья», «сокровище мыслей» и прочие выразительные слова обозначают особенную и ни с кем не сравнимую остроту и зрения, и слуха, и мысли в существе Пифагора. Звуки семи планет, неподвижных звезд и того светила, что напротив нас и называется Противоземлей, он отождествлял с девятью Музами, а согласие и созвучие их всех в едином сплетении, вечном и безначальном, от которого каждый звук есть часть и истечение, он называл Мнемосиной.

Образ повседневной его жизни описывает Диоген. Он заповедовал всем избегать корыстолюбия и тщеславия,

ибо корысть и слава больше всего возбуждают зависть, избегать также и многолюдных сборищ. Занятия свои он начинал дома поутру, успокоив душу лирною игрою под пение старинных Фалетовых пеанов. Пел он также и стихи Гомера и Гесиода, считая, что они успокаивают душу; не чуждался и некоторых плясок, полагая, что здоровье и красивые движения на пользу телу. Прогулки он предпочитал не со многими, а вдвоем, втроем, в святилищах или в рощах, замечая при этом, что, где тише всего, там и краше всего.

Друзей он любил безмерно; это он сказал, что у друзей все общее и что друг — это второй я. Когда они были в добром здоровье, он с ними беседовал, когда были больны телом, то лечил их; когда душою, то утешал их, как сказано, иных заговорами и заклинаниями, а иных музыкаю. От телесных недугов у него были напевы, которыми он умел облегчить страждущих, а были и такие, которые помогали забыть боль, смягчить гнев и унять вожделение.

За завтраком он ел сотовый мед, за обедом — просяной или ячменный хлеб, вареные или сырые овощи, изредка — жертвенное мясо, да и то не от всякой части животного. Собираясь идти в святилища богов и подолгу там оставаться, он принимал средства от голода и жажды; средство от голода составлял он из макового семени, сезама, оболочки морского лука, отмытого до того, что он сам очищал все вокруг, из цветов асфоделя, листьев мальвы, ячменя и гороха, нарубленных равными долями и разведенных в гиметтском меду средство от жажды — из огуречного семени, сочного винограда с вынутыми косточками, из кориандрового

цвета, семян мальвы и портулака, тертого сыра, мучно-го просева и молочных сливок, замешанных на меду с островов. Этому составу, говорил он, научила Деметра Геракла, когда его послали в безводную Ливию.

Поэтому тело его, как по мерке, всегда оставалось одинаково, а не бывало то здоровым, то больным, то потолстевшим, то похудевшим, то ослабелым, то окрепшим. Точно так же и лицо его являло всегда одно и то же расположение духа — от наслаждения оно не распухало, от горя не стягивалось, не высказывало ни радости, ни тоски, и никто не видел его ни смеющимся, ни плачущим. Жертвы богам приносил он необременительно, угождая им мукою, лепешками, ладаном, миррою и очень редко — животными, кроме разве что молодых поросят. И даже когда он открыл, что в прямоугольном треугольнике гипотенуза имеет соответствие с катетами, он принес в жертву быка, сделанного из пшеничного теста, — так говорят надежнейшие писатели.

Разговаривая с собеседниками, он их поучал или описательно, или символично. Ибо у него было два способа преподавания, одни ученики назывались «математиками», то есть познавателями, а другие «акусматиками», то есть слушателями: математики — те, кто изучали всю суть науки и полнее и подробнее, акусматиками — те, кто только прослушивали обобщенный свод знаний без подробного изложения. Учил он вот чему: о породе божеств, демонов и героев говорить, мыслить с почтением; родителей и благодетелей чтить; законам повиноваться; богам поклоняться не мимоходом, а нарочно для этого выйдя из дому; небесным богам прино-

сить в жертву нечетное, а подземным — четное. Из двух противодействующих сил лучшую он называл Единицею, светом, правостью, равенством, прочностью и стойкостью; а худшую — Двоицей, мраком, левизной, неравенством, зыбкостью и переменностью. Еще он учил так: растения домашние и плодоносные, и животных, не вредных для человека, щадить и не губить; а вверенное тебе слово хранить так же честно, как вверенные тебе деньги.

Вещей, к которым стоит стремиться и которых следует добиваться, есть на свете три: во-первых, прекрасное и славное, во-вторых, полезное для жизни, в-третьих, доставляющее наслаждение. Наслаждение имеется в виду не пошлое и обманчивое, но прочное, важное, очищающее от хулы. Ибо наслаждение бывает двоякого рода: одно, утоляющее роскошествами наше чревоугодие и сладострастие, он уподоблял погибельным песням Сирен, а о другом, которое направлено на все прекрасное, праведное и необходимое для жизни, которое и переживаешь сладко и, пережив, не жалеешь, он говорил, что оно подобно гармонии Муз. Две есть поры, самые важные для размышлений: когда идешь ко сну и когда встаешь от сна. И в тот и в другой час следует окинуть взором, что сделано и что предстоит сделать, потребовать с себя отчета во всем происходящем, позаботиться о будущем. Перед сном каждый должен говорить себе такие стихи:

Не допускай ленивого сна на усталые очи,
Прежде чем на три вопроса о деле дневном не ответишь:
Что я сделал? чего я не сделал? и что мне осталось?
А перед тем, как встать, — такие:

Прежде чем встать от сладостных снов, навеваемых ночью.
Думой раскинъ, какие дела тебе день приготовил.

Таковы были его поучения; главное же было — стремиться к истине, ибо только это приближает людей к богу.

Философия, которую он исповедовал, целью своей имела вызволить и освободить врожденный наш разум от его оков и цепей; а без ума человек не познает ничего здорового, ничего истинного и даже неспособен ничего уловить какими бы то ни было чувствами, — только ум сам по себе все видит и все слышит, прочее же слепо и глухо.

Что же касается учения о числах, то им он занимался вот для чего (так пишут многие, и среди них — Модерат из Гадира, в 11 книгах кратко изложивший мнения пифагорийцев). Первообразы и первоначала, говорил он, не поддаются ясному изложению на словах, потому что их трудно уразуметь и трудно высказать, оттого и приходится для ясности обучения прибегать к числам. В этом мы берем пример с учителей грамматики и геометрии. Ведь именно так учителя грамматики, желая передать звуки и их значение, прибегают к начертанию букв и на первых порах обучения говорят, будто это и есть звуки, а потом уже объясняют, что буквы — это совсем не звуки, а лишь средство, чтобы дать понятие о настоящих звуках. Точно так же учителя геометрий, не умея передать на словах телесный образ, представляют его очертания на чертеже и говорят «вот треугольник», имея в виду, что треугольник — это не

то, что сейчас начерчено перед глазами, а то, о чем этим начертанием дается понятие. Вот так и пифагорейцы поступают с первоначальными понятиями и образами: они не в силах передать словесно бестелесные образы и первоначала и прибегают к числам, чтобы их показать.

Пифагор со всеми друзьями немалое время жил в Италии, пользуясь таким почтением, что целые государства вверяли себя его ученикам, но в конце концов против них скопилась зависть и сложился заговор, а случилось это вот каким образом. Был в Кротоне человек по имени Килон, первый между гражданами и богатством, и знатностью, и славою своих предков, но сам обладавший нравом тяжелым и властным, а силою друзей своих и обилием богатств пользовавшийся не для добрых дел; и вот он-то, полагая себя достойным сего самого лучшего, почел за нужнейшее причаститься к Пифагоровой философии. Он пришел к Пифагору, похваляясь и притязая стать его другом. Но Пифагор сразу прочитал весь нрав этого человека по лицу его и остальным телесным признакам, которые он примечал у каждого встречного, и, поняв, что это за человек, велел ему идти прочь и не в свои дела не мешаться. Килон почел себя этим обиженным и оскорбился; а нрава он был дурного и в гневе безудержен. И вот, созвав своих друзей, он стал обличать перед ними Пифагора и готовить с ними заговор против философа и его учеников. И когда после этого друзья Пифагора сошлись на собрании в доме атлета Милона (а самого Пифагора, по этому рассказу, между ними не было: он уехал на Делос к своему учителю Ферекиду Соросскому, заболевшему так называемой вшивой болезнью, чтобы там ходить за ним и лечить его), то дом этот был подожжен

со всех сторон и все собравшиеся погибли; только двое спаслись от пожара, Архипп и Лисид (рассказывает Неанф), и Лисид бежал в Элладу и стал там другом и учителем Эпаминонда. А по рассказу Дикерха и других надежных писателей, при этом покушении был и сам Пифагор, потому что Ферекид скончался еще до его отъезда из Самоса сорок друзей его были застигнуты в доме на собрании, остальные перебиты порознь в городе, а Пифагор, лишись друзей, пустился искать спасения сперва в гавань Кавлония, а затем в Локры. Локрийцы, узнав об этом, выслали к рубежу своей земли избранных своих старейшин с такими словами к Пифагору:

«Мы знаем, Пифагор, что ты мудрец и человек предивный, но законы в нашем городе безупречные, и мы хотим при них жить, как жили, а ты возьми у нас, коли что надобно, и ступай отсюда прочь, куда знаешь». Повернув таким образом прочь от Локров, Пифагор поплыл в Тарент, а когда и Таренте случилось такое же, как и в Кротоне, то перебрался в Метапонт. Ибо повсюду тогда вспыхивали великие мятежи, которые и посейчас у историков тех мест именуются пифагорейскими: пифагорейцами назывались там все те единомышленники, которые следовали за философом.

Здесь, в Метапонте, Пифагор, говорят, и погиб: он бежал от мятежа в святилище Муз и оставался там без пищи целых сорок дней. А другие говорят, что когда подожгли дом, где они собирались, то друзья его, бросившись в огонь, проложили в нем дорогу учителю, чтобы он по их телам вышел из огня, как по мосту; но,

спасшись из пожара и оставшись без товарищей, Пифагор так затосковал, что сам лишил себя жизни.»

СЕРГЕЙ ПОЛУЯН

Сергей Полуян — белорусский публицист, прозаик и литературовед, один из основателей белорусской профессиональной критики.

Сергей Полуян родился 19 октября 1890 г. в Брагине. Был третьим ребенком в многодетной семье (5 дочек и 3 сына). Дед Сергея Иван Григорьевич Полуян был крепостным крестьянином, отец будущего писателя Эпифан Иванович брал в аренду землю, а потом благодаря наследству, некоторым запасам, а также приданому жены (Александра Дмитриевна, рожденная Бахонко, происходила из зажиточных брагинских крестьян), смог купить землю в 1897 г. по относительно невысокой цене — часть поместья Кришичи Юровицкой области (теперь Калинковичский район Гомельской области).

Сергей детство провел в Кришичах среди прекрасной природы. Дом стоял не в деревне, а на отшибе, возле леса. Возле дома — сад, в котором любили гулять дети, далее луг. В саду Сергей, занимая младших сестер и братьев, создал целый кукольный театр: «мальчиков» — маленьких человечков, делали из палочек и тряпочек, «животных» — из овощей. У каждого был свой дом и свое хозяйство и хозяйствовать старались как в настоящей жизни. В этом театре копировались как жизнен-

ные проблемы взрослых, так и современные народные представления с батлейкой, которую показывала на Рождество деревенская молодежь.

Сергей удивлял родителей такими вопросами: почему у нас больше земли, чем у кришицких мужиков, правда ли, что мужик такой же человек, как и пан, почему между собой мы говорим по-нашему, а когда приедут гости — по-русски, или по-польски?

Не найдя у родителей на эти вопросы ясного ответа, Сергей искал их не в таком далеком от Кришич Мозыре, куда отец отвез его учиться в шестиклассную прогимназию. Там, подружившись с сыном одного рабочего, подросток начал ходить на маевки, разносить прокламации. Услышанное и вычитанное начал пересказывать своим одноклассникам. Об этом стало известно директору прогимназии и над Сергеем нависла угроза исключения. Отец срочно забирает Сергея из Мозыря и отвозит его в Прибалтику, в Митаву (теперь Елгава, Латвия). Там работают гимназическими преподавателями два дяди Сергея, Степан Дмитриевич и Викентий Дмитриевич, благодаря которым в Митавской гимназии учатся сестры Сергея. Хотя далеко, зато надежно: дети под хорошим присмотром и льготы в учебе имеют, как родственники преподавателей.

Однако Сергей попал, как говорят, из огня да в полымя.

Начинается революция 1905 г.

Сергей в самой гуще революционных событий: участвует в митингах, демонстрациях, забастовках. Его строго предупреждает дирекция гимназии и затем идет на крайние меры: собирается исключать гимназиста. Дяди Сергея предупреждают об этом Епифана Ивановича. Отец, не ожидая когда его сыну дадут «волчий билет», приезжает в Митаву и забирает его домой.

Дома — скандал. Как же, отец из сил выбивается «в люди», из мужиков сделался «паном», а тут — сын революционер! Начальство начинает посматривать искоса... Пристав предупреждает: «Только уважая вас, пане Полуян...» Все, хватит! Никакой больше тебе, Сергей, науки. Будешь сидеть дома, помогать хозяйствовать, во всяком случае — покуда затихнет эта политическая заваруха.

К Эпифану Ивановичу Полуяну однажды из Юрович приезжает пристав: «Пан Полуян, только уважая вас, я до сих пор не арестовал вашего сына Сергея, но мое терпение лопается...»

Происходит новая ссора отца с сыном. Ни уговором, не отцовским угрозам сын не поддается. Отец в запале ссоры замахивается на Сергея...

В тот же день Сергей покинул Кришичи. Покинул навсегда. Он едет в Киев. Там живет дядя Аким, двоюродный брат Иван, который учится в политехническом институте. В Киеве Сергей Полуян селится сначала к

дяде, а потом нанимает небольшую комнату. Живет на случайные заработки.

Несмотря на материальные трудности, Сергей Полуян — высокий, русоволосый, краснощекий юноша, полный энергии, оптимизма. Осенью 1908 и весной 1909 г. его часто видят в Киевском книжном магазине, где есть и белорусский отдел.

Тогда же он пробует свои силы в литературе. И сразу же достигает значительных творческих успехов. Первого мая 1909 г. в отделе «Почтовый ящик» газета «Наша Нива» (скорее всего рукой Я. Купалы) сообщила: «Киев — Полуяну. Вашу статью «Белорусское дело и украинское гражданство», очень интересно и хорошо написанную, собираемся издать номером-книжкой». Украинский журнал «Украинский дом» в майском своем номере печатает статью С. Полуяна «О национальной школе на Беларуси» со следующей редакционной припиской: «С удовольствием помещаем статью товарища белоруса и будем дальше систематически открывать страницы нашего журнала для обсуждения дел белорусского возрождения, обращая внимание на то, что: 1. Возрождение братского народа интересно и поучительно для украинцев и 2. Желая своим журналом помогать в обсуждении очередных дел и задач белорусской интеллигенции, которая не имеет покуда своего органа, назначенного для этой роли».

Казалось бы, для Сергея Полуяна все складывается наилучшим образом. Однако на самом деле радоваться нечему. После разгрома революции надвигалась самая

мрачная полоса реакции. Сергей остался в духовном одиночестве. Это одиночество никак не могли развеять ни дядя Аким, который все уговаривал помириться с отцом, попросить у него прощения, ни брат Иван, который в это время целиком отдался учебе, ни — тем более — сотрудники «украинского дома».

Кроме этого, от материальной нехватки (часто не было чего поесть), переживаний, начало сдавать здоровье. Дала о себе знать наследственная болезнь по материнской линии — чахотка. Сколько осталось жизни? Так быстрее же в Вильню — туда, где издается белорусская газета, которая одобрила его статью и даже собирается выпустить отдельным номером-книжкой. В Вильню Сергей Полуян приехал в начале лета. Вильня в то время была одним из центром не только литовской и польской, но и белорусской культурной жизни. И все же где-то в начале марта 1910 г. Сергей порывает с редакцией «Нашей Нивы», оставляет Вильню и вновь возвращается в Киев. А 20 апреля его не стало.

Так что произошло в Вильне? Почему молодой, полный желаний работать писатель должен был отказаться от сотрудничества с единственной в то время белорусской газетой?

В редакции Сергей Полуян подружился с Янкой Купалой, который в то время работал в «Нашей Ниве» и стал ему самым близким другом. Осенью 1909 г. с надеждой получить работу в «Нашей Ниве» в Вильню приезжает Тишка Гартны. Полуян и Гартны знакомят-

ся, обмениваются мыслями по многим вопросам общественной жизни, и также становятся друзьями.

Редакция «Нашей Нивы», по характеристике С. Полуяна, в то время состояла из двух «палат» — верхней и нижней. «Верхняя палата» (сюда входили редактор А. Власов, И. Луцкевич, А. Бульба и другие) стремились вершить «высокие политические материи»: в ней шла активная борьба за гонорары со стороны церкви и некоторых крупных местных чиновников, борьба за финансовые подачки, влияния, рекламы... «Нижняя палата» (в нее входили Я. Купала, С. Полуян, Ядвига Ш., художник Я. Дроздович) делало всю ежедневную работу редакции. К тому же, чтобы держать монополию представительства национального движения в своих руках, члены «верхней палаты» взяли за правило не раскрывать фамилий своих сотрудников и печатали материалы, как правило, под псевдонимами, или совсем без подписи. За все время только 4 раза фамилия С. Полуяна появилась на страницах «Нашей Нивы», все остальные его материалы подписаны псевдонимом С. Ясенович.

Все это на душе Сергея Полуяна оставляло тяжелый след. Он не мог понять, как это ради денежной подачки можно поступаться чистотой идеалов. Не понимал С. Полуян и того, для чего нужно камуфлировать авторство материалов. Он не раз говорил «верхнепалатникам» то, что думал о них, те конечно же, не оставались в долгу. Его статью «Белорусское дело и украинское гражданство» не только не издали отдельным номером-книжкой, но вообще где-то потеряли среди редакционных бумаг.

Для Сергея невыносимой стала ситуация, когда из Вильни уезжает сначала Тишка Гартны, а позднее — в Петербург — Янка Купала.

С родителями отношения не были восстановлены. Снова Полуян оказался в духовном одиночестве. Иногда вырывался по делам в Киев, в поисках успокоения души. Но и в Киеве печаль не проходила, а только обострялась с новой силой.

С. Полуян, перейдя в «Нашу Ниву», кроме всего регулярно поставлял в раздел «Со всех сторон» сведения с Украины. Вот только некоторые сообщения из Киева за период июль — сентябрь 1909 г., которые передал Сергей Полуян:

«8 июля. В городе сделали много обысков и многих арестовали.

29 июля. В самом городе полиция гналась за неизвестными людьми. В перестрелке двоих тяжело ранили. Одного убили. Из полицейских ранен один.

5 августа. В Киевской тюрьме отравился приговоренный к смерти Протченко.

19 августа. Губернатор оштрафовал газету «Киевское утро» и украинскую «Радугу» на 300 рублей.

2 сентября. Сделали обыск в тюрьме. Все камеры и каждого арестованного перетрясли.

16 сентября. За Днестром арестовали 17 человек социал-демократов.»

Такие известия не могли не беспокоить С. Полуяна. Таковую действительность он не принимал. Выхода из создавшегося положения не видел. Атмосфера, создававшаяся в обществе, редакционные неполадки забирали последнее здоровье, которое и так подтачивали материальные недостатки: белорусские и украинские периодические издания, в которых печатался С. Полуян, были безгонорарными — не было чем платить авторам. Еще в 1908 г. Сергей — высокий розовощекий... Ровно через год Т. Гартны встретил в Вильне как будто бы другого внешне человека: худощавого, с глубоко впалыми глазами, в пенсне.

В начале 1910 г. С. Полуян снова выехал в Киев. «Верхнепалатники» даже иронизировали (нигде не денется, вернется), поместив в «Почтовом ящике» газеты открытый ответ на вопрос Т. Гарного: «Могилев. Нашему приятелю Тишке. «Один» снова в Киеве...» (18 марта 1910 г.).

Однако С. Полуян в Вильню так уже и не вернулся. Ночью с 7 на 8 марта в небольшой темной комнате в доме по Гоголевской, 37, в страшной бедности и одиночестве С. Полуян покончил жизнь самоубийством.

В письме, написанном по - белорусски и оставленном на имя одного из своим знакомых украинцев С. Полуян писал:

«Вам я хотел сказать свое последнее слово. Может это «пошло», но мне все равно после смерти. Жизнь не стоит того, чтобы жить. В мечтах жизнь — сказка; а в действительности — гниение раба и вечная необеспеченность. Но не думайте, что я из-за необеспеченности умираю. Нет. Жить так, как я живу, нет никакого смысла.

Будьте здоровы и прощайте навеки.

Прощайте. Я так люблю жизнь, свет и красоту, но не на мою долю выпало это. Прощайте... Я никогда не имел более близкого человека, чем вы. Но и вы были далеки от меня.

Не знали вы меня. Весь век один. Я никогда не имел близкого.

Передайте сердечный привет белорусам. Много я думал сделать, но не сделал ничего.

Жалко умирать так бессмысленно, но нужно. Пускай...

И еще одна мелочь: я умираю «пошло», повесившись, так как нет возможности купить револьвер...»

И в этой преждевременной смерти слышится роковая укоризна и словно даже месть: «Не хочу жить с вами, люди.»

(Использованы публикации Т. Кабржицкой и В. Рагойши)

ПОПА ДЖОРДЖИЦА

Попа Джорджица (1939—1990) — румынский военный деятель. Заурядная жизнь заурядного генерал-майора завершилась фейерверками трагических событий. 25 декабря 1989 г. ему в квартиру позвонили из министерства обороны и сказали, что он должен возглавить процесс «над одним террористом» в Тырговише. Через 5 минут у подъезда уже стоял броневик, который привез генерала к вертолету. Вместе с Попа в вертолет сели министр обороны генерал Стэнкулеску, прокурор, судья, секретарь, присяжные заседатели, будущий заместитель премьер-министра Румынии Г. Вукан. Только когда вертолет приземлился, Вукан объявил, что судить им предстоит самого Чаушеску.

— Но почему пригласили меня? — удивился Попа.

— Потому что вы — заместитель председателя военного трибунала Бухареста, а это дело проходит по вашему территориальному округу.

Суд приговорил Николае и Елену Чаушеску к расстрелу. Приговор привели в исполнение почти немедленно. (Впрочем, некоторые западные эксперты полагают, что осужденные были расстреляны до суда.)

Попа вернулся в Бухарест, но в его жизни начались осложнения. Во-первых, он был психологически деморализован, так как всюду распространялись слухи, что убит врач, осматривавший чету Чаушеску после расстрела, а один из их адвокатов попал в больницу. На запросы генерала правительство отвечало, что это только слухи. Но Попа продолжал нервничать.

Он решил уехать на время из Румынии и попросил для себя дипломатический пост. Тогдашний министр обороны генерал Милитару обещал ему в этом помощь, а пока его поселили в квартиру, принадлежавшую министерству юстиции. Здесь Попа чувствовал себя, как в тюрьме. У него даже возникла идея просить политического убежища у американцев.

10 февраля вместе с семьей генерал празднует день рождения своей дочери Сорелы, а на другой день уезжает в горы, на станцию Сеная. Здесь в охраняемом военном городке он провел неделю. Катался на коньках, пытался отвлечься от тревожных мыслей о будущем. По возвращении в Бухарест ему предстояла встреча с Милитару, но накануне встречи министр обороны подал в отставку. Еще через день Вукан сообщил генералу, что МИД не утвердил его должности военного атташе. Вукан обещал поговорить об этой ситуации с премьер-министром Петре Романом.

Но Вукану, озабоченному охотой за остатками секуритистов, некогда заниматься Попой. Генерал теряет терпение. Он делает гневный звонок заместителю премьер-министра. В итоге ему удается добиться аудиенции у министра юстиции.

1 марта 1990 г. Попа позвонил домой и сказал жене, что идет на прием. Он настроен оптимистически: «Кажется, все еще устроится».

Но попасть к министру не удалось. Все утро проторчал Попа в приемной, однако принят не был. «У министра делегация из Венгрии, он занят, — сообщили ему в конце концов. — Приходите завтра».

Тогда Попа вернулся в свой кабинет, написал письмо жене Норе: «Я кончаю жизнь самоубийством ради тебя и Сорелы. Так вам будет спокойнее. Я люблю вас. Простите меня, простите тех, кто толкнул меня на это...»

Он кладет письмо в один конверт, а в другой — свои сбережения в размере 10465 лей. После этого он пишет еще одну прощальную записку: «Я не вижу другого выхода, чтобы освободить себя от страха, который делает мою жизнь невыносимой. Я никого ни в чем не упрекаю и прощаю тех, по чьей воле я оказался в безвыходном положении. Да поможет мне Бог решиться на это!»

На часах 12.30. Попа достает пистолет Макарова, которым его вооружили в «целях безопасности», подносит дуло к правому виску и нажимает на курок. Осечки не происходит.

(А. Лаврин. Хроники Харона. М., 1993)

ПРЕСЛИ ЭЛВИС

Элвис Пресли (1935—1977) — американский рок-музыкант.

Как известно, Элвис Пресли в конце жизни чрезвычайно злоупотреблял наркотиками. Только за последние два года он получил от своего врача 19 тысяч (!) доз различных наркотических веществ. В 1981 г. биограф Пресли Альберт Голдман выпустил книгу, в которой утверждалось, что рок-музыкант умер из-за того, что по неосторожности принял слишком большую дозу транквилизаторов. Действительно, токсикологи, исследовавшие после смерти музыканта его желудок, обнаружили, что в течение последних суток он принимал 22 вида лекарственных препаратов, в том числе: элавил, авентил, морфий, кодеин, валиум, нембутал, диазепан, этинамат, амобарбитал, пентобарбитал, пласидил. Среди тех, у кого брал интервью Голдман, собирая материал для книги, были люди, которые намекали или прямо говорили о самоубийстве певца. Спустя девять лет, Голдман пришел к тому же выводу: Элвис Пресли покончил жизнь самоубийством.

Голдман приводит много фактов, подтверждающих эту версию. За две недели до смерти, как бы снимая грехи с совести, Элвис пригласил к себе Билли Стэнли и со слезами на глазах просил прощения за то, что когда-то соблазнил его жену. Последнее время он постоянно говорил о смерти. Просмотрев видеокассету с записью своего очередного выступления, где было видно, как сильно он растолстел, Пресли сказал: «Я не могу сейчас выглядеть хорошо, но в гробу буду выглядеть отлично». Когда умерла мать его очередной любовницы Джинджер Олден, Пресли сказал, глядя на умершую: «Очень скоро я окажусь на ее месте». У него нарастали религиозно-экстатические приступы. За два дня до смерти к певцу заглянул Дэвид Стэнли. Элвис обнял его и разрыдался, а на прощание проговорил: «У меня все будет хорошо, Дэвид. Только хочу сказать, что больше уже никогда не увижу тебя. В следующий раз мы сможем увидеться только на небесах». Дэвид Стэнли убежден, что к мысли о смерти Пресли особенно подвигли два фактора: реакция публики на готовящуюся выйти скандальную, со множеством подробностей книгу его бывших телохранителей и необходимость появиться перед поклонниками во время нового турне.

Итак, последние сутки Пресли в освещении его биографа Альберта Голдмана: «В свою последнюю ночь Элвис покинул «Грэйсленд» около 11 часов, чтобы отправиться к зубному врачу. Быть может, именно тот дал ему кодеин, который после смерти был найден в желудке Элвиса, хотя не входил в его обычное «меню» из наркотиков? Никто не может точно ответить на этот вопрос.

На рассвете 16 августа 1977 г. Элвис уединился в своих апартаментах с Джинджер. Спустя некоторое время он послал Рика (своего телохранителя) в местную аптеку за таблетками дилаудиды, в два с половиной раза превосходящего по эффективности чистый героин. Рецепт на таблетки накануне был выписан доктором Никопулосом.

Рик рассказывает, что, когда он вернулся, Элвис держал рукопись книги своих бывших телохранителей и, похоже, находился в сильном волнении. «Ну как мои поклонники примут эту чертовщину? Что подумает Лайза Мария о своем отце?» — спрашивал он. Доведя себя этими полными тревоги вопросами до высшей степени иступления, Элвис настоял на том, чтобы Рик опустился на колени и молился вместе с ним. «Прости мои грехи, Господи, — страстно взывал Элвис. — Сделай так, чтобы люди, которые будут читать эту книгу, имели сострадание и понимание того, что делал я. Аминь».

Почему-то Элвис отказался от первой «атаки». («Атакой» Пресли называл прием наркотиков). Рик передал ему желтый конверт, предполагая, что тот примет таблетки, когда у него появится желание. Так уже бывало иногда раньше. Выходя из комнаты, Рик получил не совсем обычный приказ: «Скажи Дэвиду (его дежурство начиналось в полдень), чтобы он ни в коем случае не беспокоил меня до четырех часов».

Когда Рик вернулся в четыре часа утра и принес второй конверт, Джинджер и Элвис еще не спали. Он сно-

ва просто передал наркотики и вышел. В третий раз таблетки принесла управляющая «Грэйсленда» Делта Мае, тетя Элвиса. Она оставила конверт и удалилась.

Такова была обстановка к 9 часам утра. Элвис получил три желтых конверта. В каждом было 11 пилюль и 3 наполненных наркотиками пластмассовых шприца. Никто не видел, чтобы он принял хотя бы одну дозу таблеток или сделал инъекцию.

Около 9.30 Джинджер проснулась и увидела, что Элвис взял книгу и отправился в ванную комнату, где у него имелось удобное кресло для чтения. «Дорогая, я пойду почитаю немного», — сказал он. «О'кэй, — ответила она, — только не засни». Он улыбнулся: Можешь не беспокоиться».

Джинджер вспоминает, что в 14 часов 30 минут она окончательно проснулась и отправилась искать Элвиса. Он лежал скрюченным на полу ванной комнаты. Ей не удалось разбудить его, и, напуганная тем, что лицо Элвиса было багровым от прилива крови, Джинджер позвала на помощь. Быстро прибежали члены семьи, телохранители. Они безуспешно пытались вернуть Элвиса к жизни. Дэвид тщательно осмотрел комнату в поисках следов употребления наркотиков. На полу лежали три пустых желтых конверта. Дэвид обнаружил также три или четыре шприца, которые тоже были полупусты (остальные нашли рядом с кроватью), и шесть ампул.

Дэвид и Рик мгновенно представили себе, что произошло. Вместо того чтобы принять содержимое пакетов по привычному расписанию, Элвис принял всю громадную дозу разом, да еще добавил изрядную дозу кодеина. Никто не выдержал бы такой нагрузки — и Элвис знал это.

Для Дэвида было ясно, что Элвис покончил с собой. Там же, в ванной комнате, и началось сокрытие истинных причин смерти. Дэвид Стэнли рассказывает: «Все, что могло бы показать, что это не был несчастный случай, было убрано. Жизнь Элвиса была наполнена ложью, и смерть его не стала исключением».

Со временем ложь приобрела силу. Когда врачам не удалось привести Элвиса в чувство, он был отправлен в машине «скорой помощи» в Бэптист Мемориал госпитал. Взволнованный доктор Никопулос ехал в той же машине. Дальнейшие события трактуются очевидцами по-разному. Дэвид говорит, что увидел Элвиса лежащим на столе из стали, он был без одежды, на теле виднелся разрез, который шел от горла до низа живота. Врач Эрик Мерхид, руководивший вскрытием, утверждает, что столь длинного разреза не было. Однако Дэвид настаивает, что видел, как врачи что-то делали внутри вскрытого тела. Он еще подумал тогда, что они делают прямой массаж сердца. Доктор же Мерхид утверждает, что кто-то сумел извлечь содержимое желудка, а доказательства, указывающие на самоубийство, вероятно, были уничтожены.

Сегодня все, что осталось, — это копия заключения о вскрытии трупа на трех страницах, где все важные места зачеркнуты. Иными словами, то, что обнаружили врачи, продолжает оставаться тайной. Несмотря на столь подозрительные обстоятельства смерти Элвиса, местный патологоанатом Джерри Т. Франсиско заявил по телевидению, что причиной смерти Элвиса стала «сердечная аритмия».

(За рубежом. 1990, № 45)

ПУГО БОРИС КАРЛОВИЧ

17 августа, на секретном объекте, находящемся в Москве и именуемом АБЦ КГБ СССР, собрались на свое первое совещание будущие путчисты: Крючков, Павлов, Бакланов, Шенин, Болдин, Язов, Варенников, Ачалов, Грушко. Главным результатом конспиративной встречи стало посольство в Флоренция.

... Для семьи министра внутренних дел Бориса Карловича Пуго беспокойное время началось в воскресенье. В этот день 18 августа, в два часа пополудни Вадим (сын Б. К. Пуго) встречал личный самолет отца, на котором из санатория «Южный» возвращался министр, его жена, невестка Инна и пятилетняя внучка Элина.

Инна Пуго рассказывала на следствии, что отдыхали они совершенно беззаботно и Пуго вовсе не походил на человека, которому через два дня предстояло стать мятежником. Еще в машине он начал строить планы сво-

его первого рабочего дня, и главным пунктом значилась встреча с президентом. А пока оставалось еще несколько часов отпуска, и женщины на даче выставляли на стол привезенные фрукты. Вадим фотографировал позировавшего пса Донни, когда зазвонил телефон. Трубку взяла Инна и тут же прикрыла ее рукой: «Борис Карлович, вас. Давайте я скажу, что вы просили не беспокоить?» Но министр подошел.

Вадим утверждает, что мембрана телефонной трубки вполне позволяла ему, находящемуся в двух шагах от отца, слышать разговор с председателем КГБ Союза Владимиром Крючковым. Он был весьма коротким:

— Борис Карлович, срочно приезжайте. В Нагорном Карабахе началась война...

Отец положил трубку, сын налил присутствующим вина, и все сели «на дорожку», чисто символически, в мыслях не держа даже, что дорожка эта приведет Бориса Карловича и Валентину Ивановну, его жену, на Троекуровское кладбище.

В 16.00 Борис Карлович отправился по звонку Крюčkова в свое министерство. Однако маршрут изменился. Офицер охраны Пуго Ю. Купцов показал на следствии, что уже в машине Борис Карлович по радиотелефону еще раз разговаривал с Крючковым. После этого разговора правительственный лимузин направился к Министерству обороны СССР.

Там, в кабинете министра, Пуго совещался с Язовым и Крючковым. Было это чуть позже четырех часов пополудни, а уже в 18.00 первый заместитель министра внутренних дел Союза Шилов и исполняющий обязанности командующего внутренними войсками Дубиняк направились к Грушко — заму шефа госбезопасности, дабы разработать решение взять под охрану средства связи, телевидение, вокзалы, аэропорты, водо- и газо-снабжение. Под охраной подразумевался жестокий и безграничный контроль.

Вадим:

Отец позвонил домой на следующий день, около семи часов утра. Он сказал, что создан чрезвычайный комитет по управлению страной и он должен — я хорошо запомнил это слово — должен стать его членом. Потом сказал, чтобы я сам решал с семьей — то есть оставлять на даче или везти их в Москву, — и попросил успокоить мать. Потом он замолчал на два дня. Я звонил ему, но ребята из охраны и его помощник все время говорили: «Вадим, подожди».

Для семьи министра его действия в эти три августовских дня были так же неизвестны, как и миллионам граждан тогда еще существовавшего Союза, — тайну переворота скрывали Кремлевские стены. Самыми объективными свидетелями, пожалуй, стали материалы следствия, в частности — постановление о прекращении уголовного дела в отношении Пуго Бориса Карловича...

... С 19.40 18 августа до 4 часов утра 19-го Пуго находился на совещании в Кремле, в «гостях» у Павлова и Янаева.

В 5.00 19 августа Борис Карлович Пуго отдал Шилову и начальнику ГАИ Москвы приказ обеспечить сопровождение экипажами ГАИ (примерно 15—20 машин) боевой техники и личного состава вводимых в Москву частей от Московской кольцевой автомобильной дороги к Дому Советов РСФСР, Манежной площади и другим значимым объектам. Однако министра волновала не только «материальная база». В половине восьмого утра он нашел время, чтобы лично позвонить председателю Гостелерадио СССР Л. Кравченко и пожуричь его за то, что до сих пор не отменена трансляция программ Ленинградского телевидения.

В девять утра Борис Карлович провел совещание руководителей главков МВД СССР, на котором произнес назидательную речь о необходимости подчинения приказам ГКЧП и мерах заслушание. В 14.30 приказ министра за номером 066 аналогичного содержания был разослан в МВД республик, областные УВД и милицию на транспорте.

В 16.00 19 августа Борис Карлович Пуго с товарищами подписал приказ о введении чрезвычайного положения, после чего отправился на пресс-конференцию, на которой так дрожали руки у властолюбивого вице-президента. «Правда» писала, что Пуго, отвечая на вопрос о мерах по усилению борьбы с преступностью, декларированных в Обращении к советскому народу, сказал:

«Не следует полагать, что будут найдены и предложены какие-то принципиально новые меры, которые раньше не применялись». Видимо, министр не считал чем-то из ряда вон выходящим совместное патрулирование улиц в 50 крупнейших городах страны, которое если не являлось чем-то «принципиально новым», то, по крайней мере, считалось навсегда забытым.

20 августа началось для Бориса Карловича с совещания ГКЧП, которое проходило с 10 часов до полудня. На нем обсуждались «противозаконные» указы президента РСФСР, а также было принято решение о создании оперативного штаба на базе КГБ СССР, МО и МВД СССР, руководство которым поручили верному Бакланову.

Около 13.30 20 августа министр направил на совещание в Министерство обороны своего первого зама — Б. Громова. Именно он участвовал в разработке плана вооруженного нападения и захвата «Белого дома» России, интернирования президента и членов правительства РСФСР. На этом совещании были определены руководители операции, время ее начала, тактика действий, виды и количество войск и техники и даже названы конкретные части, которым предстояло осуществить задуманное.

В семь часов вечера того же дня Пуго подписал шифротелеграмму на места за номером 937/1249 об ответственности за неисполнение решений ГКЧП, а также шифротелеграмму № 938/1250 в адрес начальников учебных заведений МВД РСФСР, которая запрещала

им исполнять распоряжения МВД России о направлении в Москву курсантов.

То, что многие из начальников милицейских школ и академий осмелились не подчиниться, министра несколько не насторожило. По показаниям Стародубцева и Тизякова, на вечернем заседании ГКЧП в Кремле с 20.00 до 22.00 20 августа он поддержал предложение Крючкова о нападении на Дом Советов РСФСР.

Вадим:

Вечером 21-го, когда включилось российское радио и пошли сообщения о том, что всех гэкачепистов уже взяли, я с работы поехал в министерство: Отец был в чудесном расположении духа, я просидел у него около часа, и он все время говорил о чем-то очень бытовом. Наверное, мое состояние было близко к тому, что чувствует человек, находящийся под гипнозом, но я почти поверил, что к нашей семье происходящее не имеет никакого отношения, поверил настолько, что, приехав домой, как идиот убеждал маму: отставка — это не так уж страшно.

При мне отцу позвонили по «кремлевке», и кто-то, отец не назвал имени, сказал, что на него заведено уголовное дело. Потом я узнал, что это был последний звонок по спецсвязи. А когда я уходил, папа передал мне тысячу рублей, которые лежали в кабинете, и сказал: «Отдашь матери на гараж». Я еще пошутил, что он мог бы и сам отдать — невелика тяжесть. Отец вернулся через час после меня, они с мамой пришли к нам и сказали, что ночью будет арест.

Пока Валентина Ивановна и Инна готовили ужин, Борис Карлович, обращаясь к Вадиму, назвал все происходящее шоу и большой концертной программой. Он все время повторял, что против воли оказался втянут в какую-то игру, хотя трудно поверить, что человек, занимающий кресло министра внутренних дел, оказался той самой фигурой, которой безжалостно жертвуют шахматисты. Впрочем, не исключено, что он согласился делить портфели по необходимости, дабы не возникло противостояния вооруженных структур, не проливалась кровь. «За» такую версию — относительное бездействие, почти апатия Пуго в эти три дня. «Против» — уже имевшийся опыт Прибалтики.

... Вадим проснулся оттого, что отец тряс его за плечо: «Вставай, на работу опоздаешь. И пистолет, кстати, отдай». Накануне вечером Вадим забрал у отца пистолет.

Вадим:

Сегодня многие обвиняют меня в том, что я мог бы спасти отца от смерти, но не сделал этого. Конечно, пистолет мог остаться у меня, отец бы со мной не справился, но я считаю — он имел право распоряжаться своей жизнью сам. Он бы не пережил позора тюремного заключения, да и в общем-то это было единственное, что можно предпринять для спасения чести или, по крайней мере, стать неподсудимым для тех, кто не имеет права судить.

Самоубийство министра внутренних дел стало для многих его сослуживцев подарком — появилась весьма заманчивая возможность взвалить на него все промахи

и просчеты как целого государственного института, так и его членов. Как к руководителю МВД к Борису Карловичу стекалась и оперативная информация о деятельности некоторых членов высшего законодательного органа страны. Нет, им не несли деньги чемоданами — просто кто-то начинал большую часть времени проводить не в зале заседаний, а в зарубежных поездках или чьи-то дети устраивались на «рыбные» места... Им тоже довелось испытать чувство облегчения, когда из жизни ушел Пуго. Правда, остался его сын. Но Борис Карлович, оберегая сына, не открывая ему высоких имен и фамилий, сделал его «неопасным».

Вадим:

В нашем роду не было дворян, но папа был благороден душой. Банкроты тоже стреляются, а отец именно им и оказался — политическим банкротом. Другая причина, которая подтолкнула отца на этот шаг, — стремление защитить меня и других близких от репрессий — формальных ли, нравственных. Наша семья прошла через 39-й год, и отец слишком хорошо знал, что расправа или наказание может пасть не только на его голову. Вся жизнь отца было посвящена не завоеванию власти, а попытке, может быть миссионерской, основанной на ненавистной теперь коммунистической идеологии, сделать жизнь страны лучше. Он никогда не шел против Горбачева. Я не раз был свидетелем того, как отец одергивал подчиненных, позволявших нелестные или, вернее, фамильярные высказывания в адрес президента. Правда, в последнее время он все более сомневался в правильности проводимой политики. Ибо кому, как не министру внутренних дел, знать о залитых кровью республиках.

Когда Вадим в то утро зашел к отцу в кабинет, тот писал. Сын спросил: «Па, мы с тобой вечером еще увидимся?» Он кивнул и так нетерпеливо помахал рукой — не мешай. Никакого прощания, собственно говоря, не было. Вадим уже не ходу поцеловал мать и договорился, что вечером все собираются у них — в день, когда Борис Карлович и Валентина Ивановна ушли из жизни, исполнялось тридцать лет со дня свадьбы. А потом как образцовый совслужащий Вадим Пуго поехал на работу. Он даже не пытался звонить домой — все телефоны в квартире отца к утру отключили. Когда Вадим приехал, родителей уже увезли: отца в морг, мать еще пытались вернуть к жизни в ЦКБ...

«Меня называют его убийцей...», — именно так говорит бывший председатель бывшего российского КГБ, затем переименованного в Агентство федеральной безопасности, Виктор Иваненко. Он был последним, кто разговаривал с Пуго по телефону и предупредил, что за ним уже едут.

— Борис Карлович?

— Да.

— Вы будете находиться дома?

— Да, — ответил министр после некоторого молчания.

— Если вы не возражаете — мы сейчас приедем?

— Ладно, — Иваненко показалось, что в голосе Пуго было облегчение, почти радость.

Они звонили в дверь квартиры минут двадцать спустя. Кто-то прошаркал к двери, но замок не открылся. Уже обсуждали вопрос не взломать ли дверную коробку, когда на лестничную площадку вышла Инна Пуго. Ее приняли за соседку и потому, не стесняя себя в выражениях, продолжали строить предположения: сбежал Пуго или уже «того». Охрана ответить на этот вопрос тоже не могла.

Прошло еще полчаса и дверь наконец открыл старик. «У вас несчастье?» — спросил Иваненко. «Да», — безразлично ответил он и отступил в сторону. Следом шла Инна Пуго. Перед открытой дверью кто-то из прибывших небрежно бросил ей через плечо. «Только без истерик».

Борис Карлович лежал на кровати в тренировочном костюме, на губах и на подушке была кровь. Его жена сидела на полу с другой стороны кровати. Вот тогда-то Григорий Явлинский и заметил, что пистолет на тумбочке со стороны Бориса Карловича аккуратно положен. Почти одновременно вызвали «скорую помощь» и врача из спецполиклиники. Однако те несколько минут, которые понадобились врачам, чтобы добраться до квартиры, оказались достаточными, чтобы сердце Бориса Карловича перестало биться.

Из заключения судебно-медицинской экспертизы: «Около 9 часов утра 22 августа 1991 г. Пуго, находясь в спальне своей квартиры, выстрелил из автоматического пистолета «Вальтер РРК» № 218090-Е калибра 7,65 в правую височную область жене, после

чего он сразу же произвел выстрел из этого пистолета себе в голову...»

Характер ранения самого Бориса Карловича — одиночное пулевое сквозное проникающее ранение — позволил прожить ему еще 10–20 минут, Валентина Ивановна Пуго скончалась в Центральной клинической больнице Москвы в час ночи 24 августа.

Эксперт по судебной медицине и криминалистике Э. Ермоленко установил, что Пуго жил еще 10–20 минут и мог совершать активные действия, например зажать пистолет обеими руками. Те же выводы были сделаны и в отношении его смертельно раненной жены, которая была в состоянии передвигаться по комнате на незначительное расстояние. Именно поэтому она была найдена сидящей у кровати, а не рядом с мужем, который, естественно, не мог уже положить пистолет на тумбочку. Это сделал третий — отец Валентины Ивановны.

Именно Иван Павлович, войдя в спальню, вынул пистолет из рук зятя и положил его на тумбочку. Зачем? Иван Павлович не смог ответить на этот вопрос.

Версию о самоубийстве подтверждают предсмертные записки, предоставленные работниками прокуратуры.

Вот что писал Борис Карлович:
«Совершил совершенно неожиданную для себя ошибку, равноценную преступлению.

Да, это ошибка, а не утверждение. Знаю теперь, что обманулся в людях, которым очень верил. Страшно, если этот всплеск неразумности отразится на судьбах честных, не оказавшихся в очень трудном положении людей.

Единственное оправдание происшедшему могло бы быть в том, что наши люди сплотились бы, чтобы ушла конфронтация. Только так и должно быть.

Милые Вадик, Элика, Инна, мама, Володя, Гета, Рая, простите меня. Все это ошибка! Жил я честно — всю жизнь».

Последнее обращение Валентины Ивановны более кратко: «Дорогие мои! Жить больше не могу. Не судите нас. Позаботьтесь о деде.

Мама.»

Из обвинительного заключения от 26 декабря 1991 г.: «Пуго Б. К. 18—21 августа 1991 г. принял активное участие в заговоре с целью захвата власти в стране, используя свое положение министра внутренних дел и члена незаконно созданного участниками заговора и объявленного высшим органом власти комитета — ГКЧП, в указанные дни принимал решения, подписывал постановления, издавал указы, давал распоряжения и указания, направленные на обеспечение выполнения практических действий по захвату власти и устранение препятствий этому, чем совершил преступление, предусмотренное статьей 1 Закона СССР «Об

уголовной ответственности за государственные преступления» (ст. 64 УК РСФСР)...»

И далее: «В связи с этим Прокуратура РСФСР постановляет... прекратить дело в связи с самоубийством обвиняемого».

(Совершенно секретно. № 4 (35), 1992 г.)

РАДИЩЕВ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ

А. Н. Радищев (1749—1802) — русский революционный мыслитель, писатель, провозвестник революционных идей в России.

Наиболее известное произведение Радищева — «Путешествие из Петербурга в Москву» вышло из печати в мае 1790 г. Екатерина узнала о выходе опасной для ее власти книги через месяц.

26-го июня секретарь Екатерины А. В. Храповицкий записал в своем дневнике: «Говорено о книге «Путешествие из Петербурга до Москвы». Тут рассеивание заразы французской, отвращение от начальства. Я [т. е. императрица] прочла тридцать страниц.

Посылка за Рылеевым. Открывается подозрение на Радищева».

По поручению встревоженной императрицы князь А. А. Безбородко предлагает А. Р. Воронцову вызвать Радищева и узнать, он ли писал книгу, «наполненную разными дерзостными выражениями, влекущими за собою разврат, неповиновение власти и многие в обществе расстройств...» На другой день выясняется, что Воронцову не нужно допрашивать Радищева, ибо следствие пошло своим путем. 28-го и 29-го июня был допрошен книгопродавец Зотов, в лавке которого продавалось «Путешествие». 30-го в 9 часов утра Радищев был арестован и заключен в Петропавловскую крепость.

Екатерина в течение нескольких дней внимательнейшим образом читала книгу Радищева, делая на каждой странице примечания, которые свидетельствуют о том, что задета она была за живое.

Общее впечатление кратко резюмировано в словах, сказанных Храповицкому «с жаром и чувствительностью»: «Он бунтовщик хуже Пугачева».

Замечания Екатерины были посланы к Шешковскому и послужили основным материалом для обвинения.

Екатерина знала, в чьи руки отдает судьбу своего врага. Жестокость начальника тайной экспедиции Шешковского хорошо была известна современникам. К счастью, он был и взяточником. Бриллианты, которые послала ему сестра умершей жены Радищева Елизавета

Васильевна Рубановская, избавили Радищева от пытки.

Мог ли Радищев предвидеть, какую судьбу он готовил себе своей книгой? Безусловно. Свидетельством тому является ряд строк «Путешествия» (главы «Спасская Повесть», «Торжок», «Крестьяцы», «Слово о Ломоносове» и др.). Он принял и кое-какие меры предосторожности: напечатал «Путешествие» анонимно, выпустил в продажу небольшое количество экземпляров. Когда же катастрофа разразилась, Радищев имел немного времени, чтобы смягчить ее. Арестован он был 30-го, очевидно, 28-го Воронцов передал ему содержание записки Безбородко, в которой требовалось, чтобы Радищев назвал единомышленников, «причем ему бы внушили, что чистосердечное признание его есть единственное средство к облегчению участи его». Кончалась записка многозначительно подчеркнутыми словами: «Ее величество будет ожидать, что он покажет».

«Внушил» ли Радищеву Воронцов или сам он понял, что необходимо сыграть роль раскаявшегося человека, но Радищев сыграл ее. Он признал себя автором книги, кааялся в «дерзновенных выражениях», «обливая слезами» свою повинную, взывал к милосердию императрицы. Радищев прикидывался наивным человеком, чуть ли не дурачком, заявляя, что не понимал значения написанного им, что писал он только из желания... прослыть остроумным писателем, подражать таким знаменитым авторам, как Рейналь и Стерн.

Екатерина поняла неискренность «чистосердечного» раскаяния Радищева, но сделать с ним что-нибудь было невозможно. Пришлось довольствоваться обильными комплиментами, «слезами раскаяния», сознанием власти над врагом.

Екатерина энергично руководила делом, держала в руках все его нити, от нее исходили все распоряжения, по ее настоянию производилось оно с необычайной для того времени быстротою.

24 июля — приговор. Палата указывает, что показания Радищева на следствии опровергаются его книгою, а потому приговаривает его к лишению чинов и дворянства, отобранию ордена и к смертной казни.

Так как по закону дворянин не мог быть лишен жизни без утверждения сената и санкции императрицы, дело переходит в сенат, где и рассматривается 1—7-го августа. Решающий протокол сената несколько запутан. Утвердив приговор уголовного суда, сенат указывает, что на основании закона 1754 г. Радищева следовало бы наказать кнутом и, заковав в кандалы, сослать «в тяжкую работу». Но так как согласно «жалованной грамоте дворянству» телесное наказание не может коснуться дворянина, то «до вышеупомянутого о смертной казни указа, заклепав в кандалы, сослать в каторжную работу... в Нерчинск для того, дабы таковым его удалением отъять у него способа к подобным сему предприятиям».

По существу это была отмена приговора палаты, так как едва ли стоило преступника посылать в Нерчинск ожидать смертной казни для того, чтобы потом привезти ее в исполнение в Петербурге.

Екатерина так и поняла приговор и обиделась. Она выслушала доклад сената «с приметною чувствительностью» и приказала пересмотреть дело в совете.

19 августа на заседание совета явился Безбородко, объявивший указание императрицы, что в докладе сената «выписаны все законы, кроме присяги, противу коей подсудимый преступником явился; причем объявил что ее величество презирает все, что в зловредной его Радищева книге оскорбительного особе ее императорского величества сказано». Выслушав такое недвусмысленное напоминание, совет отменил приговор сената и приговорил Радищева к смертной казни.

Основное, что мучило Радищева в течение двух с лишним месяцев, когда он ожидал решения своей участи, была мысль о детях. Они оставались круглыми сиротами. Мать их умерла в 1783 г. Объявление отца государственным преступником должно было сказаться на их будущем. Глубокой скорбью и заботой исполнено завещание Радищева, написанное после того, как был вынесен приговор уголовной палаты.

Уголовная палата вынесла смертный приговор Радищеву 24 июля 1790 г.. Совет утвердил его 19 августа. Екатерина заставила «преступника» ждать смерти еще

две недели. И только 4 сентября именной указ императрицы возгласил о высочайшей «милости». По случаю заключения мира со Швецией смертная казнь была заменена Радищеву десятилетней ссылкой в Илимский острог с лишением чинов, ордена, дворянского достоинства.

10 сентября Радищева, скованного, в «гнусной нагольной шубе», взятой тут же у какого-то солдата, под «крепчайшей стражею» отправляют в Сибирь.

Радищев выехал из Петербурга больной. Кандалы, крепкая стража и плохая одежда едва ли могли способствовать его выздоровлению. Да и вообще трудно предположить, чтобы путь в 6788 верст, совершаемый в таких условиях, без каких бы то ни было необходимых вещей мог пройти благополучно. «Милость» императрицы по существу обрекала его на смерть.

Случилось однако то, чего не могла ожидать императрица. На помощь Радищеву пришло общественное мнение лучшей части русского дворянства в лице графа А. Р. Воронцова.

Воронцов знал Радищева на протяжении многих лет как неподкупного честного человека. Не сочувствуя выводам, которые делал Радищев, Воронцов не мог не согласиться со справедливостью наблюдений Радищева. Аристократ, один из крупнейших в стране вельмож, он решил силою связей помочь Радищеву.

Уже на другой день после отправки Радищева Воронцов отправил письмо и деньги тверскому губернатору Осипову с просьбой облегчить по возможности дальнейший путь Радищева, купить ему необходимую для дороги одежду, обувь, пищу и поручить тому, на кого будет возложено везти Радищева в дальнейший путь, обращаться с арестованным человеколюбиво. Подобные этому письма Воронцов послал нижегородскому, пермскому и иркутскому губернаторам, что в значительной степени облегчило судьбу Радищева.

В марте 1791 г. в Тобольск, где Радищев задержался вследствие болезни, приехала Елизавета Васильевна Рубановская и привезла двух младших детей.

В Тобольске Радищев пробыл семь месяцев; два месяца восемь дней ушли на дорогу до Иркутска и, наконец, 3 января 1792 г. — через 16 месяцев после выезда из Петербурга — добрался до Илимска.

6 (17) ноября 1796 г. умерла Екатерина II. Через несколько дней после вступления на престол Павел I предписал графу А. Н. Самойлову освободить Радищева.

«Удивляться, что она его отослала в цепях в Илимский острог, нелепость. Гораздо удивительнее то, что Павел воротил его; но он это сделал назло покойной матери, — другой цели у него не было», — пишет по этому поводу Герцен.

Весть о помиловании дошла до Илимска во второй половине января 1797 г. 20-го февраля, распродав и раздав все имущество, Радищев выехал из места заточения, провожаемый почти всеми илимскими жителями.

На пути в Европейскую Россию Радищева постигло большое горе: в Тобольске умерла Елизавета Васильевна, которая стала его женой во время ссылки.

Милость Павла была более чем ограниченной. Радищев остался в списках ссыльных, лишенных чинов и дворянского достоинства. По-прежнему жил он под надзором полиции, только не в Илимске, а в небольшом родовом имении Немцево Калужской губернии. После многих просьб он получил разрешение навестить отца, жившего в Верхнем Облязове. Здесь он прожил около года, а затем вернулся в Немцево.

Обстановка в Немцеве была едва ли не более тяжелой, чем в Сибири. По распоряжению правительства полиция должна была тайно следить за поведением Радищева, «строжайше наблюдая и замечая, с кем он по большей части будет иметь обращение, не замечено ли будет что-нибудь подозрительное». Его переписка вся тщательно просматривалась и о содержании ее доносилось начальству.

12-го марта 1801 г. на престол вступил Александр I. Явно реакционное павловское царствование сменилось провозглашением либеральных деклараций и кое-какими мерами в области внутренней политики.

Одним из либерально-демократических жестов Александра было его отношение к Радищеву. В марте 1801 г. Радищев был освобожден из-под надзора и через некоторое время назначен членом комиссии по составлению законов, действовавшей под председательством бывшего екатерининского фаворита графа П. В. Завадовского.

6-го августа Радищев был назначен членом комиссии, 13-го вступил в должность, а через три дня должен был выехать вместе с Завадовским на время коронационных торжеств в Москву, откуда вернулся в конце декабря.

В начале 1802 г. один из видных членов комиссии М. М. Сперанский предложил использовать Радищева для составления истории законов. Но и эту сравнительно спокойную отрасль работы Радищеву не доверили, очевидно, полагая, что он сумеет и из нее сделать слишком острые практические выводы.

Один из членов комиссии прямо говорит о том, что Радищев «никаких особых частей для составления уложения не имел и упражнялся на полной свободе».

И в таких условиях Радищев не отказался от мысли использовать открывающиеся, как ему казалось, возможности реформ русского законодательства в целях подготовки освобождения крестьян. Проект был подготовлен им еще в «Путешествии» (глава «Хотиллов»). Очевидно, и до 1790 г. он занимался вопросами законо-

положения, и в 1802 г. сделал попытку продолжать эту работу. Им написан «Проект гражданского уложения», разработанный план для будущего уложения. Конкретизация отдельных параграфов, в частности, вопросов собственности и связанного с ними права наследия, не могла бы быть осуществлена без установления юридического равенства всех граждан перед лицом закона. Следовательно, Радищев пытался и в «Проекте» поставить вопрос об отмене крепостного права, на этот раз в законодательном порядке, «сверху».

Очень скоро Радищев убедился в глубокой правоте своих слов о том, что свободы нельзя ждать от советов «великих отчинников». Ни члены комиссии, ни тем более Александр I не были склонны к коренным преобразованиям. Их цели не шли дальше мелких реформ, которые должны были подгримировать, сделать более благопристойным страшный лик самодержавно-крепостнической России.

Тягостные впечатления усугублялись наблюдением за тем, что происходило на Западе. Буржуазная революция во Франции оборачивалась обществом, где «сто гордых граждан утопают в роскоши, а тысячи не имеют надежного пропитания».

Чем дальше, тем больше убеждался Радищев в невозможности хоть что-нибудь сделать для облегчения участи своего народа. То, над чем он «упражнялся на свободе», обречено было остаться на бумаге, не претворившись в жизнь. Выступления на заседаниях комиссии вызывали лишь насмешку, прямое недовольство и

угрозу новой ссылки. Изданные 8 сентября 1802 г. указы о правах сената и об учреждении министерства подвели итог преобразовательной комедии. Быть верным чиновником или придворным поэтом в благодарность за личное освобождение Радищев не мог и не хотел.

О умы, умы изящны,
Та ли участь Муз, чтоб славить,
Кто вам жизнь лишь не отъемлет,
Иль, оставя вам жизнь гнусну,
Даст еще кусок, омытый
В крови теплой граждан, братьев!..

11 сентября 1802 г. Радищев покончил жизнь самоубийством. По словам сына, незадолго до смерти, он писал: «Потомство за меня отомстит».

РАЙТОН ТАДЕУШ

20 августа 1742 г. в местечке Грушевка неподалеку от поселка Ляховичи в Беларуси родился мальчик. Отец назвал его Тадеушем — в честь деда, прославленного рыцаря.

Детство Тадеуша прошло в усадьбе отца, небогатого помещика. Когда мальчик освоил грамоту, отец дал ему ключ от шкафа, где хранились старые мудрые книги, которые собирала мать малыша Тереза, родом

со знаменитой фамилии Володковичей. Романы были прочитаны за одно лето.

Часто, отложив книгу в сторону, мальчик начинал мечтать и тогда казался сам себе рыцарем. То он вместе с дедом ночью мчался на коне под флагами короля Яна Собесского на орды турков, то брал штурмом башню, где мучился друг, закованный в цепи... Но не только романы учили его грамоте. Большое влияние на формирование Тадеуша оказали отец Доминик Райтон и провинциальные помещики. Люди простые и честные, они берегли свое дворянское достоинство: заступались за обиженных, говорили правду в глаза начальству, не поддерживали на сеймах «сильных».

Доминик Райтон не один раз был избран послом и депутатом на сейм в Варшаву и местные сеймы. Под конец жизни он получил чин подкомория новогрудского, «третьего человека в повете».

Когда Тадеушу исполнилось 13 лет, отец отвез его в Новогрудок у Езуитский коллегиум, где он проучился четыре года. Тадеуш хотел учиться дальше в Западной Европе, но продолжил образование в Варшаве. Потом по желанию отца поступил на военную службу.

В полку «Главная стража большой Литовской Булавы», куда поступил Тадеуш, он нашел друзей. Одним их них был Самуэль Корсак. Их объединила любовь к родине. Молодые люди не могли и слышать о взяточничестве среди офицеров. Так, в 1757 г., когда друзья

еще не служили в полку, князь Иераним Радивил дал Петру Пашковскому, полковнику «Главной стражи», 5000 золотых, чтобы на сеймику перетянул его на свою сторону. А в 1750 г. от князя сбежали, не выдержав издевательств, два офицера. Их словили. Чтобы запугать всю службу, князь приказал им готовиться к смерти. Палач окровавил их лица, а потом их отдали на три года на тяжелые работы. Но из радивилловской тюрьмы редко кому удавалось выйти. В мае 1754 г. осужденные офицеры просили выдать им новую одежду, потому что старая совсем износилась. Вскоре оба умерли в тюрьме.

Окончился первый год службы и Тадеуш отправился на побывку. Навестил он и свое родное местечко. Ляховичи были в то время довольно заурядным поселком. На улицах было полно мусора, дороги разбиты. Рыночная площадь выглядела запущенной. Воду доставляли из реки водоносы и водовозы. Официальных названий улицы не имели. Вместо табличек ремесленники вывешивали разные знаки (коваль — подкову, сапожник — сапог). Ночью поселок не освещался и прохожие носили за собой фонари. Зато везде были открыты кабаки...

Отец каждое лето приглашал в свою усадьбу монахов, чтобы дисциплинировать своих слуг.

Так сложилось, что Тадеуш, по национальности поляк, под воздействием детских впечатлений начал считать себя белорусом.

«Как меня радует, что свою родную сторону нашел такой же, какой она осталась в моих воспоминаниях, в моем сердце, потому что я белорус, до костей белорус», — говорил он Корсаку. Свой патриотизм Райтон стремился передать всем. Однако не всем были понятны такие порывы.

Анализируя Беларусь в XVIII в., Соломон Маймон утверждал, что, видимо, нет на свете другого края, где «религиозная свобода и религиозная ненависть совмещались бы в одинаковой степени».

В те времена дни, свободные от службы, редко кто отдавал книгам, общественной деятельности или улучшению хозяйства. Анна Геричь, племянница Тадеуша, писала в своих воспоминаниях, что его брат «купил Славковичи с пущей до Полесья, завел коров голландской породы, осушил болота, вывозил в Кенигсберг пшеницу, а оттуда привозил другие товары, построил дом с четырьмя печными трубами, черепицей крытый. Тадеуш не хотел отставать от отца, у которого в Грушевке был большой и хороший сад, где центральное место занимала «оранжерея для фиников».

На этот идеализированный покой края пала, однако, тень «трех черных орлов» — Австрии, Пруссии и России, которые тайно подписали программу политики в отношении Речи Посполитой, которая привела в конце концов к ее разделу.

В 1763 г. умер король Август III. С помощью заграничного золота и русской армии королем был избран Станислав Август Пянятовский.

Эта новость нашла Тадеуша в Петербурге. Он хорошо знал, что Пянятовский, хоть и белорус, однако фаворит Екатерины II. Райтон возвращается в родные места и тут уже не находит покоя.

Однажды несколько конфедератов (членов военно-политического объединения шляхты) пробрались в Варшаву, схватили ночью короля, когда тот ехал по улице, и завезли в лес. Там они потерялись и рассеялись. Возле короля остался один заговорщик, который тут же перешел на его сторону и спас его. Австрийские и прусские войска заняли пограничные земли; конфедерация была ликвидирована русскими войсками под командованием Суворова.

События дошли до Тадеуша в Новогрудок, где решался вопрос об имуществе ордена езуитов. Кто виноват в таком положении? — спрашивал он отца и сам отвечал: конечно, король! Он хоть и образованный, с тонкими французскими манерами, но не смог обратить реформы к лучшему. Власти не имел, да и характер имел тихий.

В начале 1773 г. король дает согласие собираться в Варшаву на сейм послам со всех концов речи Посполитой, чтобы закрепить первый раздел своей страны. Самих же депутатов избирали на сеймиках в каждом поветовом городе. В Новогрудке еще стоял полуразру-

шенный замок Миндовга, где и проходили выборы депутатов. На этот сейм надо было выбрать или совсем темных, или очень хитрых, или патриотов. Новогрудский сеймик выбрал послами как раз таких патриотов — Тадеуша Райтона и Самуэля Корсака. Но вот только большинство послов не были похожи на них. И мало кто из них знал, что ждет родину, когда сейм утвердит ее раздел.

Маршалок сейма Адам Панинский совсем не делал секрета, что ведет антипольскую политику. Его поддерживали помещики русского направления — Масальский, Гуровский и другие.

Райтон возглавил объединение патриотов. Часть послов была уже куплена партией Панинского, а часть просто запугана. Прусский король Фридрих II не пожалел денег, чтобы подкупить нескольких послов. Один сановник передал Тадеушу взятку — 4 тысячи дукатов. Райтон выхватил саблю. Но тут сбежалась шляхта и их остановили.

Маршалок сейма Панинский собирает трибунал, на котором Райтана, «первого бунтаря отчизны», обвиняют в нарушении спокойствия. На «бунтаря» набралось сразу множество доносов. Однако депутата не очень просто осудить. Панинский пошел на хитрость: любой трибунальский декрет не выполняется годами, а дело Райтона — редкое исключение, поэтому приговор будет! А если что, позовем на помощь русских военных. Райтона судили тайно. Приговор: конфискация имущества и

высылка за границы Польши. Таково было решение кучки предателей.

... Перед подписанием документов про раздел государства произошел драматический случай. «А вот и Райтон, — выкрикнул Панинский, — пойдем подпишешь!» Райтон отошел назад, но наткнулся на дверь. Шляхта с саблями кинулась на него. Тогда Корсак тоже выхватил саблю и ему поранили руку. Когда русские военные успокоили всех, возле двери весь в крови лежал Райтон. Корсак помог ему подняться, но тот остановил его: «Куда идти, от чего убегать? Родину оставить? Нет, пусть я умру, пусть меня зарубят...»

Об этом событии повсюду разнесли дипломаты. Версия, о том, что народ Речи Посполитой добровольно согласился на ее раздел между странами-соседками, которую высказывал везде Панинский, стала вызывать недоверие. В годы возрождения Польши эти действия Райтона стали носить ореол настоящего патриотизма и обороны прав.

Таким образом, Райтон и Корсак не поставили свои подписи. Но Райтон продолжал бороться. Еще кровавили его раны, а он подал апелляцию в суд — он утверждал, что документы сейма не имеют силы, так как право требовало подписей всех послов. Наемные убийцы пошли по следам Райтона. Правда, нашелся один прусский генерал, который симпатизировал Райтону и дал яму несколько человек охраны. Судебное разбирательство тянулось долго и требовало много денег. Король стремился примирить обе стороны. Но через два

года все закончилось, и не в пользу Райтона. Неравная борьба и шесть ран сказались на его здоровье. Он тяжело заболел. Не выдержал его разум.

Живя в Варшаве он тосковал по родной Беларуси. Когда к нему возвращалась память, говорил о родных местах, вспоминал свое детство. «Моя жизнь прошла в Беларуси, и если бы кто-то не посчитал меня белорусом, то обидел бы меня. Если в моей борьбе есть что-то такое, что будущие поколения захотели бы сберечь, пусть они примут мою жертву как плод той любви, которую не перестану испытывать к родной Беларуси».

Братья повезли Тадеуша на родину. Грушевка радостно встречала его. Возле усадьбы собралась прислуга. Большинство из них знали, что произошло в Варшаве. Но из повозки смотрел заплаканными глазами не тот борец, который два года подряд бросался в пламя, а измученный, психически больной барин.

Последние годы жизни Райтон провел за решетками. Память совсем оставила его. Он то упрасивал выпустить его, то подолгу плакал. Однажды он головой выбил стекло и насадил горло на осколок. Было самоубийце в это время 38 лет.

В 1791 г. четырехлетний сейм назвал Райтона «достоиным памяти народа», а его жертву — примером для последователей. Этот же сейм принял решение установить памятную доску, а имя Райтона увековечить в

Пантеоне народных борцов, как символ истинного патриотизма.

(Мастацтва. 1993, № 12; перевод с белорусского)

РУДОЛЬФ

Рудольф (1858 — 1889) — кронпринц, сын императора Франца Иосифа I, наследник престола Австро-Венгерской империи.

Кронпринц Рудольф был женат на бельгийской принцессе Стефании, однако при этом имел любовную связь с дочерью баронессы Вечеры, семнадцатилетней Марией.

Накануне смерти, в 11.30 дня кронпринц получил телеграмму. По свидетельству вручившего эту телеграмму, Рудольф быстро пробежал глазами ее содержание, вдруг очень разволновался, бросил телеграмму на стол и как бы по себе сказал: «Да, быть по сему!»

После этого кронпринц отменил все назначенные встречи и дела, приказал подавать карету, сказав, что вернется завтра к вечеру. Затем Рудольф уехал в свой замок в Майерлинге.

То, что произошло в замке, очень трудно поддается точной реконструкции. То есть, нам известно, что ут-

ром камердинер кронпринца обнаружил своего хозяина и его любовницу Марию Вечеру мертвыми (убитыми), но подробности этой истории весьма запутанны. Вот как пытается пройти сквозь лабиринт загадок современный исследователь.

«Итак: на веру можно принять лишь, то что граф Хойос отметил в своих записках... Согласно этим записям, последним четким следом можно считать такой факт: после ужина Рудольф ушел лечить свою простуду... Было девять часов вечера.

А потом?

Потом Рудольф вошел в спальню со сводчатым потолком, где его с поцелуями ждала Мэри, распустив волосы...

Возможно, Рудольф лишь сказал с порога «Мы одни», — и девушка наконец-то вышла из своего убежища (в домашних туфельках на лебяжьем пуху? В капоте? Или все в том же темно-зеленом платье, в котором она убежала из дома и в котором ее потом похоронят?.. Тем временем Лошек (камердинер кронпринца. — А. Лаврин) проворно приносит чистые бокалы, наполняет их шампанским... и подает жареную косулю в холодном виде. Но Мария едва притрагивается к еде (или набрасывается на нее с волчьим аппетитом?), Рудольф же садится напротив, по другую сторону стола, и они влюбленными глазами смотрят друг на друга — говорить им особенно уже не о чем. Они чокаются бокалами. В Вене сейчас карнавал в полном разгаре! Жизнь кипит, бурлит! Они же молча, без слов, подбадривают

друг друга взглядом — время сейчас остановилось для них, и карнавальная ночь будет длиться вечно. Чем не дуэт?

Но, возможно, Мария в этот момент уже находится при смерти. (При тогдашних методах прерывания беременности в среднем каждый второй случай кончался роковым исходом). Сепсис, неудержимое кровотечение — врач, тайно привезенный под вечер, лишь бессильно разводит руками. Девушка уже знает, что не дотянет до утра — она совсем ослабла, время от времени теряет сознание... Из комнаты доносятся тихие голоса. Рудольф обещает Марии последовать за нею — таков уговор. Затем они пишут письма».

Мария — сестре:

«В блаженстве уходим мы в мир иной. Думай иногда обо мне. Желая тебе быть счастливой и выйти замуж по любви. Я не могла этого сделать, но и своей любви противиться была не в силах. С нею и иду на смерть. Любящая тебя сестра Мэри.

P.S. Не оплакивай меня, я с радостью уйду на тот свет. Здесь так красиво, напоминает Шварцау. Подумай о линии жизни на моей ладони. И еще раз: живи счастливо!»

Мария пишет матери:

«Дорогая мама!

Прости мне содеянное! Я не сумела превозмочь свою любовь. С его согласия мне хотелось бы лежать рядом с ним на алладинском кладбище. В смерти я буду счастливее, чем была в жизни».

Рудольф — жене:
«Милая Стефания!

Ты избавишься от моего присутствия. Будь добра к нашему несчастному ребенку, ведь это единственное, что остается от меня. Передай мой прощальный привет всем знакомым, а в особенности Бомбелю, Шпиндлеру, Ново, Гизелле, Леопольду и другим. Я спокойно иду навстречу смерти, ибо лишь так могу сохранить свое имя.

Твой любящий муж Рудольф».

В этом письме нет ни слова о мотивах смерти, только короткий намек. На что — на карточный долг, несчастную любовь, невозможность жить двойной жизнью? Этот же намек повторяется и в других предсмертных письмах принца.

Марии слегка жутковато — нет, она не боится, а скорее волнуется: хоть бы удалось! Но она полагается на Рудольфа, рука у него надежная, он опытный охотник. Закрыв глаза, она ждет. В руке сжимает, нервно теребя, маленький носовой платочек, отделанный кружевами. Доктору Видерхоферу потом насилу удастся вытащить его из застывших пальцев.

«Нам очень любопытно взглянуть на загробный мир», — гласит постскрипtum одного из вариантов прощального письма... Рудольф настроен не так весело. Он-то на своем веку повидал смерть. Во время охоты он (якобы) имел обыкновение подолгу смотреть в глаза умирающим животным. «Мне хотелось хоть раз уловить последний вздох».

... Он велит Лошеку принести коньяк, вливает его в шампанское — алкоголь теперь действует на него только так, в смеси. Затем посылает лакея в людскую за красномордым Братфишем — пусть споет старые венгерские песни, как в былые времена, когда принц, переодевшись в простое платье, на пару с кучером обходил все увеселительные заведения в Гринцинге. «Братфиш дивно свистел в этот вечер», — напишет потом Мария в апокрифическом постскриптуме. Рудольф, облокотясь о бильярдный стол, с отрешенной грустью слушал... Наверняка и Мария подпевала ему, ведь, как мы знаем со слов Круди (Дьюла Круди — венгерский писатель), «она была бы весьма заурядной особой, не обладай она грудным голосом, проникающим до самых глубин мужского сердца... Голос был глубокий как размышление над бессмысленностью жизни...»... Обняв девушку за талию, Рудольф медленно проходит с ней в спальню. В дверях, обернувшись, дает распоряжение:

— Лошек, прошу не мешать! Никого ко мне не впускайте, даже будь то сам император!»

Глубокой ночью Рудольф выстрелом из револьвера убил Марию Вечеру, а через несколько часов выстрелил в себя — так неудачно, что снес почти всю верхушку черепа.

(Барт И. Незадачливая судьба кронпринца Рудольфа. М., 1990)

СЕНЕКА ЛЮЦИЙ АННЕЙ

Люций Анней Сенека, известный философ стоической школы и воспитатель Нерона, родился в 3 году до Р. Х. в Кордубе (теперь Кордова), в Испании. Отец Сенеки (а, может быть, уже и дед его) был римским всадником. Тем не менее, по происхождению, в ряду потомков древних римских фамилий, Сенека был homo novus, и семья его выдвинулась исключительно благодаря своим личным талантам.

Отец Сенеки, Марк Анней Сенека, известен как выдающийся ритор и строгий критик. Некоторые из его речей дошли и до нашего времени. Он первый поставил преподавание ораторского искусства на почетную высоту, высказав, что не должно считаться презрением преподавание того, учиться чему почетно. Отец Сенеки имел большое влияние на сына. По его желанию, вступил последний в гражданскую службу. По его же желанию Сенека отказался следовать увещаниям своего учителя, пифагорейца Социона, склонявшего своего учителя к вегетарианству: Марк Анней опасался, как

бы не сочли его сына принадлежащим к одной из тайных сект (еврейской?), запрещавших употреблять в пищу некоторые сорта мяса. Всюду, где философ упоминает о своем отце, он говорил о нем с чувством нежной сыновней любви.

Мать Сенеки, Гельвия, происходила из знатной испанской фамилии, подарившей уже Риму в свое время мать величайшего оратора Цицерона, и была очень образованная женщина. Жизнь ее была полна суровых испытаний и утрат. Выросши сиротой, она в юности разделяла скитальческую жизнь своего мужа, а в зрелые годы ей пришлось испытать много сердечных утрат. Сенека любил ее всею пылкостью сыновней любви и в то время, когда сам был изгнан в Корсику, где вел жизнь, полную лишений и тоски, нашел в себе столько нежности, что написал матери весьма прочувствованное письмо, в котором утешал ее в смерти внука и в своем изгнании.

В царствование императора Августа, Марк Анней Сенека переселился в Рим, куда вслед за ним последовала и Гельвия с тремя детьми. Старший из них, Марк Анней Новат, получивший от своего приемного отца имя Галлиона, был впоследствии проконсулом Ахайи. Кроме многочисленных упоминаний в сочинениях Сенеки, мы имеем о нем еще свидетельство в «Деяниях апостольских». Это был тот самый проконсул Ахайи, который, отказавшись судить апостола Павла, заметив, что не хочет быть судьей об учении, именах и законе евреев, предоставляя им самим разбираться в этом. Младший сын, Люций Анней Мела, известен как отец малодушного автора «Фарсалии», Лукана. Мела кон-

чил свою жизнь самоубийством, чтобы избегнуть вражды Нероновых друзей, покушавшихся на его имущество. Философ был средним сыном Марка Аннея Сенеки.

Первоначальное свое воспитание Люций Анней Сенека получал под руководством отца, но потом значительно расширил его, слушая лекции известных в то время философов — стоика Аттала, циника Деметрия, пифагорейца Социона и эклектика Папирия Фабиана. О всех своих учителях Сенека дает восторженные отзывы и неоднократно цитирует их лекции и замечания. Несмотря на любовь к философии и отвлеченным занятиям, Сенека выступил, побуждаемый увещаниями своих родных, на общественное поприще, в качестве адвоката.

Однако чрезмерный успех, выпавший на долю молодого юриста, заставил его отказаться от дальнейшей деятельности на этом поприще. Император Калигула, вообще завидовавший всем талантам, даже мертвым, и в особенности претендовавший на красноречие, остался недоволен овациями, выпавшими на долю Сенеки после одной из его речей, и приказал было убить философа. Он отменил, однако, свое жестокое решение вследствие замечания одной приближенной к нему куртизанки, что не следует убивать человека, который и без того скоро умрет. Замечание это имело в виду крайнюю болезненность Сенеки, слабого уже от рождения и в конце расстроившего свое здоровье усиленными научными занятиями.

Сенека неоднократно жалуется на свою болезненность. В одном месте он говорил даже, что хотел кончить жизнь самоубийством, до того ему надоело хворать. На этот раз его болезненность послужила ему спасением. Он оставил занятия адвокатурой и вступил на государственную службу. Еще при Калигуле достиг он должности квестора и подвигался и далее по лестнице должностей, когда уже в царствование Клавдия он был внезапно обвинен в прелюбодеянии с племянницей императора, Юлией, и сослан на остров Корсику.

Обвинение Сенеки не имело, конечно, никаких оснований. Трудно поверить, чтобы философ уже не первой молодости (ему было тогда 44 года), незадолго перед тем потерявший свою жену, притом болезненный, мог соблазниться, или, еще тем более, соблазнить блестящую придворную даму, мечтавшую играть видную роль при дворе. Он пал жертвой придворной интриги. Мессалине необходимо было удалить опасную соперницу, и она воспользовалась для этой цели первым пришедшим ей в голову средством.

Изгнание Сенеки продолжалось восемь лет. В эти годы его философские способности достигли полного развития. Тут он написал значительную часть своих философских и чисто литературных произведений, из которых лучшим считается уже упомянутое «Утешение Гельвии». Тут сформулировался в нем будущий автор писем к Люцилию, но в это время еще не успело образоваться в душе его горькое убеждение, что для праведной жизни надо бежать от людей и тем более от двора.

В 499 г. после Р. Х., Сенека был возвращен из ссылки, благодаря ходатайству Агриппины, желавшей сделать из него воспитателя для Нерона. Философ не отказался от этого приглашения и, преподавая будущему тирану риторику и философию, настолько успел оказать благотворное влияние на характер будущего императора, что в первых письмах к Люцилию совершенно искренне выражал очень лестное мнение о кротости своего ученика.

Первые годы царствования Нерона Сенека достигает высших отличий. Юный император еще находится под влиянием философа, тем более, что не может обойтись без его помощи. Из всех римских императоров Нерон был совершенно лишен дара красноречия, и для составления своих речей он принужден был обращаться к помощи Сенеки. Услуги последнего оплачивались императором так щедро, что состояние Сенеки в короткое время достигло колоссальных размеров, что, конечно, породило массу недоброжелателей. Философ был даже обвинен в лихоимстве, однако, сенат отверг эту недостойную клевету.

Скоро, впрочем, все переменилось. Дикие страсти Нерона стали проявляться во всем своем безобразии. Сначала, чтобы утешить чувственность Нерона, скупавшего в обществе своей жены, и как намекают некоторые историки, влюбленного в свою мать, Сенека, по соглашению с Бурром, допустили его связь с вольноотпущенной Актеей, женщиной кроткой и нечестолюбивой. Но эта первая уступка повлекла за собой все более и более яркие проявления Неронова самодурства и распущенности; наконец он попал под влияние извест-

ной в истории Поппеи. Связь с Поппеей и ее советы, как известно, побудили Нерона к решению убить Агриппину. В этой темной и грязной истории замешано имя Сенеки.

Показания римских историков относительно участия Сенеки в убийении Агриппины расходятся. Не согласны между собой и позднейшие писатели, разбиравшие этот факт. Сопоставляя между собой различные показания их, а также и характер философа, поскольку он выясняется из его произведений, необходимо прийти к следующему заключению.

Несомненно, что не честолюбие удерживало философа при дворе. В своих письмах к Люцилию Сенека жалуется на несносных посетителей, мешающих ему посвящать столько времени занятиям философией, сколько бы ему хотелось. В то же время он не пропускает ни минуты, чтобы не обратиться к излюбленной им науке. Внешнему честолюбию он всегда предпочитал внутреннее спокойствие. Кроме того, уже вернувшись из ссылки, Сенека женился во второй раз и притом по взаимной любви. Но долг гражданина, слабая надежда, что он может еще иметь некоторое влияние на императора и удерживать его от дурных поступков, или, по крайней мере, смягчать их вред, заставляли Сенеку медлить с отставкой. Несмотря на пристрастие к отвлеченным наукам, Сенека не был лишен практического смысла, отлично понимал свою ответственность перед народом и историей и употреблял свой утонченный ум не только на изучение философских хитросплетений, но также и на дела жизни. Советуя остерегаться людей и находить убежище от их злобы в объятиях

философии, мудрец напоминает, однако, что самому следует быть благожелательным и участливым к ближним.

Несомненно, что Сенека старался если не примирить Нерона с Агриппиной, то хотя бы предотвратить кровавую развязку их разрыва. Посланный допросить мать императора по обвинению ее в заговоре против Нерона, Сенека приносит, как результат, оправдание ее. Трудно поверить поэтому, чтобы тот же Сенека советовал Нерону убить Агриппину. Но весьма вероятно, что он был автором того письма Нерона, в котором император объяснял причины смерти Агриппины перед сенатом. В таком поступке нет ничего преступного. Скорее он свидетельствует о необыкновенном присутствии духа и необыкновенной смелости мысли, которая помогла Сенеке найти оправдания для ничем неоправдываемого возмутительного поступка ради предотвращения еще худших зол. В этом поступке Сенеки сказалась высшая мудрость государственного мужа, которому иногда приходится подавлять требования личной совести.

Однако после смерти Агриппины Сенека почувствовал невозможность далее оставаться при дворе Нерона и просил уволить его, причем все свое имущество возвращал императору. Нерон, однако, не сразу согласился отпустить философа. После первого прощения Нерон ответил милостивым рескриптом, в котором уговаривал Сенеку остаться. При личном свидании он обнял и поцеловал философа и вообще выказал ему все знаки расположения. В это время жестокость Нерона достигла уже высших пределов. Почти каждый день при-

носил известие о смерти того или другого знатного римлянина, убитого по приказанию Нерона, или умершего добровольно, чтобы не иметь необходимости умереть насильственно. В числе последних был и брат философа, Люций Анней Мела. Сенека возобновил прошение об отставке и наконец добился ее.

Он сразу изменил образ жизни, перестал бывать в Риме и окончательно предался научным занятиям. Однако подозрительность Нерона преследовала его в уединении его вилл. Император хотел отделаться ядом от свидетеля его преступлений. Сенека в своих собственных дворцах должен был ограничить свой стол овощами и чистой водой из опасения отравы.

В 65 году против Нерона был составлен заговор, известный в истории под именем заговора Пизона. Благодаря болтливости куртизанки Епихариды, проведавшей о заговоре, он был, раскрыт, и участники его подверглись казням. Пизон был друг Сенеки, и одного этого было достаточно для Нерона, чтобы, придравшись к случаю, открыто умертвить того, кого не удалось отравить тайно. Обвинение Сенеки было основано на доносе вольноотпущенника Наталиса, переданного, будто Сенека связывал свое спасение со спасением Пизона. Сенека был приговорен к смерти, причем, в виде особой милости, ему было предоставлено право кончить жизнь самоубийством. Последние часы Сенеки прекрасно описаны у Тацита:

Получив известие о приговоре, Сенека хотел было сделать завещание, в чем, однако, ему было отказано. Тог-

да, обратившись к своим друзьям, философ сказал, что, так как ему не позволено завещать им его имущество, у него все же останется еще одна вещь, быть может, самая драгоценная из всех, а именно: образ его жизни, отличительной чертой которого была любовь к науке и привязанность к друзьям. Философ утешал друзей и уговаривал не плакать, напоминая об уроках стоической философии, проповедавшей сдержанность и твердость. Он обратился затем к своей жене и умолял ее умерить свою печаль, не сокрушаться долго и позволить себе некоторые развлечения, смягчая горечь по утрате любимого мужа воспоминаниями о его жизни, посвященной философии. Паулина протестовала, уверяя, что смертный приговор касается их обоих и тоже велела открыть себе жилы.

Сенека не противился столь благородному решению ее, не столько из любви к своей жене, сколько из боязни тех обид, которым она может подвергнуться, когда его не будет. Затем Сенека открыл себе жилы на руках; но так как его старческая кровь вытекала медленно, он перерезал также артерии и на ногах. Опасаясь чтобы вид его, истекающего кровью, не смутил жены, он велел перенести себя в другое помещение.

Нерон не имел причин ненавидеть Паулину, и, боясь, чтобы ее смерть не выказала его слишком жестоким, велел спасти ей жизнь. Ей перевязали жилы, и она прожила еще несколько лет, свято чтя память своего мужа. Однако она все-таки потеряла много крови, о чем свидетельствует до конца ее жизни бледность ее лица и худоба членов. Тем временем Сенека, к которому все не приходила смерть, приказал дать себе яду,

но яд не подействовал. Тогда философ велел посадить себя в горячую ванну. Он сделал возлияние Юпитеру Освободителю и вскоре испустил дух. Согласно ранее сделанному завещанию, он был положен на костер, без обычной в таких случаях пышности.

Так кончил свою жизнь Сенека. Замечательно, что он прибегнув к тому самому виду самоубийства, который рекомендует в своих письмах к Лицилию.

СОКРАТ

Сократ (470/469 — 399 гг. до н. э.) — древнегреческий философ.

Сократ был приговорен к смертной казни по официальному обвинению за «введение новых божеств и за развращение молодежи в новом духе», то есть за то, что мы сейчас называем инакомыслием. В процессе над философом приняло участие около 600 судей. За смертную казнь проголосовали 300 человек, против 250. Сократ должен был выпить «государственный яд» — цикуту (*Conium maculatum*, болиголов пятнистый). Ядовитым началом в нем является алкалоид конииин ($C_8H_{17}N$). Этот яд вызывает паралич окончаний двигательных нервов, очевидно, мало затрагивающий полушария головного мозга. Смерть наступает из-за судорог, приводящих к удушью. Некоторые специалисты, правда, считают, что цикутой называли не болиголов, а вех ядовитый (*Cicuta virosa*), в котором содержится

ядовитый алкалоид цикутотоксин. Впрочем, сути дела это не меняет.

По некоторым причинам казнь Сократа была отложена на 30 дней. Друзья уговаривали философа бежать, но он отказался.

Как повествует ученик и друг Сократа Платон, последний день философа прошел в просветленных беседах о бессмертии души. Причем Сократ так оживленно обсуждал эту проблему с Федоном, Симмием, Кебетом, Критоном и Аполлодором, что тюремный прислужник несколько раз просил собеседников успокоиться: оживленный разговор, дескать, горячит, а всего, что горячит, Сократу следует избегать, иначе положенная порция яда не подействует и ему придется пить отраву дважды и даже трижды.

Собственно говоря, весь месяц со дня вынесения приговора до дня казни был для Сократа сплошным монологом в диалогах о сущности смерти. Зачин был дан на суде, когда после вынесения приговора Сократ сказал: «...Похоже, в самом деле, что все произошло к моему благу, и быть этого не может, чтобы мы правильно понимали дело, полагая, что смерть есть зло...

Умереть, говоря по правде, значит одно из двух: или перестать быть чем бы то ни было, так что умерший не испытывает никакого ощущения от чего бы то ни было, или же это есть для души какой-то переход, переселение ее отсюда в другое место... И если бы то было от-

сутствием всякого ощущения, все равно что сон, когда спят так, что даже ничего не видят во сне, то смерть была бы удивительным приобретением. Мне думается, в самом деле, что если бы кто-нибудь должен был взять ту ночь, в которую он спал так что даже не видел сна, сравнить эту ночь с остальными ночами и днями своей жизни и, подумавши, сказать, сколько дней и ночей прожил он в своей жизни лучше и приятнее, чем ту ночь, то, я думаю, не только всякий простой человек, но и сам Великий царь (традиционное наименование персидских царей, чьи власть и богатства служили символом земного счастья) нашел бы, что вся жизнь ничем не лучше одной ночи».

Накануне казни-самоубийства Сократ признался своим друзьям в том, что он полон радостной надежды, — ведь умерших, как гласят старинные предания, ждет некое будущее. Сократ твердо надеялся, что за свою справедливую жизнь он после смерти попадет в общество мудрых богов и знаменитых людей. Смерть и то, что за ней последует, представляют собой награду за муки жизни. Как надлежащая подготовка к смерти, жизнь — трудное и мучительное дело.

«Те, кто подлинно предан философии, — говорил Сократ, — заняты, по сути вещей, только одним — умиранием и смертью. Люди, как правило, это не замечают, но если это все же так, было бы, разумеется, нелепо всю жизнь стремиться к одной цели, а потом, когда она оказывается рядом, негодовать на то, в чем так долго и с таким рвением упражнялся».

Комментируя идеи великого грека, исследователь античной философии В. Нерсесянц пишет: «Подобные суждения Сократа опираются на величественное и очень глубокое, по его оценке, сокровенное учение пифагорейцев, гласившее, что «мы, люди, находимся как бы под стражей и не следует ни избавляться от нее своими силами, ни бежать». Смысл пифагорейского учения о таинстве жизни и смерти состоит, в частности, в том, что тело — темница души (эта идея принадлежит Филолаю) и что освобождение души от оков тела наступает лишь со смертью. Поэтому смерть — освобождение, однако самому произвольно лишать себя жизни нечестиво, поскольку люди — часть божественного достояния, и боги сами укажут человеку, когда и как угодна им его смерть. Закрывая таким образом лазейку для самоубийства как произвольного пути к освобождению, пифагорейское учение придает жизни напряженный и драматический смысл ожидания смерти и подготовки к ней.

Рассуждая в духе пифагорейского учения, Сократ считал, что он заслужил свою смерть, поскольку боги, без воли которых ничего не происходит, допустили его осуждение. Все это бросает дополнительный свет на непримиримую позицию Сократа, на его постоянную готовность ценой жизни отстоять справедливость, как он ее понимал. Подлинный философ должен провести земную жизнь не как попало, а в напряженной заботе о дарованной ему бессмертной душе.

Сократовская версия жизни в ожидании смерти была не безразличием к жизни, но, скорее, сознательной установкой на ее достойное проведение и завершение.

Ясно поэтому, как трудно приходилось его противникам, которые, столкнувшись с ним, видели, что обычные аргументы силы и приемы устрашения не действуют на их оппонента. Его готовность к смерти, придававшая невиданную прочность и стойкость его позиции, не могла не сбить с толку всех тех, с кем он сталкивался в опасных стычках по поводу полисных (городских, в смысле: государственных.) и божественных дел. И смертный приговор, так логично завершивший жизненный путь Сократа, был в значительной мере желанным и спровоцированным им самим исходом. Смерть Сократа придала его словам и делам, всему, что с ним связано, ту монолитную гармоничную целостность, которая уже не подвержена коррозии времени...

...Сократовский случай преступления позволяет проследить трудные перипетии истины, которая входит в мир как преступница, чтобы затем стать законодательницей. То, что в исторической ретроспективе очевидно для нас, было — в перспективе — видно и понятно самому Сократу: мудрость, несправедливо осужденная в его лице на смерть, еще станет судьей над справедливостью. И, услышав от кого-то фразу: «Афиняне осудили тебя, Сократ, к смерти», — он спокойно ответил: «А их к смерти осудила природа».

Свой последний день философ провел так же спокойно, как и предшествующие. На закате, оставив друзей, Сократ удалился на предсмертное омовение. Согласно орфико-пифагорейским представлениям, омовение это имело ритуальный смысл и символизировало очищение тела от грехов земной жизни. Совершив омовение, Со-

крат вернулся к друзьям и родным. Наступил момент прощания. Родные получили от философа последние наставления, после чего он попросил их вернуться домой. Друзья остались с Сократом до конца.

Когда принесли цикуту в кубке, философ спросил у тюремного служителя:

— Ну, милый друг, что мне следует делать?

Служитель сказал, что содержимое кубка надо пить, затем ходить, пока не возникнет чувство тяжести в бедрах. После этого нужно лечь.

Мысленно совершив воздаяние богам за удачное переселение души в иной мир, Сократ спокойно и легко выпил чашу до дна. Друзья его заплакали, но Сократ попросил их успокоиться, напомнив, что умирать должно в благоговейном молчании.

Он походил немного, как велел служитель, а когда отяжелели ноги, лег на тюремный топчан на спину и закутался. Тюремщик время от времени подходил к философу и трогал его ноги. Он сильно сжал стопу Сократа и спросил, чувствует ли тот боль? Сократ ответил отрицательно. Надавливая на ногу все выше и выше, служитель добрался до бедер. Он показал друзьям Сократа, что тело его холодеет и цепенеет, и сказал, что смерть наступит, когда яд дойдет до сердца. Внезапно Сократ откинул одеяние и сказал, обращаясь к одному из друзей: «Критон, мы должны Аксепию петуха. Так отдайте же, не забудьте». Это были последние слова

философа. Критон спросил, не хочет ли он сказать еще что-нибудь, но Сократ промолчал, а вскоре тело его вздрогнуло в последний раз.

Асклепий — бог врачевания; поэтому последние слова Сократа можно трактовать двояко: либо он имел в виду отблагодарить божество жертвоприношением птицы за выздоровление своей души (то есть за освобождение ее от тела), либо это была горькая ирония.

Любопытный комментарий к последним словам греческого мыслителя принадлежит Ницше: «Я восхищаюсь храбростью и мудростью Сократа во всем, что он делал, говорил — и не говорил. Этот насмешливый и влюбленный афинский урод и крысолов (имеется в виду легенда о крысолове-флейтисте, уведшем за собой детей города Гаммельна), заставлявший трепетать и заливаться слезами заносчивых юношей, был не только мудрейшим болтуном из когда-либо живших: он был столь же велик в молчании. Я хотел бы, чтобы он и в последнее мгновение жизни был молчаливым, — возможно, он принадлежал бы тогда к еще более высокому порядку умов. Было ли смертью или ядом, благочестием или злобой — что-то такое развязало ему в это мгновение язык, и он сказал: «О, Критон, я должен Асклепию петуха». Это смешное и страшное «последнее слово» значит для имеющего уши: «О, Критон, жизнь — это болезнь!» Возможно ли! Такой человек, как он, проживший неким солдатом весело и на глазах у всех, — был пессимист! Он только сделал жизни хорошую мину и всю жизнь скрывал свое последнее суждение, свое сокровеннейшее чувство! Сократ, Сократ страдал от жизни! И он отомстил еще ей за это — тем

таинственным, ужасным, благочестивым и кощунственным словом!».

(Платон. Собрание сочинений в 4 томах, М., т. 1; Нерсисянц В. Сократ. М., 1977; Ницше Ф. Сочинения в 2 т. М., 1990, т. 1)

ФАДЕЕВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ

Александр Александрович Фадеев (1901 — 1956) — советский писатель, много лет был руководителем Союза писателей СССР.

По сообщению «Правды», причиной самоубийства Фадеева был алкоголизм. «Но это было очередная неправда «Правды», — возражает литератор Ю. Кротков, — так как в литературных кругах Москвы хорошо знали, что Александр Александрович последние три месяца перед выстрелом не пил. Он был все это время совершенно трезвым, что вызывало общее удивление, и покончил с жизнью в состоянии ясного рассудка. Более того, известно, что Фадеев долго и тщательно готовился к этому решающему акту. Известно, что он ездил по памятным местам, посещал старых друзей, как бы прощаясь с тем, что ему было дорого...

Непосредственным поводом к выстрелу явилось следующее.

После того как началась реабилитация невинно пострадавших при Сталине, некоторые жертвы Фадеева (то есть те, кто был арестован и посажен по ордерам, завизированным Фадеевым) вернулись в Москву. Среди них был писатель, которого я обозначу М., так как с нее начиналась его фамилия. Этот писатель публично назвал Фадеева негодяем и чуть ли не плюнул ему в лицо. После этого М. повесился. (Очевидно, Ю. Кротков имеет в виду писателя Ивана Макарьева, репрессированного в 1937 г. и реабилитированного в 1956-м. Однако, во-первых, Макарьев покончил в 1958 г. (через два года после Фадеева), во-вторых, он сделал это, вскрыв себе вены, а не повесившись, и, в-третьих, причина самоубийства как свидетельствуют Л. Копелев и Р. Орлова, была иной — он пропил две тысячи рублей партийных взносов и страшился «персонального дела». Что ж, и это молча проглотить? Были такие, которые глотали и даже улыбались. Но ведь писатель М. повесился, он не вынес все невзгоды сталинских исправительно-трудовых лагерей, выжил, а вот вернулся и тут, в Москве, назвав Фадеева негодяем, повесился. Надо было быть полнейшим ничтожеством, чтобы не почувствовать глубины этого факта.

Тени жертв, видимо, стали преследовать Фадеева. Но это не все, хотя одного этого уже было бы достаточно для того, чтобы прийти к мысли, что наступил час расплаты».

Другой аспект трагедии Фадеева заключался в жесточком творческом кризисе. Кончилась неудачей его работа над романом «Черная металлургия», ибо материалы, которыми пользовался писатель, оказались фальшивы-

ми. В какой-то момент Фадеев почувствовал, что уж не в силах написать ничего свежего, яркого, по-настоящему значительного.

Одна из жительниц подмосковного поселка Переделкино (где была дача Фадеева) рассказала Ю. Кроткову:

— В тот день (день самоубийства) встретились мы по случаю подле Бахметьевской дачи, он мне и говорит: «Эх, приятельница, все у нас убивают и убивают. Вот пастух имеет свои заботы, вот у артиста, значит, пьеса, а что у писателя? А у писателя — думка. Так вот, приятельница, убивают думку, убивают...»

Разговор состоялся не накануне гибели писателя, а ранее, поскольку есть свидетельства, что с ночи 12 мая до самой смерти Фадеев находился у себя на даче. Как говорит домработница Ландышева, утром 13 мая Фадеев приходил к ней на кухню, но от завтрака отказался. Выглядел очень взволнованным. Потом он поднялся к себе в кабинет и написал два письма. Одно было адресовано жене — актрисе Московского художественного театра, другое — в ЦК КПСС. Закончив писать, Фадеев лег на диван, обложился подушками и выстрелил из револьвера системы «наган» прямо в сердце.

Накануне самоубийства у себя на московской квартире Фадеев встречался с писателями С. Маршаком и Н. Погодиным. Е. Книпович, секретарша Фадеева, рассказывала, что после разговора с Маршаком Фадеев никак

не мог успокоиться, хотел уснуть, но снотворные не помогли.

Письмо, адресованное Фадеевым в ЦК КПСС, было партийными чиновниками «арестовано» и увидело свет лишь спустя 34 года после смерти писателя. Началось оно так:

«Не вижу возможности дальше жить, так как искусство, которому я отдал жизнь свою, загублено самоуверенно-невежественным руководством партии и теперь уже не может быть поправлено. Лучшие кадры литературы — в числе, которое даже не снилось царским сатрапам, физически истреблены или погибли, благодаря преступному попустительству власть имущих; лучшие люди литературы умерли в преждевременном возрасте; все остальное, мало-мальски способное создавать истинные ценности, умерло, не достигнув 40—50 лет».

А вот финал письма:

«Литература — этот высший плод нового строя — унижена, затравлена, загублена. Самодовольство нуворишей от великого ленинского учения даже тогда, когда они клянутся им, этим учением, привело к полному недоверию к ним с моей стороны, ибо от них можно ждать еще худшего, чем от сатрапа Сталина. Тот хоть был образован, а эти — невежды.

Жизнь моя, как писателя, теряет всякий смысл, и я с превеликой радостью, как избавление от этого гнусно-

го существования, где на тебя обрушиваются подлость, ложь и клевета, уйду из этой жизни.

Последняя надежда была хоть сказать это людям, которые правят государством, но в течение уже 3-х лет, несмотря на мои просьбы, меня даже не могут принять.

Прошу похоронить меня рядом с матерью моей».
(Столица. 1990, №1; Гласность. 1990, №15)

ФИДИЙ

Фидий (начало V в. до н. э. — около 432—431 гг. до н. э.) — древнегреческий скульптор периода высокой классики.

Греческое классическое искусство достигло своего высшего расцвета в середине V в. до н. э. Целая плеяда скульпторов и живописцев первой половины V в. до н. э. и среди них старшие современники Фидия, знаменитые ваятели Пифагор Регийский, Мирон и другие, утверждали в своем творчестве новый истинно греческий художественный стиль. Изображая воина или атлета, мифологического героя или божество, и Пифагор, и Мирон создавали образы человека — живого, красивого, подвижного и сильного. Но и этим талантливым мастерам, и их современникам еще не удалось достичь раскрытия внутреннего мира человека, его чувств и переживаний.

Только Фидий сумел вдохнуть в образы классической красоты полнокровную жизнь, показать большую духовную силу человека, его достоинство, ярко охарактеризовать каждого героя, создать грандиозные динамические композиции, полные глубокого внутреннего смысла. Этот великий художник завершил искания своих предшественников, сделал новый большой шаг в развитии реалистического искусства, заняв первенствующее положение среди мастеров своего времени.

О жизни Фидия сохранилось очень мало сведений; трудно даже установить время создания некоторых его работ. Родился он в Афинах в начале столетия, умер в 431 г. до н. э.; работал в разных местах Греции, но большая часть его творческой биографии связана с Афинами. Детство и юность Фидия прошли в годы греко-персидской войны. Почти всю свою творческую деятельность он посвятил созданию памятников, прославляющих родину и ее героев.

С 460 г. до н. э. Фидий начал работать в Афинах. Этот город-государство, передовая греческая рабовладельческая республика, центр греческой культуры, занял во время войны ведущее место и стал в 478 г. до н. э. главой Афинского морского союза. Руководящую роль в правительстве Афинского государства играл энергичный и влиятельный политический деятель стратег Перикл. Считая, что Афины вправе благодаря своему положению гегемона греческих государств распоряжаться союзной казной, Перикл решил использовать эти средства на восстановление города и Акрополя. Выступая на народном собрании афинян, он объяснил им: «Город достаточно снабжен необходимым для войны,

поэтому излишек в денежных средствах следует употребить на постройки, которые, после своего окончания, доставят гражданам бессмертную славу, во время же производства работ улучшат их материальное положение» (Плутарх, «Перикл», II, 12, перевод Г. Янчевецкого).

Центральный архитектурный комплекс Афин — Акрополь, застроенный до войны культовыми сооружениями, украшенный многими дарственными статуями, теперь лежал в развалинах. Прежде чем начать его реконструкцию, следовало разобрать руины, очистить место для главных построек, на что потребовалось несколько лет. Но и пустынным Акрополь не мог долго оставаться; постепенно на нем афиняне стали устанавливать статуи богов и героев. Одним из первых памятников (около 460 г. до н. э.), воздвигнутых на Акрополе, была бронзовая статуя бога Аполлона работы Фидия.

Статуя Аполлона и монументы в Платеях и Дельфах создали Фидию репутацию первоклассного мастера, и Перикл, близким другом и соратником которого впоследствии стал художник, поручил ему большой государственный заказ — изваять для Акрополя колоссальную статую богини Афины — покровительницы города. На площади Акрополя, недалеко от входа, была установлена в 450 г. до н. э. величественная бронзовая скульптура высотой 9 м.

Вскоре на Акрополе появилась еще одна статуя работы Фидия. Это был заказ афинян, живших вдали от

родины (так называемых клерухов). Поселившись на острове Лемонсе, они пожелали поставить на Акрополе статую Афины, получившей впоследствии прозвище «Лемния».

Афина Промахос и Афина Лемния утвердили по всей Греции славу Фидия, и его привлекли теперь к двум самым грандиозным работам того времени: созданию колоссальной статуи бога Зевса в Олимпии и руководству реконструкцией всего ансамбля афинского Акрополя.

Руководителем работ по созданию большого и разнообразного скульптурного убранства Парфенона античные литературные источники называют Фидия.

В середине 50-х гг. нашего столетия были открыты археологами развалины мастерской Фидия в Олимпии (к востоку от храма Зевса). В руинах, заброшенных и опустошенных, найдено небольшое количество форм из грубой глины для отформовки из тонких пластинок золота частей женской одежды для небольших фигур, мелкие кусочки слоновой кости, крошки золотой фольги, железные, бронзовые и свинцовые пластинки для скрепления форм и частей деревянной основы статуи, кусочки стекла для инкрустации трона, инструменты из кости и бронзовый молоточек для обработки поверхности золота. Среди инструментов найдена маленькая, покрытая лаком чашечка с процарапанной надписью как бы от имени сосуда «я собственность Фидия».

Кроме всемирно известных статуй Афины на Акрополе и Зевса в Олимпии, Фидий создал и ряд других произведений. Так, он принял участие в конкурсе на статую амазонки для храма Артемиды в Эфесе. В этом состязании выступили знаменитый современник Фидия пелопонесский мастер Поликлет, ученик и сотрудник Фидия Кресилай и скульптор Фрадмон. Лучшей была признана работа Поликлета. Сохранились три различных варианта статуй амазонки в римских мраморных копиях, а недавно опознан и четвертый вариант. Все амазонки изображены ранеными, вероятно, это было условием заказа. Несколько мраморных римских копий повторяют бронзовый оригинал амазонки Фидия, лучшая из которых недавно открыта в раскопках виллы римского императора Адриана (II в. н. э.) в Тиволи близ Рима. Амазонка Фидия высокая стройная девушка-воительница, в коротком хитоне, стоит, склонив голову; она ранена в левое бедро и осторожно выставила вперед ногу. Судя по статуе из Тиволи, правой высоко поднятой рукой она опиралась на копье. Мягкие складки хитона, гибкость фигуры, плавность движения близко напоминают фигуры фриза Парфенона.

Другое из известных произведений Фидия — это статуя Афродиты Урании (небесной), опирающейся ногой на черепаху. Оригинал из золота и слоновой кости, стоявший в храме в Элиде (Пелопонес), погиб в древности; его мраморной копией считают теперь фрагментированную статую в Берлинском музее. Сильная молодая, полная грации женская фигура своими пропорциями, пластичностью, живописной игрой складок одежды походит на возлежащую богиню восточного фронта Парфенона.

Во всех творениях Фидия и его школы ярко воплотились прогрессивные черты греческого искусства V в. до н. э. Фидий создал произведения совершенные в своей художественной форме, полные глубокого гуманизма, величия и вместе с тем простые и понятные всем.

Художник кончил свою жизнь трагически. Политические противники Перикла, стремясь скомпрометировать этого государственного деятеля и его ближайших соратников, обвинили Фидия в утайке золота при работе над Афиной Парфенос. Фидий был заключен в тюрьму и не дождавшись оправдания, там он покончил жизнь самоубийством.

ХЕМИНГУЭЙ ЭРНЕСТ

Эрнест Хемингуэй — один из самых оригинальных писателей XX в. Но это не только яркий феномен литературно-художественной жизни, но и один из известнейших людей своего поколения.

Эрнест Хемингуэй родился в маленьком городке Оук Парк, который фактически считается пригородом Чикаго. Это произошло 21 июля 1899 г.

Семья была уважаемой и интеллигентной. Холлы — родители матери Хемингуэя принадлежали к элите местного общества, были людьми самостоятельными и религиозными. Их дочь Грейс Холл выделялась музы-

кальной одаренностью, собиралась выступать с концертами, однако замужество вынудило расстаться с этой мечтой. Отец будущего писателя Кларенс Хемингуэй окончил медицинский колледж, выбрал карьеру врача и какое-то время собирался заниматься одновременно и миссионерской деятельностью.

Всего в семье Хемингуэя было шестеро детей. Самой старшей была сестра Марселина, которая родилась годом раньше Эрнеста, за ним последовали Урсула, Кэрол, Маделин. Младший брат Лестер был моложе Эрнеста на 16 лет. В детстве будущего писателя окружали достаток и внимание.

Эрнесту было пять лет, когда умер дед по материнской линии, который оставил большое состояние. Деньги ушли на постройку нового 15-комнатного дома с музыкальным салоном.

В июне 1917 г. Эрнест заканчивает школу, где было достаточно высокое качество преподавания. Вскоре у мальчика возникло желание записаться в армию и отправиться на фронт. Но против этого решительно выступил отец. Пришлось подчиниться. Младший брат отца Тайлер, крупный лесопромышленник, предложил Эрнесту приехать в Канзас сити и поработать в местной газете. Работа репортера в «Канзас сити стар» пришлась по душе Хемингуэю, но его не оставляла мысль о фронте.

В конце апреля 1918 г. Эрнест с группой молодых людей отплыл из Нью-Йорка на борту лайнера «Чикаго». Они высадились в Бордо, откуда отправились в Париж. Оттуда в качестве водителя санитарной машины Красного креста Хемингуэй был командирован в Италию. В Милане он получил первое боевое крещение. В городе произошел взрыв на военном заводе и Эрнесту пришлось эвакуировать пострадавших. С этой поры сцены крови, смерти, человеческих страданий в его произведениях сделались для него привычными.

В Милане Хемингуэю суждено было пережить и первую большую любовь, которая принесла ему много радости и большие страдания. Агнеса фон Куровски, сестра американского Красного Креста, очень привязалась к своему храброму «подопечному» — то ироничному, то веселому, всегда какому-то неожиданному, совсем не считавшему себя героем и стыдившемуся своей короткой военной биографии. Но она была на несколько лет старше его и отказалась стать его женой.

8 июля 1918 г. Эрнест был многократно ранен в обе ноги ниже колен. Всего было извлечено 28 осколков, однако около двух сотен все еще оставались в его теле. На первых порах ему грозила ампутация ноги и опасность, что он останется инвалидом, неспособным к передвижению.

Будучи человеком впечатлительным, Эрнест необычайно остро переживал ранение. Но ему удалось выздороветь. Процесс лечения занял около трех месяцев.

Пережитое на фронте оставило в его памяти рану, которая не заживала.

Жизнь очень рано столкнула его со смертью, и он много пишет о ней. Это и насильственная смерть охотника, матадора, и смерть от болезни, и массовая гибель людей на войне.

Отношение к смерти у него сложное. Его интересует, как ведут себя люди перед лицом страданий и смерти, как принимают смерть.

В январе 1919 г. Хемингуэй возвращается домой. В это время в его жизни произошло важное событие — знакомство с Хедли Ричардсон, начинающей пианисткой, уроженкой Сен Луиса. Хедли была старше Хемингуэя на 7 лет. Она только что похоронила свою мать, за которой старательно ухаживала, и чувствовала себя одинокой. Высокая, стройная, с приятной внешностью, Хедли была музыкальна, начитана, отличалась ровным характером. В сентябре молодые люди поженились.

В конце 1922 г. Хемингуэй, находящийся в Париже, получает задание от газеты — срочно отправиться в Константинополь для освещения греко-турецкого конфликта. Это была вторая война, свидетелем которой стал Хемингуэй. К великой радости Хедли, он скоро вернулся невредимым с Ближнего Востока.

Хемингуэй был нелегким в общении человеком. Его отношения с окружающими обычно складывались сложно. Он был неутомимым читателем и собрал библиотеку, которая насчитывала более 7400 томов.

В 1926 г. душевное состояние Эрнеста отнюдь не было безмятежным. В жизнь писателя вошла новая женщина — Полина Пфейфер, молодая богатая американка, дочь промышленника, президента компании по производству пива в Арканзасе. Вместе со своей сестрой Вирджинией она жила в Париже, где работала редактором местного журнала «Мода». Вместе с сестрой девушка стала бывать в доме у Хемингуэя, выгодно конкурируя с Хедли, скромно одетой и поглощенной семейными делами.

Оформив развод с Хедли, писатель постарался максимально обеспечить материально ее и сына, выделив им все доходы от романа «И восходит солнце».

Любовь к женщине нередко служила источником вдохновения для Хемингуэя в пору написания его лучших книг. Агнес фон Куровски была вдохновительницей романа «Прощай оружие!», Марта Геллхорн, третья жена писателя, — романа «По ком звонит колокол», молодой итальянке Андриане Иванчич — посветил «Старик и море». Дафф Туизден, в отличие от Полины Пфейфер, не решилась, однако, вторгнуться в семейную жизнь Хемингуэя.

В конце мая 1928 г. Эрнест вместе с Полиной навестили ее родителей в городе Пиготт в Арканзасе, после чего Полина отправилась к его родителям. В июне, находясь в Канзас сити, она родила второго сына, которого назвали Патрик. Всю вторую половину года Хемингуэй путешествовал по стране, был на Западе, в Нью-Йорке.

В это время 57-летний доктор Кларенс Хемингуэй был тяжело болен, страдал диабетом, к тому же он попал в полосу денежных затруднений и переживал психическую депрессию. Когда отец обратился за помощью к своему брату Джорджу, человеку состоятельному, директору банка, то наткнулся на отказ. Это и стало каплей, переполнившей чашу. Брат Эрнеста Хемингуэя, Лестер, 13 лет, который находился дома из-за простуды, вспоминает, как отец пришел домой на ленч, а затем поднялся на второй этаж в спальню. В своем автобиографическом романе «Зов трубы» Лестер вспоминает, как неожиданно он услышал что-то, похожее на выстрел. Он поднялся в комнату отца, которая была затемнена. Отец лежал с закрытыми глазами на кровати и тяжело дышал. Лестер просунул руку отцу под голову и обнаружил кровь. Отец выстрелил себе в голову из пистолета 32-го калибра, который принадлежал деду писателя по отцовской линии Энсону Хемингуэю, ветерану Гражданской войны.

Смерть доктора Хемингуэя потрясла писателя. Он называл поступок отца «трусостью», хотя и понимал, что тот пожертвовал собой во имя семьи, чтобы помочь близким с помощью страховки выйти из материальных

затруднений. После смерти отца Эрнест распорядился высылать постоянную сумму матери.

Самоубийство отца будет преследовать писателя, он возвратится к этому в своих произведениях 30-х гг..

В это время Хемингуэй становится уже известным писателем. К нему часто приезжают посетители, с ним ищут знакомств.

Сменив несколько квартир, Хемингуэй в декабре 1931 г. стал хозяином купленного им красивого двухэтажного особняка. Полина Пфейфер заботилась о том, чтобы в доме был уют. Она вложила немало средств и сил в оформление интерьера особняка. Дом постоянно модернизировался, в 1938 г. по инициативе Полины в саду был построен бассейн с морской водой.

Человек самолюбивый, наделенный чувством собственного достоинства, Хемингуэй стремился первенствовать, быть чемпионом не только на писательском поприще. Он стремился доказать свое превосходство даже в ловле морских рыб, на боксерском ринге, быть самым метким стрелком.

В 1930 г. Хемингуэй попал в тяжелую аварию. Вместе со своим другом, писателем Дос Пассосом, он ехал по скользкой дороге на большой скорости. Эрнест, который был за рулем, был ослеплен фарами встречной машины, но успел свернуть в сторону, и машина, пере-

вернувшись, оказалась в кювете. Хемингуэй получил сильнейшие ушибы, переломы руки, нескольких пальцев, пострадало зрение. Писатель был доставлен в ближайший госпиталь, где почти два часа находился на операционном столе.

Всю весну следующего, 1931 г. Хемингуэй страдал от последствий этой аварии: рука болела, он с трудом мог водить пером.

В ноябре 1931 г. у Полины родился мальчик, которого назвали Грегори. Так Эрнест Хемингуэй стал отцом троих сыновей.

Между тем в начале 30-х гг. в жизнь Хемингуэя входит новая любовь. В сентябре 1931 г. во время поездки в Нью-Йорк он познакомился с четой Мейсонов, Джейн и Грантом. Это были богатые люди. В момент знакомства с Хемингуэем Джейн было 22 года. Она блистала классической красотой. Президент Кулидж назвал ее самой привлекательной женщиной, когда-либо посетившей Белый дом. Полина не без тревоги наблюдала за развитием событий, однако не предпринимала решительных шагов. Писатель, видимо, не думал о том, чтобы серьезно соединить свою жизнь с Джейн, в которой его раздражали тяга к роскоши и неуравновешенный характер. Она даже пыталась покончить жизнь самоубийством, выпрыгнув со второго этажа.

После опубликования сборника «Победитель не получает ничего» Хемингуэй смог осуществить свою дав-

нюю мечту — отправиться в Британскую Восточную Африку поохотиться.

В середине января 1934 г. в разгар сафари Хемингуэй заболел острой формой амебной дизентерии. Его пришлось вывозить из лагеря на самолете. После недельного интенсивного лечения Эрнест возвращается в Танганьики, где пробыл, пока не наступили дожди. Его трофеи составили три убитых льва, один буйвол и двадцать семь разных животных.

В Ки Уэсте писатель знакомится с Мартой Геллхорн, молодой одаренной журналисткой. Марта была на девять лет моложе Хемингуэя. Между ней и Хемингуэем возникает взаимная симпатия.

В конце 1944 г. Хемингуэй в очередной раз попал в неприятную историю. Однажды ночью, возвращаясь по затемненным лондонским улицам в машине в отель «Дорчестер», он наскочил на стальной бак для хранения воды. Писатель получил сотрясение мозга и многочисленные травмы: операция в больнице длилась два с половиной часа, хирурги наложили ему 57 швов. Хемингуэй долго еще ходил плотно забинтованный и не мог избавиться от головной боли.

Осень и зиму 1944—1945 гг. Хемингуэй провел в отеле «Ритц», чередуя отдых и работу с поездками на фронт. На фронте он снова становился внутренне собранным, мобилизованным.

В марте 1945 г. писатель из Парижа перебирается на Кубу. Исход войны был ясен, и писатель надеялся вернуться к письменному столу.

Весной 1945 г. на Кубе Хемингуэй погрузился в хозяйственные заботы. На своей усадьбе он даже написал «Э. Хемингуэй. Писатель и фермер».

Вскоре на Кубу прилетела Мери, с которой писатель был давно знаком, а теперь решил оформить брак. На вилле часто гостили его младшие сыновья Патрик и Грегори, к которым присоединился Джон, вернувшийся из плена. Отец гордился старшим сыном и рассказывал, что рана и шрам на его правом плече были размером с крупное яблоко.

Но и в это время жизнь писателя была далека от безмятежности. Болезни и травмы продолжали преследовать и Хемингуэя, и его близких. В апреле 1947 г. во время визита к матери его сыновья Патрик и Грегори попали в небольшую автомобильную катастрофу. При этом Патрик получил черепную травму, что вызвало головные боли. Затем Патрика постигла новая беда: он провалился на вступительных экзаменах в колледж. После этого у него обнаружили признаки психического заболевания. Патрик начал вести себя крайне агрессивно по отношению к отцу, перестал принимать пищу. Долгое время усилия врачей не имели успеха. Хемингуэй опасался за жизнь сына. Его друзья составили своеобразную медицинскую бригаду, которая все время ухаживала за сыном. В конце концов неожидан-

но дела у Патрика пошли на поправку, и он встал на ноги.

В это время пришлось Хемингуэю перенести и еще один удар: смерть Максуэлла Перкинса, испытанного друга и многолетнего редактора его произведений.

Зиму 1948—1949 гг. писатель провел на курорте Кортино д'Ампеццо, где увлекся охотой на вальдшнепов. Там с Хемингуэем случилась очередная неприятность: во время стрельбы пыж от пули попал в глаз, что вызвало воспалительный процесс. Писатель был помещен в больницу в Падуе, и врачи серьезно опасались заражения крови, что могло привести к потере зрения. В конце концов все кончилось благополучно.

В августе 1953 г., спустя ровно 20 лет, Хемингуэй отбыл на свое второе африканское сафари. Он отплыл на пароходе из Марселя и высадился в порту Момбаса в Кении. Там же находился и Филипп Персиваль, 68-летний белый охотник, сопровождавший его во время сафари 1933 г.

Вскоре после начала охоты Хемингуэй подстрелил первого льва. Такая же добыча была и у Мери, которая приехала вместе с мужем. Как и в 1933 г., писатель пользовался своим ружьем «Спрингфильд». Однако удачи чередовались у Хемингуэя с промахами: сказывался возраст и чрезмерное употребление спиртных напитков. Любивший во всем соревнование, писатель остро переживал, когда кому-то везло больше. Писа-

тель словно пытался забыть о возрасте и вернуть ушедшую молодость.

Всю осень 1953 г. лагерь кочевал по Танганьике, в пределах обширного охотничьего заповедника. Хемингуэй пребывал в бодром настроении, фантазировал, учил местных ребяташек водить автомобиль. Тут он подружился с людьми из местного племени масаи и даже перекрасил свою одежду в их цвета. Пробовал он также в духе масаи охотиться на леопарда с копьем. Писатель усвоил некоторые обычаи обитателей африканских джунглей. Здесь он встретил новый, 1954 г.

А дальше на голову четы Хемингуэев снова обрушилась полоса неудач. В конце января Хемингуэй вылетел с аэродрома Найроби с пилотом Роем Маршем на борту небольшого самолета марки «Чессна», чтобы с высоты птичьего полета полюбоваться вулканами и озерами Африки. Он увидел знаменитую вершину Килиманджаро, живописные берега озера Виктория, водопады. Мери удалось сделать множество снимков.

Во время третьего вылета самолет столкнулся с большой стаей птиц, машина потеряла управление, стала резко снижаться и наскочила, повредив пропеллер, на телеграфный столб. Пассажиры остались в живых, но получили множество травм. Мери сломала два ребра, а Хемингуэй серьезно повредил правое плечо. Пришлось провести ночь у костра неподалеку от стоянки слонов. На поиски пострадавших был отправлен самолет, но шум водопада заглушил его гул. Летчик обнаружил следы аварии и сообщил, что все пассажиры погибли.

Неожиданно утром на реке показался пароход. Отчаянными криками пострадавшие привлекли к себе внимание экипажа. Выяснилось позже, что пароход был зафрахтован режиссером Джоном Хастоном, который снимал здесь фильм «Африканская королева». Хемингуэя и его спутников доставили в поселок Бутиаба на берегу озера Альберта.

Однако беда не приходит одна. Чтобы забрать пострадавших, был направлен еще один самолет. Это была машина марки «Х-89 де Хевиленд Репид», пилотируемая Реджинальдом Картрайтом. Летное поле было в таком отвратительном состоянии, что при взлете самолет налетал на многочисленные ямы и кочки. Машину сильно трясло и бросало в разные стороны. Едва оторвавшись от земли, самолет загорелся и рухнул. Первой из кабины выбралась Мери, потом Рой Марш, за ними Картрайт. Последним из кабины удалось выбраться Хемингуэю. Он получил многочисленные серьезные травмы, в частности головы. Страдая от боли и кровотечения, писатель проделал 50-мильную дорогу до больницы в поселке Масинди. Позже Хемингуэй признался, что это было самое мучительное и долгое путешествие в его жизни.

Потом потребовался еще один переезд. Писателя доставили в приличный госпиталь в Энтеббе в Уганде. Там некоторое время писатель находился между жизнью и смертью. Он страдал от шума в голове, боли в разных частях тела, нарушения слуха. В этих условиях Хемингуэй мобилизовал все свое мужество. Находясь в госпитале, писатель во многих солидных изданиях прочитал сообщения о своей гибели в авиакатаст-

трофе и многочисленные некрологи, напечатанные по этому поводу. Хемингуэю ничего не оставалось, как отшутиться знаменитой фразой марка Твена: «Слухи о моей смерти преувеличены». Тем не менее он вырезал и хранил все подобные сообщения.

Несмотря на плохое физическое состояние и постоянные боли, Хемингуэй продиктовал статью для журнала «Лук», в которой поведал о всех несчастьях, которые в последнее время обрушились на его голову. Но и на этом его невзгоды не кончились. Неподалеку от охотничьего лагеря Шимони, где в это время отдыхал писатель, разразился лесной пожар. Несмотря на плохое самочувствие, Хемингуэй стал помогать бороться с огнем, упал в пламя. Его одежда загорелась, и он получил многочисленные серьезные ожоги.

Из Момбамы на пароходе «Африка» Хемингуэй отправился в Италию. В одной из клиник Венеции писатель прошел курс лечения.

В конце октября 1954 г. писатель получил известие о присуждении ему Нобелевской премии. По состоянию здоровья он не мог присутствовать на церемонии вручения награды. В Стокгольме его представлял американский посол в Швеции Джон Кэбот, который зачитал приветствие Хемингуэя. В нем писатель сообщал, что принимает награду «со смирением» и высказал свою любимую мысль о том, что «жизнь писателя, когда он на высоте, протекает в одиночестве».

Несмотря на ухудшающееся здоровье, тяжелое физическое и психическое состояние, писатель вел трудную борьбу с самим собой, пытаясь сохранить творческую форму. «Все работе и ничего развлечениям», — говорил он.

В конце января 1960 г. писатель приезжает на Кубу. Но пробыл здесь недолго. Вскоре он решил еще раз посетить Испанию. Там он встречается со своим давним знакомым Биллом Дэвисом, богатым американцем. Билл на этот раз был поражен глубокими переменами, которые произошли с писателем. Он был болен, утомлен, раздражен. К тому у Хемингуэя обнаружились явные психические расстройства — мания преследования. Писателю постоянно казалось, что он находится «под колпаком» у ФБР.

В ноябре 1960 г. Хемингуэя отправили в клинику Рочестера в штате Миннесота. Здесь он находился под именем Джорджа Сэвиера. Однако газетчики вскоре вычислили его. Писатель стал получать многочисленные письма сочувствия.

В конце января 1961 г., после 53 дней пребывания в клинике, Хемингуэй выписался и вернулся в Кетчум. Через три дня он уже писал: «Тружусь вновь с напряжением». Каждое утро он вставал в семь утра и садился за письменный стол.

На писателя начали находить полосы депрессии. Сознание того, что ему становится все труднее писать,

отказывает память, было столь мучительным, что порой Хемингуэй не мог сдержать слез.

Однажды Мери спустилась на первый этаж и заметила в руках мужа ружье, которое он собирался зарядить. Муж явно покушался на самоубийство. Мери начала его уговаривать не делать этого, напоминала о его мужестве, о троих сыновьях.

В конце апреля Хемингуэя вторично направили в клинику. Тут писателя подвергли интенсивному лечению, в том числе и электрошоку. Эта процедура ослабила волю писателя и пагубно сказалась на его памяти.

В конце июня писатель стал настаивать на возвращении домой. Его выписали, хотя Мери и просила не делать этого. Преодолев на машине 1700 километров, они вернулись в Кетчум. Это было 30 июня. На следующий день Хемингуэй встретились со своими друзьями. Казалось, ничто не предвещало беды.

2 июля 1961 г., в воскресенье, Хемингуэй встал, как всегда, рано. В доме еще все спали. Писатель одел свой красный халат, который в шутку называл «императорским», и спустился в подвал дома. Там находилась комната, где хранилось оружие. Дверь оказалась запертой. Хемингуэй нашел ключи, выбрал двуствольное ружье, вложил в него два патрона и поднялся в свой кабинет. Тут он приставил дуло к голове и нажал на курок.

6 июля в полдень его похоронили в Солнечной долине, где он любил охотиться, на склоне зеленого холма, в виду далеких гор...

Согласно его завещанию, дом на Кубе и все, что было собрано в нем более чем за двадцать лет, — книги, картины, произведения прикладного искусства, охотничьи трофеи, а также знаменитая старая пишущая машинка — были переданы его вдовой Мери Хемингуэй в дар кубинскому народу.

ЦВЕТАЕВА МАРИНА

Марина Цветаева — русская поэтесса, одна из самых ярких и значительных первой половины нашего века.

Марина Цветаева родилась в Москве 26 сентября 1892 г., в высококультурной семье, преданной интересам науки и культуры. Уже в шестилетнем возрасте Марина начала писать стихи, и притом не только по-русски, но и по-французски, и по-немецки. А когда ей исполнилось восемнадцать лет, выпустила первый свой сборник «Вечерний альбом» (1910 г.)

Не приняв революцию, в мае 1922 г. Марина Цветаева вместе с дочерью уезжает за границу к мужу, Сергею Эфрону, оказавшемуся в рядах белой эмиграции. Семья недолго жила в Берлине, затем поселилась в бли-

жайших окрестностях Праги, а в ноябре 1925 г. переехала в Париж.

В 1939 г. Марина Цветаева, после семнадцати лет бедственного пребывания за рубежом, получив советское гражданство, вернулась в Советский Союз вместе с сыном. Первое время она жила в Москве, а в июле 1941 г. эвакуировалась в Елабугу. Здесь, в этом маленьком городке, под гнетом несчастий, в одиночестве, она кончает с собой 31 августа 1941 г.

Надо отметить, что еще в семнадцатилетнем возрасте Марина Цветаева пыталась покончить жизнь самоубийством. Она даже написала прощальное письмо своей сестре, которое попало к ней только спустя тридцать два года.

Анастасия Цветаева — сестра поэтессы — пишет в своих «Воспоминаниях» (Москва, 1983 г.):

«Марина писала о невозможности жить далее, о решенности вопроса, прощалась и просила меня раздать ее любимые книги и гравюры — шел список и перечисление лиц. Было названо имя Драконны (Лидии Александровны Тамбурер), Вали Генерозовой (по мужу Зарембо) и старшей сестры нашей, с которой она уже год была в ссоре (ей, помнится, были гравюры, вывезенные из Парижа), и, наверное, еще были имена, но я их сейчас позабыла. Я не помню и себя, своего имени; определила ли и мне она что-то (может быть, Марина считала, что все, кроме сказанного, будет, естественно,

мне?). Но я помню строки, лично ко мне обращенные: «Никогда ничего не жалея, не считай и не бойся, а то и тебе придется так мучиться потом, как мне». (Эти слова я тоже привожу не совсем дословно, но три глагола — не жалеть, не считать, не бояться — были в этих строках.) Затем следовала просьба в ее память весенними вечерами петь наши любимые песни, в дни «Зимней сказки», нашей первой любви к Нилендеру, — мы пели в то время немецкую наивную любовную песенку: *Kein Feuer, Keine Kohle* («Никакой огонь, никакой уголь») и другие немецкие и французские песенки. «Никогда не бойся меня, я к тебе никогда не приду».

«Только бы не оборвалась веревка. А то — недовеситься — гадость, правда?» Эти строки я помню дословно. Из последующего, из последних строк четвертой узкой длинной странички (Мария Ивановна переписала страницу в страницу, как в оригинале) были слова, росшие, пока я их прочитывала, — до гигантских размеров. В них и в слезах, хлынувших, в их нечеловеческом уже утешении я утонула, перестав видеть их в схватке блаженства и горя, и не знаю, что было сильнее: «И помни, что я всегда бы тебя поняла, если была бы с тобою». И подпись.»

«1 февраля 1925 г. у Марины родился сын Георгий («Мур» — сокращенное от «Мурлыка», уцелевшее до его конца).

Как ласков он был к матери, как, мурлыча, лез к ней на диван!.. Куда и когда это исчезло? Сразу ли — и с какой болью — это заметила мать? И совсем — совсем

другой, новой матерью к нему была Марина! Ни тени той требовательности, какая была к Але... Вся материнская женственность, незнакомая мне в ней, светилась в ее сдержанно-умиленном, тающем в восхищении взгляде.

Марина была счастлива.

После двух дочерей обретенный сын. Исполнившаяся мечта! Гордость матери. Напоминающий не «Орленка», не сына, на которого походил его отец, Сережа, — на отца, на кумира Франции, о ком песня Гейне «Во Франции два гренадера. Из русского плена брели...». Исполненный ума и таланта, родившийся в ее струю! Красавец! Волевой, как она... В тринадцать лет начавший составлять антологию современной французской поэзии...

Да... Но о нем в десять лет мать писала (после похвал уму и познаниям): «Душевно неразвит...»

Ему было четырнадцать, когда он приехал в Россию. Был 1939 год. Я мало знаю о нем в следующие два года. Он проучился до войны в седьмом и восьмом классах. Девятый — должен был бы учиться в эвакуации. Теперь ему было шестнадцать лет. Был конец августа. На днях начиналось учение. Все в нем возмущалось от этой мысли: здесь, в этой Чухломе, — учиться? Это был бунт.

Слыша мое нерушимое утверждение, что Марина ушла из жизни не потому, что не вынесла сгустившихся

обстоятельств в окружавшей ее жизни, можно подумать, что я не отдаю себе отчета в том, что ее окружало.

Это неверно. Я все понимаю, все учла, все себе представляю отлично: вынужденная разлука с мужем и дочерью (с тех пор прошло уже два года). Война. Эвакуация.

Я имею сведения, что Марина много тяжелее других восприняла объявление войны, неожиданно вспыхнувшей на территории ее Родины, где она могла надеяться укрыться от пережитого на Западе. Она ждала, что сюда война не придет. Что она, казалось ей, погубившая ее любимую Чехию, не дойдет до ее России.

Марину охватило то, что зовут панический ужас. Жива память о том, как она подходила к чужим людям, об эвакуации говорившим еще до официального ее объявления, прося взять ее с сыном с собой: «Я в тяжесть не буду, у меня есть продукты, есть заграничные вещи... Я могу быть даже домработницей...»

Она рвалась прочь из Москвы, чтобы спасти Мура от опасности зажигательных бомб, которые он тушил.

Содрогаясь, она сказала Н. Г. Яковлевой: «Если бы я узнала, что он убит, — я бы, ни минуты не медля, бросилась бы из окна» (они жили на седьмом этаже дома 14/5 на Покровском бульваре). Но самая зажигатель-

ная сила зрела в Георгии: жажда освободиться от материнской опеки, жить, как он хочет.

Моему другу и редактору Маэли Исаевне Фейнберг рассказывал Константин Федин, как к нему пришла Марина Цветаева, умоляя его не допустить, чтобы ее разлучили с сыном, — детей этого возраста отправляли в эвакуацию от родителей отдельно. И вот они вместе. Сына не отняли. Что рядом с этим все трудности жизни? Но он бунтовал. Он не хотел жить в Елабуге. Она против его воли вывезла его из Москвы. У него там был свой круг, друзья и подружки. Он грубил. Марина переносила его грубости замершим материнским сердцем. Как страшно было его представить себе без ее забот в дни войны! Он же еще часу не жил без ее помощи. Он не понимал людей. Свел в Елабуге дружбу с двумя явно неподходящими, невесть откуда взявшимися молодыми мужчинами, много старше его. Он не желал слушать. Он не хотел лечить хроническое рожистое воспаление ноги. На каждом шагу спорил. К его тону она привыкла, а последние два года без отца — терпела. Все видевшие их рассказывают о ее необыкновенном терпении с ним. Все говорят, что «она его рабски любила». Эти слова я слышала от разных людей.

Перед ним ее гордость смирялась. Его надо было дорастить во что бы то ни стало, сжав себя в ком. Она себя помнила в его годы — разве она не была такой же? «Он молодой, это все пройдет», — говорила она на удивленные замечания знакомых, как она, мать, выносит такое обращение с собой. Рядом с ним вдвоем среди окружающих — все было легко.

Последним решающим толчком была угроза Мура, крикнувшего ей в отчаянии:

«Ну, кого-нибудь из нас вынесут отсюда вперед ногами!»

В этот час и остановилась жизнь.
«Меня!» — ухнуло в ней.

Есть смерть! Единственная соперница! Ее одной она испугалась, как вчера хотела для прокорма сына ехать за город, так сегодня прозвучало его: «За предел! Туда! Насовсем!» Дать свободу — единственное, чего он хотел!

В отчаянном крике сына матери открылась его правда: «вместе» их — кончилось! Она уже не нужна ему! Она ему мешает...

Все связи с жизнью были порваны. Стихов она уже не писала — да и они бы ничего не значили рядом со страхом за Мура. Еще один страх снедал ее: если война не скоро кончится, Мура возьмут на войну.

Да, мысль о самоубийстве шла с ней давно, и она об этом писала. Но между мыслью и поступком — огромное расстояние.

В 1940 г. она запишет: «Я уже год примеряю смерть. Но пока я нужна». На этой нужности она и держалась. Марина никогда не оставила бы Мура своей волей, как бы ей ни было тяжело.

Годы Марина примерялась взглядом к крюкам на потолке, но пришел час, когда надо было не думать, а действовать — и хватило гвоздя.»

«В Москве мы через Вадима Сикорского позвали к Со-не и Юде Каган в Молочный переулок детского писателя А. А. Соколовского, в 1941 г. подростком находившегося в Елабуге со своей матерью, детской писательницей Н. Саконской. О том, что она начинала дружить с Мариной, — мы слышали, как и о том, что смерть Марины тяжело повлияла на ее сына. Ему в тот год было тринадцать — четырнадцать лет. Мать его умерла.

Он говорил о теплых отношениях между Мариной и его матерью и о Муре, которого не видел после смерти Марины. Теперь этот давно выросший подросток сидел перед нами. Держался он просто и дружески.

Мур передал ему свои слова к Марине, сказанные в пылу раздражения: «Ну уж, кого-нибудь из нас вынесут отсюда вперед ногами!..»

Беспощадно грубые слова шестнадцатилетнего Мура прозвучали в материнстве Марины — приказом смер-

ти — себе. Услышанные через девятнадцать лет, прозвучали мне — откровением о настоящем существе ее смерти: ее самоубийство — в сумасшедшем завязавшемся узле их, вдвоем, заброшенности в чужое место меж чужих людей, сжатых войной, одиночеством, — было жертвенным.

Ее смерть его от смерти — удержит. Наступал деловой час бесстрашия. Кто мог спасти его от него самого, кроме нее? Нельзя было терять ни дня!
Уходила, чтобы не ушел он!

Искала работы, намеревалась продать столовое серебро, поселясь в найденной комнате. К ней подошла смерть — в неистребимой серьезности. Отвести ее рукой, обойти — означало подвергнуть опасности смерти самого близкого человека — сына. Этого она не могла.

Так меня, верящую, что жизнь надо терпеть до конца, озарило знание тех Марининых дней. Страшным шагом ответила на неразумные слова сына — чтобы не сделал этого он.

Любовь к сыну помогала ей упорно искать работу. Ей все еще верилось, что, как в детстве его, они — одно. Но когда в роковой час его горделивой угрозы, что, по несогласию его с их жизнью в Елабуге он может уйти в смерть, — открылись ее глаза на сына: он уже не одно с ней! Оттолкнув мать, он может шагнуть в смерть. С этой соперницей — спора нет. Вырос! В отчаянии выбирает себе другую спутницу! Спора — нет. Ей, его

заслонив, отдать себя. Устраниться с его пути. Дать полную от себя свободу. Что могло быть полней? Жить без него? Это она не могла. Рассуждать некогда. Выход найден! О, как надо было спешить!

В 1941 г., накануне эвакуации Литфонда, Марина с сыном собиралась к отъезду. Мне передали рассказ подруги ее дочери Али — Нины (фамилии не узнала). Она застала Марину, в смятении укладывающую в чемодан вместе — нужное и ненужное, растерянную тем, что Мур не хотел ехать, спорит с ней. Она спасала его от смерти. Он же еще был мальчик! Спасала.

Ее просьба, настойчивая, не носить парижского костюма, беречь его до окончания школы, потому что такого по тем временам «не достанешь», раздражала его. Мур давно уже вырос (был ростом с отца) и, вероятно, не рос более, вещь надо было сохранить. Он не хотел. Переходный возраст его не мирился с лишениями и неудобствами, вызванными эвакуацией из Москвы. Наперекор всем окружающим, из Москвы выехавшим в эвакуацию, он стремился из эвакуации в Москву.

Она ему не прощала. Она глядела вперед, на того, кем он будет. Для себя сознавая все — позади, она жила мечтой его будущего. На упреки сына, что она не умеет ничего добиться, устроиться, она в горькой надменности, на миг вспыхнувшей гордости, бросила сыну: «Так что же, по-твоему, мне ничего другого не остается, кроме самоубийства?» Но это был вызов, на который Мур ответил: «Да, по-моему, ничего другого вам не остается!»

Слова эти были после гибели Марины рассказаны им самим тогдашним товарищам его по Елабуге.

Но слова эти не вызвали в матери реакции: она понимала, что они возникли в пылу разговора. Что в своей глубине он любит ее — она знала. Но «кого-то из нас» — это было совсем другое! Но не о ней, а о нем... Это была не просто дерзость мальчишки...

Так уже не нужна ему мать... Конечно! Огромная усталость должна была в тот миг пасть на Марину. Потрясенный ее уходом, он не повторит ее шага... Пусть живет он, юная ветвь! Ему открыты все дороги, а ей...

Кончена их жизнь вдвоем, их единство, что оно и было то коротко, только в его младенчестве! С детских лет мужественный, он давно рвался из ее рук. Крайний эгоцентризм, вспоенный всеобщим — и прежде всего ее — восхищением, жар таланта (к перу и кисти), холод ума и самосознания, упоенье собой, знание себе цены — отстраняло его от того, что зовется «дом». Уже ничья воля не могла довлеть над ним — только своя.

Будь с ним мужчина — отец его, — может быть, он помог бы? Но женщину-мать сын уже отметал от себя. Не довлекла. Но она была тут, ее дыхание, ее несогласие со многим в его поведении, ее воля в дне. То, что было ее жизнью с ним, — забота, для него было насилие. Он задышался.

«Марина истступленно любила Мура!» — слышала я не раз от видевших ее в 1939—1941 гг. в Москве. Она-помнила себя с семнадцати лет, свою попытку самоубийства. Он был — сколок с нее. Их сходство, в нем бывшееся, и невозможность для него понять это, его удаление от нее в эти дни — решало все неожиданно и просто. Успеть спасти его, молодое цветущее дерево, от молнии смерти. Я вижу, как все просветлело вокруг нее — в момент решения. Нет, не решения. В преддверии решения есть всегда колебание — да или нет. Тут ей была неизбежность.

Я чувствую это и теперь всем своим существом, нашей общей душой, поняв сужденность тогда ее шага. Его жертвенность. В этот миг, я знаю, какой еще свет тронул ее сердце: после нее его жизнь сразу устроится, его, вдруг осиротевшего, не оставят, ему помогут. Так думала мать о сыне. Но не совсем так решила жизнь: сын два года после окончания школы был голоден. О мечте досыта наесться хлеба он две зимы (1941—1943) писал своей сестре.

Меня хотят уверить, что Марина ушла — и оставила сына! — оттого, что не вынесла тяжестей жизни. Но от нищеты Цветаевы не погибают.

Да, ее любовь к сыну была так велика, что если б ее заковали в цепи, он бы ей говорил: «Ты мне нужна», — она бы и веса цепей не ощущала.

Марина ушла, чтобы не ушел Мур.

Сомневаться в этом могут лишь люди совершенно иного уровня, неспособные понять натуры Марины, ее неистовость, ее абсолютизм, — своей меркой мерящие!

Ее усталость росла. Она устала еще во Франции, где от нее отвернулись после ее публичного приветствия Маяковского, — она мне писала об этом, ее мало печатали. Она еще в 1934 г. задумывала уйти из жизни, но ее удерживал сын.

«Мне все эти дни хочется написать свое завещание, — писала она А. Тресковой из Ванав: 21 ноября 1934 г. — Мне вообще хотелось бы не быть. Иду с Муром или без Мура, в школу или за молоком, — и, изнутри, сами собой слова завещания. Не вещественного — у меня ничего нет — а что-то, что мне нужно, чтобы люди обо мне знали: разъяснение».

С 1939-го по 1941 г., оставшись одна с Георгием, она жила блистательными стихотворными переводами. С войной они кончились, лопнули, как детский воздушный шар.

Отъезд в неизвестность с людьми незнакомыми, неимение на кого опереться, чужие случайные люди. Елабуга, маленький захолустный городок.

Пастернак чувствовал какую-то вину перед Мариной:

Что делать мне тебе в угоду —
Дай как-нибудь об этом весть,

В молчаньи твоего ухода
Упрек невысказанный есть.

Но если бы не только Пастернак, а если бы все писатели мира захотели преградить ей путь к ее шагу — она бы их отстранила. В этот час она прошла бы сквозь них, как сквозь тень... И я бы не удержала ее. На ходу своим она сжала бы мне руку, молча. Зная все, что я бы рвалась ей сказать. Полная своим рвением, не слыша меня в этот час...»

ЧАЙКОВСКИЙ ПЕТР ИЛЬИЧ

Петр Ильич Чайковский (1840 — 1893) — русский композитор.

Согласно официальной версии, 21 октября 1893 г. Чайковский заболел холерой. Болезнь протекала очень тяжело, в ночь на 25-е началась агония. Долгие годы причину смерти Чайковского никто не подвергал сомнению. Но затем появилась версия о самоубийстве. Главным образом ее адептом стала А. А. Орлова, которая в 1938 г. работала в Доме-музее Чайковского в Клину. Эмигрировав из СССР, Орлова сообщила, что у нее имеются неопровержимые доказательства того, что Чайковский покончил жизнь самоубийством. Но более полная статья Орловой по этому вопросу помещена в апрельском номере английского журнала «Music Letters» за 1981 год. На Западе у версии нашлись как сторонники

(Джоел Спигелман, Дэвид Браун), так и противники (Н. Берберов, А. Познанский). В России же до сих пор практически все исследователи отвергают версию о самоубийстве. Рассмотрим доводы сторон.

За самоубийство.

Орлова пишет, что врач В. Б. Бертенсон говорил ее мужу о том, что Чайковский отравился. На это же указывал сын врача А. Л. Зандера, лечивший композитора. Об этом же якобы говорил племянник Чайковского Ю. Л. Давыдов (в своих воспоминаниях он, однако отвергает версию о самоубийстве). В рассказах врачей и брата Чайковского — Модеста Ильича — о ходе болезни композитора встречаются противоречия. В Шестой (предсмертной) симфонии, названной «Патетической», слишком явно звучит тема смерти, об этом свидетельствуют и подготовительные записи композитора: «Финал — смерть — результат разрушения». Символично, что Шестая симфония посвящена племяннику Чайковского Владимиру Давыдову, покончившему жизнь самоубийством. Потрясающая картина прощания с жизнью, изображенная в *Adagio Lamentoso* Шестой симфонии, просто не могла не вызвать размышлений, особенно после того, как за первым исполнением симфонии (кстати, кончившимся почти провалом) последовала неожиданная смерть композитора.

Наконец, главный довод: сотрудник Русского музея в Ленинграде А. Войтов, бывший выпускник училища правоведения (которое окончил и Чайковский), поведал (со слов другого выпускника, однокашника композитора Н. Б. Якоби), что в 1893 г. граф Стен-

бок-Фермор подал жалобу Н. Б. Якоби (он был в то время обер-прокурором сената) на то, что Чайковский проявляет неестественное влечение к племяннику графа. Чтобы избежать огласки и позора как для Чайковского, так и для воспитанников училища, Н. Б. Якоби будто бы собрал бывших однокашников композитора и устроил суд чести, на котором Чайковскому было предложено покончить самоубийством. Известна запись, сделанная композитором в марте 1887 г.: «Что мне делать, чтобы нормальным быть?»

Чайковский мог избрать два способа самоубийства. Первый, традиционный, — принять яд. Это маловероятно, поскольку трудно подобрать яд, по действию схожий с холерой. Второй способ — добровольно заразиться и скрывать заболевание до момента, когда болезнь войдет в неизлечимую стадию. Поскольку в Петербурге в это время свирепствовала холера, то композитору достаточно было пить каждый день сырую воду. Шансы заболеть от этого холерой были достаточно высоки.

Против самоубийства.

Доводы эти суммирует автор одной из последних книг о Чайковском Б. С. Никитин. Начинаем с гомосексуализма.

Во-первых, «никакие страшные наказания Чайковскому не грозили», поскольку «даже такой российский деятель, как князь Владимир Мещерский (кстати, тоже выпускник училища правоведения,

не раз попадавший в скандальные истории из-за своих аномальных походов, не только не был наказан за них, но после очередной весьма шумевшей истории стал доверенным советником Александра III».

Во-вторых, «Чайковский в течение всей своей жизни, за исключением короткого периода, связанного с его женитьбой, никогда не испытывал угрызений совести из-за своей аномалии... жил в свое удовольствие, не беспокоясь ни о чем». Относительно холеры. «...Действительно ли он умер от холеры или намерено ею заразился, выпив стакан сырой воды? Но в этой невозможности определить истину и кроется вся нелепость такой версии. Если бы в самом деле Петр Ильич намеренно заразился холерой, то уж, безусловно, никому не открыл бы своей тайны. Его смерть в этом случае должна была бы выглядеть естественной для всех без исключения». То есть, если нет ни малейших документальных подтверждений, то версия совершенно некорректна.

Что же касается музыки, то «если поверить тем, кто склонен рассматривать Шестую симфонию как прощание с жизнью перед задуманным самоубийством, то получается, что этот страшный акт был задуман Чайковским более чем за два года до его свершения. Не слишком ли смелое предположение, не говоря уже о том, что при таком подходе рушатся все версии, связанные с судом чести».

Итак, на каждый довод тотчас же находится контрдовод. А посему смерть Чайковского по-прежнему оставляет простор для воображения потомков.

(Б. Никитин. Чайковский. Старое и новое. М., 1990)

Научно-популярное издание

**КАТАСТРОФЫ СОЗНАНИЯ
САМОУБИЙСТВА РЕЛИГИОЗНЫЕ,
РИТУАЛЬНЫЕ, БЫТОВЫЕ,
СПОСОБЫ САМОУБИЙСТВ**

Подготовка текста *Ревяко Татьяна Ивановна,*
Трус Николай Валентинович

Ответственный за выпуск *Л. М. Шейко*
Корректор *А. Ф. Филиппенко*

OSR - Давид Титиевский, сентябрь 2017 г., Хайфа

Подписано в печать с готовых диапозитивов 27.05.96.
Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага типографская. Печать высокая с ФПФ. Усл. печ. л. 30,24. Усл. кр.-отг. 30,66. Тираж 31 000 экз. Заказ 725.

Фирма «Литература». Лицензия ЛВ № 1181. 220050, Минск, ул. Ульяновская, 39—11.

При участии ТОО «Харвест». Лицензия ЛВ № 729. 220034, Минск, ул. В. Хоружей, 21—102.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика в типографии издательства «Белорусский Дом печати». 220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

КАТАСТРОФЫ СОЗНАНИЯ

Самоубийства
религиозные,
ритуальные,
бытовые,
способы
самоубийств.

Самоубийства:

- Религии о самоубийствах
- Отношение властей к суициду
- Сенека о самоубийствах

Ритуальные самоубийства:

- Дикша -- религиозное самоубийство в Индии
- Харакири

Способы самоубийств:

- Уморение голодом
- Отравление ядом
- Способы самоубийств в тюрьмах

Самоубийства знаменитых людей:

- Акутагава Рюноске
- Ахромеев Сергей Федорович
- Ван Гог Винсент

**И сотни других трагических фактов
о суицидах...**

